

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

№ 4 • 2021

ISSN: 2310-8681
Издается с 2013 г.

Учредители:

Машкевич И.М., Орлов В.Н., Антоныч Е.А., Зайцев О.А.

Издатель:

Издательство «Прспект»

Главный редактор:

Машкевич Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:

Овчинский Владимир Семенович, доктор юридических наук, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Эминов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Зайцев Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Звягинцев Александр Григорьевич, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Редакционный совет:

Асташинов Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской криминологической ассоциации (Россия, г. Москва)

Блажеев Виктор Владимирович, кандидат юридических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Буянов Владимир Петрович, доктор экономических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Гордиенко Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Клемешев Андрей Павлович, доктор политических наук, президент ФГАОВ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Калининград)

Сарсенбаев Талгат Есиналиевич, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Республика Казахстан, г. Астана)

Редакционная коллегия:

Абшилова Георгий Валерьянович, доктор юридических наук, профессор, адвокат, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Уральскому федеральному округу, почетный адвокат Российской Федерации (Россия, г. Екатеринбург)

Аветисян Сержик Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета, председатель Палаты по уголовным и военным делам Кассационного суда Республики Армения, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Армения (Армения, г. Ереван)

Антоныч Елена Александровна, доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Нижний Новгород)

Барков Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Россия, г. Ереван)

Бодров Николай Филиппович, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Велиев Исахан Вейсал-оглы, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Центральному федеральному округу (Россия, г. Рязань)

Жалаири Омрли Шакарпулы, доктор юридических наук, профессор, ректор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева, академик высшей школы Казахстана, заслуженный деятель Казахстана, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Казахстан (Республика Казахстан, г. Алматы)

Ильашенко Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Южному федеральному округу (Россия, г. Краснодар)

Кадников Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД имени В.Я. Кикотя» (Россия, г. Москва)

Казак Бронислав Брониславович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой организации правоохранительной и правозащитной деятельности ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Северо-Западному федеральному округу (Россия, г. Псков)

Лукьянов Владимир Викторович, кандидат юридических наук, доцент, советник ректора ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени

А.И. Герцена», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Санкт-Петербургу (Россия, г. Санкт-Петербург)

Маркрян Рубен Валерьевич, кандидат юридических наук, профессор НОУ ВПО «Российская академия адвокатуры и нотариата», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Москве (Россия, г. Москва)

Мельников Николай Николаевич, доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» (Россия, г. Орел)

Номоконов Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОВ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (Россия, г. Владивосток)

Петрянин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Нижнем Новгороде (Россия, г. Нижний Новгород)

Рарог Алексей Иванович, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Редникова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права, научный сотрудник ФГБН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Россинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Саламова Себила Якубовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Селиверстов Вячеслав Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Скуратов Юрий Ильич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, президент Фонда «Правовые технологии XXI века» (Россия, г. Москва)

Туначевски Никола, доктор юридических наук, профессор, руководитель магистерской программы кафедры уголовного права юридического факультета «Iustinianus Primus» Университета Святых Кирилла и Мефодия (Республика Македония, г. Скопье)

Устюгова Валентина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права ФГБН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Халилов Рафик Нурулович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГАОВ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Приволжскому федеральному округу, почетный работник МВД России (Россия, г. Казань)

Хельмшан Уве, dr. jur. habil., профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия, г. Потсдам)

Хуньянь Лю, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором экологического права Института права Китайской академии общественных наук (Китай, г. Пекин)

Шамурзаев Таалайбек Турсунович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Кыргызско-Российского Славянского университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Кыргызской Республике (Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет», руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Курске (Россия, г. Курск)

Шидловский Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск)

Ширяев Юрий Егорович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина (Россия, г. Москва)

Шинко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОВ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Шинко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОВ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Шинко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОВ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Шинко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОВ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Шинко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОВ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Шинко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОВ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Шинко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОВ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Шинко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОВ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Шинко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОВ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Шинко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОВ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Шинко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОВ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Адрес: 105005, г. Москва, Лефортовский пер, д. 12/50, корп. 1

Тел.: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

http://crimescience.ru; http://criminology.ru

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. — 2021. — № 4.

М.: ООО «Издательство Проспект», 2021. — 208 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЕЛИ № ФИ77-72228 от 1 февраля 2018 г.

Подписано в печать 15.09.2021. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. 26 п. л. Тираж 500. Цена свободная.

Journal DOI 10.31085/2310-8681

VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

№ 4 • 2021

ISSN: 2310-8681
Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

Matskevich I.M., Orlov V.N., Antonyan E.A., Zaytsev O.E.

Verleger:

Prospekt

Der Chefredakteur:

Matskevich Igor Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Präsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Stellvertreter des Chefredakteurs:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Eminov Vladimir Evgenevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Anwalt der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zyagintsev Aleksand Grigorievich, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Redaktionsbeirat:

Astanin Viktor Viktorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident der Russischen Vereinigung für Kriminologie (Moskau, Russland)

Blazhev Viktor Vladimirovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doktor der Wirtschaftswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Gordienko Vladimir Vasilievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doktor der Politikwissenschaften, Präsident der Baltischen Föderalen Immanuel-Kant-Universität, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Kaliningrad, Russland)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Almaty, Republik Kasachstan)

Redaktionskollegium:

Abshilava Georgiy Valerianovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Rechtsanwalt, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Föderalen Bezirk Ural Russlands, Verteidiger Rechtsanwalt der Russischen Föderation (Jekaterinburg, Russland)

Avetisyan Sergik Sergeevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Russisch-Armenischen (Slawischen) Staatlichen Universität, Vorsitzender der Kammer für Kriminelle und Militärische Fälle von Armenien Kassationsgericht, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Armenien (Jerewan, Republik Armenien)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor an der Nyzhnyy Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Nyzhnyy Novgorod, Russland)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Abteilung für Gesetzliche Regulierung der Wirtschaftstätigkeit der Finanzuniversität der Regierung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Bodrov Nikolai Filipovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Forensische Untersuchung der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Veliev Isakhan Yveysale-ogly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Akademie für Öffentliche Verwaltung unter dem Präsidenten der Republik Aserbaidschan, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Aserbaidschan (Baku, Republik Aserbaidschan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Zentral Föderalen Bezirk Russlands (Rjasan, Russland)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Eurasischen Kunaev Akademie für Jurisprudenz, Akademiemitglied der Kasachischen Oberschule, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kasachstan, Verdienter Arbeiter Kasachstans (Almaty, Republik Kasachstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor, Lehrstuhlinhaber für Straf- und Wirtschaftsstrafrecht an der Fakultät für Jura der Universität Potsdam (Potsdam, Bundesrepublik Deutschland)

Hongyan Liu, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Bereichs Umweltrecht des Instituts für Recht der Chinesischen Akademie der Sozialwissenschaften (Peking, Volksrepublik China)

Iyashenko Aleksey Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Staatlichen Kuban-Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Südlichen Föderalen Bezirk Russlands (Krasnodar, Russland)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Organisation der Strafverfolgung und der Menschenrechtsaktivitäten, Vorsitzender der Pskover Staatlichen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Nordwestlichen Föderalen Bezirk Russlands (Pskow, Russland)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Berater des Rektors der Staatlichen Pädagogischen A.I. Herzen Universität St. Petersburg, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russland)

Markarjan Ruben Valerievich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor an der Russischen Akademie für Anwaltschaft und Notariat, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Moskau (Moskau, Russland)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Lehrstuhlinhaber für Zivilrecht und Zivilprozess am Institut für Recht der Orel Staatlichen I.S. Turgenev Universität (Orel, Russland)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Fernöstlichen Föderalen Universität (Wladivostok, Russland)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Professor am Lehrstuhl für Straf- und Strafvollzugsrecht der Nyzhnyy Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Leiter der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Nyzhnyy Novgorod (Nyzhnyy Novgorod, Russland)

Rarog Alexey Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Wissenschaftlicher Berater am Lehrstuhl für Strafrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Leitende Wissenschaftliche Mitarbeiterin im Bereich Umwelt-, Land- und Agrarrecht, Forscherin am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Lehrstuhlinhaberin für Gerichtsgutachten der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Salamova Sebila Jakubovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Staatlichen Lomonossov Universität, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Skurvat Yury Ilyich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Verfassungs- und Völkerrecht der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas, Präsident der Stiftung "Förderung der Rechtstechnologien XXI. Jahrhunderts" (Moskau, Russland)

Tupancevski Nikola, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Masterstudiengangs des Lehrstuhls für Strafrecht der Juristischen Fakultät "Justinianus Primus" der Universität St. Cyril und Methodius (Skopje, Republik Mazedonien)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Wissenschaftliche Hauptmitarbeiterin im Bereich der Umwelt-, Land- und Agrarrecht am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Khalilov Rafik Nurulovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht der Kasaner Föderalen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Privolgsjy Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiter des Ministeriums für Innere Angelegenheiten der Russischen Föderation (Kasan, Russland)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlinhaber für Strafverfahren und Kriminologie an der Kirgisisch-Russischen (Slawischen) Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Kirgisischen Republik (Bischkek, Kirgisische Republik)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Dekanin der Juristischen Fakultät der Süd-West-Universität Kursk, Leiterin der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kursk (Kursk, Russland)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Prodekan der Rechtsfakultät der Belorussischen Staatsuniversität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Belarus (Minsk, Republik Belarus)

Shiryayev Yury Yegorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Verfassungs- und Völkerrecht der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas (Moskau, Russland)

Shishko Irina Victorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Direktorin des Instituts für Rechtswissenschaften der Sibirischen Föderalen Universität, Leiterin des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Sibirischen Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiterin der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Krasnojarsk, Russland)

Wissenschaftlicher Redakteur:

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Redakteur:

Svetskaya Elena Vladimirovna

Redakteur Assistent:

Makhmutova Lilia Rinatovna

E-mail

skk_vkk@mail.ru

Adresse: 105005, Russland, Moskau, Lefortovskij Pereulok, 12/50, Gebäude 1.

Telefon: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

Verband der Kriminalisten und Kriminologen: periodischen Druckschrift, Zeitschrift. – 2021. – Nr. 4.

Moskau: Gmbh "Verlag Prospekt", 2021. – 208 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.

die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation,

Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor)

registriert. Eintragungsbekanntmachung der Massenmedien PI Nr. FS77-72228 vom 1. Februar 2018.

Am 15.09.2021 in Druck gegeben, Format 60×90 1/8. Offsetdruck Papier. Druckliste 26. Auflage 500 Exemplare. Der Preis ist frei.

Journal DOI 10.31085/2310-8681

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

№ 4 • 2021

ISSN: 2310-8681
Published since 2013

Founders:

Matskevich I.M., Orlov V.N., Antonian E.A., Zaitsev O.E.

Publisher:

Prospekt

The Editor-in-Chief:

Matskevich Igor Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Executive Editors-in-Chief:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doctor of Legal Sciences, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Eminov Vladimir Evgenievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zaitsev Oleg Aleksandrovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zvyagintsev Aleksand Grigorievich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Editorial Collegium:

Astanin Viktor Viktorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Russian Association for Criminology (Moscow, Russia)

Blazhev Viktor Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Professor, Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Gordienko Vladimir Vasilievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doctor of Political Sciences, President of Immanuel Kant Baltic Federal University, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Kaliningrad, Russia)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Editorial Board:

Abshilava Georgiy Valerianovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Attorney, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Ural Federal District of Russia, Honored Attorney of Russia (Ekaterinburg, Russia)

Avetisyan Sergik Sergeevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Russian-Armenian (Slavonic) University, Chairman of the Chamber for Criminal and Military Cases of Armenia Cassation Court, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Armenia (Yerevan, Republic of Armenia)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Doctor of Legal Sciences, Professor of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor of Nyzhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation (Nyzhny Novgorod, Russia)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Legal Regulation of Economic Activity at the Financial University under the Russian Federation Government (Moscow, Russia)

Bodrov Nikolai Filipovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Veliev Isakhan Veysale-ogly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Azerbaijan (Baku, Republic of Azerbaijan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Central Federal District of Russia (Ryazan, Russia)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Rector of Kunaev Eurasian Law Academy, Academician of the Higher School of Kazakhstan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Kazakhstan, Honored Worker of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor, Head of the Chair of Criminal and Economic Criminal Law at the Faculty of Law of the University of Potsdam (Potsdam, Federal Republic of Germany)

Hongyan Liu, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Sector of Environmental Law of the Institute of Law of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, People's Republic of China)

Iyashenko Aleksey Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kuban State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Southern Federal District of Russia (Krasnodar, Russia)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Organization of Law Enforcement and Human Rights Activities at Pskov State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the North-Western Federal District of Russia (Pskov, Russia)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Advisor to the Rector of Herzen State Pedagogical University of Russia, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russia)

Markarjan Ruben Valerievich, Candidate of Legal Sciences, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Moscow (Moscow, Russia)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Head of the Chair of Civil Law and Procedure of the Institute of Law at Orel State I.S. Turgenyev University (Orel, Russia)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Far-Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminal and Criminal Executive Law at Nyzhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Nyzhny Novgorod (Nyzhny Novgorod, Russia)

Rarog Alexey Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Research Supervisor of the Chair of Criminal Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Salamova Sebita Jakubovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Skuratov Yury Ilyich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and International Law at the National University of Oil and Gas "Gubkin University", President of the "Legal Technologies of the XXI Century" Fund (Moscow, Russia)

Tupancevski Nikola, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Master's Program of the Chair of Criminal Law at the Faculty of Law "Justinianus Primus" of the University of Saints Cyril and Methodius (Skopje, Republic of Macedonia)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Khalilov Rafik Nurulovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law at Kazan Federal University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Privolzhsky Federal District of Russia, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Kazan, Russia)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminology at Kyrgyz-Russian Slavic University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Dean of the Faculty of Law of the Southwest State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Kursk (Kursk, Russia)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Vice-Dean of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Shiryayev Yury Yegorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and International Law at the National University of Oil and Gas "Gubkin University" (Moscow, Russia)

Shishko Irina Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of Siberian Federal University Law Institute, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Siberian Federal District of Russia, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russia)

Scientific Editor:

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Editor:

Svetskaya Elena Vladimirovna

Editor's Assistant:

Makhmutova Lilia Rinatovna

E-mail

skk_vkk@mail.ru

Address: Building 1, Lefortovskiy Pereulok, Moscow, 105005, Russia

Telephone: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. – 2021. – No. 4.

Moscow: LLC "Publisher Prospekt", 2021. – 208 p.

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscommnadzor).

Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-72228 issued on February 1, 2018.

Works in Sphere of criminal sciences and criminal politics art; published.

Signed for publishing 15.09.2021. Format 60×90 1/8. Offset paper. Pr. Sheets 26. Circulation 500. Openprice.

Journal DOI 10.31085/2310-8681

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Мацкевич Игорь Михайлович</i> Номенклатура научных специальностей как правовой институт и как элемент государственной системы научной аттестации. Содержание и форма: что первично? К постановке вопроса.....	7
--	---

КРИМИНОЛОГИЯ

<i>Чучаев Александр Иванович, Грачева Юлия Викторовна, Маликов Сергей Владимирович</i> Случайный преступник как предмет научной дискуссии (по материалам съездов Русской группы международного союза криминалистов) (статья вторая).....	26
--	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

<i>Барков Алексей Владимирович, Киселев Александр Сергеевич</i> Полиотраслевая правовая природа института государственных оборонных закупок: особенности выявления и квалификации преступлений... <i>Комягин Роман Александрович</i> Малозначительность деяния в уголовном праве: теоретическое моделирование понятия и алгоритма установления	43 50
---	----------

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Буянтуев Станислав Очирович</i> Содержание принципа состязательности и деятельность адвоката-защитника в уголовном процессе	57
<i>Левченко Олег Викторович</i> Нравственно-идеологический аспект частно-публичной правовой организации обвинения по уголовным делам в сфере экономической деятельности	60
<i>Шамурзаев Таалайбек Турсунович, Кадыров Алишер Умарович, Китаев Николай Николаевич</i> Некоторые вопросы статуса судьи (суда) в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики после принятия Конституции 2021 года.....	65
<i>Колесник Вероника Вячеславовна</i> Правовое регулирование заключения сделки с правосудием в законодательстве Бельгии	70

ЦИВИЛИСТИКА, ЭНЕРГЕТИКА И ЭКОЛОГИЯ

<i>Шинкарецкая Галина Георгиевна, Редникова Татьяна Владимировна</i> Правовое регулирование создания и функционирования биобанков как инструмента развития генетических исследований: зарубежный опыт	74
<i>Чапчикова Дарья Сергеевна</i> Право отцов на отпуск по уходу за ребенком в РФ: особенности правового регулирования	79

СТЕНОГРАММА

<i>Куликов Анатолий Сергеевич</i> Выступление на итоговом заседании Союза криминалистов и криминологов (08.12.2021).....	84
--	----

ГЛАВЫ НАШИХ КНИГ

<i>Куликов Анатолий Сергеевич</i> Главы из книги «Тяжелые звезды»	93
--	----

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

<i>Махмутова Лилия Ринатовна, Семенова Ирина Владимировна</i> Кризисные центры как субъект предупреждения домашнего насилия.....	99
<i>Паносян Арmine Карапетовна</i> Криминологический и уголовно-правовой анализ деяний, совершаемых внутри субкультуры треш-стрима	108

КОНФЕРЕНЦИЯ

<i>Саламова Себила Якубовна, Рашитханов Руслан Салихович, Махмутова Лилия Ринатовна, Семенова Ирина Владимировна</i> Стенограмма конференции «Организованная преступность как эффективный тормоз социально-экономического развития» (2021, МГЮА).....	119
--	-----

ИНТЕРВЬЮ

<i>Саламова Себила Якубовна, Рашитханов Руслан Салихович, Газиева Луиза Расуловна, Чимизгина Дарья Алексеевна, Селянкина Елизавета Андреевна</i> Интервью с Еленой Рафаиловной Россинской, российским ученым-юристом, специалистом в области криминалистики и судебной экспертизы, директором Института судебных экспертиз МГЮА им. О.Е. Кутафина, доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки РФ	139
--	-----

РЕЦЕНЗИЯ

<i>Мацкевич Игорь Михайлович</i> Человек и преступление. Рецензия на книгу Юрия Мирановича Антоняна «Человек и преступная агрессия: монография. М.: Проспект, 2021. 224 с.».....	151
---	-----

НЕКРОЛОГ

Памяти Е.В. Щеголевой	162
-----------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

ABOUT THE AUTHORS.....

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER.....

ANNOTATIONS AND KEYWORDS.....

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ».....

	186
--	-----

INHALT

KOLUMNE DES CHEFREDAKTEURS

- Matskevich I.M.*
Die Nomenklatur wissenschaftlicher Fachrichtungen als Rechtsinstitut und als Element des staatlichen Systems der wissenschaftlichen Zertifizierung. Inhalt und Form: was ist primär? Zur Frage 7

KRIMINOLOGIE

- Chuchaev A.I., Gracheva Yu.V., Malikov S.V.*
Der Gelegenheitstäter als Gegenstand der wissenschaftlichen Diskussion (nach den Tagungsberichten der russischen Gruppe des Internationalen Verbandes der Kriminalisten) (Artikel zwei)..... 26

STRAFRECHT

- Barkov A.V., Kiselev A.S.*
Die multisektorale Rechtsnatur der Institution der staatlichen Verteidigungsbestellungen: Besonderheiten der Aufdeckung und Einstufung von Straftaten 43
- Komyagin R.A.*
Die Geringfügigkeit einer Handlung im Strafrecht: theoretische Modellierung des Konzepts und des Algorithmus der Etablierung 50

STRAFPROZESSRECHT

- Buyantuev S.O.*
Der Inhalt des kontradiktorischen Prinzips und Tätigkeit eines Strafverteidigers im Strafverfahren..... 57
- Levchenko O.V.*
Moralischer und ideologischer Aspekt der privat-öffentlichen Gestaltung der Anklage in Wirtschaftsstrafsachen 60
- Shamurzaev T.T., Kadyrov A.U., Kitaev N.N.*
Einige Fragen zum Status des Richters (Gerichts) im Strafverfahren der Kirgisischen Republik nach der Verabschiedung der Verfassung 2021 65
- Kolesnik V.V.*
Rechtliche Regelung des Abschlusses eines Rechtsgeschäfts in belgischem Recht..... 70

ZIVILRECHT, ENERGIE UND UMWELT

- Shinkaretskaya G.G., Rednikova T.V.*
Rechtliche Regulierung der Schaffung und des Funktionierens von Biobanken als Entwicklungsinstrument für genetische Forschung: Auslandserfahrung 74
- Chapchikova D.S.*
Das Recht von Vätern auf Vaterschaftsurlaub in der Russischen Föderation: Besonderheiten der gesetzlichen Regelung 79

BERICHT

- Kulikov A.S.*
Rede auf der Jahresabschlussitzung des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (2021) 84

KAPITEL UNSERER BÜCHER

- Kulikov A.S.*
Kapitel aus dem Buch „Schwere Sterne“ 93

MOSKAUER KRIMINOLOGISCHE PRAXIS

- Makhmutova L.R., Semenova I.V.*
Krisenzentren als Gegenstand häuslicher Gewaltprävention 99
- Panosyan A.K.*
Kriminologische und strafrechtliche Analyse von Taten, die im Rahmen der Trashstream-Subkultur begangen wurden..... 108

KONFERENZ

- Salamova S.Ya., Rashitkhanov R.S., Makhmutova L.R., Semenova I.V.*
Mitschrift der Konferenz „Organisierte Kriminalität als wirksame Bremse der sozioökonomischen Entwicklung“ (2021, MSAL) 119

INTERVIEW

- Salamova S.Ya., Rashitkhanov R.S., Gazieva L.R., Chimizgina D.A., Selyankina E.A.*
Interview mit Elena Rafailovna Rossinskaya, Russischer Rechtswissenschaftlerin, Spezialistin für Kriminalistik und forensische Untersuchungen, Direktorin des Instituts für forensische Untersuchungen an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Verdiente Wissenschaftlerin der Russischen Föderation..... 139

BUCHBESPRECHUNG

- Matskevich I.M.*
Mensch und Verbrechen. Rezension des Buches von Yuri Miranovich Antonyan „Mensch und kriminelle Aggression: Monographie. Moskau, Verlag Prospekt, 2021. 224 S.“ 151

NEKROLOG

- Matskevich I.M., Rednikova T.V.*
In Erinnerung an E.V. Schtschegoleva..... 162

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN 166

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER 170

- EINLEITUNG FÜR DIE GESTALTUNG VON WISSENSCHAFTLICHEN ARTIKELN UND MATERIALIEN FÜR DIE ZEITSCHRIFT VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN 186

CONTENTS

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

Matskevich I.M.

The nomenclature of scientific specialties as a legal institution and as an element of the state system of scientific certification. Content and form: Content and form: what comes first? To the question..... 7

CRIMINOLOGY

Chuchaev A.I., Gracheva Yu.V., Malikov S.V.

Random criminal as a subject of scientific discussion (based on the materials of the congresses of the Russian group international union of criminologists) (Article two)..... 26

CRIMINAL LAW

Barkov A.V., Kiselev A.S.

Multisectoral legal nature of the Institute of State Defense Procurement: features of detection and qualification of crimes 43

Komyagin R.A.

The insignificance of an act in criminal law: theoretical modeling of the concept and algorithm of establishment..... 50

CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Buyantuev S.O.

The content of the adversarial principle and the activities of defence counsel in criminal proceedings 57

Levchenko O.V.

The moral and ideological aspect of the private-public legal organization of criminal charges in the field of economic activity..... 60

Shamurzaev T.T., Kadyrov A.U., Kitaev N.N.

Certain issues of the status of the judge (court) in the criminal procedure of the Kyrgyz republic after the adoption of the Constitution of 2021..... 65

Kolesnik V.V.

Legal regulation of the conclusion of a transaction with justice in Belgian law..... 70

CIVIL LAW, ENERGY AND ECOLOGY

Shinkaretskaya G.G., Rednikova T.V.

Legal regulation of the creation and functioning of biobanks as a tool for the development of genetic research: foreign experience 74

Chapchikova D.S.

The right of fathers to parental leave in the Russian Federation: features of legal regulation..... 79

REPORT

Kulikov A.S.

Speech at the Annual meeting of the Union of criminalists and criminologists (2021)..... 84

CHAPTERS OF OUR BOOKS

Kulikov A.S.

Chapters from the book "Heavy Stars"..... 93

MOSCOW CRIMINOLOGICAL PRACTICE

Makhmutova L.R., Semenova I.V.

Crisis centers as a subject of domestic violence prevention 99

Panosyan A.K.

Criminological and criminal law analysis of acts committed within the subculture of trash stream..... 108

CONFERENCE

Salamova S.Ya., Rashitkhanov R.S., Makhmutova L.R., Semenova I.V.

Report on the conference "Organized crime as an effective brake on socio-economic development" (2021, MSAL) 119

INTERVIEW

Salamova S.Ya., Rashitkhanov R.S., Gazieva L.R., Chimizgina D.A., Selyankina E.A.

Interview with Elena Rafailovna Rossinskaya, Russian scientist-lawyer, specialist in the field of forensic science and forensics, director of the Institute of Forensic Examinations at the O.E. Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation 139

BOOK REVIEW

Matskevich I.M.

Man and crime. Review on the book of Yuri Miranovich Antonyan "Man and criminal aggression: monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 224 p." 151

NECROLOGUE

Matskevich I.M., Rednikova T.V.

In memory of E.V. Shchegoleva 162

ABOUT THE AUTHORS 168

ANNOTATIONS AND KEYWORDS 178

GUIDELINES FOR PRESENTING THE SCIENTIFIC ARTICLES AND MATERIALS FOR PUBLISHING IN THE MAGAZINE "THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS"..... 186

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

НОМЕНКЛАТУРА НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ КАК ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ И КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ НАУЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ. СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА: ЧТО ПЕРВИЧНО? К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Мацкевич Игорь Михайлович

Цель: проанализировать сложившуюся систему разработки и принятия номенклатуры научных специальностей, изучить зарубежный опыт работы с научными классификаторами, критически осмыслить отечественный опыт и предложить направления совершенствования текущей и будущей работы с номенклатурой.

Методология: анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, диалектический, системный метод, метод межотраслевых исследований.

Выводы. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что отечественная номенклатура научных специальностей в целом решает поставленные задачи развития науки, однако нуждается в дальнейшем совершенствовании при одновременном снятии ряда бюрократических ограничений при ее разработке и принятии.

Научная и практическая значимость. Автором подробно исследуются недостатки и достоинства существующих научных классификаторов в разных странах мира. Обозначены достоинства и недостатки российской номенклатуры научных специальностей. Указаны возможные направления совершенствования номенклатуры, при этом акцентируется внимание на вторичном значении номенклатуры для развития науки и первичном определяющем значении ученого для науки.

Ключевые слова: наука, ученый, номенклатура, классификатор, руководство Фраскати, код, шифр, научная специальность, научная аттестация, высшая аттестационная комиссия, ученая степень, ученое звание.

Современная наука не удовлетворяется созданием теорий. Она использует теории, чтобы приобрести новые возможности.

Юваль Ной Харари

Предисловие

Настоящая статья является плодом работы над номенклатурой научных специальностей. В течение более чем двух лет, пока шла работа над номенклатурой, одновременно собирался и анализировался материал о всех существующих научных классификаторах. При этом готовились предложения по изменению законодательства, регламентирующего принятие номенклатуры. Были приняты, например, изменения в действующее

Положение о Высшей аттестационной комиссии (изменен, в частности, порядок ее формирования и возвращены в правовое поле паспорта научных специальностей) (Постановление Правительства РФ от 26 марта 2016 г. № 237 (в ред. от 30.10.2021г.) // СЗ РФ. 2016. № 14. Ст. 1996), в Положение об экспертном совете Высшей аттестационной комиссии (изменения коснулись структуры руководства экспертного совета – руководители и ученый секретарь экспертного совета отделены от членов экспертного совета) (Приказ Минобрнауки России от 30 сентября 2021 г. № 903 «Об утверждении Положения об экспертном совете Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской

Федерации»), в Положение о диссоте (произошло радикальное сокращение минимального количества членов диссовета и введено положение, предоставляющее возможность участия в работе диссовета кандидатов наук) (*Приказ Минобрнауки России от 7 июня 2021 г. № 458 «О внесении изменений в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093»*), а также в Положение о порядке присуждения ученых степеней (вновь разрешено защищать докторские диссертации в виде научного доклада) (*Постановление Правительства РФ от 11 сентября 2021 г. № 1539 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 39. Ст. 6710*).

Таким образом, подготовка статьи сопровождалась решением поставленных в ней задач, что, согласитесь, для науки (и не только для науки) довольно редкое явление.

Интересно отметить, что работа над номенклатурой научных специальностей завершилась парадоксальным результатом, когда до 16 октября 2022 г., то есть в течение более чем 1,5 лет после принятия новой номенклатуры одновременно действуют обе номенклатуры — новая и старая (так и будем их называть далее по тексту) (*В приказе Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093»* сказано: «Диссертационные советы, созданные по научным специальностям, которые были изменены или исключены из номенклатуры научных специальностей, могут функционировать в течение 18 месяцев после вступления в силу нормативного правового акта Минобрнауки России о внесении изменений в номенклатуру научных специальностей (исключении из номенклатуры научных специальностей) или утверждении новой номенклатуры научных специальностей»).

Отдельные фрагменты настоящей статьи «расползлись» по относительно небольшим научным материалам, использовались в выступлениях на научных конференциях и на заседаниях Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, были переданы для ознакомления заместителю министра (получили, между прочим, одо-

брение). В частности, многие положения данной статьи легли в основу статьи автора и его коллеги А.В. Габова, которая называлась «**Номенклатура научных специальностей как элемент государственной системы научной аттестации: к постановке вопроса**» [1].

В то же время, когда статья была наконец завершена, ни один научный журнал, как выяснилось, не был готов ее опубликовать в оригинальном авторском изложении. Статья, как сейчас принято говорить, оказалась «не формат». Поступали предложения ее «причесать», сократить, привести в соответствие с публикационной практикой журналов из базы цитирования Scopus и WoS, а также другие предложения, которые не были приняты как раз по той причине, что ничего «причесывать» не хотелось. Опыт совместной публикации статьи с А.В. Габовым убедил в том, что путем приведения статьи в соответствие с некими придуманными, но нигде не закрепленными формами, из нее исчезли многие важные моменты (так называемая лирика). Но без этой лирики теряется дух материала, содержание статьи становится пресным.

Поэтому сейчас, когда появилась возможность представить научной общественности наши рассуждения о номенклатуре научных специальностей в полном объеме, было бы непростительной ошибкой этим не воспользоваться.

Многие положения статьи нашли свое воплощение в научной и практической жизни ученых, как уже говорилось, и, возможно, покажутся устаревшими, но убрать их из содержания невозможно, поскольку в этом случае потеряется логика изложения материала. Впрочем, искушенный читатель все поймет сам.

Введение: научная номенклатура

Номенклатура (от лат. *nomenclatura* — название по имени, перечень названий, терминов, категорий) — совокупность или перечень употребляемых в какой-нибудь специальности названий, терминов. Например, в географии номенклатура — это названия стран, городов, рек и других географических объектов. В химии номенклатура — это названия химических веществ и соединений. В бухгалтерии номенклатурой называют определенным образом классифицированный перечень продукции, которая производится конкретным предприятием или целой отраслью промышленности. В номенклатуру изделий цеха на конкретном предприятии входят шайбы, прокладки, различные вкладыши и другое. Есть номенклатура лекарственных средств. Есть номенклатура видов исследования и их описание [2]. Существует, наконец,

номенклатура должностей, которую более просто и определенно называют перечнем должностей.

Термин «номенклатура» встраивался в систему отечественной государственной научной аттестации плавно и поэтапно, пока к настоящему времени не стал одним из составляющих и системообразующих ее элементов. Термин «номенклатура» применительно к государственной системе научной аттестации закреплен Федеральным законом от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее — Закон о науке) в виде понятия «номенклатура научных специальностей» (*СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137*). При этом следует подчеркнуть, что в Законе о науке иной формы научной аттестации, кроме государственной, не предусматривается.

В ст. 4 Закона о науке установлено, что оценка научной квалификации научных работников и иных лиц, осуществляющих научную (научно-техническую) деятельность, обеспечивается государственной системой научной аттестации. В свою очередь, государственная система научной аттестации предусматривает присуждение ученых степеней кандидата наук и доктора наук, присвоение ученых званий доцента и профессора. Ученые степени кандидата наук, доктора наук присуждаются по научным специальностям в соответствии с *номенклатурой* (здесь и далее курсив наш — прим. авт.), утвержденной федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности (то есть Министерством науки и высшего образования (Минобрнауки) РФ). Указанная номенклатура является обязательной для всех ученых степеней, присуждаемых в рамках государственной системы научной аттестации.

Таким образом, с понятием номенклатуры научных специальностей Закон о науке связывает следующие последствия: а) ученые степени присуждаются по научным специальностям в соответствии с номенклатурой, которая является обязательной для всех ученых степеней, присуждаемых в рамках государственной системы научной аттестации; б) ученые звания присваиваются в соответствии с номенклатурой; в) соответствие направлений подготовки научно-педагогических работников определяется номенклатурой; г) кандидатские экзамены сдаются в соответствии с научной специальностью (научными специальностями) и отраслью науки, предусмотренными номенклатурой; д) диссертационные советы создаются по специальностям, предусмотренным номенклатурой.

Есть и другие правовые понятия, а также правовые результаты, обусловленные номенклатурой научных специальностей, которые мы будем поэтапно рассматривать ниже. Таким образом, мы будем говорить о научной номенклатуре.

Советская номенклатура

Понятие номенклатуры научных специальностей в советское время не существовало. Использовались разные формулировки данного определения, которые мы для удобства будем называть условным единым термином «*научная номенклатура*». Например, в первых советских нормативных правовых актах, посвященных ученым степеням и званиям — постановлении СНК (Совнаркома) СССР от 13 января 1934 г. № 79 «Об ученых степенях и званиях» (п. 3) (*СЗ СССР. 1934. № 3. Ст. 30*), постановлении Совнаркома СССР от 20 марта 1937 г. № 464 «Об ученых степенях и званиях» (п. 1) (*СЗ СССР. 1937. № 21. Ст. 83*) не использовалось ни понятие номенклатуры, ни понятие специальности, а говорилось об «области определенной научной дисциплины». В инструкции Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК Союза ССР о порядке применения Постановления Совнаркома Союза ССР от 13 января 1934 г. об ученых степенях и званиях, утвержденной СНК СССР 10 июня 1934 г. (*СЗ СССР. 1934. № 34. Ст. 270*), употреблялось понятие «отрасли научных знаний».

В Положении о Высшей аттестационной комиссии по присуждению ученых степеней и званий при Министерстве высшего и среднего образования СССР (далее — ВАК), утвержденном постановлением ЦК КПСС и Совета Министров (Совмин) СССР от 28 января 1960 г. № 127 (*СП СССР. 1960. № 4. Ст. 20*), говорилось о полномочии ВАК, которая «устанавливает *перечень специальностей*, по которым советам высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений предоставляется право приема к защите диссертаций» (п. 1).

Данное понятие «перечень специальностей, по которым предоставляется право приема к защите диссертаций» будет использоваться и позднее (п. 3 постановления ЦК КПСС, Совмина СССР от 18 октября 1974 г. № 825 «О мерах по дальнейшему совершенствованию аттестации научных и научно-педагогических кадров»). В этом документе мы также встречаем понятие «направления науки, техники, образования и культуры»). Это же понятие «*направления науки*» приводится в п. 1 Положения о Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР, утвержденном постановлением Совмина СССР от 8 мая 1975 г. № 375 (*СП СССР.*

1975. № 14. Ст. 81). Ни о какой конкретной научной номенклатуре в Положении о ВАК не говорилось. (*Запомним это!*) Следует отметить, что принципиальные моменты положения, разработанные в то время о ВАК, сохраняют актуальность до сих пор и плавно перетекают из одних нормативных документов в другие (компетенции и полномочия, работа по секциям, правила общего собрания не реже двух раз в год и другое).

Напомним этапы становления ВАК в СССР, поскольку научная номенклатура справедливо ассоциируется с ВАК, как главным ее разработчиком и контролером за ее соблюдением научными работниками.

ВАК при Всесоюзном комитете по высшему техническому образованию при ЦИК СССР (1932–1936).

ВАК при Всесоюзном комитете по делам высшей школы при Совнаркоме СССР (1936–1946).

ВАК при Министерстве высшего образования СССР (1946–1953).

ВАК при Главном управлении высшего образования Министерства культуры СССР (1953–1954).

ВАК при Министерстве высшего образования СССР (1954–1959).

ВАК при Министерстве высшего, среднего и специального образования СССР (1959–1974).

ВАК при Совмине СССР (1974–1991) – *наиболее длительный отрезок стабильного функционирования ВАК (17 лет!)*.

Впервые научная номенклатура как сформированная правовая категория появляется в п. 12 постановления ЦК КПСС, Совмина СССР от 12 мая 1962 г. № 441 «О мерах по дальнейшему улучшению подбора и подготовки научных кадров» (*СП СССР. 1962. № 7. Ст. 57*), в котором определено в качестве поручения государственным органам «утвердить номенклатуру специальностей научных работников».

Похоже, время и обстоятельства принятия научной номенклатуры не были эпизодом и простой случайностью.

ВИНИТИ (лирическое отступление)

В 1952 г. благодаря настойчивым усилиям президента Академии наук СССР академика А.Н. Несмеянова было создан Институт научной информации (*Постановление Совмина СССР от 19 июля 1952 г. № 1350*). В 1955 г. институт был реорганизован во Всесоюзный институт научной и технической информации (*Постановление Совмина СССР от 28 июля 1955 г. № 1350*). В 1992 г. институт был переименован во Всероссийский институт научной и технической информации РАН (*Рас-*

поряжение Правительства РФ от 26 марта 1992 г. № 556-р). В 2004 г. переименован во Всероссийский институт научной и технической информации Российской академии наук постановлением Президиума РАН, соответственно сегодня его полное и правильное наименование – ВИНТИ РАН (*Постановление Президиума РАН от 16 июня 2004 г. № 217*).

Огромное значение института для развития отечественной науки и техники было признано в том числе за рубежом. В период, когда институт возглавлял профессор А.И. Михайлов, сложилась научная школа информатики и была создана государственная система научно-технической информации (ГСНТИ).

С 1953 г., с момента создания институт издает реферативный журнал по различным областям науки и техники. В более 200 тематических выпусках с периодичностью 1–2 раза в месяц институт публикует рефераты на основе обработки около 1 млн диссертаций, научных журналов, монографий и других документов, которые поступают из 130 стран мира на 66 языках.

Работавший в институте профессор В.В. Налимов совместно с З.М. Мульченко в 1969 г. выпустил монографию, которая была посвящена наукометрии [3]. (З.М. Мульченко в 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию по этой проблеме) [4].

Напомним, что американский профессор аргентинского происхождения Хорхе Хирш предложил разработанный им индекс лишь только в 2005 г. Примечательно, модели, которые советские ученые обосновали и применяли, оказались востребованными в мире спустя *каких-то* 35 лет. При этом индекс цитирования называется индексом Хирша, а не индексом Налимова-Мульченко. (Это можно назвать эффектом Попова-Маркони, когда отечественные ученые традиционно пренебрегают оформлением собственного авторства на научные проекты, а органы государственной власти и чиновники как будто не замечают этого).

Справедливости ради следует отметить, что определением правил цитирования научных трудов и библиометрическими данными на протяжении достаточно долгого времени успешно занимался американский ученый Юджин Гарфилд (в 1960-х гг. он приезжал в СССР и изучал отечественные разработки по этому вопросу). Строго говоря, основы наукометрии были заложены Гарфилдом. Но термин придумали отечественные ученые, они же показали, как это должно работать. Разработками Юджина Гарфилда заинтересовались американские бизнесмены из известной медийной компании Thomson Reuters, которые

вложили в реализацию идей ученого значительные средства. Примечательно, что окупаться эти средства начали только спустя десятки лет (*зато в каком объеме!*).

Таким образом, основы отечественной наукометрии были заложены в начале 1960-х гг., поэтому на это время пришлось и легализация самого понятия научной номенклатуры. Следовательно, первоначальное значение номенклатуры состояло в систематизации проводимых научных изысканий. Это было главное и, скорее всего, единственное ее предназначение. Очень важное для того времени, отметим, поскольку наукометрия как самостоятельного направления оценки результатов труда ученых и как самостоятельно-го научного направления в мире, по сути, еще не существовало.

Постепенно наукометрия и научная номенклатура как ее составная часть стала выполнять вполне прагматическую задачу – на ее основе давались оценки выполнения заданий работникам, и по разработанным в наукометрии показателям стали рассчитывать не только уровень эффективности работы научных коллективов и целых научно-исследовательских институтов (в Советском Союзе предпочитали ставить оценку командам, а не личностям), но и стали выделять под научные проекты деньги, то есть наукометрия стала влиять на финансирование науки. Так что ничего нового в плане оценки работы современных ученых не придумано, если, конечно, не считать того странного факта, что действующие сегодня критерии различных эффективных контрактов полностью ориентированы на западную модель и абсолютно игнорируют отечественный опыт, хотя в этом вопросе мы в свое время были первыми.

Подчеркнем, что в конце 1970-х гг. советский проект «наукометрия» был практически свернут из-за недостаточного финансирования, поскольку был сделан ошибочный (с высоты сегодняшнего времени это очевидно) вывод об излишней, затратной и не окупающей себя системе ненужных научных индексов и классификаторов.

Любопытно, что развитие наукометрии в СССР изначально разделило науку на две большие области знаний: технические (или естественные) науки и гуманитарные (или общественные) науки. В 1969 г. на базе фундаментальной библиотеки общественных наук был создан Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН). В институте была создана автоматизированная информационная система библиографических данных. Фонд библиотеки является 4-м по объему источников в стране и 23-м в мире. Но характерно, что современная на-

ука, очевидно, не приемлет никакого разделения, а искусственное разделение ее на естественную и гуманитарную составные части сейчас, тем более на уровне отдельных институтов, занимающихся обобщением результатов научных знаний в соответствующих областях, просто неприемлемо.

С одной стороны, это явилось побочным следствием развития советской научной номенклатуры, а, с другой стороны, послужило причиной дальнейшей дифференциации и келейности при создании новых научных специальностей.

Трагичны и поучительны в этом смысле последствия пожара в институте, который произошел 30 января 2015 г. и который не удалось потушить больше суток. Конечно, никакого значения для разделения или объединения науки пожар не имел, но сам по себе он достаточно символичен.

Между прочим, процессы разъединения науки на естественную и гуманитарную пагубным образом отразились на высшем образовании как первой ступени научного образования. Из гуманитарных вузов стали исчезать точные дисциплины. Довольно странно, например, было изучать логику на юридическом факультете, полностью абстрагируясь от математики. (Впрочем, кажется, сегодня логика юристам уже не преподается совсем).

Нельзя не отметить, что наукометрия изначально задумывалась как самостоятельное направление, которое должно было: а) помогать в оценке эффективности труда ученого; б) ориентировать науку в целом, какие направления являются более значимыми в данный конкретный момент в данном конкретном обществе.

Очевидно, что Хорхе Хирш, предложив методу публикационной активности ученого (воспользовавшись советскими разработками, о чем почему-то нигде не говорится), менее всего думал о монетизации собственного индекса. Однако этим индексом воспользовались медийные корпорации, которые, кстати, до этого времени не очень тесно были связаны с наукой (если не считать монополизации, захвата материальных прав авторов научных произведений, которую как целенаправленную политику осуществлял небезызвестный издательский дом Elsevier практически с момента своего создания). В результате мир получил отдельное направление в предпринимательской деятельности, которое условно можно назвать – *доходы от индекса ученого*.

С наукой, а тем более с результатами научной деятельности ни Web of Science, ни Scopus (наиболее известные, как говорят в медийном пространстве, «раскрученные» базы данных) никак не связаны, но весь мир и даже целые страны, в том

числе Россия, оказались втянуты в грандиозный бизнес-проект по оценке якобы эффективности ученого. В данном случае тот самый искусственный интеллект, о котором так много сегодня говорится, в виде придуманных коэффициентов публикационной активности (новый фетиш, наряду с биткоинами), очевидно одержал абсолютную победу, причем не над человеком, а над наиболее продвинутой частью человечества — учеными.

Доходы медиакорпораций, наживающихся на научных публикациях, не зависят ни от спроса на нефть, ни от спроса на газ, ни от спроса на пшеницу. По степени устойчивости их получения с этим проектом может сравниться тесно с ним связанный другой проект, который называется «Антиплагиат» (это тоже международный проект). Прелесть системы «Антиплагиат» заключается в том, что она бесконечна. Ученый, словно наркоман, становится от нее зависим, и чем дальше, тем больше. Ведь количество научных публикаций явно в ближайшее время не сократится, следовательно востребованность в этой электронной системе будет последовательно возрастать.

Советская номенклатура (продолжение)

После 1962 г. научная номенклатура несколько раз уточнялась. Таким образом, в советский период научных номенклатур было утверждено несколько. Отметим, что в период существова-

ния СССР не имеется ни одного нормативного правового акта, в котором бы давалось определение научной номенклатуры или пояснялось бы ее значение для системы подготовки научных и научно-педагогических кадров (работников). В наиболее позднем нормативном правовом акте советского периода — Положении о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий, утвержденном постановлением Совмина СССР от 30 декабря 1989 г. № 1186 (*СП СССР. 1990. № 4. Ст. 26*), — с изменениями в номенклатуру в части научных специальностей связывался пересмотр «сети специализированных советов» (п. 6), то есть диссертационных советов.

Научная номенклатура по-разному структурировалась, хотя со временем был выработан определенный алгоритм ее составления: табличная форма, включавшая три элемента: «шифр», «отрасль науки, группа специальностей, специальность», «отрасль науки, по которой присуждается ученая степень» (например, постановление Государственного комитета СССР по науке и технике (ГКНТ СССР) от 28 июля 1972 г. № 385 «О номенклатуре специальностей научных работников» (*Документ официально не публиковался.*); постановление ГКНТ СССР от 25 мая 1977 г. № 231 «О номенклатуре специальностей научных работников» (*Бюллетень Минвуза СССР. 1977. № 9*)):

Шифр	Отрасль науки, группа специальностей, специальность	Отрасль науки, по которой присуждается ученая степень
1	2	3

Соответствующие термины использовались и в иных нормативных правовых актах. Так в п. 6 постановления Совмина СССР от 29 декабря 1975 г. № 1067 «О Положении о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий» (*СП СССР. 1976. № 3. Ст. 14*) указывалось, что ВАК СССР определяет количество специализированных советов (диссоветов) по каждой из специальностей (группе специальностей).

Изучение нормативных правовых актов советского периода показывает, что в них «специальность» или «научная специальность» стала минимальной единицей в номенклатуре, на которую замыкалось множество вопросов, связанных с открытием и деятельностью диссертационного совета, а также защитой диссертации. Например, в п. 20 упомянутого выше Положения о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий, утвержденном постановлением Совмина СССР от 30 декабря 1989 г. № 1186, было

закреплено, что заключение организации, где выполнялась диссертация, в обязательном порядке должна была включать информацию о «специальности, которой соответствует диссертация». Примечательно, что последствия несоответствия специальности теме диссертационного исследования нигде не оговаривались и были бременем ответственности диссертационного совета и ВАК в лице его экспертных советов. Таким образом, соответствие диссертации специальности научной номенклатуры оценивалось индивидуально и являлось скорее важным для шифра и классификации соответствующего исследования, чем для оценки его содержания. Стоит напомнить, что подготовке диссертации предшествовала своеобразная процедура депонирования темы будущего исследования, которая направлялась в ведущие в соответствующей области знаний и закрепленные нормативными документами научные организации.

Российская номенклатура

После распада Советского Союза понятие «номенклатура специальностей научных работников» перешла в нормативные правовые акты Российской Федерации. Так, в 1993 г. в Положении о Государственном высшем аттестационном комитете Российской Федерации, утвержденном постановлением Совета Министров (Правительством) Российской Федерации от 22 февраля 1993 г. № 145 (*Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 9. Ст. 741*) в п. 8 закреплялось, что ВАК России совместно с заинтересованными организациями проводит работу по совершенствованию номенклатуры специальностей научных работников.

(В действующем положении о Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки в подп. в) п. 4 говорится, что ВАК по поручению министерства (то есть *не самостоятельно*) представляет рекомендации по научной номенклатуре (*СЗ РФ. 2016. № 14. Ст. 1996*).

При этом значение номенклатуры в Положении о Государственном высшем аттестационном комитете не прояснялось; сам документ был построен во многом в советских традициях: а) содержалось указание на «перечень научных специальностей, по которым предоставляется право приема к защите диссертаций»; б) большое значение придавалось самой научной специальности как первичному звену, на котором держится вся номенклатура.

Первая полноценная российская номенклатура специальностей научных работников была разработана Государственным комитетом РФ по высшему образованию, Государственным высшим аттестационным комитетом и Академией наук Российской Федерации и утверждена приказом Министерства науки, высшей школы и технической политики РФ от 28 февраля 1995 г. № 24 «О номенклатуре специальностей научных работников» (*Бюллетень Госкомвуза РФ. 1996. № 6*). Номенклатура была принята в виде таблицы и повторяла принцип формирования научной номенклатуры, существовавший в советское время.

Точно так же был сформирован ряд более поздних номенклатур: а) номенклатура специальностей научных работников, утвержденная приказом Министерства науки и технологии РФ от 25 января 2000 г. № 17/4 (*Бюллетень Минобрнауки РФ. 2000. № 10*); б) номенклатура специальностей научных работников, утвержденная приказом Министерства промышленности, науки и технологии РФ от 31 января 2001 г. № 47 (*Документ в официальных источниках не публиковался*);

в) номенклатура специальностей научных работников, утвержденная приказом Минобрнауки от 25 февраля 2009 г. № 59 (первоначальная редакция) (*Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 20*).

Примечательно, что ни один из вышеназванных приказов о научной номенклатуре не подлежал обязательной процедуре специальной регистрации. Это были ведомственные приказы, по своему характеру и форме относящиеся к категории классификаторов.

Классификатором (от лат. *classis* — разряд и *facere* — делать) обычно называют систематизированный перечень предметов и объектов, каждому из которых дается какой-то (как правило цифровой) код.

Для оценки первых современных российских нормативных правовых актов, посвященных научной номенклатуре, полезно проследить эволюцию развития законодательства о научной специальности (в понимании данного термина, закрепленного в настоящее время в Законе о науке). В современном виде понятие «специальность» и «перечни специальностей» появились только в 2010 г., после принятия Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 198-ФЗ (*СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4167*), в соответствии с которым в ст. 4 Закона о науке была закреплена следующая формулировка: «Министерство науки и образования РФ выдает разрешения на создание диссертационных советов по защите диссертаций и определяет перечни *специальностей*, по которым этим советам предоставляется право приема диссертаций для защиты».

В Федеральном законе от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (*СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4135*) в редакции от 16 июня 2011 г. было зафиксировано, что перечни направлений подготовки (*специальностей*) послевузовского профессионального образования для обучающихся в форме ассистентуры-стажировки или обучающихся в ординатуре, интернатуре, номенклатура специальностей научных работников определяются в порядке, установленном Правительством Российской Федерации (*СЗ РФ. 2011. № 25. Ст. 3537*). Почему внимание было обращено не на аспирантуру (адъюнктуру) в целом, не совсем понятно.

При этом о научной номенклатуре в Федеральном законе от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (*СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137*) (далее — Закон о науке) было впервые сказано после принятия Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ

(*СЗ РФ. 2013. № 27, Ст. 3477*), которым было закреплено (изменения коснулись все той же ст. 4), что ученые степени кандидата наук, доктора наук присуждаются по научным специальностям в соответствии с номенклатурой, утвержденной министерством. До этого о научной номенклатуре не говорилось ни в одной из редакций Закона, начиная с момента его принятия и вступления в законную силу (*этих редакций до 3 июля 2013 г. было не много и не мало — 25!*).

Таким образом, до 2013 г. понятие научной номенклатуры в том или ином контексте использовалось только в подзаконных нормативных правовых актах.

В соответствии с п. 7 Положения о порядке присуждения научным и научно-педагогическим работникам ученых степеней и присвоения научным работникам ученых званий, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 октября 1994 г. № 1185 (*СЗ РФ. 1994. № 27. Ст. 2898*), ВАК России мог контролировать и пересматривать сеть диссертационных советов по каждой научной специальности «с учетом изменений, вносимых в номенклатуру специальностей научных работников». (Здесь, как видно, по существу, вновь воспроизведена норма из советских нормативных правовых актов. При этом подчеркивается формальная сторона вопроса — по сути задача состоит в *фиксировании вносимых изменений* в номенклатуру и контроле за соблюдением шифра диссертационными советами).

Намного больше внимания, да и значения тоже, научной номенклатуре было уделено в Едином реестре ученых степеней и ученых званий и Положении о порядке присуждения ученых степеней, утвержденных постановлением Правительства РФ от 30 января 2002 г. № 74 (*СЗ РФ. 2002. № 6. Ст. 580*), которое, необходимо подчеркнуть, действует в настоящее время в редакции от 28 сентября 2018 г. В первом из указанных документов ученая степень доктора и кандидата наук, а также ученое звание профессора и доцента по специальности устанавливались согласно *номенклатуре специальностей научных работников*. А во втором документе (п. 16) среди обязательной информации в тексте объявления при принятии к защите упоминался «шифр специальности и отрасли науки (в соответствии с номенклатурой специальностей научных работников)».

По существу, впервые именно с указанного нормативного правового акта, то есть с 2002 г. категория «номенклатура специальностей научных работников» стала приобретать определяющую роль в современной российской науке и стала системно встраиваться в регулирование государственной научной аттестации.

Принятие Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ (*СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3477*) имело особенно важное значение для изменения названия номенклатуры: от «*номенклатуры специальностей научных работников*» перешли к «*номенклатуре научных специальностей*» (изменения все той же ст. 4 Закона о науке). Это изменение отразилось и в тексте Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (*СЗ РФ. 2013. № 40 (часть III). Ст. 5074*) (в п. 3 прямо сказано о номенклатуре научных специальностей). Соответствующее изменение непосредственно коснулось названия номенклатуры — приказом Минобрнауки России от 20 февраля 2015 г. № 114 были внесены изменения в приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № 59 «Об утверждении Номенклатуры специальностей научных работников», в результате чего название «Номенклатура специальностей научных работников» было изменено на название «Номенклатура научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени» (*Официальный интернет-портал правовой информации // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата публикации: 23.04.2015)*).

При этом изменения коснулись формы легитимизации приказа — приказ о научной номенклатуре был зарегистрирован Министерством юстиции (Минюст) РФ — № 36946 от 21 апреля 2015 г.

Таким образом научная номенклатура получила законодательное определение — Номенклатура научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утвержденная приказом Минобрнауки России от 23 октября 2017 г. № 1027 (*Официальный интернет-портал правовой информации // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата публикации: 21.11.2017)*) (зарегистрирован в Минюсте 20 ноября 2017 г. № 48962).

При этом структурно и содержательно номенклатура не изменилась: мы по-прежнему видим три элемента:

Шифр	Наименование групп научных специальностей, наименование научной специальности	Наименование отраслей науки, по которым присуждается ученая степень
------	---	---

Вопросы содержания и формы

Возникает вопрос, является ли изменение в названии научной номенклатуры лингвистическим упражнением или несет в себе более содержательные моменты? Полагаем, что изменения касаются, прежде всего, содержания, несмотря на кажущуюся внешней однотипностью таблиц номенклатуры.

Номенклатура специальностей научных работников предполагала определенную систематизацию сферы их деятельности. Название защищенной диссертации и научной специальности, таким образом, было вторичным. Номенклатура научных специальностей предполагает ее определяющее значение для подготовки соответствующего исследования. Как было сказано выше, понятие «научная специальность» становится определяющим элементом, главным звеном всей номенклатуры. Если научное исследование выходит за рамки конкретной научной специальности, ученый будет вынужден искать диссертационный совет под эту специальность. Таким образом, научная специальность стала довлеть над научным исследованием. Хуже того, изменение приоритетов в научной номенклатуре привело к дроблению научных специальностей вплоть до их необоснованной детализации (мельчания). Ученые испугались, что отсутствие прямой фиксации конкретной научной специальности, в рамках которой они проводят научные исследования, в списке номенклатуры приведет к закрытию не только соответствующего направления в науке, но и к закрытию лаборатории, кафедры, а то и целого института. При этом следует отметить, что ни в одном нормативном правовом акте это не прописано и по содержанию эти процессы между собой не связаны, но таковы реалии функционирования отечественной бюрократической системы организации науки, что является прямым следствием инерции советских подходов в этом вопросе, когда от мнения одного конкретного человека, занимающего определенное должностное положение, зависит много вопросов, начиная от открытия (закрытия) темы исследования до предоставления (отказа в предоставлении) финансирования этого исследования. В структуре финансирования науки доля выделяемых государственных средств приближается к 100%. Это важно в том числе для понимания нынешних перипетий, связанных с пересмотром научных специальностей в номенклатуре.

Никто не понял как, когда и почему номенклатура научных специальностей *стала определять развитие научных исследований*. Насколько это хорошо, плохо или не имеет никакого значения, посмотрим ниже.

Исходя из изложенного, можно сделать промежуточный вывод, что несмотря на довольно долгую эволюцию научной номенклатуры в отечественной науке и соответственно в правовой доктрине о науке, до сих пор нет точного понимания, что представляет собой понятие «научная номенклатура», что она в себя включает и почему.

По существу, нет понимания и того, что представляет ее основной и минимальный элемент — «специальность», а ведь именно на этот элемент сегодня завязано присуждение ученых степеней. Почему формируется та или иная специальность, как она формируется, какие «специальностеобразующие» элементы должны быть, чтобы полагать, что назрел вопрос о выделении новой специальности? Все эти вопросы остаются без ответа. В номенклатуре традиционно выделяется понятие «группа специальностей», но что это такое — тоже неясно. Более того, группа научных специальностей и научная специальность до недавнего времени находились в одном столбце таблицы, были прописаны через запятую и, следовательно, формально означали одно и то же.

Интересно, что в документах Федеральной службы государственной статистики (Росстата), в частности в приказе от 18 июля 2019 г. № 410 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки, инноваций и информационных технологий» (*Вестник образования России. 2019. № 17. Сентябрь*) со ссылкой на номенклатуру появляется классификация *областей наук* (отметим, что понятием «область науки» номенклатура не оперирует).

С одной стороны, можно сказать, что документ Росстата не имеет самостоятельного значения, с другой, все равно неясна причина различия подходов в группировке научных специальностей. (*О роли классификаций Росстата скажем ниже*).

При этом важное, если не сказать определяющее значение стал иметь элемент номенклатуры, который называется отраслью науки. Минобрнауки в соответствии с делегированными ему полномочиями утверждает перечень отраслей науки, в рамках которых организациям, которым предоставлено право самостоятельного присуждения ученых степеней, предоставляются права, предусмотренные Законом о науке (ст. 4). Другими словами, отрасль науки является тем важнейшим критериальным показателем, по которому научные и научно-образовательные организации получают право *самостоятельной* параллельной работы в системе государственной научной аттестации.

В то же время ученые степени продолжают присуждаться по научным специальностям. Более того, в п. 16 Положения о порядке присуждения ученых степеней научная специальность и отрасль науки ставятся в зависимость друг от друга: научная специальность (научные специальности) и отрасль науки, по которым выполнена диссертация, должны соответствовать научной специальности (научным специальностям) и отрасли науки, по которым диссертационному совету предоставлено право проведения защиты диссертаций. Далее по тексту положения везде говорится одновременно о научной специальности и отрасли науки. Например, диссертационный совет может отклонить представленную к защите диссертацию, если работа не соответствует научной специальности и отрасли науки (подп. б) п. 20). Получается, что несоответствия только научной специальности или отрасли науки недостаточно для отклонения диссертации. В чем в таком случае принципиальная разница между этими двумя понятиями? При этом, в отличие от подзаконного положения, в Законе о науке совершенно определенно говорится, что ученые степени кандидата наук, доктора наук *присуждаются по научным специальностям* в соответствии с номенклатурой (ст. 4). Об отрасли науки ничего не говорится!

Между тем имеет существенное значение, в каком порядке *должна утверждаться* номенклатура научных специальностей. Прямое указание в Законе о науке на то, что ученые степени присуждаются по научным специальностям в соответствии с номенклатурой, предполагает регистрацию соответствующего нормативного правового акта в Минюсте. Здесь следует обратить внимание на приказ Минюста от 4 мая 2007 г. № 88 «Об утверждении Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» (*Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 23*). В этом документе в п. 12 закреплено, что государственной регистрации подлежат нормативные правовые акты, содержащие правовые нормы, затрагивающие: гражданские, политические, социально-экономические и иные *права, свободы и обязанности* граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства; гарантии их осуществления, закрепленные в Конституции Российской Федерации и иных законодательных актах Российской Федерации; механизм реализации прав, свобод и обязанностей. Конституция РФ в ст. 44 гарантирует каждому свободу научного, технического и других видов творчества. Научный работник в соответствии со

ст. 4 Закона о науке имеет право на объективную оценку своей научной и (или) научно-технической деятельности. Такая оценка проводится в том числе в рамках процедуры присуждения ученых степеней, предусмотренной государственной системой научной аттестации. Таким образом, соответствующие положения Закона о науке можно расценивать как часть механизма реализации гражданских прав.

Однако, как представляется, в действительности процедура регистрации приказа об утверждении научной номенклатуры в Минюсте РФ имеет другое функциональное назначение – обеспечение ее стабильности. При сложившихся реалиях и часто узкокорпоративных, увы, субъективных подходах только за счет дополнительной опции в виде регистрации соответствующего приказа можно замедлить или даже остановить принятие заведомо обреченных на не востребованность научных специальностей. Такой подход имеет как свои несомненные плюсы (устойчивость научных специальностей), так и минусы, заключающиеся в относительно долгой процедуре изменения каждой отдельно взятой научной специальности. Парадоксально, но та самая «устойчивость научных специальностей» одновременно является минусом, поскольку тормозит развитие новых направлений. Например, в действующей «старой» номенклатуре научных специальностей есть целый ряд научных специальностей, по которым за последние несколько лет не было проведено *ни одного научного исследования* и не состоялось *ни одной защиты диссертации*. Более того, есть несколько научных специальностей, по которым *не было создано ни одного диссертационного совета*. Убрать их, несмотря на очевидность подобного решения, из номенклатуры – дело довольно сложное прежде всего из-за процедуры и последующей регистрации приказа. В то же время принять новую научную специальность настолько же не просто, как ликвидировать ненужную старую. Опасаясь, что взамен действительно ненужной и неактуальной научной специальности не удастся утвердить новую научную специальность, ученые предпочитают вообще ничего не менять. При этом в целях искусственного сохранения научных специальностей под ту или иную из них в последнее время специально подводятся защиты диссертаций. Получается, что диссертации создаются ради защиты. Наблюдается известный (часто неизбежный, но по другим причинам) разрыв между наукой и научным производением в виде диссертации.

Научная номенклатура в современном виде как минимум не способствует современному разви-

тию науки. Она как бы живет своей жизнью рядом с наукой.

Номенклатура и классификатор

В примечании к приказу Министерства труда и социальной защиты (Минтруд) РФ от 12 апреля 2013 г. № 147н «Об утверждении Макета профессионального стандарта» (*Российская газета*. 2013. 5 июня) говорится, что для целей его формирования обязательно должны использоваться: 1) общероссийский классификатор занятий; 2) общероссийский классификатор видов экономической деятельности; 3) единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий рабочих; 4) единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих; 5) общероссийский классификатор специальностей по образованию; 6) общероссийский классификатор начального профессионального образования; 7) общероссийский классификатор специальностей высшей научной квалификации

[5]. Упоминания номенклатуры научных специальностей в этом важном документе нет.

Посмотрим внимательнее на Общероссийский классификатор специальностей высшей научной квалификации (ОКСВНК). (*О понятии «высшая научная квалификация», как и о понятии «специалист высшей научной квалификации» будет сказано ниже*). ОКСВНК входит в состав Национальной системы стандартизации Российской Федерации. ОКСВНК гармонизирован с Международной стандартной классификацией образования (МСКО-2011) – Standard Classification of Education, утвержденной Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры от 5 сентября 2011 г. № 36 С/19, путем установления соответствия объектов классификации ОКСВНК и объектов классификации МСКО-2011.

По форме заполнения ОКСВНК, как нетрудно убедиться, полностью соответствует номенклатуре. Сравним:

ОКСВНК

Код	КЧ	Наименование отрасли науки, группы специальностей, специальности	Отрасли науки, по которым присуждается ученая степень	Код по МСКО-2011
-----	----	--	---	------------------

Номенклатура

Шифр	Наименование групп научных специальностей, наименование научной специальности	Наименование отраслей науки, по которым присуждается ученая степень
------	---	---

ОКСВНК используется при решении следующих задач: а) планирования выпуска и приема специалистов в докторантуру; б) статистического учета в РФ приема, выпуска и трудоустройства специалистов высшей научной квалификации; в) интеграции системы подготовки специалистов высшей научной квалификации РФ в соответствующие международные образовательные структуры; г) проведения международных статистических сопоставлений; д) статистического учета по линии ЮНЕСКО.

В декабре 1988 г. ЮНЕСКО утвердила документ, который называется «Proposed International Standard Nomenclature for Fields of Science and Technology». Судя по всему, этот нормативный правовой акт был принят под определенным влиянием советского опыта стандартизации системы научной аттестации. Здесь важно соблюсти все нюансы перевода. По нашему мнению, на русском языке название документа звучит так: «Рекомендованный ЮНЕСКО международный стандарт номенклатуры специальностей в области науки и техники».

Обратим внимание, что номенклатура ЮНЕСКО не менялась более 40 лет. Возникает вопрос, почему? Настолько она унифицирована?

Ориентируясь в той или иной степени на собственную номенклатуру, в 2011 г. ЮНЕСКО приняла Международный стандарт классификации образования, в котором есть восьмой уровень – докторантура или ее эквивалент. На этом уровне разрабатываются так называемые продвинутое классификации в области научных исследований. Строго говоря, система классификации науки, так называемый классификатор OECD (Organization for Economic Co-operation and Development – в русском сокращении ОЭСР), принятая в 2007 г. (*о ней подробнее чуть ниже*), стала естественным продолжением номенклатуры ЮНЕСКО, и в нее вписаны правила международной классификации образования, которые позже были стандартизированы в МСКО-2011.

Следовательно, научная номенклатура ЮНЕСКО остается действенным ориентиром для развития системы классификации и не меняется не

потому, что она хороша или плоха, а потому, что она — определенный этап международной стандартизации. Ее существование — это фактор преемственности.

Научный классификатор

Поговорим более предметно об отечественном научном классификаторе. В ОКСВНК ис-

пользуется трехуровневая классификация: 1) отрасль науки; 2) группа специальностей; 3) специальность. (При этом таблица классификатора фактически двухзвенная, поскольку в первом столбце приведены одновременно отрасли науки, группы специальности и специальность, а во втором столбце конкретизируется только отрасль науки).

Наименование отрасли науки, группы специальностей, специальности	Отрасли науки, по которым присуждается ученая степень
--	---

Таким образом дается (*впервые*) определение: 1) отрасли науки; 2) группы специальностей; 3) научной специальности.

1. Отрасли науки характеризуются наличием: а) конкретного предмета исследований; б) сферой интересов ученых; в) организационных форм их кооперации; г) научной периодики и других изданий; д) системы подготовки кадров соответствующего профиля. Классификация отраслей науки строится по их предметным, методологическим и функциональным признакам.

2. Группа научных специальностей привязана к понятию работников высшей квалификации и представляет собой более детализированную дифференциацию отдельных объемных отраслей наук, осуществляемую с той же целью — максимально точно охарактеризовать существенные отличия в направлениях творческой деятельности специалистов в пределах данной отрасли науки.

3. Наконец, научная специальность также прямо относится к понятию научных работников высшей квалификации и рассматривается как совокупность знаний, умений и навыков, приобретенных на базе высшего образования в результате проведения самостоятельной творческой работы по постановке и решению определенных профессиональных задач в рамках конкретной отрасли наук, заканчивающейся публичной защитой диссертации соискателем ученой степени на заседании диссертационного совета.

Получается, что научная специальность нужна только для защиты диссертации. (*Подчеркнем это обстоятельство!*)

ОКСВНК построен на научной номенклатуре. При этом действующий ОКСВНК (*Принят и введен в действие приказом Росстандарта от 17 декабря 2013 г. № 2255-ст. Издан: Стандартинформ. М., 2014.*) использует номенклатуру *специальностей научных работников*, хотя, как было показано выше, в настоящее время существует номенклатура с другим названием — номенклатура *научных специальностей*.

Разработку изменений к ОКСВНК обеспечивает Минобрнауки России в соответствии с Правилами стандартизации, определенными в приказе Росстандарта от 14 декабря 2005 г. № 311-ст (*Правила стандартизации. Основные положения и порядок проведения работ по разработке, ведению и применению общероссийских классификаторов*). И хотя по своим основным количественным и качественным характеристикам старая научная номенклатура мало отличается от новой, примечательно, что для ОКСВНК критерием является не научная специальность, а специальность научных работников. При этом на протяжении многих лет от этого несоответствия никто не пострадал. Более того, этого никто даже не заметил. Почему? *Подумаем над этим.*

Вернемся к двум понятиям, которыми оперирует ОКСВНК: а) специальность высшей научной квалификации; б) научный работник высшей квалификации.

Ни того, ни другого понятия мы ни в одном другом нормативном правовом акте не встречаем. Действует приказ Минобрнауки России с длинным названием «Об установлении соответствия направлений подготовки высшего образования — подготовки кадров высшей квалификации...», из которого понятно, что речь идет об обучении в аспирантуре и адъюнктуре (*Официальный интернет-портал правовой информации // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата публикации: 03.11.2016)*). Но здесь, как и в ряде других документов рангом значительно ниже (информационные письма, например), не говорится о научных работниках высшей квалификации. Следовательно, ОКСВНК ввел совершенно новые виды учета, по которым собирается информация, то есть научных работников высшей квалификации, как и специальности высшей квалификации нет, но информация об этом имеется.

Таким образом, мы подходим к главному. Что такое номенклатура научных специальностей, и как она соотносится с другими видами класси-

фикаций, а если говорить определенно, как она соотносится с общероссийским классификатором научных специальностей (научным классификатором)?

По нашему мнению, научная номенклатура разрабатывается для классификатора, и в этом состоит ее *определяющее* значение. Следовательно, научная номенклатура и по форме, и по содержанию является *классификатором*. Из-за того, что на определенном этапе научной номенклатуре стали придавать гипертрофированное значение, она стала жить по собственным законам и влиять на научные процессы, что по меньшей мере странно. В результате научная номенклатура определяет развитие научных направлений, чего быть не должно. Хотя по логике вещей все должно быть ровно наоборот. Научные изыскания в той или иной области по идее должны приводить к их фиксации в виде неких задокументированных названий. Не хвост же, в конец концов, виляет собакой. *Нельзя с помощью классификатора манипулировать наукой.*

В этой связи возникает резонный вопрос, насколько в таком случае вообще нужна научная номенклатура? Тем более, что во многих странах защиты диссертаций проходит вне рамок какого-либо классификатора. Например, во Франции по юриспруденции защиты проходят либо по публичному, либо по частному праву, никаких классификаторов нет. (Между прочим, современное развитие правовой науки все чаще ставит вопрос о взаимопроникновении публичных аспектов в частное право и наоборот, поэтому существующее правило неизбежно вступит в противоречие с реалиями сегодняшнего дня, так что даже это весьма условное разграничение приводит к некоторым затруднениям во время защиты).

В Германии также нет привязки защиты диссертации к конкретной научной специальности. В то же время ученые степени присуждаются по областям научных знаний — доктор права (Dg. iur.), доктор медицины (Dg. med.) и другое. Такое разграничение определяется регламентом каждого германского университета о докторантуре на уровне факультетов. По-видимому, при этом германские ученые стараются действовать в соответствии с руководством (классификатором) Фраскати.

В США и Великобритании данный вопрос решен более кардинально. Как говорит профессор Уильям Батлер, здесь нет системы предварительной специализации для написания диссертаций. Считается, что такая система окажет *сдерживающее влияние* на процесс подготовки работы, за-

ставляя диссертанта подчиняться *спорной* классификации.

Уильям Эллиотт Батлер (William Elliott Butler) — один из ведущих специалистов в области права Советского Союза и России, постсоветских стран, а также Монголии. Активно занимается вопросами сравнительного правоведения, международного частного и публичного права. Обладатель следующих университетских степеней: 1) бакалавр гуманитарных наук (B.A.), Американский университет, 1961 г.; 2) магистр гуманитарных наук (M.A.), школа углубленного изучения международных отношений Университета Джонса Холкинса (SAIS), 1963 г.; 3) доктор права (J.D.), Гарвардская школа права, 1966 г.; 4) магистр права (LL.M.), юридический факультет Академического правового университета при Институте государства и права РАН, 1997 г.; 5) доктор философии (Ph.D.), школа углубленного изучения международных отношений Университета Джона Хопкинса (SAIS), 1970 г., за диссертацию по теме «Советский Союз и морское право» («Soviet Union and the Law of the Sea»); 6) доктор юридических наук (LL.D.), Лондонский университет, 1979 г.

Руководство Фраскати

Тем не менее в 2002 г. в итальянском городке Фраскати, недалеко от Альбанских гор, начала работу группа экспертов по науке и индикаторам технологий во главе с голландским ученым Яном К.Г. ван Стееном. (В рабочую группу входили не только эксперты, но и представители ЮНЕСКО и статистической службы Евростат). Была поставлена задача пересмотреть FOS-классификатор (а «Field of Science» classification), то есть научный классификатор. Спустя 5 лет (*пять лет!*) 26 февраля 2007 г. под эгидой ОЭСР, о чем говорилось выше, был принят FOS-классификатор — «Пересмотренная область классификации науки и технологий, руководство Фраскати» (так называется документ).

Нет необходимости останавливаться на общих принципах FOS-классификатора. Важно отметить следующее. Согласно позиции самих разработчиков, научный классификатор (будем называть его для краткости так) необходим для систематизации исследований в области науки и технологии. Научный классификатор следует *использовать для расходов* на исследования на государственном, частном уровне и на уровне финансирования со стороны коммерческих предприятий. Разработчики призывают проводить различие между национальными и международными целями при

использовании научного классификатора. При этом конкретные названия научных областей и специальностей направлены не на механическое согласование данных, а на достижение *минимального уровня сопоставимости результатов научных исследований на международном уровне*. Кроме того, задача научного классификатора состоит в достижении баланса между потребностями исследователя (ученого) и необходимостью минимизировать административную нагрузку на него, связанную со статистическими отчетами. Поэтому при составлении научного классификатора был принят максимально прагматичный подход, и была предпринята попытка сделать все для того, чтобы количество и значение двухзначных категорий научных областей и специальностей *было низким, а не высоким*.

Как видно, несмотря на отсутствие строгих ограничений при написании и защиты диссертаций, связанных с научной специальностью, ведущие европейские страны не могут обойтись без классификации области научных исследований.

На самом деле ровно эти задачи должна выполнять отечественная научная номенклатура — научный классификатор. Превращение ее в нечто большее, чем она должна быть (из классификатора в стратегию), приводит к нерациональным результатам, необоснованной трате сил и средств, защите диссертаций ради самой диссертации и многим другим последствиям, некоторые из которых по уровню и характеру своей не востребованности даже не поддаются определению.

Например, отечественный перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций (так называемый перечень ВАК), утверждается приказом Минобрнауки (*Официальный интернет-портал правовой информации // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата публикации: 28.04.2017)*), который должен быть зарегистрирован в Минюсте (регистрация, как мы полагаем, нужна для тех же целей, для чего регистрируется приказ о научной номенклатуре). При этом одно из требований к отечественным научным изданиям состоит в указании научной специальности, по которой в них будут публиковаться научные статьи (в соответствии с научной номенклатурой, разумеется) — п.7, подп. в) п. 11 и другие пункты Правил формирования перечня рецензируемых научных изданий. Одновременно в этом же приказе говорится, что научные журналы (не только, и даже не столько отечественные, сколько зарубежные), которые входят хотя бы в одну из международных баз данных (Web of

Science, Scopus и ряд других), освобождаются от этой обязанности, то есть научные статьи в них можно публиковать по любой научной специальности (п. 5 указанных выше правил).

Таким образом, благодаря отечественной научной номенклатуре не только введено непонятное с точки зрения развития науки ограничение (искусственно ставится затруднение для публикации статей на междисциплинарные темы или на темы, которые могут вообще не укладываться в конкретные научные специальности), но благодаря нашей номенклатуре наши научные издания ставятся в заведомо невыгодное (даже с точки зрения коммерческих рисков) положение по сравнению с зарубежными научными изданиями.

Разумеется, мы понимаем почему данный приказ имеет такую формулировку, как пониманием то, что многие отечественные научные издания, к сожалению, нередко публикуют материалы низкого, если не сказать сомнительного, качества. При этом упрекать отечественных издателей в том, что они на этом зарабатывают деньги, по крайней мере несправедливо, поскольку цена публикации в любом зарубежном журнале из упомянутых выше баз данных в несколько раз выше.

Тема научных изданий отдельная и чрезвычайно тяжелая тема, и не об этом речь. Мы лишь хотим подчеркнуть, что научная номенклатура используется для целей, для которых она совершенно не предназначена, или, во всяком случае, не на эти цели должна быть направлена. Как представляется, жесткость и детализация научной номенклатуры предопределяет подобные перекосы ее применения.

В FOS-классификаторе говорится: *неправильно думать, что можно разработать научную классификацию, которая удовлетворит все возможные потребности* всех участников научной деятельности. Это связано, с одной стороны, с разными взглядами ученых на в том числе одни и те же проблемы с административной системой организации науки в разных странах, с субъективным восприятием научного классификатора отдельными его пользователями. С другой стороны, динамика самой науки, например появление междисциплинарных наук, предопределяет несовершенство любой классификации. Таким образом, как обоснованно утверждают разработчики FOS-классификатора, окончательная классификация представляет собой компромисс между различными точками зрения и потребностями ее пользователей.

Между прочим, в FOS-классификаторе практически во всех областях научных знаний послед-

ним элементом значится понятие «другие науки». Некоторые ученые полагают, что это сделано для того, чтобы в других странах классификатор мог быть дополнен собственным видением научных областей и специальностей. Полагаем, что это не совсем точно. Разработчики FOS-классификатора тем самым хотели подчеркнуть неопределенность собственной системы стандартизации. Сделано это для того, чтобы новые научные направления и даже области научных знаний не чувствовали себя ущемленными, не вписываясь в ту или иную графу классификатора. Неопределенность – главная характеристика не только нашей науки, но и нашей жизни. Мы не знаем – вот девиз науки нескольких последних столетий!

Ignoramus (вместо заключения)

Юваль Ной Харари говорит, что современная наука принципиально отличается от традиционного знания по трем параметрам.

1. Готовность признать свое невежество.
2. Ключевая роль наблюдений и вычислений.
3. Расширение возможностей [6].

Научный классификатор, которым должна быть признана научная номенклатура, входит в естественное противоречие с одним из основополагающих принципов развития современной науки – каждое новое знание свидетельствует о том, что мы еще крайне мало знаем и еще меньше понимаем то, о чем мы знаем. Таким образом, мы подходим к главному аспекту рассматриваемого вопроса.

Современная наука разрушила условности и границы. Едва ли не любые исследования связаны с решением научных задач одновременно по нескольким направлениям. Исследования экологии непосредственно влияют на решения огромного количества технологических задач, которые, в свою очередь, прямо связаны с экономикой и политикой. Казалось бы, физика элементарных частиц полностью автономна, однако каждый вновь открытый элемент таблицы Менделеева поднимает вопросы философского значения. Исследования космоса в ближайшее время столкнутся с проблемами его правовой охраны и определения статуса, по крайней мере, луны.

Поэтому номенклатура научных специальностей (научная номенклатура) должна быть гибкой. С одной стороны, номенклатура должна предельно точно показывать генеральные направления развития науки, чутко отзываясь на потребности науки с учетом мировых тенденций и практических задач современности. С другой стороны, механизм функционирования научной

номенклатуры должен предполагать возможность коррекции научных специальностей. С третьей стороны, номенклатура не должна мешать появлению новых научных специальностей (при многих условиях их обоснования и доказательств права на существования).

Не номенклатура должна определять зависимость ученого от нее, а ученый должен определять необходимость введения, коррекции научной специальности, ровно так же, как и отказ от научной специальности, подтвердить значимость которой ученому не удалось. Ответственность ученого за подобную ошибку – предмет отдельного долгого разговора. Тем более что ошибка в науке часто подталкивает к новым открытиям!

При таких условиях (признания за номенклатурой роли научного классификатора) возрастает роль и значение паспортов научных специальностей. Слово паспорт происходит от итальянского *passaporto* – буквально письменное разрешение на проезд через порт (*passo* – проходить + *porto* – порт).

Здесь должны быть сосредоточены все нюансы конкретной научной специальности, здесь должны иметь место пересечения научных направлений, дублирование предмета исследований с другими смежными научными специальностями. Если говорить условно и упрощенно, в паспортах научных специальностей должны проявиться в максимальном объеме (при этом весьма концентрированно) научные фантазии и иллюзии ученых.

О паспортах научных специальностей говорилось в Положении об экспертном совете ВАК, утвержденном Минобрнауки приказом от 13 сентября 2006 г. № 226 (*Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 45*). Тогда на экспертные советы возлагалась обязанность участвовать в подготовке номенклатуры научных специальностей, *паспортов научных специальностей* и программ кандидатских экзаменов.

Затем легитимность паспортов научных специальностей была утрачена, хотя они продолжали (видимо, по инерции) разрабатываться экспертными советами ВАК и рассматриваться на научно-отраслевых сессиях Президиума ВАК. Произошло это по причине механического отнесения аспирантуры и вообще всего, что касается подготовки и защиты диссертации, к уровню образования. Соответственно все вопросы, связанные с аспирантурой, а заодно и с докторантурой были изъяты из компетенции ВАК. Хотя что мешало даже при таком решении (о пагубных последствиях данного решения говорилось много раз,

в том числе мною, в том числе и много лишнего (не мною), так что в настоящее время этот вопрос совершенным образом запутан) оставить за экспертными советами ВАК возможность определять содержание кандидатских экзаменов, непонятно. К сожалению, организационные решения, связанные с наукой и высшим образованием (без которого не может быть науки), принимаются без учета собственных традиций и без серьезного анализа всех особенностей функционирования видов научной и образовательной деятельности в той или иной стране. Мир не ходит строем, тем более мир науки. Не подстраиваться под ту или иную систему, а брать лучшее из каждой из них и адаптировать к нашим условиям – вот, как представляется, заведомо лучший путь развития науки (и не только науки). Трансформация (лат. *transformatio*) – преобразование, адаптация (лат. *adaptatio*), приспособление – вот наш путь, а не копирование (лат. *copiatio*) – множество, под которым в современном мире понимается всего лишь процесс изготовления копий.

После многочисленной критики, в том числе с нашей стороны, паспорта научных специальностей были возвращены в лоно нормативного регулирования. ВАК проводит по поручению Минобрнауки России экспертизу и по итогам ее проведения представляет в министерство рекомендации в отношении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, *содержания научных специальностей (паспортов)*, в том числе определения направлений исследований, проводимых в конкретной отрасли науки, разграничения смежных научных специальностей п. 4 подп. в) Положения о ВАК (СЗ РФ. 2016. № 14. Ст. 1996).

Это то, о чем мы говорили. Например, год назад мы убеждали научную общественность, что для пользы дела необходимо вписать научные паспорта в качестве составляющего элемента научного классификатора в государственную систему научной аттестации. Исходя из этого, в новых условиях создания гибкой научной номенклатуры для паспортов необходимо: а) создать легитимный мягкий режим их принятия (принимаются рекомендацией ВАК при Минобрнауки России); б) обеспечить максимально широкий спектр их обсуждения (разрабатываются экспертными советами ВАК на основе поступивших из научных и научно-образовательных организаций предложений); в) организовать их общественное принятие (паспорта проходят рецензирование всех экспертных советов ВАК); г) разработать прозрачный механизм их функционирования

(паспорта публикуются в Вестнике ВАК и на сайте ВАК); д) иметь возможность быстро дорабатывать и менять их редакцию в случае необходимости.

Вытекающим из нового подхода к формированию научной номенклатуры будет вопрос финансирования науки в целом и научных изысканий в конкретной области в частности. Поскольку финансирование, как мы видим, прямо связано с научными отраслями, группами научных специальностей и специальностями, полностью отказаться от такого принципа его формирования не удастся, и, наверное, в этом нет необходимости. В то же время следует пересмотреть отдельные подходы в этом направлении. Представляется, что вопросы финансирования науки следует дифференцировать. Исходя из того, что почти вся наука у нас финансируется за счет государственного бюджета, направления здесь видятся следующие.

1. Поиски дополнительных средств финансирования и, прежде всего, стимулирование предпринимателей для вкладывания денег в науку. Проект Закона о науке, к сожалению, эту задачу даже не определил. Проблема действительно чрезвычайно сложная, особенно с учетом того, что предприниматель никогда просто так деньги не отдаст. Однако есть опыт других стран, который достаточно разнообразен: от предоставления существенных налоговых вычетов до законодательного регламентирования социального обременения финансирования высшего образования и науки.

2. Определение доходов от патентов и депонирования научных результатов.

3. Включение в оценку эффективности ученого всех возможных вариантов получения кем-либо дополнительных источников дохода.

4. Дифференцированное и одновременно комплексное финансирование областей знаний и научно-исследовательских организаций, а также финансирование *конкретных ученых*.

5. Финансирование студенческой науки.

Post Scriptum

Научная номенклатура разрабатывается учеными, но утверждается Минобрнауки. Процесс утверждения номенклатуры никаким образом не регламентирован. В этом, как обычно, есть положительные и отрицательные моменты. С одной стороны, предполагается, что это не должно быть формальным утверждением, поскольку на основании научной номенклатуры затем будут определяться те же самые показатели эффектив-

ности отечественной науки и ученых в том числе. Кроме того, как говорилось выше, номенклатура связана с определением финансирования как науки в целом, так и отдельных ее направлений, а это финансирование происходит через министерство. С другой стороны, на министерстве и на его руководителе лежит серьезная персональная ответственность за качество научной номенклатуры.

Поэтому утверждение номенклатуры в министерстве не может быть всего лишь итоговым «парадным» мероприятием. Такое утверждение должно проходить после тщательного обсуждения всех отраслей и всех научных специальностей, разумеется, при активном участии ведущих ученых в соответствующей области знаний. Приоритетами при этом должны стать не личные амбиции, а: 1) выполнение задач, определенных в Указе Президента РФ В.В. Путина «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (*СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6887*); 2) востребованность конкретной специальности наукой и практикой; 3) стимулирование междисциплинарных исследований; 4) очевидность критериального выделения специальности; 5) интеграция с международными классификаторами и прежде всего с FOS-классификатором.

Еще раз подчеркнем, научная номенклатура (научный классификатор) должна обеспечить, чтобы никакая научная специальность не мешала научному творчеству, чтобы автор диссертации мог сосредоточиться на ее содержании, а не на критериях отнесения выполняемой работы к узкому формальному определению научной специальности.

Таким образом, проект научной номенклатуры должен разрабатываться ВАК при Минобрнауки России и утверждаться министерством путем выполнения специальной процедуры, посредством ответственного редактирования всего текста при участии ведущих специалистов из числа председателей экспертных советов ВАК, а также ученых, представляющих отраслевые сессии Президиума ВАК.

Порядок принятия номенклатуры

В этой связи следует изменить порядок принятия научной номенклатуры. Итоговый документ Минобрнауки о номенклатуре научных специальностей должен состоять из трех неравных по объему и значению частей.

Первая часть приказа определяет области знаний и группы научных специальностей. Именно эта часть приказа должна регистрироваться в Минюсте.

Вторая часть приказа устанавливает конкретные научные специальности на основании рекомендаций ВАК при Минобрнауки России (ВАК проводит свои заседания два раза в год и подтверждает действующие научные специальности, либо вносит в них соответствующие корректировки). Эта часть приказа в Минюсте не регистрируется.

Третьей частью номенклатуры становятся паспорта научных специальностей, которые действуют на основании рекомендации отраслевой научной сессии Президиума ВАК. Паспорта согласовываются с Минобрнауки, но приказом не оформляются, поэтому эта часть номенклатуры называется неофициальной. Уточнить редакцию паспорта можно в любой момент, как по инициативе соответствующего экспертного совета ВАК, так и по инициативе Минобрнауки.

Таким образом, предлагается рассмотреть следующий порядок принятия номенклатуры (алгоритм действий) научных специальностей (научной номенклатуры).

1. Минобрнауки России во взаимодействии с ВАК и РАН определяет отрасли науки и группы научных специальностей на достаточно отдаленную перспективу (научные специальности 1 и 2 уровня).

2. Научные специальности 1 и 2 уровня обсуждаются на заседании ВАК и принимаются в виде рекомендаций для Минобрнауки.

3. Научные специальности 1 и 2 уровня утверждаются отдельным приказом и регистрируются в Минюсте как научные специальности высшей научной квалификации (отрасли науки и группы научных специальностей).

4. ВАК при Минобрнауки России с помощью экспертных советов разрабатывает научные специальности 3 уровня и соотносит их со специальностями 2 уровня.

5. Научные специальности 3 уровня обсуждаются на заседании ВАК и принимаются в виде рекомендаций для Минобрнауки.

6. Научные специальности 3 уровня утверждаются приказом Минобрнауки, который не регистрируется в Минюсте (научные специальности).

7. Экспертные советы ВАК при Минобрнауки разрабатывают паспорта научных специальностей.

8. Президиум ВАК принимает паспорта научных специальностей на научно-отраслевых сессиях с последующим их утверждением на общем заседании (заседания проходят два раза в год, как правило, в июне и декабре).

9. Минобрнауки России готовит для направления в Росстандарт итоговый документ, в кото-

ром будут объединены научные специальности 1, 2 и 3 уровня под единым названием – научная номенклатура (номенклатура научных специальностей).

8. Росстандарт совместно с Минобрнауки и ВАК на основании международных стандартов определяет классификацию представленных научных специальностей и издает приказ об утверждении Общероссийского классификатора специальностей высшей научной квалификации (ОКСВНК – научный классификатор).

Предложенный механизм принятия и действия научной номенклатуры разгрузит естественную бюрократию организации научной работы и предоставит больше возможностей для решения задач национального проекта Наука (утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) (*Документ в официальных источниках не публиковался*) по всем трем, определенным в нем направлениям: 1) развитие научной и научно-производственной кооперации; 2) развитие передовой инфраструктуры для исследований и разработок; 3) развитие кадрового научного потенциала.

Благодарности

Подготовка настоящей статьи была бы невозможной без традиционной и постоянной помощи информационной системы «КонсультантПлюс». Хотелось бы отдельно выразить признательность директору компании Дмитрию Борисовичу Новикову за стратегические решения, а также ведущему специалисту Валентине Леонтьевне Литвиновой, с которой мы сотрудничаем много лет подряд.

Литература

1. *Габов А.В., Мацкевич И.М.* Номенклатура научных специальностей как элемент государственной системы научной аттестации: к постановке вопроса // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2 (35). С. 18–28.
2. *Сиротюк В.А.* Объекты стандартизации информационного обеспечения природопользования // Геоинформатика. 2003. № 3. С. 48–51.
3. *Налимов В.В., Мульченко З.М.* Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса. М.: Наука, 1969. 192 с.
4. *Мульченко З.М.* Исследование информационных потоков в науке на основе библиографических ссылок: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1970. – 27 с.
5. *Драчук М.А.* Роль профессиональных стандартов в построении современной нормативной модели рынка труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2016. № 3. С. 50–53.
6. *Харари Юваль Ной.* Sapiens. Краткая история человечества. М., Синдбад, 2017. 512 с.
7. *Мельникова Е.В.* Юджин Гарфилд и система индексации и цитирования Web of Science // Библиосфера. 2017. № 3. С. 91–93.

Благодарность работникам Института государства и права РАН за качественный историко-правовой анализ нормативных правовых документов отечественной номенклатуры научных специальностей.

Также отдельная благодарность член-корреспонденту Международной академии сравнительного права, кандидату юридических наук, доценту, доктору публичного права (Франции) Захаровой Марии Владимировне, приглашенному профессору Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина за ценную информацию и, как всегда, оперативное реагирование на просьбы о консультации и помощи.

Большая благодарность профессору Потсдамского университета (Германия) Уве Хелльманну за многолетнюю дружбу и постоянное желание совместными усилиями улучшить взаимопонимание между российскими, германскими учеными и учеными всех других стран мира. Профессор У. Хелльманн помог досконально разобраться в германской системе научной аттестации и способствовал нашему непосредственному участию в защите диссертации в Потсдамском университете, а также в процедуре присуждения звания honoris causa.

Нельзя не поблагодарить члена-корреспондента РАН Григория Владимировича Трубникова, который в бытность заместителем министра науки и образования, курирующим науку, нашел в своем плотном графике время и не только познакомился с основными набросками к статье, но и выразил недвусмысленную поддержку содержащимся в ней выводам.

Особая благодарность членам семьи за терпение.

References

1. Gabov A.V., Matskevich I.M. Nomenklatura nauchnykh spetsial'nostei kak element gosudarstvennoi sistemy nauchnoi attestatsii: k postanovke voprosa [The nomenclature of scientific specialties as an element of the state system of scientific certification: to the formulation of the question]. *Monitoring pravoprimeneniya [Law enforcement monitoring]*, 2020, no. 2 (35), pp. 18–28. (In Russian, abstract in English)
2. Sirotyuk V.A. Ob'ekty standartizatsii informatsionnogo obespecheniya prirodopol'zovaniya [Objects of standardization of information support for nature management]. *Geoinformatika [Geoinformatics]*, 2003, no. 3, pp. 48–51. (In Russian)
3. Nalimov V.V., Mul'chenko Z.M. Naukometriya. Izuchenie razvitiya nauki kak informatsionnogo protsessa [Scientometrics. Studying the development of science as an information process]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 192 p. (In Russian)
4. Mul'chenko Z.M. Issledovanie informatsionnykh potokov v nauke na osnove bibliograficheskikh ssylok [The study of information flows in science based on bibliographic references]. Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. Moscow, 1970. 27 p. (In Russian)
5. Drachuk M.A. Rol' professional'nykh standartov v postroenii sovremennoi normativnoi modeli rynka truda [The role of professional standards in building a modern normative model of the labor market]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom [Labor law in Russia and abroad]*, 2016, no. 3. pp. 50–53. (In Russian, abstract in English)
6. Kharari Yuval' Noi. Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva [Sapiens. Brief history of mankind]. Moscow, Sindbad Publ., 2017. 512 p. (In Russian)
7. Mel'nikova E.V. Yudzhin Garfield i sistema indeksatsii i tsitirovaniya Web of Science [Eugene Garfield and the Web of Science Indexing and Citation System]. *Bibliosfera [Bibliosphere]*, 2017, no 3, pp. 91–93. (In Russian, abstract in English)

КРИМИНОЛОГИЯ

СЛУЧАЙНЫЙ ПРЕСТУПНИК КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЪЕЗДОВ РУССКОЙ ГРУППЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ) (СТАТЬЯ ВТОРАЯ)

Чучаев Александр Иванович,
Грачева Юлия Викторовна,
Маликов Сергей Владимирович

Цель: представить общую характеристику проблем, обсуждавшихся на съездах Русской группы Международного союза криминалистов; дать обзор основных точек зрения отечественных и зарубежных ученых на случайного преступника, сложившихся к концу XIX в.; показать степень разработанности учения о преступнике «по случаю»; определить проблемы, связанные с изучением личности преступника; установить, какие современные нормативные положения уголовного закона базируются на научных изысканиях конца XIX в.

Методология: анализ, синтез, исторический, сравнительно-правовой методы, контент-анализ, диалектический, системный методы, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Законодательством многих стран Европы и Северной Америки предусматривалась возможность условного осуждения. Российское право такого института не знало, хотя учеными предлагалось дополнить его нормами о системе испытания или условном осуждении. Этот институт имел прямое отношение в первую очередь к случайным преступникам.

В докладе Вульфберта, однако, констатировалось, что понятие «случайный преступник» — текущее, спорное, сложное и мало определенное. Значительное число авторов сходились во мнении относительно некоторых основных признаков преступника по случайному поводу: отсутствие нравственной испорченности, преобладание внешних факторов преступности над внутренними. Наравне с этими взглядами имелись и существенные разногласия. Ряд ученых (Тард, Бенедикт, Гарофало, Марро) относились к понятию случайного повода со скептицизмом, не допуская возможности различения по этому признаку тяжчайших преступников от наименее тяжелых привычных или хронических преступников (другими словами, «от лиц острой преступности»). Утверждалось, что вопрос о преступниках по случайному поводу является в литературе крайне запутанным.

Значение съезда Русской группы, на котором обсуждались вопросы личности случайного преступника, трудно переоценить: в науке был сделан очередной шаг, имевший значение для криминологии, уголовного права и тюремоведения, в частности не только для индивидуализации наказания, но и в целом средств уголовно-правового и исправительно-трудового воздействия.

Научная и практическая значимость. Авторами впервые систематизировано представлены материалы, посвященные личности случайного преступника, разработанные и обсуждавшиеся Русской группой Международного союза криминалистов. Профилактика рецидива, снижение репрессивности закона, предупреждение преступлений — лишь часть вопросов, связанных с проблемой случайного преступника. Выявленные недостатки в учениях зарубежных и отечественных исследователей, аргументы по данному вопросу ученых, представлявших разные научные школы, — бесценный научный материал, не утративший актуальности.

Ключевые слова: *Международный союз криминалистов; Русская группа; случайный преступник; личность преступника; тип преступника; мотивы преступника; уголовная антропология; история уголовного законодательства.*

«Преступник по случайному поводу или соблазну»

В конце XIX в. внимание ученых-криминалистов России привлекала проблема классификации преступников, в частности выделения среди них случайного преступника. «Классификация, — как отмечалось докладчиком на заседании Русской группы Международного союза криминалистов А.К. Вульффертом, — должна служить сочетанию с отдельными классами наиболее целесообразных карательных средств, сообразно различию психического строя принадлежащих к различным классам лиц» [1, с. 314].

Для русских юристов вопрос о случайном преступнике имел особое значение. К концу XX в. законодательством многих стран Европы и Северной Америки предусматривалась возможность условного осуждения (институт условного осуждения зародился в Массачусетсе (1869), затем был введен в Бостоне (1878). После этого условное осуждение появилось в законодательстве Канады, Австралии и т. д. В конце XIX в. оно было введено в Бельгии, Франции, Австро-Венгрии, Германии, Голландии, Дании, Швеции и Норвегии), а российское право такого института не знало, хотя учеными предлагалось дополнить его нормами о системе испытания или условном осуждении [2]. Этот институт имел прямое отношение в первую очередь к случайным преступникам.

Случайных преступников в литературе того времени именовали по-разному. Например, И.Я. Фойницкий говорил о преступниках случайных. К ним он относил дуэлянтов, «преступников в запальчивости, преступников по неосторожности и т. п.; все они могут быть соединены под общим названием преступников случайных» [3, с. 51]. А.А. Пионтковский (отец) называл их преступниками случая. «Преступники случая, — писал ученый, — лица, в жизни которых преступление представляется, так сказать, явлением эпизодичным, внутренний мир которых обладает нравственной чуткостью и некоторой устойчивостью, лица, которые при столкновении с неблагоприятными условиями внешней среды (главным образом экономического характера), при нарушении их психического равновесия, будь то развитием какой-либо страсти (любовь, ревность и проч.), будь то при посредстве связанного с употреблением алкоголя возбуждением — оказываются в виду присущей им сравнительно слабой нравственной

силы, недостаточного развития чувства законности, бессильными бороться с охватывающими их преступными наклонностями и вступают на несоответствующий их природе преступный путь, в большинстве случаев сожалея впоследствии о содеянном. Преступники случая не живут грубоэгоистичными интересами. Им не чуждо понятие и о праве, и о долге. Они не избегают труда.

Они, собственно говоря, обыкновенные средние люди, отличающиеся от не вступивших на преступный путь то большим развитием страстей, то большей обязанностью» [2, с. 106].

Вульфферт для обозначения случайных преступников использует термин «преступник по случайному поводу или соблазну», мотивируя свой выбор тем, что этот термин «избегает формальной неточности, присущей двум указанным терминам» [1].

Объясняя обращение к проблеме случайного преступника, автор отмечает, что интерес к ней обусловлен рядом причин. Во-первых, наиболее древние, простейшие и распространенные классификации всех лиц, совершающих преступления, интегрируют в две группы: 1) преступников, у которых совершение преступлений укоренилось в привычку; 2) преступников «по случайному поводу или соблазну». В основных документах Международного союза криминалистов также подчеркивается, что указанные две категории преступников признаются основными в теории и практике; эта классификация должна лежать в основе всех положений уголовного закона. Кроме того, все новейшие меры уголовной политики, направленные на предупреждение рецидива, среди которых на первом месте стоит условное осуждение, имеют в виду исключительно преступников «по случайному поводу». В связи с этим можно прийти к выводу о том, что понятие об этом преступнике является достаточно устоявшимся и определенным. Однако это ошибочное восприятие ситуации, сложившейся в науке рассматриваемых лиц. На самом деле «это понятие — текучее, спорное, сложное и мало определенное. Малая устойчивость этого понятия в литературе наглядно удостоверяется разнообразием употребляемых терминов. Единственный резкий признак различия рассматриваемого преступника от преступника обычного — это отсутствие укоренившейся преступной привычки и нравственной испорченности» [4, с. 314–315].

В западноевропейской литературе к концу XIX в. также еще не было единого подхода как к признанию наличия рассматриваемого типа преступника [4, с. 6], так и его наименованию, а также к основным признакам, позволяющим случайных преступников интегрировать в одну классификационную группу. В теории хотя и выделялись преступники по инстинкту и преступники по случайному поводу или соблазну, но при этом допускалось, что так называемый прирожденный преступник может быть преступником по случайному поводу. Например, по мнению австро-венгерского врача невролога Морица Бенедикта (*Benedikt Moritz. Biologie und Kriminalistik. Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 1887. № 7. С. 481–504 // [Электронный ресурс]: URL: <https://doi.org/10.1515/zstw.1887.7.1.481> (дата обращения: 11.09.2021)*), такие лица не находятся под постоянным психическим давлением; для них всегда требуется стечение особых обстоятельств, которые ведут к совершению преступления. «Всякий прирожденный преступник значит – преступник и по случайному поводу, и наоборот, так как всегда есть люди, которые при одних и тех же условиях не совершают деяния, совершаемого другими, именно потому, что их прирожденные особенности другие» [4, с. 315–316]. В связи с этим Вульферт замечает, что у Бенедикта понятие о преступнике по случайному поводу «совсем улетучивается» [4, с. 316].

Швейцарский психиатр и основоположник экзистенциальной психологии Людвиг Бинсвангер в монографии «Сумасшествие и помешательство» (русский перевод под ред. проф. Ковалевского, 1889) случайного преступника характеризует следующим образом: это человек, для которого преступление является исключением из его поведения на протяжении («строения») всей жизни, совершается в течение короткого промежутка времени и под влиянием страстного побуждения.

В докладе Вульферта кратко приводится мнение ряда зарубежных авторов, исследовавших личность преступника и выделявших из их числа случайного преступника. Этот обзор дает представление, в частности, об отношении как к рассматриваемой проблеме, так и к характеристике личности случайного преступника.

Принс [5]. В отличие от прирожденного и обычного преступников, которым свойственны инстинкты ко злу и отсутствуют нравственные чувства, случайный преступник не в полной мере способен сопротивляться внешним влияниям, недостаточно предусмотрителен относительно последствий своих действий. Даже легкий толчок

может побудить к соблазну; расчет на безнаказанность, простая тяга к подражанию могут для него стать причиной совершения преступления.

Йегер [6]. В основе преступности лежит нарушение равновесия между противодействующими и вовлекающими в преступление представлениями. Поэтому все преступники делятся на две категории: лица, совершающие преступления по случайному поводу и по аффекту; лица, привычно совершающие преступления (привычные преступники). У первых нарушение указанного равновесия наступает лишь проходящим образом, при особо благоприятных условиях.

Тард [7]. По мнению Вульферта, Тард чрезвычайно поверхностно рассуждает о личности случайного преступника. «Кто же не делается преступником благодаря случаю и какое случайное преступление не стремится к повторению? Если под *delinquente d'occasion* разумеют менее опасных лиц, то это не соответствует действительности, виновники наиболее чудовищных преступлений, осужденные пожизненно, не имеют возможности впадать в рецидив».

Модсли (*Maudsley Henry. Remarks on Crime and Criminals. Journal of Mental Science. 34(146). С. 159–167 // [Электронный ресурс]: URL: <https://doi.org/10.1192/S0368315X00227886> (дата обращения: 11.09.2021)*). В лекции, прочитанной в медико-психологическом обществе Великобритании и Ирландии в 1888 г., подверг резкой критике взгляды Ломброзо, опроверг свои же ранее высказанные гипотезы, в частности о наличии специального преступного невроза. Он выделял две группы преступников: лиц, совершающих преступления по случайному поводу, и естественных, или настоящих. Первые по телесным очертаниям, *строению мозга* не отличаются от законопослушных. Автор считает, что многие преступники в жизни «сходят за почтенных». В связи с этим он признает крайне затруднительным установление определенных границ между категориями преступников, а в рамках одной категории – множества оттенков между преступниками по случайному поводу и естественными преступниками.

Гарро [8] определяет преступников по случайному поводу или соблазну как лиц, действующих в состоянии страстного возбуждения или при условии, дающем основание на безнаказанность за содеянное.

Лист [9] утверждает, что всякое преступление проистекает из сочетания двух групп условий: из индивидуального своеобразия преступника и из окружающих его внешних, общественных, особенно экономических, отношений. Сообразно со-

отношению этих двух групп условий изменяется явление и явления преступления.

Два вида преступлений резко отличаются друг от друга.

Во-первых, деяние совершается в ситуации, когда внешний повод преобладает. Вследствие страстного мгновенного возбуждения или под влиянием гнетущей нужды безупречно характеризующийся человек «впадает в преступление, чуждое его постоянному личному строю, составляющее одиночный, горячо оплакиваемый им факт».

Во-вторых, преступление происходит не из ничтожного внешнего повода, а из постоянного своеобразия личности, глубоко укоренившегося в нем. Преступление в этом случае характеризует сущность человека.

Вальберг [10] впервые проблем личности преступника коснулся в докладе на Стокгольмском конгрессе (1882), а потом развил свои идеи в последующих работах. Возможность совершения преступления определяется им как всякий повод, неожиданный для виновного, «пленяющий» его легкостью реализации преступного деяния и значительной вероятностью удачи и безнаказанности. От такого особо благоприятного случая *Вальберг* отличает ситуации, которые создаются либо самим преступником, либо другим лицом, а также ситуации, отражающие сложности охраны того или иного правового блага.

В своей классификации автор выделяет преступление: а) зрело обдуманное, совершенное независимо от внешнего соблазна; б) совершенное в состоянии аффекта; в) продолжаемое; г) повторное; д) одиночное; е) совершенное по случайному поводу или соблазну; ж) обычное. Исходя из сути выделяемых им видов преступлений автор характеризует случайного преступника как слабую натуру, дюжинного человека (обыкновенного, ничем не выделяющегося), имеющего дурные и хорошие свойства, пребывающего в равновесии до тех пор, пока сильный соблазн «не предаст перевеса дурным свойствам над хорошими. Меньшая вина преступника по случайному поводу коренится в том, что благоприятный случай, увлекая деятеля, доселе стоявшего на почве легальности, сокращает ему преступный путь, избавляет от мучительного колебания при первом шаге, мгновенно ставит его в надлежащее время в наиболее благоприятные условия, без собственной инициативы, на попрание преступной деятельности» [4, с. 318]. В этом смысле преступник по зрелому решению стоит на более высокой ступени нравственной вины, даже если он впервые совершает преступление. Главное в данном случае заключается в его сознании, на-

полненном презрением к праву, воплотившемся в учиненном им деянии. На вершине преступной пирамиды, по мнению *Вальберга*, находится обычный преступник, для которого, в связи с наличием у него устойчивого рецидива, склонность к совершению преступлений выступает «второй натурой»; совершенные им преступления выступают последствием особенностей его личности.

Как известно, очень большое внимание личности преступника уделялось итальянскими криминалистами, особенно в рамках антропологической школы, у истоков которой стоял *Чезаре Ломброзо* [11]. Анализу их взглядов в своем докладе *Вульферт* посвящает достаточно много места. Возможно, это объясняется не только тем, что представители этой школы создали базу для биологических теорий преступности, но и тем, что автор, как говорилось, специально изучал идеи антрополого-позитивистской школы, опубликовал работы, а затем и защитил магистерскую и докторскую диссертации.

Характеристике случайного преступника *Ломброзо* предваряет перечисление «случайных причин» преступности: детский возраст, бедность, климатические влияния (в знойном климате самый порядочный человек вовлекается в драку), инстинкт подражания сообразно окружающей обстановке (привычка римлян прибегать к ножу), употребление вина, исторические события (например, изгнание мавров привело к запустению известных местностей Испании, где потом сформировались разбойничьи шайки). Кроме того, он выделял так называемые личные условия преступности: например, наличие большой физической силы побуждает человека нарушать общественный порядок в таких случаях, в которых другие этого бы не сделали; простая случайность (присвоение найденного кошелька). Ко всему перечисленному *Ломброзо* делает любопытное добавление: отличительные психологические особенности случайного преступника от «нормального человека» ему неизвестны, поскольку они могут быть установлены только в результате большого количества соответствующих исследований, которые еще не проводились. В связи со сказанным *Вульферт* замечает, что автор теряет в обильной казуистике; это приводит к тому, что под одно понятие подводятся самые разнообразные личности. Так, по *Ломброзо*, «случайные преступники проявляют свойства врожденных преступников, правда, в смягченной, но, однако, вполне явственной форме. Органы чувств у них притуплены меньше, рефлексы менее неправильны; аномалии (особенно черепа) встречаются реже; но всегда у них можно отыскать

какие-либо индивидуальные черты, например, более черные волосы у домашних воров, больше развитие левой стороны тела у мошенников; у всех у них замечается сильная импульсивность и, против ожидания, более ранняя зрелость. Среди них встречается больше рецидивистов, чем среди врожденных преступников» [14, с. 181].

Автор выделяет два подвида случайного преступника. К первому из них он относит лиц, совершающих: 1) неосторожные преступления; 2) деяния, которые не предполагают испорченности виновного, а только свидетельствуют о нарушении законодательного запрета (фискальные нарушения, контрабанда); 3) тяжкие преступления против личности, в этиологии которых преобладают внешние причины, а не личностные особенности преступника. Второй подвид Ломброзо характеризует следующим образом: неожиданная случайность воздействует на лиц, предрасположенных к преступному поведению, укрепляя в них решимость совершить преступление. Это положение ученый иллюстрирует ссылкой на поговорку, русский аналог которой звучит как «не вводи вора в грех».

В число причин совершения преступления рассматриваемой категорией лиц ученый включает инстинкт подражания и исполнение соответствующих профессиональных обязанностей (например, молочные торговцы, кассиры, служащие казначейства и т. д.).

Определяя место случайного преступника в соответствующей классификации, Ломброзо исходит из того, что они являются средним звеном между прирожденными преступниками и честными людьми, однако не свободные от дегенеративных свойств, предрасположенные к преступлению под воздействием алкоголя, отягощенной наследственности, безумного темперамента, предрасположенности к эпилепсии.

Ферри [12], как известно, был сподвижником Ломброзо, активно развивал идеи антропологической школы. По его мнению, преступники по случайному поводу совершают преступления без особой склонности к преступному поведению, в силу соблазна, обусловленного как личными условиями, так и средой. «Конечно, — замечает *Ферри*, — и у этих лиц внешние соблазны без специальных предрасположений были бы бессильны вызывать преступное деяние, тем не менее основное различие между прирожденным преступником и преступником случайным остается; у первого внешний соблазн имеет несущественное значение сравнительно с внутренней преступной тенденцией, у второго наблюдается слабое сопротивление внешнему влиянию. У прирожденного

преступника внешнее обстоятельство производит разряжение существующего инстинкта, у преступника по случайному поводу оно и создает, и вызывает наружу такие инстинкты» [4, с. 320]. Как замечает *Вульферт*, эти положения *Ферри* сопровождается сравнениями и образами, мало разъясняющими дело: «Благодаря соблазну преступные зерна пускают ростки на подготовленной заранее почве, — соблазн скользит по гладкой стали крепкой психической организации честного человека» [4, с. 320].

Гарофало [13], будучи учеником Ломброзо и во многом разделяя взгляды учителя, известен специалистам как автор теории «естественного преступления» [14]. В своих работах он достаточно много внимания уделяет проблеме случайного преступника. Первоначально он выделял два вида преступников: первый соответствовал прирожденному типу, выделявшемуся Ломброзо и *Ферри*; второй объединял преступников по случайному поводу и обычных. По его мнению, все они в большей или меньшей степени страдают психическими аномалиями. Лицам, ставшим преступниками вследствие случайных обстоятельств, несчастья, бедности, непременно свойственны неустойчивая нервная система и известная слабость умственной организации.

Среди преступников по случайному поводу автор, исходя из присущих виновным человеколюбия и честности, различает две их разновидности: во-первых, лиц, совершающих преступления против жизни и здоровья; во-вторых, лиц, совершающих деяния против имущественных благ. В преступлениях первого вида преобладают инстинктивные преступники, второго вида — случайные преступники. Между инстинктивными убийцами и убийцами по случайному поводу находятся импульсивные делинквенты. У них преступление выступает чрезмерной реакцией на какой-либо внешний факт (ссора, драка), умысел на убийство рождается мгновенно как ответная реакция организма.

Гарофало вводит понятие эндемической преступности, которая, по его мнению, в значительной степени обуславливается состоянием нравственной атмосферы. В качестве ее главных элементов он называет отсутствие энергичной юстиции, подражание, предания и меньшую чувствительность расы. В качестве примера автор указывает на часто встречающиеся случаи ранения бритвой неверной любовницы или девушки, отвергшей притязания мужчины. Это происходит в том числе потому, что в Риме существует традиция ношения ножа.

Наряду с указанными типами преступников Гарофало особо выделяет такой подвид преступников, как воры по случайному поводу. Последние, как он считает, играют значительную роль в причинном комплексе краж, мошенничества, подлога. Вор – преимущественный продукт окружающих его условий (семейных влияний, товарищеских отношений).

Впоследствии Гарофало несколько видоизменил свою классификацию преступников. Выступая на Римском конгрессе уголовной антропологии (1891), он выделил три группы преступников: 1) тягчайшие убийцы; 2) лица, совершающие насильственные преступления; 3) корыстные преступники (по примеру Бенедикта, он их называл неврастениками). Среди последних ученый различал прирожденных (неисправимых) и преступников по случайному поводу.

В 1896 г., выступая на Женевском конгрессе уголовной антропологии, Гарофало подверг жесткой критике концепцию Ферри относительно пяти классификационных групп преступников, особое внимание при этом обращая на отсутствие ее научной основы, нарушение принципов классификации, которое привело к объединению в один состав разных по личностным характеристикам лиц. Кроме того, он подчеркивает отсутствие практической значимости предложенного варианта группировки виновных в совершении преступлений, поскольку ею не может воспользоваться законодатель. Соглашаясь с Бенедиктом, он утверждает, что все преступники в известном смысле являются прирожденными; поддерживает Марро [15], что случай влияет на любой вид преступности, а не каким-либо избирательным образом. Исключение делается только в отношении лиц, виновных в ослушании – совершении незначительных проступков. По его мнению, преступника по случайному поводу не существует, даже если под этим термином подразумевать человека с добрыми нравственными началами, способного совершить преступное деяние в силу одних внешних обстоятельств.

Как указывал В.К. Случевский, видное место в учении Гарофало занимает исследование отдельных личных и социальных факторов, влияющих на развитие естественной преступности (воспитание, образование, законы, религиозные эмоции, экономические причины) (*Случевский Вл. Гарофалло Рафаэлле. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона // [Электронный ресурс]: URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com> (дата обращения: 11.09.2021)*).

Сила уголовной репрессии, как считал ученый, не в полной мере обеспечивается существующей карательной системой. Основываясь на идее исправления преступника и при этом устанавливая определенную меру ответственности за всякое преступление, эта система, по образному сравнению Гарофало, напоминает доктора, при назначении лекарств заранее определяющего день, когда надлежит больного выписать из больницы. В основании же карательной системы должен быть биологический принцип, требующий, чтобы индивид был уничтожен, как только присущие ему недостатки не позволяют виновному ужиться в социуме. Естественную смерть в социальной жизни должны заменять смертная казнь, ссылка и релегация (вид ссылки в колонии с тяжелыми климатическими условиями, который в качестве дополнительной меры наказания применялся во Франции в XIX – начале XX в. к наиболее опасным рецидивистам после отбытия ими основного наказания в тюрьмах метрополии). Наказание должно соразмеряться не с силой преступного желания, а со степенью нравственного чувства, присущего преступнику, и с тяжестью вреда, которым он угрожает в будущем.

В заключение обзора зарубежной литературы Вульфферт останавливается на позиции Марро, который так же, как и некоторые другие зарубежные авторы, выступал против генетической классификации преступников, предложенной Ферри. Особенно критически высказывался против выделения случайного преступника. Так, относительно воров-карманников Марро замечает, что момент случайного соблазна, вызывающий преступное деяние, не может считаться, вопреки утверждениям Ферри, признаком «мало укоренившейся преступности», так как ни в одной группе, кроме, может быть, виновных в причинении телесных повреждений, внешний повод не действует так сильно, как у карманников, и ни в одной группе преступников нет такого количества неисправимых лиц.

Сам же он при группировке лиц, совершающих преступления, исходил из видов преступлений, которые увязывал с видами телесных особенностей виновных: атипичных, атавистических и болезненных.

Исходя из обзора зарубежной литературы, Вульфферт замечает, что «...есть довольно богатый материал... Значительное число авторов... сходятся относительно некоторых основных признаков преступника по случайному поводу. Таковы отсутствие нравственной испорченности, преобладание внешних факторов преступности над внутренни-

ми. Но наравне с этими согласными мнениями можно указать существенные разногласия. Ряд писателей (Тард, Бенедикт, Гарофало, Марро) относится к понятию случайного повода со скептицизмом, не допуская возможности различения по этому признаку тяжчайших преступников от наименее тяжелых привычных или хронических преступников – от лиц острой преступности. Сопоставляя и взвешивая различные взгляды, приходится сказать, что вопрос о преступниках по случайному поводу является в литературе крайне запутанным» [4, с. 322–323].

По мнению автора, вопрос о случайном преступнике необходимо разделить на две части: первая – что представляет собой преступник по случайному поводу, чем он отличается от других преступников; второй – можно ли объединять преступников по случайному поводу в самостоятельный класс на основании присущих им общих психологических свойств.

Как явствует из приведенного обзора мнений зарубежных авторов, многие из них высказываются в целом одинаково: преступники по случайному поводу объявляются людьми неиспорченными, но нравственно неустойчивыми и слабыми. Их преступность обуславливается внешними условиями, поводами или соблазнами, она не «хроническая, а преходящая». Представители итальянской антропологической школы Ломброзо и Гарофало настаивают на том, что и у преступников по случайному поводу непременно встречается свойственная им аномалия, а внешний повод не создает, а лишь обнаруживает их склонность к совершению преступлений. «Пресловутое слово “аномалия”, как и знаменитый признак “нормальных мотивов” в сущности ничего не объясняет, – пишет Вульферт. – Очевидно, что если в нравственной слабости и податливости на внешний повод видеть аномалию, то она встречается у множества лиц, застрахованных от преступления лишь благоприятной житейской обстановкой... всякий христианин, набожно прислушивающийся к десяти заповедям, чувствует или должен чувствовать, что в нем коренится возможность совершить каждый из запрещаемых ими грехов или проступков» [4, с. 323].

По мнению автора, мало ясности вносит в дискутируемый вопрос и Ферри, который в отличие от Гарофало утверждает, что внешний повод двуслачен: он и создает, и вызывает вонне преступные инстинкты. Согласно этому утверждению, преступник предстает в виде чистой доски, а случайный повод определяет, что на ней будет написано.

В первоначальных рассуждениях о личности случайного преступника Вульферт замечает, что

пока криминалисты будут исходить из его характеристики как человека неиспорченного, но поддающегося влиянию внешних факторов, вряд ли можно сдвинуться с места. Не ограничиваясь общими рассуждениями, необходимо выяснить свойства и значение внешнего повода и обусловленного им деяния в связи с личностью преступника. Неопределенность понятия «случай» объясняет позицию некоторых авторов (Тард, Бенедикт, Гарофало, Марро), согласно которой внешний повод – это условие, общее для всех преступников, поэтому он не может выступать показателем для какого-то одного их класса. В связи с этим существенным является узкое толкование данного критерия. Против такого предложения, несомненно, выступают упомянутые выше зарубежные авторы. Например, Принс говорит о легком толчке, вызывающем желание совершить преступление, и тенденции к подражанию. Отвечая на эти возможные возражения, Вульферт пишет: «...первое обстоятельство свидетельствует не о преступнике, мало отличающемся от негрешного человека, а напротив, о человеке, так сказать, преступно-насыщенном. Второе обстоятельство является весьма неблагоприятным симптомом для взрослого человека. Точно так же приходится высказаться и относительно многих перечисленных Ломброзо условий, так как обуславливаемая ими преступность является хронической или эндемической. Нельзя не отметить чрезвычайно верного обобщения такой преступности у Гарофало. Такая преступность представляет активную и опасную деятельность, проистекающую из укоренившегося, длящегося и широко распространенного в известной местности психического противоправного настроения, она составляет таким образом прямую противоположность – преступности по случайному поводу или соблазну» [4, с. 324].

Вульферт признает, что крайне трудно дать общее определение случайного повода или соблазна как внешнего обстоятельства, вызывающего желание совершить преступление у людей, лишенных преступной склонности и нравственно мало отличающихся от «среднего» человека той или иной группы населения. При конструировании подобного рода дефиниций возможны две крайности: во-первых, понятие может быть сформулировано чрезмерно широко, поэтому вызывает сомнение, может ли оно отражать определяемое явление; во-вторых, может иметь место диаметрально противоположная ситуация, когда характеристика понятия представляется чрезмерно узкой, в связи с чем возникают проблемы охвата всех необходимых признаков, с наличием которых

связывается явление. При сложностях указанного вида обычно прибегают к казуистике. Как было показано в обзоре зарубежной литературы, такой прием иногда приводит к тому, что фактически теряется само понятие (например, у Ломброзо). В законодательстве ряда стран он используется, когда необходимо сочетать понятие о случайном поводе или соблазне с наказуемостью некоторых деяний, имеющих привилегированные составы преступлений. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержит ряд статей, предусматривающих ответственность за преступления, совершенные «по крайности и неимению средств к пропитанию», «растрата по легкомыслию в связи с добровольным обязательством вознаграждения потерпевшего», «составление подложного вида на жительство» и др. При назначении наказания за указанные преступления закон обязывает принимать в расчет случайный повод к их совершению.

Среди различных попыток определить понятия «возможность» и «случай» и связать с ними тип преступника без укоренившейся преступной склонности Вульферт выделяет работу Вальберга. Данное последнее определение случайного преступника используется Ломброзо (без ссылки на автора), а затем и Листом. Вальбергу удалось показать психологическое значение сильного неожиданного соблазна и определить основания, снижающие субъективную вину преступника. Он с достаточно большой точностью отграничивает существенный для смягчения ответственности повод от обстоятельств, не имеющих такого значения. Но при всем этом, как считает Вульферт, Вальберг предстает сторонником узкой трактовки случайного соблазна в механизме принятия решения о совершении преступления.

Случайным поводом или соблазном, значительно снижающим вину преступника, автором предлагается, помимо указанного Вальбергом, признавать ряд обстоятельств, которые приближают совершенное преступление к деянию, совершенному в состоянии крайней необходимости. «Сюда относится вообще необыкновенное стечение неблагоприятных обстоятельств, сложившихся внезапно без вины деятеля, и при которых лишь люди с крепким нравственным строем удержались бы на правомерном пути» [4, с. 325].

По мнению автора, для полноты характеристики преступника по случайному поводу необходимо ответить на вопрос о том, как сочетается понятие о нем со всеми совершаемыми преступлениями, независимо от их объективной тяжести. Последнее обстоятельство само по себе, как считает Вуль-

ферт, не может нивелировать значение случайного повода или соблазна как факторов, уменьшающих вину преступника. Но в то же время его нельзя сбрасывать со счетов из-за ряда моментов. При совершении объективно нетяжких деяний (неквалифицированная кража, самовольное использование чужого имущества и др.) соблазн или внешний повод могут воздействовать тем сильнее, чем проще совершить преступление. А преступное деяние не вызывает активного противодействия как закона, так и общества.

Иное дело, когда имеет место преступление, которое является тяжким из-за способа реализации преступного умысла, характера нарушенного виновным блага, охраняемого уголовным законом, и, наконец, причиненного вреда. По общему правилу, такие посягательства «предполагают интенсивное преступное настроение, нравственную испорченность деятеля. Когда деяние вызывается отверженным мотивом, глубоко коренящимся в личности деятеля, трудно говорить о преступнике по случайному поводу. Конечно, очень сильный и внезапный соблазн, наличие внешних обстоятельств, значительно извиняющих деятеля, может встретиться и здесь, конкретные обстоятельства дела могут совсем и не соответствовать абстрактному составу. Во всяком случае, по отношению к деяниям объективно тяжким требуется более строгое, более рестриктивное (ограничительное. — *Примеч. авт.*) истолкование термина случайного повода или соблазна» [4, с. 326].

При совершении ряда преступлений указанные обстоятельства могут, наоборот, повышать опасность содеянного и зависеть отличности виновного, усиливать вину преступника. Так, сильный соблазн кражи, имевший место при несчастном случае, не исключает признания деяния как квалифицированного. Он может появляться у лиц, в ведении которых находятся чужие средства или имущество. В обоих случаях «тяжкая виновность» преступника не вызывает сомнений.

Особую группу преступников, по мнению Вульферта, составляют лица, совершающие преступления в связи с аффектом. «Можно бы, конечно, сказать, что виновников таких деяний следует включить в группу преступников по случайному поводу. Но есть достаточные основания трактовать преступников по аффекту отдельно ... эти преступники почти исключительно являются виновниками деяний против жизни или против здоровья и в силу этого признака представляют особую группу» [4, с. 326–327].

Выделяемая группа преступников охватывает две категории лиц: во-первых, действующих

в состоянии сильного душевного волнения, вызванного внешними обстоятельствами; во-вторых, находящихся в указанном состоянии вследствие «укоренившейся страсти» или патологических особенностей личности.

Преступники, имеющие сильную преступную склонность, существенно отличаются от преступников по случайному поводу, они находятся на диаметрально противоположных точках континуума. Именно на этом основании Вальберг из группы преступников по случайному поводу выделяет указанную группу лиц. Наличие болезненной раздражительности при классификации преступников принимается во внимание Гарофало, который предлагает именовать их импульсивными.

Вульферт замечает, что между преступными деяниями, совершаемыми при наличии смягчающих обстоятельств (автор называет их настоящими случаями преступлений по поводу), и наиболее тяжкими преступлениями нет и не может быть просто единой демаркационной линии, когда одно переходит в другое, а располагается очень много ступеней и оттенков, которые либо сближают деяния с первыми их видами, либо, наоборот, со вторыми. Таково, например, преступление как эпизод, как единичный факт в жизни виновного, не представляющий особой тяжести ни субъективно, ни объективно. Их нельзя признать преступлениями по поводу, так как они не обладают присущими им признаками. Так же надо оценивать преступные деяния, совершаемые впервые, но лицами, характеризующимися как ведущими беспорядочный, праздный и развратный образ жизни. В отношении них можно сказать, что преступные деяния как бы постоянно готовятся, а при удобном случае — реализуются. Например, преступления, совершаемые нищими или проститутками, преступления, совершаемые по профессии (мелкие торговцы), и т. д.

В отличие от Ферри, Вульферт выступает против отражения в уголовном законодательстве случайных преступников по поводу или соблазну в качестве отдельной группы лиц, в отношении которых предусматривается специальное регулирование уголовной ответственности за содеянное. По его мнению, случайный повод или соблазн могут быть учтены законодателем при конструировании соответствующих составов преступлений, признаны смягчающими ответственность обстоятельствами или влекущими замену наказания особыми карательными мерами.

В отношении случайных преступников должны быть предусмотрены особые условия реализации наказания. В частности, рассматриваемые

обстоятельства могут быть приняты во внимание при решении вопроса об одиночном заключении, условном освобождении и размещении в особых тюремных отделениях.

Случайный преступник: корень вопроса, или Приоритет сущности над определением

Второй съезд членов Русской группы Международного союза криминалистов, который состоялся 17–19 февраля 1900 г. в Санкт-Петербурге, докладу Вульферта о случайном преступнике уделил, пожалуй, основное внимание, хотя другие вопросы, как представляется, также были немаловажными (например, о защите детства). Открывая работу съезда, И.Я. Фойницкий, в частности, отметил: «Первым в нашей программе поставлен вопрос о преступности спорадической, случайной, в противоположность хронической, профессиональной. В такой общей постановке вопрос этот принадлежит новому времени и, как известно, признание его вписано на знамени международного союза... Он имеет уже на Западе довольно богатую литературу, но там замечается странное, на первый взгляд непонятное явление: вопрос этот не только не близится к своему разрешению, а даже удаляется от него. Почва под ним как бы колеблется, место твердых положений занимают разномыслие и сомнения. А между тем, что, по существу, может быть правильнее и проще мысли о необходимости вникать в природу явлений, подвергающихся карательным мероприятиям, соотносить последние с оттенками вины и индивидуальными особенностями наказываемых? Вглядываясь в причины безуспешности новейшей литературной разработки этого вопроса, мы не можем не усмотреть в некоторой метафизичности в постановке последнего и в стремлении разрешить его по приемам не юридическим, а грамматическим и антропологическим. Заботятся, главным образом, о том, чтобы дать определение случайного преступника, и прежде всего стараются получить это из самого названия, забывая, что название может быть неточно, что понятие нужно приспособлять к названию, а не наоборот... Если мы желаем получить практически плодотворный ответ, то должны заботиться не о названии, а о самом понятии и всего меньше увлекаться определениями... Обращаясь к действительности, мы видим, что современная карательная система для многих лиц представляется наклонной плоскостью, по которой они увлекаются последовательно и бесповоротно на преступный путь, между тем как при иных приемах деятельности могли бы остаться полезными членами общества, что,

следовательно, она с неизбежностью развивает специальное бедствие рецидива. Конечно, такое явление продолжаться не должно, и мы для этого класса лиц, только или главным образом, условиями современной карательной системы на рецидив наталкиваемого, обязаны озаботиться о политике более разумной. В этом собственно и корень вопроса о так называемой случайной преступности» [16, с. 216–217].

Следует сказать, что среди русских криминалистов к этому времени сложились диаметрально противоположные позиции: одни воспринимали наличие случайного преступника, другие же отрицали его существование. Так, Г.Б. Слиозберг утверждал, что придавать серьезное значение понятию случайного преступника нет никаких оснований. Оно сложилось исторически в противовес появившемуся понятию привычного преступника. Признаки, характеризующие этот тип преступника, выбраны произвольно, являются случайными; «что не подходит под одну группу, подходит под другую».

Вульффертом, по мнению Слиозберга, допущена ошибка подмены: в докладе не говорится, собственно, о случайном преступнике, а речь идет о случайном преступлении при условиях, смягчающих вину. Однако надо иметь в виду, что и рецидивист может совершить аналогичное преступление. Само понятие соблазна не характеризует ни случайного преступника, ни вообще преступника-новичка. Соблазн, выступая в качестве мотива, побуждающего к действию, присущ каждому преступлению.

Вывод Слиозберга, не согласившегося с позицией докладчика, пессимистичен: «Попытка докладчика дать построение понятия “случайного преступника” бесспорно почтенная, но лишняя раз показывает, как опасны и губительны в научном отношении всякие дефиниции. И при наличии определения понятия преступника случайного все равно придется делать тот же анализ, который делался и раньше» [16, с. 228].

Фойницкий подверг критике позицию Слиозберга, указав при этом только одно: мнение последнего не было поддержано участниками дискуссии. Вульфферт также замечает, что отрицательная оценка понятия случайного преступника еще не является поводом для оценки этого лица как отрицательного типа. Все предпринимаемые попытки продиктованы одним – из указанного лица сформировать положительный тип. При этом он отстаивает позицию, согласно которой выделяемые признаки преступной личности необходимо жестко увязывать со свойствами совершенного преступного деяния.

Позиция М.П. Чубинского оказалась своеобразной: с одной стороны, он отвергал точку зрения Вульфферта, с другой, не разделял позицию Слиозберга. Он предлагал исходить не из того, когда и почему возник вопрос о случайном преступнике, а из того, что стали появляться попытки деления преступников на типы. В связи с этим по вопросу о сущности случайного преступника стали формироваться два научных направления: конструкция Вальберга во главу угла ставит наличие случайного повода для совершения преступления; конструкция Листа – критерий мотивов. Первый подход не выдерживает критики. Приняв ее за концептуальную основу, Вульфферт должен был пойти казуистическим путем. Между тем наличие соблазна само по себе существенного значения не имеет, поскольку в каждом конкретном случае необходимо устанавливать не только суть соблазна и характер совершенного преступления, но и связь между ними.

Признак устойчивости преступной склонности, напротив, в этиологии преступления нельзя признать безразличным. В каждом конкретном случае важно выявить, кем совершено преступление – новичком или человеком с преступным опытом. Однако данный критерий, являясь существенным, требуется отразить в уголовном законе. «Весь вопрос только в том, как конструировать этот признак в законе. Когда устойчивость преступной склонности имеется и когда ее нет. Можно ли в наличии одного преступления признать эту устойчивость? Критерий этот иногда может быть установлен по чисто формальному признаку (если впервые совершено преступное деяние) – здесь масштаб количественный. Но затем надо иметь в виду и масштаб качественный: каково общее этико-социальное настроение данного лица? Таким образом, надо оба эти масштаба комбинировать, и на свойство побуждений следует обращать особое внимание. Законодательный опыт в этом отношении уже имеется, так, например, при преступлениях политических и религиозных качественная сторона, характер побуждений преступника постоянно принимается во внимание» [16, с. 229].

Не соглашаясь с Чубинским и его оценкой мотива преступления, Вульфферт отмечает, что при оценке личности виновного данным признаком ученые часто злоупотребляют. При этом ход их рассуждений прямолинеен: если мотив мимолетен, то он присущ случайному преступнику; если же укоренившийся – привычному. Возражая против такой трактовки взаимосвязи мотива и типа личности преступника, Вульфферт утверждает, что

даже по отношению к двум лицам, действовавшим по одному и тому же мотиву, можно говорить о принадлежности к разным типам преступников. А признание мотива основным критерием отличия рассматриваемых преступников от других их типов может привести, как он полагает, к неоправданному ограничению прав ряда виновных, в частности на применение условного осуждения, например, в отношении виновных в имущественных преступлениях, которые все совершаются по «бесчестному» мотиву.

В.В. Пржевальский также предлагает в основу деления преступников на две категории – случайных и привычных (хронических) – положить мотив совершения преступления, понимая под ним всю «психологическую индивидуальность» виновного. Исходя из этого, случайными преступниками он признает лиц, в преступном поведении которых не встречаются бесчестные, низкие, антисоциальные мотивы, а сами преступления совершают средствами, не «внушающими отвращения чувству человечности». Законодателью нет необходимости отражать в законодательстве развернутое определение рассматриваемой личности преступника, поскольку по конкретному уголовному делу это способен сделать сам судья. Закон должен содержать общие указания о характере мотивов такого лица и примененных им средств.

Сообразно двум выделяемым категориям преступников в уголовном законе должны быть установлены две параллельные системы наказаний: 1) наказания «небесчестящие»; 2) наказания «бесчестящие». Первые применяются к случайным преступникам, вторые – хроническим.

К «небесчестящим» следует отнести наказания:

- 1) лишение свободы (арест, заточение);
- 2) денежный штраф;
- 3) условное осуждение к лишению свободы или денежному штрафу (судя по всему, условное осуждение Пржевальский признавал самостоятельным видом наказания, а не освобождением от реального отбывания наказания, как трактуется оно в современном уголовном праве);

4) выговор судебный с денежным поручительством или без него.

Исходя из мотива совершенного преступления, в законе, по мнению Пржевальского, необходимо указать, какие деяния, по своей сути всегда свидетельствующие об их антисоциальной направленности, должны быть наказуемы «бесчестящими» видами наказания (например, ростовщичество, злостное банкротство, сводничество, рецидив преступлений против личности, нравственности

и имущества). При этом лишение прав должно быть факультативным наказанием.

По мнению С.К. Гогеля, дать строго научное определение случайного преступника невозможно. Предпринятая Ломброзо попытка всеми исследователями признана неудачной. Типа преступника в естественнонаучном смысле не существует; преступники совершенно обыкновенные люди, такие же, как и все другие.

Гогель полагал, что для выяснения личности случайного преступника надо в том числе исходить из последних достижений в науке уголовного права, нашедших частичное отражение в законодательстве. В уголовной политике Россия отказалась от теории возмездия, задачей уголовного правосудия признана не бесцельная кара, а борьба с преступностью и преступниками. Именно исходя из указанных целей, на основании судебной практики и жизненных наблюдений необходимо классифицировать лиц, совершающих преступления.

Несомненно, наименее опасными среди них являются случайные преступники, то есть те, от которых нельзя ждать новых преступлений в будущем, если они останутся «в нормальных условиях жизни». Для них преступление явилось случайностью, не отражающей их характер, тип личности, нравственный и умственный склад. Однако при этом практически невозможно указать признаки, которые свидетельствуют о том, что совершенное деяние соответствует типу личности виновного, его совершившего, оно является случайным и нет опасения рецидива. Для законодателя и науки уголовного права необходимо просто признать существование случайных преступников, предоставив суду соответствующие полномочия в избрании меры борьбы с указанными лицами. Дело же судьи в каждом конкретном случае установить тип личности преступника и определить степень его опасности для общества. В настоящее время суд (суд присяжных в особенности) обязательно выясняет тип личности виновного; это является непременным условием всякого правильно функционирующего правосудия.

В ряду признаков, характеризующих случайного преступника, конечно, могут быть названы молодость, в связи с чем характер виновного еще не устоялся, внезапный соблазн, стечение обстоятельств и т. д., но все они не дают представления о нем как о типе преступника. Отнесение виновного к рассматриваемому типу может быть осуществлено только судьей в каждом отдельном случае, исходя из совершенного деяния и материалов уголовного дела.

Вместе с тем, как считает Гогель, отсутствие возможности дать точное определение понятия случайного преступника не означает отрицания самого этого типа и его значения как особой категории лиц, совершающих преступления. Подобная ситуация встречается в уголовном законодательстве. Так, оно не содержит понятия вменяемости, «о разумении малолетних»; так как их дефиниции в законе и науке сформулировать практически невозможно.

Однако сказанное не умаляет значения выделения указанного типа преступника и в первую очередь для организации борьбы с преступностью. «Эти преступники еще не вышли из рядов нормального общества, и потому законодатель должен стараться не о возвращении их в ряды нормального общества, а о том, чтобы применяемые им против этих преступников меры не выводили их из рядов нормального общества» [16, с. 230]. Среди них хорошие результаты показало условное осуждение, применяемое за рубежом к лицам, совершившим преступные деяния, характеризующиеся невысокой степенью общественной опасности (маловажные деяния).

Это не означает, во-первых, что в отношении случайных преступников применимо только условное осуждение; во-вторых, что к указанному типу виновных относятся только лица, совершившие маловажные деяния. К последним могут относиться и виновные в тяжком преступлении, но тем не менее не опасные для общества. Об этом свидетельствует судебная практика. Так, молодая крестьянка была выдана замуж вопреки ее воле. Она не смогла полюбить мужа, в связи с чем интимные отношения ее тяготили, вызывали страшное и естественное озлобление. После очередного раза она его удушила. «Разве эта преступница опасная для общества? — задает вопрос Чубинский. — Разве есть основания опасаться, что она совершит еще какое-либо преступление; совершенное ею есть разрешение семейной драмы, жизненного стечения обстоятельств, из которого другого выхода не было» [16, с. 230–231].

Чубинский приходит к выводу, что феномен случайного преступника существует реально; с этим обстоятельством надо считаться как науке, так и законодательству, «причем и в науке, и в законодательстве достаточно указать, что случайным преступником является тот, от которого нельзя опасаться при известных нормальных условиях жизни повторения преступлений; ближайшее же определение в каждом отдельном случае — есть ли налицо случайный преступник — необходимо

представить судье, а он справится с этим определением прекрасно» [16, с. 231].

А.А. Левенстим, по сути, полностью поддержал мнение Гогеля. По его мнению, нет никакой необходимости включения в уголовный закон понятия случайного преступника. Достаточно закрепить общее положение о нем, однако возникает вопрос о его месте в структуре Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. В Общей части этого делать нельзя. «...законодатель должен поступить, как он поступил теперь с понятием “ремесло”, внося его в особенную часть при отдельных преступлениях, но ближе не определяя его. Суд сам оценит в каждом отдельном случае, имеется ли в наличности случайный преступник, и давать ему еще какие-нибудь указания нет оснований» [16, с. 231].

По своим взглядам Д.А. Дриль был противником классической школы уголовного права, считал, что преступность есть не что иное, как выражение врожденных и приобретенных аномалий в душевной организации и нервной системе преступника, которого следует лечить, а не карать. Поэтому он в целом разделял взгляды Вульфферта о том, что случайным преступникам присущи некоторые особенности, обусловленные только внешними исключительными условиями либо внутренними причинами, либо в совокупности и теми, и другими. Случайным преступником может быть признан и рецидивист, если рассматривать изолированно одно из совершенных им деяний. Но в этом случае было бы ошибочным сбрасывать со счетов ранее совершенные преступления.

Кроме того, неверным, по мнению Дриля, является утверждение о том, что о случайном преступнике приемлемо говорить лишь при совершении преступления, не представляющего большой опасности («менее тяжкого деяния»). «Понятие случайного преступника в итальянской школе находится в связи с общей классификацией преступников. Эти попытки, как конкретные, а не общие, неудачны, но тем не менее вопрос о классификации преступников несомненно вопрос очень важный, в особенности с точки зрения пенитенциарной реформы, где речь идет о разных способах воздействия на преступника: здесь, сообразно с той или другой системой классификации, устанавливаются и известные меры воздействия. Но для суда и для законодательства вопрос о классификации и об определении свойства случайного преступника имеет значение второстепенного, напр., при указании условий условного осуждения, значения смягчающих вину обстоятельств

и т.п., но отрицать значение этого вопроса для пенитенциариста нельзя» [16, с. 231].

Случайные преступники в тюрьмах содержатся вместе с другими осужденными, при этом не учитывается как наличие рецидива, так и характер совершенного деяния. Дриль считал, что в целях исключения дальнейшей криминализации заключенных первых необходимо отделять от лиц, имеющих преступный опыт.

В.Н. Герард, как и некоторые другие практические работники, сомневался в обоснованности и целесообразности самой постановки вопроса о случайном преступнике. По его мнению, есть преступники, которых можно пожалеть, так как им трудно было бороться с соблазном, но они меньше всего должны интересовать ученых и практиков. Соблазн – это получение какой-либо выгоды из поступка; с ним надо бороться каждому, а не только преступнику. Иначе должен ставиться вопрос о тех, кто совершил преступление в связи с постигшей их бедой. «И в этом последнем смысле характер случайного преступления не исключается и при наличии рецидива» [16, с. 232].

Вульферт, отвечая Герарду, указывает, что лица, действовавшие под влиянием сильного аффекта, заслуживают особого внимания науки. Подобного рода деяния выделены в самостоятельный вид в уголовном законодательстве. Главное же, лица, о которых говорит Герард, образуют самостоятельную группу, отличающуюся от случайных преступников.

Г.С. Фельдштейн исследуемую проблему анализирует непосредственно с точки зрения назначения и исполнения наказания. По его мнению, принадлежность лица к категории случайных или привычных преступников не может служить надежным критерием при решении вопроса о выборе вида следствия.

В доктрине уголовного права и общественном сознании, отмечает Фельдштейн, считается общепризнанным, что при применении наказания необходимо стремиться к достижению полезных целей. Только они оправдывают наступление для правонарушителя тех неблагоприятных последствий, именуемых в уголовно-правовой теории наказанием.

Среди всех указанных целей необходимо первоначально выделить частное предупреждение, то есть предупреждение совершения нового преступления лицом, в отношении которого реализуется наказание. Эта задача, как подчеркивает ученый, по мнению многих криминалистов является одной из кардинальных целей, стоящих перед уголовно-правовым воздействием вообще и наказанием

в частности. Ее реализация достигается в необходимых случаях путем элиминирования нарушителя (исключение, в данном случае речь идет о казни преступника), в других случаях, когда крайних мер можно избежать, – путем создания или укрепления психологических установок, которые удерживают лицо от совершения вредных или опасных для общества действий. «Но возникает вопрос, – замечает Фельдштейн, – что может дать критерий принадлежности лиц к категории преступников случайных или привычных в тех случаях, когда заходит речь о воздействии на нарушителя в смысле возможно полного приспособления его к жизни в обществе. Мы должны сознаться, что, с нашей точки зрения, критерий этот не может, даже только в большинстве случаев, дать нам такие вполне определенные указания, которые имели бы решающее значение. Преступник случайный, так или иначе, заявил себя лицом, которое неспособно устоять перед соблазном совершить преступление. Чтобы сделать его безопасным и способным воздерживаться от того, что нетерпимо для общества, преступника случайного придется подвергнуть, может статься, режиму столь же суровому и продолжительному, как и привычного рецидивиста» [16, с. 232–233].

Фельдштейн в целом не отрицает допустимость классификации преступников на два типа: случайных и привычных. В первую очередь, как отмечает он, это целесообразно для дифференциации мер борьбы с преступностью. Однако ученый считал, что нет никаких оснований придавать ей решающее значение, поскольку этот критерий сам по себе без всякой увязки с другими обстоятельствами не является надежным инструментом при индивидуализации наказания.

Нет сомнения, что существуют неопасные рецидивисты и опасные случайные преступники. Чтобы еще раз убедиться в этом, можно сравнить общественную опасность, с одной стороны, неуравновешенного лица, под влиянием неблагоприятно сложившихся обстоятельств бросившегося с ножом на жертву и зарезавшего его, и, с другой стороны, рецидивиста, нарушающего тишину или оскорбляющего словами полицейского. «Для преступника случайного, раз он выбился из известной колеи, случаи неблагоприятного стечения обстоятельств могут только учащаться, и кто поручится за то, что он не опасен в будущем. С другой стороны, рецидивист, о котором у нас была речь, со своим подорванным организмом и ослабленной предприимчивостью, в каком-нибудь новом, неизведанном им еще направлении, останется до конца дней своих, как это и подтверждает быто-

вое изучение преступника, на той же ступени антагониста городских и нарушителя спокойствия мирных обывателей» [16, с. 233].

Как известно, цель частной превенции не исчерпывает все задачи, решаемые наказанием. Весьма существенными являются и такие из них, как общее предупреждение и устранение частной мести. Если с точки зрения специальной превенции нет оснований, исходя из которых тип преступника оказывал бы влияние на меру наказания, смягчая или, наоборот, усиливая карательное воздействие, то применительно к указанным двум целям имеет место иная ситуация, утверждает Фельдштейн. При этом он допускает, что чувство возмущения, вызываемое деянием, совершенным случайным преступником, не так глубоко, как то, которое имеет место в случае совершения преступления рецидивистом.

Ученый исходит из того, что общая превенция – второстепенная цель уголовного наказания, которая может достигаться путем угрозы наказанием и его применением. «Но и в той степени, в какой цели предупреждения общего могут реализоваться наказанием, это может достигаться, таким образом, только в весьма незначительной степени изменять, сделанные нами выше, выводы о значении критерия преступности случайной и привычной для дела уголовного вменения. Решающим для роли этого критерия остается, следовательно, то значение его, которое может иметь для дела предупреждения частного. В этой же области этому критерию... должно быть отведено только значение факультативное, а не абсолютное» [16, с. 234].

Фойницкий, анализируя мнение Фельдштейна, фактически стал на сторону Вульфберта, указав, что возражения, который тот привел, фактически приложимы к любому институту уголовной политики. Теория психологического принуждения, как и теория устрашения и возмездия [17], не приемлет ни условно-досрочного освобождения, ни тем более условного осуждения. Фойницкий утверждает: «Речь же собственно должна у нас идти о том, представляет ли действительная жизнь совокупность явлений, которые должны заставить нас признать наличность случайного преступника. Ставя это вопрос, не нужно смешивать его с вопросом об определении самого понятия и о признаках его» [16, с. 237].

Правда, при этом он фактически также вступает в дискуссию с Вульфбертом, говоря, что приведенные им признаки случайного преступника следует оценивать критически: применительно к указанным лицам необходимо речь вести о сте-

пени устойчивости преступной склонности, а не случайном поводе или соблазне. Но при этом оговаривается, что в любом случае существование среди осужденных таких лиц, которые еще не погрязли в преступности и могут быть легко возвращены обществу, если их не увлекло засылающее влияние общих карательных мер, применяемых к ним без учета их индивидуальных особенностей, не подлежит никакому сомнению. Но, к сожалению, они не выделяются из общей массы отбывающих наказание, что приводит к подготовке профессиональных преступников, причем за счет средств общества. Так было с несовершеннолетними преступниками до тех пор, пока в отношении них применялись не специальные, а общие для осужденных карательные меры. «Но опыт жизни показывает, что в однородном положении находятся и другие категории осужденных, которые также можно спасти для общества, придя к ним с верою и любовью, а не ограничиваться одним карательным путем. Нужно радоваться признанию понятия случайных преступников, или новичков преступности, потому что оно означает признание необходимости индивидуализирования карательных мер, и не следует при этом останавливаться ни перед недостаточностью даваемых определений, ни даже перед неточностью названий» [16, с. 237], – заключает Фойницкий.

По сути, об этом же говорит П.И. Ковалевский. По его мнению, главное не в том, как называть этих лиц, а в том, что тип случайного преступника, выделенный итальянской антропологической школой, существует, существенно отличается от прирожденных преступников, наличие которых доказано в последнее время целым рядом наблюдений итальянских врачей.

Вопрос о случайном преступнике А.С. Протасьев непосредственно связывает с возможностью применения института условного осуждения в борьбе со случайной и эпизодической преступностью. Эта проблема обсуждалась на предыдущем съезде криминалистов, в том числе рассматривались типичные признаки и особенности указанной группы лиц, которую, как заметил он, не вполне точно называют случайными преступниками. Можно было предположить, замечает Протасьев, что в связи с указанными обстоятельствами разрешение проблемы в значительной мере облегчилось, однако это оказалось не так. Противоречия возникли в оценке в основном двух моментов: во-первых, возможности создания научно обоснованной дефиниции понятия данного типа преступников; во-вторых, выработки приемлемых предложений *de lege ferenda*, которые бы

содержали установления, адресованные суду, как для отнесения подсудимого к рассматриваемому типу преступников, так и для уголовно-правовой оценки этих лиц.

Ситуация, сложившаяся по первому моменту, во многом, по мнению Протасьева, обусловлена рядом противоречий, присущих концепциям ученых о случайном преступнике. «Запросы политической жизни и требования рациональной защиты общества от преступных посягательств, — замечает он, — лучше всяких теоретических рассуждений опровергают последний взгляд. Законодательные работы ближайшего к нам времени (укажу, напр., на итальянское уложение 1890 г., на проекты общешвейцарский и норвежский) оказывают значительное внимание таким институтам, которые имеют целью борьбу с преступными агентами, не обнаружившими устойчивых преступных или порочных наклонностей, не требующими по отношению к себе продолжительного механического воздействия, нарушающими запрет закона эпизодически» [16, с. 234–235].

Поэтому он предлагает комплексно исследовать как преступников, так и те меры, которые на практике доказали свою эффективность. Основной характерной их чертой выступает цель реализации данных мер, которая заключается не в социальном перевоспитании или изоляции от общества еще «неиспорченных», эпизодических преступников, а моральное воздействие на них.

Указанные меры образуют систему, входящие в нее институты можно подразделить на два вида:

– меры морального воздействия по идее и материального по форме;

– меры абсолютно морального воздействия.

К первому виду относятся:

- 1) принудительный труд без заключения;
- 2) денежная пеня;
- 3) представление залога и поручительства;
- 4) домашний арест, арест с содержанием в одиночной камере.

Второй вид охватывает:

- 1) условное осуждение;
- 2) выговор;
- 3) прощение.

«Докладчик не остановил своего внимания на обрисованных институтах, не отметил практической важности вопроса, посылкой уже разрешенного действительной жизнью», — заметил Протасьев [16, с. 235].

К.В. Шавров, дискутируя с Вульффертом, обратил внимание на необоснованно узкое восприятие понятия случайного преступника, согласно которому таковыми могут признаваться только лица,

совершающие преступления, не представляющие большой общественной опасности, тем самым поддержав позицию Дриля. Как и последний, он допускал возможность признания случайным преступником посягающих на объективно важные блага. Правда, при этом оговаривался, что рассматриваемое понятие находится на этапе своего становления, многие его признаки требуют уточнения и более глубокого анализа. К числу подобных обстоятельств он относил соблазн, недостатки устойчивости личности и особенности мотивов случайных преступников, которые в конкретных ситуациях могут выступать не в качестве самостоятельных черт, а в виде определенных комбинаций. Каждый практик достаточно часто сталкивается с проблемой отграничения случайной преступности от привычной, разрешая ее при выборе вида и размера (срока) наказания. По мнению Шаврова, необходимо обратиться к судебной практике, исследовать приговоры по однородным уголовным делам и на основании этого определить, какие психологические черты преступников отмечают суды в судебных актах. Поскольку этого не сделано, он приходит к выводу, что вопрос о случайном преступнике поставлен преждевременно. «Трудность определения случайного преступника увеличивается недостаточным изучением личности преступника в современном процессе: последний для этой цели не приурочен. Но надо надеяться, что реформа процесса будет в этом направлении, на это указывает и новый закон о несовершеннолетних 1897 г. Закон этот значительно расширяет пределы исследования личности преступника, им установлена широкая психологическая и психиатрическая экспертиза. По этому пути должен идти и процесс о взрослых преступниках» [16, с. 236].

Шавров обращает внимание на становление и развитие ряда институтов уголовного права, в частности условного осуждения, условно-досрочного освобождения, принудительного воспитания, так называемых неопределенных приговоров, которые вначале появились как меры, адресованные малолетним преступникам, а затем их действие распространили и на взрослых лиц. Он замечает, что судья в абсолютном большинстве случаев не исследует личность преступника, последний для него — «мимолетное явление». Между тем только при глубоком и полном исследовании субъективной стороны содеянного и личности виновного можно получить эмпирические данные для научно обоснованного решения вопроса о случайном преступнике. При этом особое внимание Шавров предложил уделить «чисто формальным

преступлениям», например, воинским, которые практически не упоминаются в этом случае, хотя в характеристике лиц, виновных в их совершении, можно было бы установить характерные черты, присущие случайным преступникам.

Компромисс не состоялся...

(вместо заключения)

Обсуждение проблемы случайного преступника показало, что позиции русских криминалистов существенно разнятся, причем по всему кругу ее аспектов: начиная от отрицания обоснованности выделения указанного типа преступника, дефиниции ее понятия, выделения признаков, заканчивая уголовно-правовыми моментами — отражения его определения в уголовном законе и уголовно-правового значения. Поэтому обсуждение проекта решения съезда проходило не менее обстоятельно, чем самого доклада Вульфберга.

Выбор пал на предложение Фойницкого, так как оно носило наиболее общий характер. В окончательном виде решение съезда было принято в следующей редакции:

«1. ...соображения справедливости и интересы общежития настойчиво требуют, чтобы

из общей массы осуждаемых были выделяемы новички на преступном пути, которые, впадая в преступления по молодости, неопытности, преходящему извинительному увлечению или вообще по стечению несчастно сложившихся обстоятельств, заслуживают возможно большого снисхождения, и по отношению к которым применение обычных карательных мер представляется нецелесообразным.

2. Не касаясь пока конструкции, которая могла бы быть сообщена этой идее в постановлениях кодексов в общем и особенном составах преступления, съезд высказывает убеждение в практической возможности и необходимости ныне же принять ее во внимание при определении размеров ответственности, а также для установления специальных карательных мер или особых приемов в порядке исполнения наказаний» [16, с. 241].

Несмотря на такое решение съезда, его значение трудно переоценить: в науке был сделан очередной шаг, имевший значение для криминологии, уголовного права и тюрьмоведения, в частности для индивидуализации наказания и в целом средств уголовно-правового и исправительно-тюремного воздействия.

Литература

1. Международный союз криминалистов. Русская группа. Протокол заседания Комитета Русской группы Международного союза криминалистов 1 октября 1899 г. // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 9. 328 с.
2. Пионтковский А.А. Об условном осуждении, или системе испытания: уголовно-политическое исследование // Пионтковский А.А. Избранные труды. Т. 1. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 372 с.
3. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М.: Добросвет, 2000. 462 с.
4. Ломброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступнике. М., 1890.
5. Prins Adolphe. Science pénale et droit positif. Bruxelles, Paris, 1899. 589 с.
6. Johannes Jaeger. Beiträge zur Lösung des Verbrecher-problem. Erlangen, F. Junge, 1895. 185 с.
7. Tarde Gabriel de. La philosophie pénale (5e édition revue et corrigée). Lyon: Storck; Paris: Masson, 1890. 566 с.
8. Garraud René. Précis de droit criminel (Onzième édition revue et corrigée). Paris, 1912. — 1049 с.
9. Franz von Liszt. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. Berlin: J. Guttentag, 1902. 678 с.
10. Wahlberg Wilhelm Emil. Gesammelte kleinere Schriften und Bruchstücke über Strafrecht: Strafprocess, Gefängnisnkunde, Literatur und Dogmengeschichte der Rechtslehre in Oesterreich. Z. 3. Wien: A. Hölder, 1882. 360 с.
11. Lombroso Cesare. L'uomo delinquente studiato in rapporto alla antropologia, alla medicina legale, ed alle discipline carcerarie ... con incisioni. Torino, 1884. 610 с.
12. Ferri Enrico. Sociologia criminale. Torino: Fratelli Bocca, 1892. 848 с.
13. Garofalo Raffaele. Criminologia: Studio Sul Delitto, Sulle Sue Cause E Sui Mezzi Di Repressione. Torino: Fratelli Bocca, 1885. 495 с.
14. Закревский И.П. Об учениях уголовно-антропологической школы: критический очерк. Харьков: тип. А. Дарре, 1893. 233 с.
15. Marro Antonio. I caratteri dei delinquenti: studio antropologico-sociologico. Torino: Fratelli Bocca, 1887. 472 с.

16. Международный союз криминалистов. Русская группа. 1899–1902. Материалы. Санкт-Петербург, 1902. 577 с.

17. Чучаев А.И. Происхождение, становление и развитие учения о наказании: историко-правовой очерк // Учение о наказании в уголовном праве России / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2011. С. 12–156.

References

1. Mezhdunarodnyi soyuz kriminalistov. Russkaya gruppa. Protokol zasedaniya Komiteta Russkoi gruppy Mezhdunarodnogo soyuza kriminalistov 1 oktyabrya 1899 g. [International Union of Criminalists. Russian group. Minutes of the meeting of the Committee of the Russian Group of the International Union of Criminalists October 1, 1899]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii [Journal of the Department of Justice]*, 1899, no. 9. 328 p. (In Russian)

2. Piontkovskii A.A. Ob uslovnom osuzhdenii, ili sisteme ispytaniya: ugolovno-politicheskoe issledovanie [On probation, or the probationary system: a criminal-political study]. *Piontkovskii A.A. Izbrannye Trudy [Piontkovsky A.A. Selected works]*. V. 1. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta Publ., 2004. 372 p. (In Russian)

3. Foinitskii I.Ya. Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem [The doctrine of punishment in connection with prison science]. Moscow: Dobrosvet Publ., 2000. 462 p. (In Russian)

4. Lombroso Ch. Noveishie uspekhi nauki o prestupnike [The latest advances in criminal science]. Moscow, 1890. (In Russian)

5. Prins Adolphe. Science pénale et droit positif. Bruxelles, Paris, 1899. 589 p. (In French)

6. Johannes Jaeger. Beiträge zur Lösung des Verbrecher-problem. Erlangen, F. Junge, 1895. 185 p. (In German)

7. Tarde Gabriel de. La philosophie pénale (5e édition revue et corrigée). Lyon: Storck; Paris: Masson, 1890. 566 p. (In French)

8. Garraud René. Précis de droit criminel (Onzième édition revue et corrigée). Paris, 1912. 1049 p. (In French)

9. Franz von Liszt. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. Berlin: J. Guttentag, 1902. 678 p. (In German)

10. Wahlberg Wilhelm Emil. Gesammelte kleinere Schriften und Bruchstücke über Strafrecht: Strafprozess, Gefängniskunde, Literatur und Dogmengeschichte der Rechtslehre in Oesterreich. Z. 3. Wien: A. Hölder, 1882. 360 p. (In German)

11. Lombroso Cesare. L'uomo delinquente studiato in rapporto alla antropologia, alla medicina legale, ed alle discipline carcerarie ... con incisioni. Torino, 1884. 610 p. (In Italian)

12. Ferri Enrico. Sociologia criminale. Torino: Fratelli Bocca, 1892. 848 p. (In Italian)

13. Garofalo Raffaele. Criminologia: Studio Sul Delitto, Sulle Sue Cause E Sui Mezzi Di Repressione. Torino: Fratelli Bocca, 1885. 495 p. (In Italian)

14. Zakrevskii I.P. Ob ucheniyakh ugolovno-antropologicheskoi shkoly: kriticheskii ocherk [On the teachings of the criminal anthropological school: a critical essay]. Khar'kov: A. Darre Publ., 1893. 233 p. (In Russian)

15. Marro Antonio. I caratteri dei delinquenti: studio antropologico-sociologico. Torino: Fratelli Bocca, 1887. 472 p. (In Italian)

16. Mezhdunarodnyi soyuz kriminalistov. Russkaya gruppa. 1899–1902. Materialy [International Union of Criminalists. Russian group. 1899–1902 Materials]. Sankt-Peterburg, 1902. 577 p. (In Russian)

17. Chuchaev A.I. Proiskhozhdenie, stanovlenie i razvitie ucheniya o nakazanii: istoriko-pravovoi ocherk [Origin, formation and development of the doctrine of punishment: historical and legal essay]. In *Uchenie o nakazanii v ugolovnom prave Rossii [The doctrine of punishment in the criminal law of Russia]*. Ed. A.I. Korobeev. Vladivostok, Dal'nevostochnogo federal'nogo un-ta Publ., 2011, pp. 12–156. (In Russian)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ПОЛИОТРАСЛЕВАЯ ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБОРОННЫХ ЗАКУПОК: ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ И КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Барков Алексей Владимирович,
Киселев Александр Сергеевич

***Цель:** провести аналитику правовой природы института государственных оборонных закупок и исследовать специфику выявления и квалификации преступлений, совершаемых в данной сфере.*

***Методология:** анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение, абстрагирование, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.*

***Выводы.** Институт государственных закупок представляется сложным и многоаспектным правовым полиотраслевым институтом, состоящим из элементов гражданских, административных, уголовных, военных и других норм права. В связи с тем, что закупки для нужд обороны предполагают детализацию планирования расходов, особый порядок заключения государственного контракта и порядок формирования цен, данный институт имеет особую значимость и специфику. Констатируется невысокий уровень следственных проверок, который связан с большим количеством нормативных актов в сфере госзакупок, а также невысоким уровнем подготовки специалистов правоохранительных органов. Существующие пробелы в праве используются недобросовестными участниками торгов для совершения преступлений, что, в свою очередь, приводит к возможности разработки преступных схем.*

***Научная и практическая значимость.** Выявлено отсутствие единого подхода к расследованию преступлений в сфере закупок товаров, работ и услуг для нужд государства. Таким образом, практическая значимость раскрывается в том, что авторами предлагается унифицировать и обобщить существующие способы расследования экономических преступлений, совершаемых в сфере государственных оборонных закупок. Также предлагается выстроить порядок взаимодействия различных силовых структур при противодействии коррупционным проявлениям.*

***Ключевые слова:** госзакупки, преступление, госконтракт, государственный оборонный заказ, хищение госимущества.*

В последние годы вопросы осуществления контроля за государственными закупками получили особую актуальность на фоне увеличения количества правонарушений в данной сфере. По данным Генеральной прокуратуры России, общий объем преступлений по итогам 2020 г. вырос на 5,8% по сравнению с предыдущим 2019 г. (*Прикрылись короной: число нарушений с госзакупками выросло почти на 6% // [Электронный ресурс]: URL: <https://iz.ru/104213/elena-sidorenko/prikrylis-koronoj-chislo-narushenii-s-goszakupkami-vyroslo-pochti-na-6> (дата*

обращения: 31.07.2021)), а сумма ущерба по усредненным показателям оценивается в десятки миллионов рублей. Таким образом, данная тенденция не может не вызывать беспокойства со стороны правоохранительных органов и юридического общества. Для предупреждения и пресечения преступлений в данной сфере общественных отношений необходимо сформировать необходимый объем криминалистических и уголовно-правовых научных исследований, в частности путем проведения анализа статистических данных, изучения

и систематизации уголовных дел, а также осуществление научных разработок по квалификации составов Уголовного кодекса Российской Федерации в части совершения преступлений, связанных с государственными закупками для обеспечения обороны и безопасности государства.

Для восприятия масштаба, который приняла преступность в последние годы, можно провести сравнение с расходами из бюджета Российской Федерации на реализацию государственной программы «Развитие образования», рассчитанной на 2018–2025 гг., в которой на 2021 г. заложено 227 млн руб.; в то же время общий ущерб от преступлений, часть из которых связана с государственными заказами, в текущем году вырос до 22,9 млрд руб. (См.: *Ущерб от коррупции в России за четыре месяца 2021 г. превысил 22 млрд рублей* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4828730> (дата обращения: 02.08.2021)).

В связи с этим Президент России В.В. Путин, выступая в марте 2021 г. на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры России, потребовал «жестко пресекать злоупотребления при расходовании денег на реализацию национальных проектов <...> на это направляются «значительные государственные деньги» и они должны «работать на повышение качества жизни людей» (*Расходы чиновников и траты на нацпроекты: Путин обратился к руководству Генпрокуратуры* // [Электронный ресурс]: URL: <https://pasm.ru/archive/304738/> (дата обращения: 02.08.2021)).

Отметим, что на сегодняшний день практически все государственные и муниципальные объекты, а именно: строительство зданий и сооружений (жилищное строительство, возведение учреждений культуры, науки, искусства, здравоохранения и образования), прокладка и ремонт дорог федерального, регионального, местного назначения и т. д., возводятся застройщиками, выбранными посредством проведения торгов по законодательно предусмотренной процедуре. «При этом сфера закупок товаров, производства работ и оказания услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд наиболее подвержена криминальным посягательствам ввиду того, что именно в этой сфере сосредоточено наибольшее количество финансовых ресурсов, которые и становятся объектом преступлений» (*Антон Вайно провел заседание президиума Совета по противодействию коррупции* // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.kremlin.ru/events/administration/53028> (дата обращения: 28.07.2021)).

Для противодействия развитию преступности Следственным комитетом России реализуется комплекс мероприятий, направленных на

выявление и пресечение преступлений в сфере государственных закупок. В связи с тем, что данные преступления характеризуются различной направленностью: от мошеннических действий, подлога документации, подписания фиктивных актов выполненных работ до действий, направленных на срыв конкурса или прекращения контрактов, органами правопорядка была поставлена задача по обеспечению благоприятных условий для развития бизнеса у добросовестных участников экономических отношений. Отдельная задача поставлена и Главному военному следственному управлению Следственного комитета Российской Федерации по раскрытию преступлений в сфере госзакупок, взятых на ведомственный контроль.

Институт государственных оборонных закупок представляется сложным и многоаспектным правовым полиотраслевым институтом, состоящим из элементов норм гражданского, административного, уголовного, военного и других отраслей права. Контрактная система закупок товаров, производства работ и оказания услуг в России регулируется Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (*СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652*). Специфика размещения, выполнения государственного оборонного заказа и государственного контроля (надзора) в этой сфере отражена в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (*СЗ РФ. 2012. № 53 (часть 1). Ст. 7600*). К сожалению, данные полиотраслевые законы не могут предусмотреть и нивелировать существующие пробелы в праве, используемые для совершения преступлений, что приводит к разработке преступных схем некоторыми участниками торгов. Наиболее распространенным явлением стало обналичивание бюджетных средств с использованием фиктивных актов выполненных работ, подписанных организациями, находящимися в преступном сговоре с исполнителями. Например, часто используются схемы, при которых торги выигрывает конкретный подрядчик (исполнитель), передающий организаторам торгов определенные суммы денег в качестве вознаграждения за победу на конкурсе. На сегодняшний день преступники научились грамотно подходить к оформлению документации, срокам и иным требованиям, определенным законом, таким образом, формально-юридическая сторона государственного контракта может полностью соответствовать букве закона.

В уголовном законодательстве Российской Федерации содержится ряд норм, направленных

на охрану общественных отношений в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд (ст. 200⁴, 200⁵, 200⁶ УК РФ); в УК РФ есть главы, объединяющие преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (главы 21, 22, 23, 30 УК РФ).

Статья 200⁴ УК РФ предусматривает ответственность за злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Злоупотребление, согласно логике законодателя, заключается в нарушении законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и причинило крупный ущерб. Субъект преступления – специальный; им могут быть члены комиссии по осуществлению закупок, лица, осуществляющие приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иное уполномоченное лицо, представляющее интересы заказчика в сфере закупок, которое не является должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. Таким образом, уже ч. 1 ст. 200⁴ УК РФ, по существу, сразу является квалифицированным составом, так как в требованиях, предъявляемых к нему, уже закреплены специфические элементы: особая сфера общественных отношений, на которую совершается покушение; прямой умысел; крупный ущерб; специальный субъект.

Часть 2 ст. 200⁴ УК РФ, по сути, закрепляет особо квалифицирующие признаки, такие как совершение преступления группой лиц по предварительному сговору и особо крупный ущерб.

Статьей 200⁵ УК РФ предусмотрена ответственность за подкуп при осуществлении закупок. Диспозицией статьи запрещается передача работнику контрактной службы, контрактному управляющему, члену комиссии по осуществлению закупок, лицу, осуществляющему приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иному уполномоченному лицу, представляющему интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконные оказание вышеобозначенным должностным лицам услуг имущественного характера и др.

Конструкция рассматриваемой нормы права осложнена расширением состава преступления по

кругу лиц. При этом, если ст. 200⁴ УК РФ предусматривает в качестве субъекта преступления только специальное лицо, то ч. 1–3 ст. 200⁵ УК РФ устанавливает, что субъектом преступления может быть любое физическое лицо, обладающее правоспособностью.

Особо квалифицированные составы предусматривают те же действия, совершенные группой лиц по предварительному сговору или в крупном размере (ч. 2 ст. 200⁵ УК РФ), или в особо крупном размере (ч. 3 ст. 200⁵ УК РФ).

Зеркально противоположены составы ч. 4, 5 и 6 ст. 200⁵ УК РФ, предусматривающие, по сути, те же действия, однако не в части дачи, а по получению взятки, получению услуг, результатов выполненных работ не только в своем отношении, но и в отношении третьих лиц – физических или юридических.

Особо квалифицированные составы предусматривают вышеобозначенные действия поименованных лиц, сопряженные с вымогательством предмета подкупа, совершение группой лиц по предварительному сговору или совершение преступления в крупном размере (ч. 5 ст. 200⁵ УК РФ) или в особо крупном размере (ч. 6 ст. 200⁵ УК РФ).

Законодателем определено, что в ст. 200⁵ УК РФ под крупным размером понимается сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие 150 000 рублей, а под особо крупным размером – свыше 1 000 000 рублей.

Отдельно необходимо упомянуть норму ст. 200⁶ УК РФ, которая вводит в понятийный аппарат еще одного специального субъекта совершения преступлений – эксперта и уполномоченного представителя экспертной организации. Гипотеза статьи устанавливает уголовную ответственность за заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Простой состав преступления по ч. 1 ст. 200⁶ УК РФ предусматривает наказание за дачу названным спецсубъектом заведомо ложного экспертного заключения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, если это повлекло причинение крупного ущерба.

Квалифицированный состав преступления образуют те же деяния, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека (ч. 2 ст. 200⁶ УК РФ), а особо квалифицированный – если деяния, предусмотренные ч. 1 настоящей статьи, повлекли по неосторожности смерть двух и более лиц.

В качестве мер наказания по ст. 200⁴, 200⁵, 200⁶ УК РФ установлены: штраф, исправительные работы, принудительные работы и лишение свободы; при этом каждая из мер наказания, как правило, сопряжена с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Минимальный размер штрафа составляет до 200 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев (максимальный — от 2 000 000 до 5 000 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 2 до 5 лет), а в отношении применения лишения свободы — на сроки минимально до 3 лет, а максимально — до 7 лет.

Отметим, что при квалификации данных составов преступлений следует отграничивать преступные деяния от сходных преступлений, предусмотренных ч. 3, 4, 5, 6 и 7 ст. 159 УК РФ, закрепляющей наказания за мошенничество:

— совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере (ч. 3 ст. 159 УК РФ);

— совершенное организованной группой либо в особо крупном размере (ч. 4 ст. 159 УК РФ);

— сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, если это деяние повлекло причинение значительного ущерба (ч. 5 ст. 159 УК РФ), те же деяния, если они совершены в крупном размере (ч. 6 ст. 159 УК РФ) и в особо крупном размере (ч. 7 ст. 159 УК РФ).

Обращаем внимание, что преступления в сфере государственных закупок для обеспечения обороны и безопасности государства могут совершаться и иными способами, в том числе, изложенными в поименованных частях ст. 159 УК РФ и в иных статьях УК РФ.

Несмотря на широкую проработку составов преступлений в рассматриваемой сфере общественных отношений, на сегодняшний день до сих пор отсутствует правовой механизм, направленный на предотвращение этих преступлений. В доктрине существует позиция, согласно которой сфере уголовного регулирования государственных закупок должна быть посвящена отдельная глава УК РФ, объединяющая несколько уголовно-правовых норм. Ю.В. Скосырская, И.В. Краснов, Л.О. Герасимова полагают, что «необходимо ввести уголовную ответственность за заключение должностным лицом заведомо невыгодного для государства контракта» [1; 2]. Отметим, что данная позиция не лишена логики, поскольку современные составы преступлений не учитывают умысел

должностного лица при совершении им закупки, причиняющей существенный ущерб государственной казне. Наличие отдельной статьи в УК РФ может способствовать правомерному поведению должностных лиц. Иного мнения придерживается Ш.М. Шурпаев, предлагающий «предусмотреть квалифицирующий признак «использование служебного положения» в ст. 159 УК РФ (Мошенничество)» [3, с. 93], то есть совершенствовать уже существующий состав УК РФ, не закрепляя в тексте документа новых составов. На наш взгляд, в этой научной полемике нет правильного и нет ошибочного мнения, поскольку все исследователи сходятся в одном: сферу ответственности лиц, осуществляющих государственные закупки, нужно систематизировать посредством внесения соответствующих изменений в УК РФ.

Другая проблема заключается в том, что на сегодняшний день так и не сформировалась единая методика расследования преступлений в сфере закупок товаров, осуществления работ и оказания услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Это объясняется тем, что правоохранительные органы сталкиваются не с одним, а с множеством правонарушений в ходе каждого конкретного расследования. Даже на территории одного субъекта России могут формироваться различные подходы к расследованию однотипных преступлений.

Не менее остро стоит вопрос о латентности преступлений в сфере госзакупок. Это объясняется страхом и нежеланием лиц, сталкивающихся с преступлениями, подавать соответствующие заявления в правоохранительные органы. Е.В. Тищенко объясняет данную тенденцию следующим образом: «...возбуждение уголовных дел, связанных с изобличением лиц в незаконных действиях при проведении конкурсных процедур по закупкам, осуществляется в разы меньше, чем дел об административных правонарушениях в данной сфере. Это свидетельствует о высоком уровне их латентности...» [4, с. 107].

Практика следственных органов наглядно иллюстрирует тот факт, что раскрытию преступлений (в большей степени) способствовали сообщения от граждан и от сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в связи с чем у следователей появлялась возможность провести мероприятия, предусмотренные ст. 144–145 УПК РФ. В.О. Лапин указывает, что «...редкие случаи обращений в правоохранительные органы предпринимателей, разоблачающих чиновников-вымогателей, обусловлены, прежде всего, боязнью мести со стороны коррумпиро-

ванных должностных лиц и значительными финансовыми потерями для бизнеса...» [5, с. 46]. Таким образом, лишь небольшая доля граждан и юридических лиц готова сообщать в правоохранительные органы информацию и в последующем сотрудничать с ними при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Особый интерес представляет следующая позиция О.В. Лапина: «На практике складываются и такие ситуации, в которых представитель юридического лица сообщает правоохранительным органам о факте «отката» должностному лицу по его требованию, помогает его изобличить, сотрудничает со следствием. В таком случае это лицо, то есть взяткодатель, может быть освобождено от уголовной ответственности, а юридическое лицо, от имени и в интересах которого он выступает, от административной ответственности не освобождается. Представляется, что данные положения закона являются не вполне справедливыми и не стимулируют к сотрудничеству с правоохранительными органами в целях выявления взяткополучателей» [5, с. 46]. Убеждены, что это полностью противоречит целям как реабилитации, так и освобождения от уголовной ответственности, заложенным в соответствующих институтах уголовно-правового и уголовно-процессуального законодательства России.

Практика раскрытия и расследования преступлений в сфере госзакупок для нужд обороны показывает, что в данном случае должна применяться особая методика. Как отмечают Н.В. Кандыбко, Д.Б. Денисов, «...ввиду специфики государственных закупок для нужд обороны существуют следующие особенности: закрытые виды конкурсов при отсутствии в материалах торгов сведений, составляющих государственную тайну, проводятся не в электронной форме по аналогии с открытым аукционом, а на специализированной площадке; конкурентные способы определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в виде запроса котировок и запроса предложений не применяются; отсутствует законодательное регулирование отбора поставщиков (подрядчиков, исполнителей) для закупок с приглашением ограниченного перечня участников...» [6, с. 79–80]. Именно поэтому следует разработать отдельную методику расследования такого рода преступлений, а также предусмотреть в УК РФ повышенные меры ответственности для участников контрактной системы, прежде всего, для должностных лиц.

Учитывая особую значимость деятельности правоохранительных органов по проверке сообщений о фактах совершения преступлений в сфере

госзакупок, предлагаем авторский механизм действий следователя:

Выявление личности заявителя и получение от него объяснений. Также следует иметь в виду, что заявитель может пожелать остаться инкогнито.

Идентификация личности преступника, его профессиональной деятельности, служебного положения, полномочий, заинтересованности в совершении преступления, возможности реализации действий, направленных на приискание сообщников, орудий и средств совершения преступления. Аналогичным образом устанавливаются сведения, касающиеся заявителя.

Выявление особенностей сферы деятельности, в которой возникли общие интересы у заявителя и преступника, причин и условий, способствующих совершению правонарушения.

Выявление иных лиц, располагающих сведениями о преступлении.

5. Проверка версии о конфликтной ситуации между заявителем и преступником.

6. Поручение органу дознания (следствия) проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление факта совершения преступления.

7. Проведение осмотра места происшествия.

8. Принятие процессуального решения.

При этом важное значение имеет осуществление комплекса оперативно-розыскных мероприятий, направленных на задержание предполагаемого преступника с поличным при совершении преступления.

В рамках исследования следует отметить, что часть преступлений в сфере госзакупок связана с несоблюдением сроков, неправильным ведением и оформлением документации. Однако на практике такие нарушения не всегда выявляются. К сожалению, констатируется невысокий уровень доследственных проверок, который связан с большим количеством нормативных актов в сфере госзакупок, а также невысоким уровнем подготовки специалистов правоохранительных органов (например, в сфере финансового, муниципального, гражданского права). Зачастую именно недостаток сведений о противоправных деяниях, имеющих значение для расследования и раскрытия преступлений, является основанием для отказа в возбуждении уголовного дела.

Следует согласиться с мнением К.Ю. Комбарова: «...к настоящему моменту законодательно не установлены единые подходы по подготовке специалистов сферы государственных и муниципальных закупок, что не позволяет обеспечить высокое качество их обучения, а в дальнейшем точное со-

блюдение норм законодательства в сфере закупок товаров, работ и услуг для нужд государства и муниципальных...» [7, с. 41]. В этом состоит одна из основных проблем, которая тормозит развитие целого механизма расследования преступлений в сфере государственных закупок.

Комментируя вопрос о несовершенстве законодательства, заметим, что по контракту при проведении строительных работ выигравший торги подрядчик может привлекать не только профессиональных строителей, монтажников, инженеров и проектировщиков, но также и лиц с невысокой квалификацией либо без таковой. Так, часто выявляются случаи, когда у подрядчиков на объектах работали лица без гражданства, иностранные граждане, а также студенты. В ходе проверок было установлено, что вышеобозначенные лица трудились без оформления трудовых договоров, им выплачивалась минимальная заработная плата, при этом данные граждане осуществляли работы, для проведения которых требуются специальные знания и навыки. В погоне за выгодой подрядчик старается всячески сэкономить на ресурсах, в том числе на оплате квалифицированного труда. В связи с этим качество работ на таких объектах вызывает большие сомнения, а сданные объекты и вовсе могут быть аварийными и непригодными для использования. Представляется необходимым внести соответствующие изменения в дей-

ствующее законодательство и предусмотреть дополнительную ответственность для подрядчиков, привлекающих неквалифицированную рабочую силу при исполнении государственных контрактов, в случаях, когда использование квалифицированных специалистов прямо предусмотрено техническими и строительными правилами и регламентами.

Отметим, что на сегодняшний день отсутствует единый механизм расследования преступлений в сфере закупок товаров, работ и услуг для нужд государства и муниципальных, а в различных правоохранительных структурах формируются собственные подходы по противодействию преступлениям экономической направленности. Констатируется высокая латентность преступлений в сфере госзакупок, которая объясняется высокими рисками для физических и юридических лиц, опасаящихся за последствия сотрудничества с правоохранительными органами. Формируется порядок взаимодействия различных силовых структур при противодействии коррупционным проявлениям. Надеемся, что с учетом законодательных изменений и обобщения практики со временем будет сформирован новый единый механизм противодействия многочисленным преступлениям в сфере осуществления государственных закупок, который приведет к повышению эффективности этого общественно значимого института.

Литература

1. *Скосырская Ю.В.* Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями коррупционной направленности, совершаемыми в сфере государственных закупок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 27 с.
2. *Краснов И.В., Герасимова Л.О.* Эффективность и перспективы уголовно-правовой охраны сферы государственных и муниципальных закупок // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2014. № 4. С. 127–131.
3. *Шурпаев Ш.М.* Сфера осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд в механизме коррупционных проявлений // Экономика, социология и право. 2016. № 6. С. 90–93.
4. *Тищенко Е.В.* Преступления в сфере государственных и муниципальных закупок и меры борьбы с ними // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 11 (78). С. 106–111.
5. *Латин В.О.* Актуальные проблемы выявления и расследования преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 2. С. 44–55.
6. *Кандыбко Н.В., Денисов Д.Б.* Закупки для обеспечения обороны: правовая регламентация и особенности осуществления // Вестник военного права. 2020. № 1. С. 74–80.
7. *Комбаров К.Ю.* Особенности коррупционных преступлений, совершаемых при проведении государственных и муниципальных закупок в сфере здравоохранения // Механизм экономического обеспечения национальной безопасности: опыт, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, Краснодарский университет МВД России. 2016. С. 40–43.

References

1. *Skosyrskaya Yu.V.* Kriminologicheskie i ugovolno-pravovye mery bor'by s prestupleniyami korruptsionnoi napravlenosti, sovershaemymi v sfere gosudarstvennykh zakupok [Criminological and criminal law measures to combat corruption-related crimes committed in the field of public procurement]. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2011. 27 p. (In Russian)
2. *Krasnov I.V., Gerasimova L.O.* Effektivnost' i perspektivy ugovolno-pravovoi okhrany sfery gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakupok [Efficiency and prospects of criminal law protection in the sphere of state and municipal procurement]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. [Proceedings of the Southwestern State University. Series History and Law]*, 2014, no. 4, pp. 127–131. (In Russian)
3. *Shurpaev Sh.M.* Sfera osushchestvleniya zakupok dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd v mekhanizme korruptsionnykh proyavlenii [The scope of procurement to meet state and municipal needs in the mechanism of corruption manifestations]. *Ekonomika, sociologiya i pravo [Economics, Sociology and Law]*, 2016, no. 6, pp. 90–93. (In Russian)
4. *Tishchenko E.V.* Prestupleniya v sfere gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakupok i mery bor'by s nimi [Crimes in the field of state and municipal procurement and measures to combat them]. *Nauka i obrazovanie: h khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie [Science and Education: Economy and Economics; entrepreneurship; law and administration]*, 2016, no. 11 (78), pp. 106–111. (In Russian)
5. *Lapin V.O.* Aktual'nye problemy vyavleniya i rassledovaniya prestuplenii v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd [Actual problems of detecting and investigating crimes in the field of procurement of goods, works, services to ensure state and municipal needs]. *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti [Problems of law enforcement]*, 2017, no. 2, pp. 44–55. (In Russian)
6. *Kandybko N.V., Denisov D.B.* Zakupki dlya obespecheniya oborony: pravovaya reglamentatsiya i osobennosti osushchestvleniya [Procurement for Defense: Legal Regulation and Features of Implementation]. *Vestnik voennogo prava [Bulletin of Military Law]*, 2020, no. 1, pp. 74–80. (In Russian)
7. *Kombarov K.Yu.* Osobennosti korruptsionnykh prestuplenii, sovershaemykh pri provedenii gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakupok v sfere zdravookhraneniya [Peculiarities of corruption crimes committed in the course of state and municipal procurement in the healthcare sector]. In *Mekhanizm ekonomicheskogo obespecheniya natsional'noi bezopasnosti: opyt, problemy, perspektivy. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Mechanism for the economic provision of national security: experience, problems, prospects. Materials of the All-Russian scientific-practical conference]*. Krasnodar, Krasnodarskii universitet MVD Rossii Publ., 2016, pp. 40–43. (In Russian)

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ И АЛГОРИТМА УСТАНОВЛЕНИЯ

Комягин Роман Александрович

***Цель:** сформулировать с учетом соотношения категорий состава преступления и общественной опасности понятие малозначительности деяния, направленное на совершенствование действующего уголовного законодательства и практику его применения.*

***Методология:** индукция, дедукция, обобщение, сравнительный анализ, теоретическое моделирование.*

***Выводы.** В настоящем исследовании предпринята попытка теоретического обоснования приведения нормы о малозначительности деяния, предусмотренной в ч. 2 ст. 14 УК РФ, в соответствии с законодательным понятием основания уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ) и формально-материальным понятием преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ).*

В основе построения перечисленных понятий находятся две уголовно-правовые категории: состав преступления и общественная опасность как признак преступления. Современная редакция ч. 2 ст. 14 УК РФ не может быть признана совершенной, поскольку при решении вопроса об отнесении деяния к категории малозначительного не дает точного представления о необходимости установления системы элементов и признаков состава преступления, о полном или частичном несоответствии такого деяния общественной опасности, как признаку преступления, а также о соотношении данных категорий в рамках исследуемого явления.

Представляется, что сущность преступления, основания уголовной ответственности и малозначительности деяния должна выстраиваться в рамках одной концепции, основанной на единообразном понимании соотношения состава преступления и общественной опасности.

Малозначительным признается деяние, которое ввиду отсутствия состава преступления не обладает общественной опасностью как признаком преступления.

Применительно к составу преступления причиненный преступлением вред находит выражение в объекте и объективной стороне состава преступления. В свою очередь, объект преступления выступает основой формирования характера общественной опасности, а объективная сторона — ее степени. При признании деяния малозначительным, то есть не соответствующим признаку общественной опасности, анализу подлежат обозначенные элементы состава преступления. Невозможность причинения малозначительным деянием вреда, достигающего уровня преступления, указывает на отсутствие в рамках его структуры объекта и объективной стороны состава преступления. Как следствие, такое деяние не соответствует по характеру и степени общественной опасности признаку преступления.

***Научная и практическая значимость.** По результатам проведенного исследования, на основе изучения российского и зарубежного уголовного законодательства, доктринальных источников и судебной практики сформулировано понятие малозначительности деяния и теоретическая модель алгоритма установления исследуемой категории.*

***Ключевые слова:** Малозначительность деяния, преступление, уголовная ответственность, состав преступления, общественная опасность, признаки преступления, объективная сторона, субъективная сторона.*

С общим понятием преступления тесно связана категория малозначительности деяния. Согласно ч. 2 ст. 14 «Понятие преступления» УК РФ, «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

Данное понятие сконструировано посредством указания на две категории: состав преступления («признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим кодексом») и общественная опасность. При этом законодатель подчеркивает «формальное наличие в деянии» состава преступления при отсутствии общественной опасности.

Возникает ряд вопросов.

– Малозначительное деяние не соответствует общественной опасности или величина характера и степени общественной опасности не достигают того уровня, который присущ преступлениям?

– Влечет ли малозначительное деяние ответственность по иным отраслям права?

– Содержит ли малозначительное деяние систему элементов и признаков состава преступления?

Также налицо явное противоречие со ст. 8 «Основание уголовной ответственности» УК РФ, согласно которой таковым является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим кодексом. Малозначительное деяние соответствует составу преступления, однако не влечет уголовной ответственности.

С целью ответа на вопросы о том, обладает или нет малозначительное деяние признаком общественной опасности и наступает ли за его совершение ответственность по другим отраслям права, обратимся к анализу работ, представленных в науке уголовного права. При этом одни авторы говорят об отсутствии у малозначительного деяния признака общественной опасности, другие, напротив, указывают, что признак общественной опасности присущ исследуемому явлению.

Б.Т. Разгильдиев отрицает наличие признака общественной опасности у правонарушений иных отраслей права и предлагает следующую редакцию нормы о малозначительности: «Является правонарушением, а не преступлением деяние, не представляющее общественной опасности» [1, с. 100–102].

Н.Ф. Кузнецова придерживалась другой позиции, которая и получила наибольшее распространение в доктрине уголовного права. Она считала, что малозначительность — не что иное, как ми-

зерная степень общественной вредности наступивших последствий. Но высказывала сходное с Б.Т. Разгильдиевым мнение о том, что такое деяние может влечь ответственность по иным, кроме уголовного, отраслям права [2, с. 62, 147–150].

Несколько дополнял решение вопроса об ответственности за совершение малозначительного деяния О.Ф. Шишов. Он полагал, что, если в деянии полностью отсутствует признак общественной опасности, лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности. При наличии в деянии меньшей степени общественной опасности, чем свойственна преступлению, оно может приобретать статус административного, дисциплинарного или гражданского правонарушения [3, с. 11, 16–18, 33–34].

На то, что малозначительное деяние обладает всеми признаками преступления, а конкретно, виновностью, противоправностью и наказуемостью, однако степень общественной опасности не достигает уровня преступлений, указывает Н.А. Лопашенко [4, с. 337–339]. Схожего мнения придерживаются А.Э. Жалинский [5, с. 71], А.Н. Соловьев [6, с. 12, 156–157] и Ю.Е. Пудовочкин [7, с. 18–19; 8, с. 32–33].

Пример редакции нормы о малозначительности в рамках рассматриваемого подхода предлагает Н.Г. Иванов: «Малозначительным считается деяние, которое не достигает степени общественной опасности преступления». Степень общественной опасности преступления определяется через ценностные характеристики объекта посягательства и способа причинения вреда [9, с. 17–18, 75, 78].

А.П. Рожнов уточняет, что полное отсутствие признака общественной опасности у малозначительных деяний игнорирует единую социальную природу правонарушений всех отраслей права, выводит преступления за рамки правонарушающего поведения [10, с. 138].

Отдельно может быть выделена группа ученых, которые оперируют категорией «состав преступления» при установлении уголовно-правовой природы малозначительности деяния.

Полностью отрицает наличие общественной опасности у малозначительного деяния Ч.М. Багиров, несмотря на возможность причинения им незначительного вреда. При этом он указывает на формальную уголовную противоправность деяния — наличие признаков состава преступления [11, с. 5–6, 9].

А.В. Иванчин полагает, что в рамках ч. 1 ст. 24 УПК РФ необходимо закрепить два самостоятельных основания: «несоответствие признаков совершенного деяния составу преступления»

и «малозначительность деяния». Отличие малозначительного деяния в том, что оно содержит состав преступления — запрещено уголовным законом, но не соответствует общественной опасности и, как следствие, не является преступлением [12, с. 118–119, 121–122].

Аналогично считает В.Н. Винокуров и определяет исследуемую категорию как не являющееся преступным деяние, совершенное умышленно или неосторожно, содержащее все признаки состава преступления, наказуемое только в соответствии с УК и не влекущее административной или материальной ответственности [13, с. 82]. В другом случае, если деяние не соответствует составу преступления, предусмотренному в УК РФ, оно признается административным правонарушением. Вопрос о признании его малозначительным не ставится [14, с. 161–163].

Применительно к малозначительности деяния данные исследователи указывают на возможность автономного существования состава преступления и общественной опасности деяния, когда структура последнего соответствует составу преступления, но не причиняется вред интересам, охраняемым уголовным законом.

Возникает вопрос, каким образом деяние может соответствовать элементам и признакам состава преступления, предусмотренным в УК РФ, но при этом не обладать общественной опасностью?

Если исходить из того, что общественная опасность носит объективный характер, примером может служить предусмотренное в УК РФ преступление, утратившую свою общественную опасность и требующее декриминализации. Однако до момента его исключения из уголовного закона лицо должно понести наказание.

Противоречит данный вывод и ст. 8 УК РФ, которая указывает на основания для привлечения к уголовной ответственности уже исходя из наличия в совершенном деянии признаков состава преступления. Если есть состав, есть и преступление с присущими ему признаками.

При переходе к вопросу о том, содержит ли малозначительное деяние систему элементов и признаков состава преступления, следует отметить, что существуют различные мнения по поводу тех структурных частей состава преступления, отсутствие которых в совершенном деянии свидетельствует об отнесении его к категории малозначительного.

Ряд ученых считают, что незначительность причиненного вреда обусловлена признаками объекта и объективной стороны состава пре-

ступления. В качестве таковых Т.В. Церетели и В.Г. Макашвили называли: а) степень возможности наступления преступного результата; б) общественную значимость объекта посягательства; в) объем вреда, который может быть причинен объекту [15, с. 76]. М.И. Ковалев указывал на то, что применение положения о малозначительности всецело обусловлено особенностями объективной стороны состава совершенного деяния [16, с. 136–137].

Другие исследователи, помимо обозначенных элементов и признаков, называют субъект и (или) субъективную сторону. Например, Н.Д. Дурманов полагал, что признаки малозначительного деяния относятся к объекту или объективной стороне состава преступления, при этом также стоит учитывать и свойства субъекта преступления [17, с. 265]. По мнению А.М. Смирнова, малозначительность деяния — это оценочная категория, которая базируется на анализе системы состава преступления в целом [18, с. 25].

А.В. Ковальчук придерживается еще более широкой позиции. При признании деяния малозначительным анализу подлежат охраняемые социальные ценности и причиняемый им вред (характер общественной опасности), а также признаки объективной и субъективной стороны, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность (степень общественной опасности) [19, с. 67–68].

Приведенные мнения исследователей могут быть условно разделены на три группы. Рассмотрению подлежат: 1) отдельные элементы состава преступления (объект и (или) объективная сторона); 2) система элементов и признаков состава преступления в целом; 3) состав преступления и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

В результате анализа положений уголовно-правовой доктрины по-прежнему не представляется возможным ответить на вопросы, поставленные нами в начале исследования. Как результат, уголовно-правовая природа малозначительности деяния остается неясной.

Посредством разрешения перечисленных противоречий предпримем попытку сформулировать собственное понятие малозначительности деяния.

Сущность малозначительности деяния заключается в том, что оно не причиняет охраняемым уголовным законом объектам вреда, достигающего величины, характерной и необходимой для преступления. Верным следует признать подход, представленный в УК Республики Беларусь. В соответствии с ч. 4 ст. 11 «Понятие преступления»

этого уголовного закона, «...малозначительным признается деяние, которое не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам. Такое деяние в случаях, предусмотренных законом, может повлечь применение мер административного или дисциплинарного взыскания».

Представляется, что недостаток представленного определения заключается в игнорировании состава преступления и общественной опасности. Каким образом причиненный вред соотносится с данными категориями?

Применительно к составу преступления причиненный преступлением вред находит выражение в объекте и объективной стороне состава преступления. В свою очередь, объект преступления выступает основой формирования характера общественной опасности, а объективная сторона — ее степени. При признании деяния малозначительным, то есть не соответствующим признаку общественной опасности, анализу подлежат обозначенные элементы состава преступления. Невозможность причинения малозначительным деянием вреда, достигающего уровня преступления, указывает на отсутствие в рамках его структуры объекта и объективной стороны состава преступления. Как следствие, такое деяние не соответствует общественной опасности ни по характеру, ни по степени. Оно может влечь ответственность по иным отраслям права, например административному, если содержит признаки такого правонарушения.

Стоит уточнить, что поскольку состав преступления является единой системой элементов и признаков, отсутствие в структуре совершенного деяния объекта и объективной стороны исключает возможность его использования при характеристике структуры малозначительного деяния как категории в целом. При этом деяние может быть признано малозначительным независимо от того, в рамках какого состава оно предусмотрено (основного, квалифицированного, привилегированного) и к какой категории относится преступление.

Ошибочным следует признать мнение о том, что признаки субъективной стороны могут влиять на признание деяния малозначительным. В случае отсутствия признаков, характеризующих субъективную сторону состава преступления, следует вести речь о самостоятельном уголовно-правовом институте «Невиновное причинение вреда», предусмотренном в ст. 28 УК РФ. Также при совершении деяния лицом, не соответствующим призна-

кам субъекта преступления, отсутствуют общие условия наступления уголовной ответственности, предусмотренные ст. 19 УК РФ. Деяние, обладающее признаком общественной опасности, может быть совершено и ненадлежащим субъектом. Вопрос о малозначительности в этом случае не ставится, деяние не будет являться преступлением ввиду несоответствия общим условиям наступления уголовной ответственности.

На основании изложенного предлагаем следующую редакцию ч. 2 ст. 14 «Понятие преступления» УК РФ: «Малозначительным признается деяние, которое ввиду отсутствия состава преступления не обладает общественной опасностью как признаком преступления».

Полученные теоретические выводы находят подтверждение при анализе материалов судебной практики.

Так, нами рассмотрены материалы 23 уголовных дел, возбужденных по ст. 3223 УК РФ в Тамбовской, Саратовской, Рязанской и Белгородской областях, по которым принято решение о прекращении в связи с малозначительностью деяния. Например, за отсутствием в деянии состава преступления дознавателем было прекращено уголовное дело, возбужденное по ст. 3223 УК РФ, в связи с тем, что подозреваемая поставила на миграционный учет только одного человека, совершенное деяние не представляется общественно опасным и не является преступлением. При этом в ее действиях усматриваются признаки административного правонарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 19.27 КоАП РФ «Представление ложных сведений при осуществлении миграционного учета».

По ч. 1 ст. 222 и ч. 1 ст. 221 УК РФ нами было проанализировано 46 материалов уголовных дел, возбужденных в Тамбовской, Саратовской и Рязанской областях. Так, за отсутствием состава преступления было прекращено уголовное дело в отношении гражданина К., возбужденное по ч. 1 ст. 221 УК РФ. Согласно материалам дела, срок действия разрешения на хранение оружия и боеприпасов к нему, выданного К., истек. Однако взрывчатое вещество (порох) он продолжал хранить в течение последующих 4-х лет до момента изъятия в ходе осмотра места происшествия. По итогам проверки органами прокуратуры было выявлено, что в момент начала хранения взрывчатого вещества К. имел на то законное основание, и только после истечения срока действия продолжил его хранить незаконно. Количество пороха являлось небольшим, какая-либо цель использования отсутствовала, а для хранения использовался сейф, в котором ранее находилось

оружие и боеприпасы. Отметим, что в этом случае действия К. могут подпадать под ст. 20.8 КоАП РФ и являться основанием для привлечения к административной ответственности.

В приведенных примерах прослеживается зависимость между отсутствием в структуре совершенного деяния объекта и объективной стороны состава преступления, с одной стороны, и несоответствием деяния общественной опасности как признака преступления, с другой. Отсутствие в примерах таких признаков состава преступления, как общественно опасное деяние, общественно опасные последствия, предмет преступления, влечет отсутствие в их структуре и состава преступления.

Полученные выводы могут быть представлены в виде алгоритма установления малозначительности деяния:

1) причиненный деянием вред находит выражение в объекте и объективной стороне как элементах состава преступления;

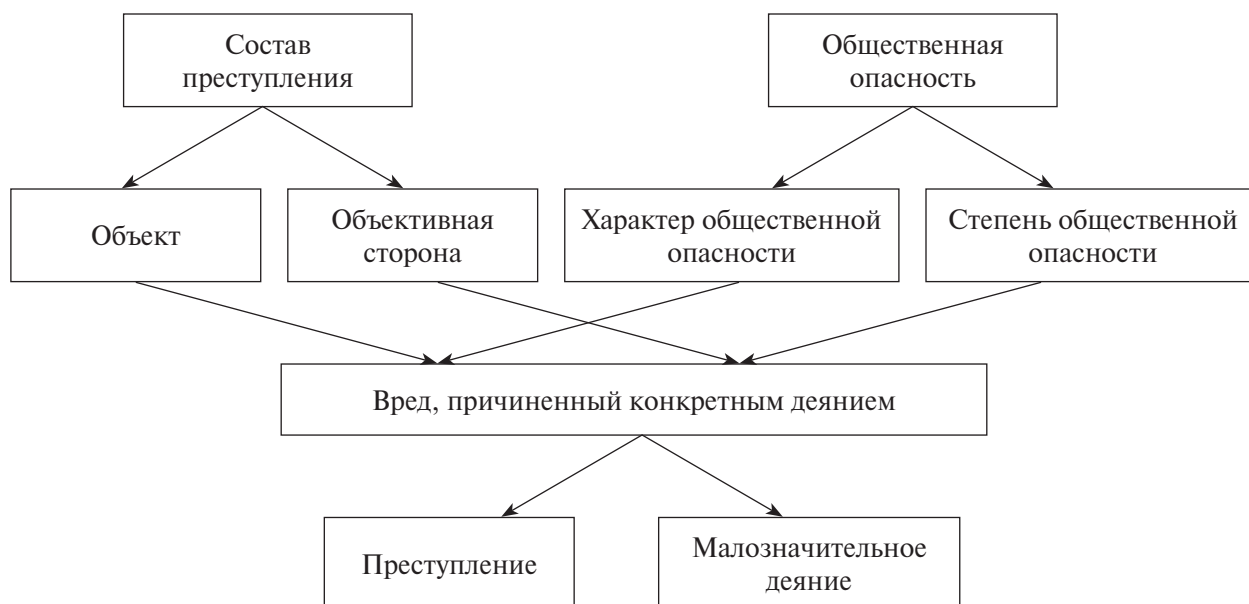
2) объект и объективная сторона находятся в основе построения характера и степени общественной опасности;

3) анализ объекта и объективной стороны позволяет сделать вывод о соответствии деяния признаку общественной опасности;

4) если вред, причиненный деянием, не позволяет сделать вывод о нахождении в рамках его структуры объекта и объективной стороны состава преступления, такое деяние признается малозначительным ввиду несоответствия признаку общественной опасности;

5) малозначительное деяние не влечет уголовную ответственность.

Теоретическая модель алгоритма установления малозначительности деяния

Литература

1. Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Том 2. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2008. 648 с.
2. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М.: Издательство Московского университета, 1969. 232 с.
3. Шишов О.Ф. Преступление и административный проступок: учеб. пособие. М.: Издательство ВЮЗИ, 1967. 67 с.
4. Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Авторский курс: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 440 с.
5. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А.Э. Жалинского. М.: ЭКСМО, 2005. 1088 с.
6. Соловьев А.Н. Понятие преступления: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 235 с.
7. Пудовочкин Ю.Е., Дорогин Д.А. Учение о преступлении и о составе преступления: учебное пособие. М.: РГУП, 2017. 224 с.

8. *Пудовочкин Ю.Е.* Учение о преступлении: избранные лекции. М.: Юрлитинформ, 2010. 276 с.
9. *Иванов Н.Г.* Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. М.: Проспект, 2016. 80 с.
10. *Рожнов А.П.* Проблемы обеспечения юридической справедливости при межотраслевой дифференциации юридической ответственности // *Logos et Praxis*. 2017. Т. 16. № 4. С. 134–141.
11. *Багиров Ч.М.* Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. — 168 с.
12. *Иванчин А.В.* Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 2014. — 462 с.
13. *Винокуров В.Н.* Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // *Журнал российского права*. 2014. № 4. С. 74–83.
14. *Винокуров В.Н.* Природа малозначительности деяния в уголовном праве. Актуальные проблемы борьбы с преступностью // *Материалы XXII межд. науч.-практ. конференции. Часть 1*. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. С. 161–163.
15. *Церетели Т.В., Макашвили В.Г.* Состав преступления как основание уголовной ответственности // *Советское государство и право*. 1954. № 5. С. 67–77.
16. *Ковалев М.И.* Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1987. 208 с.
17. *Дурманов Н.Д.* Понятие преступления. М.; Л.: Изд-во и 2-я типография Издательства Академии наук СССР, 1948. 315 с.
18. *Смирнов А.М.* Учение об общественно опасных формах преступного деяния: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 208 с.
19. *Ковальчук А.В.* Малозначительность деяния как средство определения границ преступного: правовая природа, проблемы правоприменения и законодательного закрепления. Минск: Академия МВД, 2016. 122 с.

References

1. *Ugolovnoe pravo Rossii: kurs leksii: v 6 t.* [Criminal Law of Russia: course of lectures: in 6 volumes]. Ed. B.T. Razgil'diev. Vol. 2. Saratov: Publishing house of the Saratov State Academy of Law, 2008, 648 p. (In Russian)
2. *Kuznetsova N.F.* Prestuplenie i prestupnost' [Crime and criminality]. Moscow, Publishing house of the Moscow University, 1969, 232 p. (In Russian)
3. *Shishov O.F.* Prestuplenie i administrativnyi prostupok. Uchebnoe posobie [Crime and administrative misconduct. Textbook]. Moscow, VYuZI Publ., 1967, 67 p. (In Russian)
4. *Lopashenko N.A.* Razmyshleniya ob ugolovnom prave. Avtorskii kurs: monografiya [Reflections on criminal law. Author's course: monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020, 440 p. (In Russian)
5. *Uchebno-prakticheskii kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Educational and practical commentary on the Criminal Code of the Russian Federation] / Ed. A.E. Zhalinskii. Moscow, EKSMO Publ., 2005, 1088 p. (In Russian)
6. *Soloviev A.N.* Ponyatie prestupleniya: teoreticheskie, zakonodatel'nye i pravoprimeritel'nye aspekty [The concept of crime: theoretical, legislative and law enforcement aspects]. Diss. ... kand. jurid. nauk. 12.08.00. Volgograd, 2000, 235 p. (In Russian)
7. *Pudovochkin Yu.E., Dorogin D.A.* Uchenie o prestuplenii i o sostave prestupleniya: uchebnoe posobie [The doctrine of the crime and the composition of the crime: a textbook]. Moscow, RGUP Publ., 2017, 224 p. (In Russian)
8. *Pudovochkin Yu.E.* Uchenie o prestuplenii: izbrannye leksii [The doctrine of crime: selected lectures]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2010, 276 p. (In Russian)
9. *Ivanov N.G.* Obschestvennaya opasnost' deyaniya kak ontologicheskaya osnova kriminalizatsii [Public danger of an act as an ontological basis of criminalization]. Moscow, Prospect Publ., 2016, 80 p. (In Russian)
10. *Rozhnov A.P.* Problemy obespecheniya yuridicheskoi spravedlivosti pri mezhotraslevoi differentsiatsii yuridicheskoi otvetstvennosti [Problems of ensuring legal justice in the intersectoral differentiation of legal responsibility]. *Logos et Praxis*, 2017, Vol. 16, no. 4, pp. 134–141. (In Russian)

11. *Bagirov Ch.M.* Maloznachitel'nost' deyaniya i ee ugovolno-pravovoe znachenie [The insignificance of the act and its criminal legal significance]. Avtoref. ... kand. jurid. nauk. 12.08.00. Tyumen', 2005, 168 p. (In Russian)
12. *Ivanchin A.V.* Kontseptual'nye osnovy konstruirovaniya sostava prestupleniya [Conceptual foundations of the construction of the corpus delicti.] Diss. ... dokt. jurid. nauk. 12.00.08. Yaroslavl', 2014, 462 p. (In Russian)
13. *Vinokurov V.N.* Maloznachitel'nost' deyaniya v ugovolnom prave: priznaki i formy [Insignificance of an act in criminal law: signs and forms]. *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2014, no. 4, pp. 74–83. (In Russian)
14. *Vinokurov V.N.* Priroda maloznachitel'nosti deyaniya v ugovolnom prave. Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu [The nature of the insignificance of an act in criminal law. Actual problems of the fight against crime]. In *Materialy XXII mezhd. nauch.-prakt. konferentsii. Chast' 1 [Materials of the 22nd international scientific and practical conference. Part 1]*, Krasnoyarsk: SibYuI MVD Rossii Publ., 2019, pp. 161–163. (In Russian)
15. *Tsereteli T.V., Makashvili V.G.* Sostav prestupleniya kak osnovanie ugovolnoi otvetstvennosti. [The composition of the crime as the basis of criminal responsibility]. *Sovetskoe gosudarstvo i parvo [Soviet state and law]*, 1954, no. 5, pp. 67–77. (In Russian)
16. *Kovalev M.I.* Ponyatie prestupleniya v sovetskom ugovolnom prave [The concept of crime in Soviet criminal law]. Sverdlovsk: Ural University Publ., 1987, 208 p. (In Russian)
17. *Durmanov N.D.* Ponyatie prestupleniya [The concept of crime]. Moscow, Leningrad, Izd-vo i 2-ya tipografiya Izdatel'stva Akademii nauk SSSR Publ., 1948, 315 p. (In Russian)
18. *Smirnov A.M.* Uchenie ob obshchestvenno opasnykh formakh prestupnogo deyaniya: monografiya [The doctrine of socially dangerous forms of criminal acts: monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2016, 208 p. (In Russian)
19. *Kovalchuk A.V.* Maloznachitel'nost' deyaniya kak sredstvo opredeleniya granits prestupnogo: pravovaya priroda, problemy pravoprimereniya i zakonodatel'nogo zakrepleniya [Insignificance of an act as a means of defining the boundaries of criminal: legal nature, problems of law enforcement and legislative consolidation]. Minsk: Akademiya MVD Publ., 2016, 122 p. (In Russian)

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Буянтуев Станислав Очирович

Цель: сравнить и проанализировать реализацию состязательности как самостоятельного уголовно-процессуального принципа и влияние на него участия адвоката-защитника в досудебном производстве. Выявить достаточность (недостаточность) правовых предписаний для повышения эффективности состязательности как средства установления уголовно-процессуального баланса между обвинением и защитой.

Методология: дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Обоснована необходимость повышения статуса адвоката-защитника в досудебном производстве по уголовному делу. Совершенствование механизма предоставления лицу, ведущему производство по делу, защитником собранных им в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ материалов следует рассматривать как средство повышения реализации принципа состязательности в досудебном производстве.

Научная и практическая значимость. Сопоставление отдельных положений российского уголовно-процессуального законодательства, регулирующих состязательность в досудебном производстве, позволяет сделать вывод о недостаточности реализации правового механизма. Обоснованы предложения, направленные на повышение роли адвоката-защитника и его влияния на доказательственный процесс в досудебном производстве по уголовному делу.

Ключевые слова: адвокат; защитник; досудебное производство; состязательность; функция защиты.

Современное российское уголовное судопроизводство осуществляется на основе системы принципов, среди которых состязательность имеет особое место. Это в некоторой степени обусловлено определенной дискуссионностью содержания состязательности при сравнении ее действия в досудебном или судебном производствах.

Принципы в любой отрасли права имеют важное значение в виду исходности содержащихся в них базовых положений. Они имеют важное значение в правоприменении и реализации норм права в отраслевых сферах [1, 2, 3].

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации принципы объединены в самостоятельной главе 2. Отметим, что в ранее действовавшем УПК РСФСР они помещались в Общие положения и не группировались в отдельную (самостоятельную) главу.

Длительное время существует дискуссия о принципах в уголовном процессе: их действие на всем производстве по уголовному делу или в отдельных стадиях; обязательность их закрепления в нормах УПК РФ или разработка в науке уголовного процесса; их количество; отличие принципа от общего условия судопроизводства и т. д.

Так, например Ю.Г. Овчинников говорит об обязательной нормативности принципов уголовного процесса. «В данной связи принципы права должны закрепляться в соответствующих нормах, а именно во второй главе Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ), либо вычленяться из их совокупности» [4, с. 32–35]. Это утверждение в отношении принципов основано на обязательности их применения и руководства только нормами закона, то есть предписаниями УПК РФ в правоприменительной деятельности дознава-

теля, следователя, прокурора или суда, а также иных участников уголовного судопроизводства. Как представляется, есть предложения выделять из имеющихся исходных начал новые принципы. Так, например, А.Ю. Епихин обосновывает выделение безопасности как принципа из положений ч. 3 ст. 11 УПК РФ «Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» [5, с. 13–17]. В отдельных случаях публикуются научные рассуждения об отличии принципа от общего условия на примере гласности уголовного судопроизводства [6, с. 61–65].

На наш взгляд, состязательность функционально реализуется только на судебных стадиях, в которых государственный обвинитель и защитник обладают равными правами влияния на процесс доказывания по уголовному делу. Исходя из буквального толкования, содержание ст. 15 УПК РФ, по сути, относится непосредственно к судебной деятельности. Такой вывод следует из прямого указания в ч. 4 ст. 15 УПК РФ – «стороны обвинения и защиты равноправны перед судом».

Содержание ст. 244 УПК РФ как общее условие судебного разбирательства устанавливает равенство сторон обвинения и защиты. В этой норме перечислены одинаковые права сторон на «заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях, представление суду письменных формулировок по вопросам, указанным в пп. 1–6 ч. 1 ст. 299 настоящего Кодекса, на рассмотрение иных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства».

Вместе с тем процессуальное противостояние в досудебном производстве между адвокатом-защитником и дознавателем, следователем в настоящее время нуждается в совершенствовании. Участники уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела и в предварительном расследовании обладают весьма внушительными правомочиями влияния на судьбу уголовного дела по сравнению с правовыми возможностями адвоката-защитника.

Исследование понятия и содержания уголовно-процессуального принципа состязательности, по нашему мнению, в настоящее время актуально в связи с наметившейся тенденцией расширения полномочий защитника в уголовном деле. Так, например, внесены изменения и дополнения в процедуру удовлетворения заявленных защитником ходатайств (новые ч. 2.1 и 2.2 ст. 159 УПК РФ), дополнение положениями и новых гарантий проведения обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката (ст. 450.1 УПК РФ) и призна-

нии недопустимыми доказательств, полученных с нарушением (новый п. 2.1 ч. 21 ст. 75 УПК РФ) (Федеральный закон от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2455). Перечисленные новеллы свидетельствуют о стремлении законодателя усилить правомочия адвоката-защитника в производстве по уголовному делу и установить дополнительные гарантии в реализации состязательности. Такие дополнения в содержание УПК РФ указывают на необходимость обеспечения оптимального баланса уголовно-процессуальной системы с целью равновесия полномочий участников со стороны обвинения и со стороны защиты в процессе установления обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ).

В этой связи отметим, что состязательность имеет самое непосредственное отношение к основным уголовно-процессуальным функциям обвинения и защиты. Именно эти функции и подлежат уравниванию в уголовном процессе.

Влияние состязательности на реализацию функции защиты может выражаться в выявлении новых процессуальных механизмов усиления возможности влияния на процесс доказывания участников со стороны защиты, среди которых особое значение имеет адвокат-защитник. По нашему мнению, законодательно следует закрепить процессуальный механизм приобщения к материалам уголовного дела тех материалов, которые собраны защитником на основании и средствами, указанными в ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Кроме того, обязательность удовлетворения заявленного защитником ходатайства о приобщении к делу материалов также необходимо анализировать с точки зрения повышения гарантий прав защиты (ст. 159 УПК РФ).

Роль адвоката-защитника и его процессуальный статус особенно важны в реализации функции защиты. Это выражается, прежде всего, в его самостоятельности и профессионализме: он выполняет свои процессуальные полномочия на профессиональной основе, имея необходимое образование и опыт юридической деятельности по уголовным делам.

Необходимо также учитывать особенности проявления состязательности в досудебном производстве и тенденции усиления влияния защитника на процесс доказывания в досудебном производстве.

Состязательность в стадии возбуждения уголовного дела проявляется, прежде всего, в установлении надлежащих гарантий лица, которое может быть подвергнуто в уголовно-процессуальной

перспективе уголовному преследованию после вынесения полномочным лицом постановления о возбуждении производства по делу. Так, например, согласно п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ свидетель вправе являться на допрос с адвокатом.

Защитник вправе обжаловать действия (бездействия) и принятые дознавателем или следователем решения на основании ст. 124, 125, 125.1 УПК РФ, например постановление об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст. 125 УПК РФ) или постановление о прекращении производства по делу (ч. 1 ст. 125.1 УПК РФ).

Состязательность в предварительном расследовании обнаруживается в появлении участника процесса, в отношении которого начинается уголовное преследование (подозреваемого или

обвиняемого). С этого момента в традиционном смысле начинается уголовное преследование, которое носит персонифицированный характер. Поскольку функция обвинения выражается в различных процессуальных средствах и мерах, необходимым условием является защита от подобных ограничений по отношению к лицу, в отношении которого осуществляется такое преследование.

Таким образом, как полагаем, усиление правомочий и процессуальных гарантий адвоката-защитника в досудебном производстве как в процессе доказывания по уголовному делу, так и отстаивания прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого, является важным для реализации принципа состязательности в уголовном процессе.

Литература

1. *Ибрагимов Г.И., Ибрагимова Е.М., Бакулина Л.Т.* Тенденции системы контроля и оценки результатов образования в высшей школе // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2017. № 12. С. 10–14.
2. *Бакулина Л.Т.* Подходы к исследованию правового регулирования // *Lex russica (Русский закон)*. 2016. № 8 (117). С. 9–20.
3. *Бакулина Л.Т., Губайдуллин А.Р., Погодин А.В.* Реализация права. Казань: Казанский университет, 2012. 134 с.
4. *Овчинников Ю.Г.* К вопросу о недопустимости расширительного толкования принципов уголовного судопроизводства // *Российская юстиция*. 2020. № 5. С. 32–35.
5. *Епихин А.Ю.* Безопасность личности как принцип уголовного процесса // *Российский следователь*. 2002. № 4. С. 13–17.
6. *Епихин А.Ю.* Гласность судебного разбирательства: принцип или общее условие? // *Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления*. Серия: Государство и право. 2014. № 18. С. 61–65

References

- Ibragimov G.I., Ibragimova E.M., Bakulina L.T.* Tendentsii sistemy kontrolya i otsenki rezul'tatov obrazovaniya v vysshei shkole [Trends in the system for monitoring and evaluating the results of education in higher education]. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly) [Alma mater (High School Bulletin)]*, 2017, no. 12, pp. 10–14. (In Russian, abstract in English)
7. *Bakulina L.T.* Podkhody k issledovaniyu pravovogo regulirovaniya [Approaches to the study of legal regulation]. *Lex russica (Russkii zakon) [Lex russica (Russian Law)]*, 2016, no. 8 (117), pp. 9–20. (In Russian, abstract in English)
8. *Bakulina L.T., Gubaidullin A.R., Pogodin A.V.* Realizatsiya prava [Realization of the right]. Kazan', Kazanskii universitet Publ., 2012. 134 p. (In Russian)
9. *Ovchinnikov Yu.G.* K voprosu o nedopustimosti rasshiritel'nogo tolkovaniya printsipov ugovnogo sudoproizvodstva [Concerning the impermissibility of a broad interpretation of criminal justice principles]. *Rossiiskaya yustitsiya [Russian justice]*, 2020, no. 5, pp. 32–35. (In Russian, abstract in English)
10. *Epikhin A.Yu.* Bezopasnost' lichnosti kak printsip ugovnogo protsesssa [Security of the person as a principle of criminal procedure]. *Rossiiskii sledovatel' [Russian investigator]*, 2002, no. 4, pp. 13–17. (In Russian)
11. *Epikhin A.Yu.* Glasnost' sudebnogo razbiratel'stva: printsip ili obshchee uslovie? [Publicity of proceedings: principle or general condition?]. *Vestnik Komi republikanskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby i upravleniya. Seriya: Gosudarstvo i pravo [Bulletin of the Komi Republican Academy of Public Administration and Management. Series: State and Law]*, 2014, no. 8, pp. 61–65 (In Russian)

НРАВСТВЕННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЧАСТНО-ПУБЛИЧНОЙ ПРАВОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБВИНЕНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Левченко Олег Викторович

***Цель:** рассмотреть проблему нехватки понятийного аппарата в уголовно-процессуальной науке. Восполнение этой нехватки возможно через введение понятий, связанных с иском. В их свете возможно новое понимание современных уголовно-процессуальных явлений и оправдание нового баланса частного и публичного в уголовно-процессуальном механизме противодействия экономической преступности.*

***Методология:** диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

***Выводы.** Очевидно, что нужны более существенные, на уровне принципиальной организации уголовно-процессуальной системы, перемены, чтобы вполне установился оптимальный баланс частного и публичного интересов, соответствующий новой социально-экономической реальности.*

***Научная и практическая значимость.** Создание нового уголовно-процессуального механизма противодействия преступлениям в сфере экономики потребовало серьезных корректив в классической правовой доктрине. Это сопровождается дискуссиями относительно этичности подобных перемен. Спор вызывает превышение меры частного в традиционно публичном уголовно-процессуальном механизме.*

***Ключевые слова:** обвинение, уголовный иск, частное, публичное, экономика, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальный механизм, оптимальный баланс, перемены, правовая доктрина.*

На наш взгляд, наряду с юридико-технической стороной процессуальных феноменов обсуждению подлежит и их нравственно-этическая сторона. Особенно это касается новообразований в нашем уголовно-процессуальном праве, каковым может считаться и особая разновидность частного-публичного обвинения, предметом которого являются преступления в сфере экономической деятельности.

Экономический, прагматический аспект, созданного на основе частного-публичной модели обвинения особого «экономического» уголовно-процессуального механизма применения уголовного экономического же законодательства, очевиден.

Об этом была прямо продекларировано законодателем при принятии ФЗ (Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении измене-

ний в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 49. Ст. 6752), положившего начало формированию этого механизма — «исключения возможности решения хозяйственного спора посредством уголовного преследования» (Пояснительная записка к проекту ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, направленных на исключение возможности решения хозяйственного спора посредством уголовного преследования», подготовленному Министерством экономического развития). Очевидна цель законодателя в том, чтобы сделать более комфортной для бизнеса правовую среду, включая ту ее область, где применяется уголовный и уголовно-процессуальный законы в сфере экономической деятельности. Логика законодателя проста: предприниматели развивают экономику,

а экономика является основой благосостояния всего населения. В этой конечной цели — благо населения — и состоит этика данной уголовно-процессуальной модели.

Между тем, критики этого института упирают на безнравственность голого прагматизма [1, с. 148]. Делаются упреки в проявлении тенденции к сословному обществу, где появились «верхи» и «низы». Верхам, к которым относятся предприниматели, как более успешным и богатым людям позволено больше, чем представителям низов. [2, с. 20–27]

В общем, есть дискуссионность относительно справедливости, нравственности нового особого порядка привлечения к уголовной ответственности за экономические преступления. Это отмечено Президентом России В.В. Путиным: «В общем и целом это понятно, есть определенный конфликт. Правоохранители защищают интересы всего общества и государства, и это их святая обязанность. Предприниматели указывают на то, что сотрудники правоохранительных органов преувеличивают или превышают свои полномочия и, действуя таким образом, разрушают так нужную нам благоприятную бизнес-среду» (*Выступление президента России В. Путина / Заседание рабочей группы по мониторингу и анализу правоприменительной практики в сфере предпринимательства 22 марта 2016 г.* // [Электронный ресурс]: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51556> (дата обращения: 01.09.2021)).

Отличие анализируемой уголовно-процессуальной модели обвинения от классической модели частно-публичного обвинения состоит в качественно новом насыщении частным (диспозитивным) началом уголовно-процессуального механизма уголовного преследования.

На наш взгляд, мера частного в «публично-правовом», каковым является все уголовно-процессуальное, — это идеологическая и нравственная проблема. Здесь затрагивается краеугольный принцип правового регулирования — равенство всех перед законом и судом.

Не случайно этот вопрос неоднократно становился предметом контроля Конституционного суда РФ, который подтвердил соответствие особой разновидности частно-публичного порядка возбуждения уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности, и ее отдельных составляющих, нормам Конституции РФ и, соответственно, конституционности анализируемой нами правовой конструкции, состоящей из изъятий из общего публично-правового порядка начала уголовного процесса, существу-

ющего для большинства преступлений, которая ставилась под сомнение некоторыми заявителями (*Определение Конституционного Суда РФ от 16 апреля 2009 г. № 441-о-о «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жеребятникова Андрея Викторовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»* // [Электронный ресурс]: URL: <https://base.garant.ru/1791863/> (дата обращения; 01.09.2021)).

Нравственно, этически то, что считается правильным большинством общества, это то, что объединяет людей в единое сообщество. Отечественная правовая культура, относясь к континентально-европейской, проводит четкое различие между сферами частного и публичного права, где господствует публичное, государственное, а не индивидуалистическое, частное начало. Для публичного права, к которому относятся уголовное и уголовно-процессуальное право, этически ставить публичный интерес над частным. В сфере антикриминального всегда постулировалась приоритетность защиты публичного интереса. Нравственным является противодействие преступности общественному злу. Нравственным является законное противодействие преступности. Публичность и законность — вот принципы, отличающие правовую организацию противодействия преступности от механизма гражданско-правового регулирования, с присущими ему диспозитивностью, целесообразностью и, в итоге, избирательностью осуществления правового воздействия.

Этически допустимы исключительные случаи проявления частного в уголовно-процессуальном механизме, таковыми традиционно признавались частное и частно-публичное обвинение, предметом которых было только *несколько* составов преступлений, где воля потерпевшего имела решающее значение для начала работы уголовно-процессуального механизма. Частное начало не норма, а исключительность в уголовно-процессуальном механизме.

В данном же случае имеет место экспансия частного в правовом пространстве: на усмотрение потерпевшего (частного лица, коммерческой организации) предоставляется решение уголовно-правового вопроса, а именно: криминализации деяния, которое является предметом его заявления. Иными словами, по воле частного лица (коммерческой организации) перед государством утверждением потерпевшего (заявителя) формулируется предмет уголовно-правового спора. Без такого заявления некое событие не может в принципе стать основанием для привлечения

лица к уголовной ответственности. Не закон, не событие, произошедшее в реальности, описанное уголовным законом как преступное, а заявление потерпевшего с требованием привлечь к уголовной ответственности порождает уголовно-процессуальное, а затем (в случае подтверждения его органом предварительного расследования, прокурором и, наконец, судом) и уголовно-правовое. Здесь имеет место отступление от императивного метода действия права. И проблема в том, что подобный диспозитивный механизм распространил свое действие на значительный круг преступлений, указанных в ч. 3 ст. 20 УПК РФ, среди которых есть и тяжкие. Публичное уголовное преследование сделано *субсидиарным* средством обеспечения правопорядка в сфере экономической деятельности, которая, между прочим, имеет общественное значение.

Это знаменует фундаментальный сдвиг в отечественной уголовно-процессуальной идеологии, правосознании, правовой культуре, практике правоприменения. Произошла перестановка слагаемых «частного» и «публичного» в уголовно-процессуальной модели в пользу первого, которая привела к изменению «суммы слагаемых» – возникновению небывалой в нашем праве уголовно-процессуальной модели частно-публичного уголовного преследования, которая требует научного осмысления, объяснения его этичности.

Все это идет в контексте проводимой на протяжении многих лет уголовной политики по обеспечению экономической безопасности. Значит, в правовой идеологии произошел фундаментальный сдвиг. Политика, идеология, законодательство опережают этику – в этом причина критики уголовно-процессуальной модели, ставшей предметом нашего внимания.

Свой вклад в упрочнение и развитие правового механизма противодействия экономической преступности внесли, помимо законодателя, Конституционный Суд РФ, Пленум Верховного Суда РФ (*Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Российская газета. 2016. 24 ноября*), Генеральный прокурор РФ и другие ведомства. Для повышения эффективности этого правового механизма создана специальная автономная некоммерческая организация «Платформа для работы с обращениями предпринимателей (*Официальный сайт Забизнес.рф // [Электронный ресурс]: URL: <https://забизнес.рф> (дата обращения:*

21.09.2021)). Ничего подобного не применяется в других сферах уголовно-процессуального регулирования. Это можно считать доказательством как особой важности данного уголовно-процессуального механизма, так и озабоченности относительно его надежности. Уже одного этого факта для большинства юристов достаточно, чтобы воспринимать его нормальным, то есть этичным. Экспертное сообщество, мастера правовой культуры в своем большинстве поддерживают произошедшее событие, используя средства правовой риторики [3, с. 84–93]. Однако оно испытывает *дефицит языковых средств* для описания нового правового феномена.

Его трактуют через выработанное еще советскими процессуалистами понятие «дифференциация уголовно-процессуальной формы», то есть следственной формы с ее традиционной ориентацией на суперпубличность. Эта сверхпубличность противоречит новой частноправовой идеологии, проникнувшей в анализируемый нами институт. В первую очередь противится превращению рассматриваемой нами уголовно-процессуальной модели в «нормальную» (этичную) традиционное следственное понимание обвинения, следственный порядок его формулирования и выдвижения. И вообще, *следственного понятийного аппарата недостаточно* для полного освоения, превращения в «свой» (то есть вполне этичный) *уголовно-процессуальный феномен, где доминирует частный интерес*.

Создание нового понятийного аппарата, в котором была бы заложена новая идеология, система ценностей, является важной научной задачей, которую надлежит решать теории уголовного процесса. Надлежит объяснение (и оправдание!) качественно иной меры частного элемента в институте обвинения, чем это было ранее.

Защита частного интереса (бизнеса) *следственным* уголовно-процессуальным средством составляет институциональную проблему. На теоретико-методологическом уровне надо пересмотреть традиционное представление о балансе частного и публичного в механизме уголовно-процессуального регулирования. Требуются серьезные перемены в идеологии, понятийно-категориальном аппарате, культуре и психологии процессуалистов. Можно говорить о парадигмальном сдвиге на теоретико-методологическом уровне в нашей уголовно-процессуальной культуре.

Правовая организация всей системы уголовно-правовой защиты общественных отношений в сфере экономики от преступности должна строиться вокруг понятия уголовного иска и его разно-

видностей: публичного и частного [4, с. 199–207]. Вместе с понятием иска вводится и представление о субъекте права на уголовный иск, которым могут быть как публичный истец – прокурор, так и частное лицо, физическое или юридическое. Из искового учения можно перенести в уголовно-процессуальную плоскость и иные элементы, в том числе субъективное публичное право на уголовный иск, свободу распоряжения уголовным иском, мировое соглашение сторон, распоряжение доказательствами и пр.

Исковое учение об обвинении влечет за собой перемену целой системы представлений на ключевые понятия уголовного процесса: не только обвинение, уголовное преследование, но и доказывание. Под его влиянием происходят изменения в представлениях о том, как происходит применение уголовного права.

Если исходить из того, что основой уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере экономической деятельности является институт обвинения (уголовного иска), то нормальным (этичным) будет считать *производность уголовно-правового (материального) от процессуального*. Уголовный иск «превращает» в ходе уголовного преследования состав преступления, предусмотренный уголовным кодексом, в основание уголовной ответственности. Новое понимание соотношения материального и процессуального, на наш взгляд, более отвечает идеологии и этике анализируемого процессуального феномена [5, с. 53–61].

На основе учения об обвинительной власти государства во главе с прокуратурой и субсидиарном обвинении частных лиц – потерпевших видится решение проблемы конкуренции частного и публичного обвинения, а также противоречия между следственной и прокурорской властями через признание его как новой разновидности совместной, партнерской деятельности частного и публичного субъектов уголовного преследования в сфере экономической деятельности.

Развивая уголовно-исковую *концепцию*, можно в новом свете трактовать иные детали анализируемого уголовно-процессуального механизма: (а) технология доказывания, включающая самостоятельную, хотя и субсидиарную роль потерпев-

шего; (б) право-ограничительные меры (включая меры пресечения); (в) договорно-согласительные разрешения уголовного дела, позволяющие прекратить уголовное преследование ввиду полного возмещения ущерба. Все они уже претерпели качественные изменения под влиянием частного начала в новом виде частно-публичного уголовного преследования.

Далее логично и этично сделать вывод о необходимости создания единой формы обвинения и процедуры уголовного преследования по всем «экономическим преступлениям». Мы поддерживаем создание единого правового механизма противодействия преступлениям против правомерного ведения бизнеса в сфере экономической деятельности и предлагаем меры для этого: (а) ликвидировать ст. 23 УПК РФ и установить единый круг преступлений, преследуемых в частно-публичном порядке, включив в него преступления, которые приведены в ч. 3 ст. 20, ст. 23, ч. 3 ст. 28.1 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ; (б) предусмотреть единый уголовно-процессуальный механизм возбуждения уголовных дел и осуществления публичного уголовного преследования с участием субсидиарного обвинителя в лице потерпевшего [6, с. 43–48].

Ограничить действие механизма частно-публичного уголовного преследования надо только случаями, когда преступление совершено против субъекта предпринимательской деятельности и не затрагивает интересы и права других лиц, о чем сделать оговорку в ч. 3 ст. 20 УПК РФ: дополнить ч. 3 указанной статьи формулировкой «или физическому лицу, или некоммерческой организации».

Таковы некоторые из предложений по снятию сомнений в этичности нового уголовно-процессуального механизма противодействия преступности в сфере экономики, который пришел на смену тому суперпубличному правовому механизму, что применялся государством ранее. Хотя для нас очевидно то, что нужны более существенные, на уровне принципиальной организации уголовно-процессуальной системы, перемены, чтобы вполне установился оптимальный баланс частного и публичного интересов, соответствующий новой социально-экономической реальности.

Литература

1. Колоколов Н.А. Уголовная политика: загадочная очевидность. М.: Юрлитинформ, 2014. 206 с.
2. Александров А.С., Александрова И.А. Современная уголовная политика противодействия преступности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практи-

ческой конференции / Отв. ред. Е.Н. Рахманова. Санкт-Петербург: Издательский дом «Петрополис», 2017. С. 20–27.

3. Александров А.С., Босов А.Е. О «гармонизации российского права» и преодолении «конвенционно-конституционных коллизий» средствами риторики // Судебная власть и уголовный процесс. Научно-практический журнал. 2017. № 4. С. 84–93.

4. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.

5. Александров А.С., Власова С.В. Антидогматика: новое понимание уголовного процесса и права // Российский журнал правовых исследований. 2019. № 1. С. 53–61.

6. Горюнов В.Ю. Частно-публичное обвинение как уголовно-процессуальная основа применения уголовного закона в сфере экономической деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1. С. 43–48.

References

1. Kolokolov N.A. Ugolovnaya politika: zagadochnaya ochevidnost' [Criminal policy: mysterious evidence]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 206 p. (In Russian)

2. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Sovremennaya ugolovnaya politika protivodeistviya prestupnosti v sfere predprinimatel'skoi i inoi ekonomicheskoi deyatel'nosti [Modern criminal policy of combating crime in the sphere of entrepreneurial and other economic activities]. In *Ugolovnaya politika i pravoprimitel'naya praktika: sbornik statei po materialam IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal policy and law enforcement practice: collection of articles based on the materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference]. Ed. E.N. Rakhmanova. Sankt Petersburg, Izdatel'skii dom "Petropolis" Publ., 2017, pp. 20–27. (In Russian)

3. Aleksandrov A.S., Bosov A.E. O «garmonizatsii rossiiskogo prava» i preodolenii «konventsionno-konstitutsionnykh kollizii» sredstvami ritoriki [On the “harmonization of Russian law” and overcoming “convention-constitutional conflicts” by means of rhetoric]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess. Nauchno-prakticheskii zhurnal* [Judiciary and criminal procedure. Scientific and practical journal], 2017, pp. 84–93. (In Russian, , abstract in English)

4. Aleksandrov A.S., Andreeva O.I., Zaitsev O.A. O perspektivakh razvitiya rossiiskogo ugolovnogo sudoproizvodstva v usloviyakh tsifrovizatsii [On the prospects for the development of Russian criminal justice in the context of digitalization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2019, no. 448, pp. 199–207. (In Russian, abstract in English)

5. Aleksandrov A.S., Vlasova S.V. Antidogmatika: novoe ponimanie ugolovnogo protsessa i prava [Anti-dogmatics: a new understanding of criminal procedure and law]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy* [Russian Journal of Legal Studies], 2019, no. 1, pp. 53–61. (In Russian, abstract in English)

6. Goryunov V.Yu. Chastno-publichnoe obvinenie kak ugolovno-protsessual'naya osnova primeneniya ugolovnogo zakona v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti [Public-private prosecution as a criminal procedural basis for the application of criminal law in the field of economic activity]. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia], 2020, no. 1, pp. 43–48. (In Russian, abstract in English)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТАТУСА СУДЬИ (СУДА) В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ 2021 ГОДА

Шамурзаев Таалайбек Турсунович,
Кадыров Алишер Умарович,
Китаев Николай Николаевич

Цель: провести анализ изменений и дополнений в раздел (главу) «Судебная власть Кыргызской Республики» с введением в действие новой Конституции; исследовать статус судьи (суда) в уголовном судопроизводстве; изучить действующее уголовное, уголовно-процессуальное законодательство, судебную практику и на их основе выработать научно обоснованные предложения, направленные на совершенствование законодательства и отправление правосудия по уголовным делам.

Методология: аналитический, сравнительно-правовой, формально-логический методы, синтез и др.

Выводы. В ходе исследования авторы пришли к выводу, что конституционная реформа 2020–2021 гг. внесла существенные изменения в деятельность судебной власти Кыргызской Республики с точки зрения обеспечения ее независимости, развития судейского самоуправления. Вступление в действие новой Конституции требует приведения законодательства в соответствие с нормами нового Основного закона (действующих кодексов и законов), для исключения правовых пробелов, внутренних противоречий и коррупционных проявлений, в целях соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина при отправлении правосудия.

Научная и практическая значимость. Результаты исследования могут быть полезными для развития науки, совершенствования законодательства Кыргызской Республики.

Ключевые слова: конституционная реформа, лишение свободы, назначение наказания, обвиняемый, осужденный, отправление правосудия, потерпевший, судья, суд, судебная практика, судейское усмотрение, электронный документ; электронное дело, электронный носитель.

События 5–6 октября 2020 г. стали результатом неустойчивости и нестабильности сложившейся политической и экономической системы Республики Кыргызстан. Причинами данных событий явились: перекос системы государственного управления, ограничения прав граждан в полноценном участии в государственном управлении через выборные органы, отсутствие конкретных механизмов ответственности ветвей государственной власти и должностных лиц, реальных перспектив экономического развития и благосостояния народа, рост коррупции.

Народное волнение привело к отмене результатов прошедших 4 октября 2020 г. выборов депу-

татов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, отставке главы Правительства, Президента Кыргызской Республики, а также свидетельствовало о необходимости и неизбежности проведения конституционных реформ в стране. (Указ Президента Кыргызской Республики от 20 ноября 2020 г. УП № 45 «Об образовании Конституционного совещания» (в редакции Указа Президента КР от 25.11.2020 г. УП № 48) // Республиканская газета «Эркин-Тоо». 2020. № 96).

Конституционная реформа завершилась принятием новой Конституции, вступившей в действие 5 мая 2021 г. (Закон Кыргызской Республики от 5 мая 2021 г. № 59 «О Конституции Кыргызской

Республики» // *Республиканская газета «Эркин-Тоо»*. 2021. № 41 (3220). Дата 5 мая для независимого и суверенного Кыргызстана является символической. В этот день 1993 г. была принята первая Конституция (*Конституция Кыргызской Республики. Принята на двенадцатой сессии Верховного Совета Республики Кыргызстан двенадцатого созыва 5 мая 1993 г. (введена в действие Законом Кыргызской Республики от 5 мая 1993 г. № 1186-XII)* // [Электронный ресурс]: URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1/30?cl=ru-ru> (дата обращения: 10.07.2021)).

По мнению Хабриевой Т.Я. и Чиркина В.Е., «Конституция является тем фундаментом, на котором возводится все здание действующего законодательства. Ее несоблюдение оборачивается разрушением правовой системы, существенным ослаблением законности и правопорядка, возрастанием стихийности в общественном сознании. Обеспечение стабильности, в первую очередь, с точки зрения соблюдения основных прав и свобод гражданина – неперемное условие прогрессивного развития любой общественной системы» [1, с. 195–196].

Новая Конституция заложила основу для независимости судебной власти в принятии решений, в том числе независимости от законодательной и исполнительной власти при утверждении бюджета. Так, основной Закон предусматривает, что «бюджет судебной системы формируется судебной властью самостоятельно и включается в республиканский бюджет» (ч. 2 ст. 99 Конституции РК). Важно отметить, что по Конституции 2010 года бюджет судебной системы согласовывался с исполнительной и законодательной ветвями власти.

Международная практика финансирования судебной системы свидетельствует о том, что бюджет судов должен быть привязан к национальному бюджету в процентном соотношении. Международный эксперт Леандро Деспуй в одном из своих докладов определил базовый размер финансирования судебной системы – от 2 до 6% национального бюджета. В Кыргызстане на судебную систему выделяется сумма в размере 1% от расходной части бюджета (*Половинчатая правда о финансировании судебной системы* // [Электронный ресурс]: URL: <https://rus.azattyk.org/a/29082511.html> (дата обращения: 13.07.2021)).

В новой Конституции закреплено: «Лицо, освобожденное от должности судьи в связи с нарушением им требований безупречности, не имеет права занимать в дальнейшем должности судьи и должности в правоохранительных органах, установленные законом, и лишается права поль-

зования льготами, установленными для судей. При этом такое лицо не теряет право занимать государственные или муниципальные должности» (ч. 2 ст. 96 Конституции РК).

С целью обеспечения качественного и прозрачного отбора кандидатов на должности судей местных судов и развития судейского самоуправления в новой Конституции закреплен *Совет по делам правосудия*.

«Совет по делам правосудия формируется из числа судей, составляющих не менее двух третей его состава, представителей Президента, Жогорку Кенеша, Народного Курултая и юридической общественности, составляющих одну треть его состава» (ч. 7 ст. 96 Конституции РК). *По Конституции 2010 г. одну треть состава Совета по отбору судей составляли судьи*.

«Судебно-правовая реформа должна обеспечить реальный механизм осуществления конституционных принципов организации в деятельности суда, его подлинной независимости и реализации его властных полномочий. Только при таких условиях суд может действительно реализовать данную власть в правовом государстве, обеспечить защиту законных прав и интересов граждан» [2, с. 37].

Положительным в новой Конституции является придание самостоятельного статуса конституционной палате Верховного суда.

«Конституционный суд является высшим органом судебной власти, осуществляющим конституционный контроль посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции» (ч. 1 ст. 97 Конституции РК).

В Конституции закреплена норма, наделяющая суды полномочием «осуществлять контроль за исполнением судебных решений и частных определений, принятых ими» (ч. 2 ст. 101 Конституции РК). При этом в проекте нового УПК КР для обеспечения открытости и гласности уголовного судопроизводства вводятся следующие понятия.

Электронный документ – документ, в котором информация представлена в электронно-цифровой форме и удостоверена посредством электронной подписи.

Электронное дело – это уголовное судопроизводство, которое осуществляется в электронно-цифровой форме, включая стадии движение дела, начиная с регистрации преступления, доследственной проверки, следствия, судебного разбирательства и исполнения наказания, формируется сведениями соответствующими ве-

домственными информационными системами, с возможностью генерировать процессуальные документы в бумажном виде, удостоверяемые посредством электронной подписи, аккумулярованное в Едином реестре преступлений (ст. 5 Проекта УПК КР // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.prokuror.kg/ru/page/category/14> (дата обращения: 13.07.2021)).

Новеллой Конституции Кыргызской Республики является право Верховного суда на законодательную инициативу по вопросам его ведения (ч. 5 ст. 85 Конституции РК).

«Как показывает анализ судебной практики, правоприменитель оперативнее реагирует на имеющиеся пробелы и неточности действующего законодательства, чем законодательный орган республики в лице Жогорку Кенеша Кыргызской Республики.

Постановления Пленума Верховного суда Кыргызской Республики по обобщению судебной практики носят обязательный характер для нижестоящих судов. В постановлениях Пленумов Верховного суда содержатся положения, разрешающие конфликт юридических норм или предоставляющие самим судам, исходя из конституционных положений и положений действующего права, решать вопрос о применимости тех или иных положений законодательства.

Включение Верховного суда Кыргызской Республики в состав органов, официально определяющих содержание действующего законодательства, объективно повысит его роль не только как высшего судебного органа по конкретным делам, но и как органа, а в случае необходимости центра нормативно-корректирующего применения законов судами в случае их коллизии или неясности. При принятии постановлений Верховный суд Кыргызской Республики на основе системного анализа норм Конституции и законодательства может восполнить пробелы права и разъяснить практическое применение законов в соответствии с их содержанием» [3, с. 230–231].

Большая роль в реализации законодательной инициативы Верховного суда Кыргызской Республики должна отводиться Научно-консультативному совету Верховного суда Кыргызской Республики (НКС ВС КР).

Основными функциями НКС ВС КР являются проведение анализа и обобщение проблемных вопросов, возникающих в судебной деятельности, и разработка на их основе соответствующих рекомендаций:

– по проектам постановлений Пленума, содержащих разъяснения по применению законо-

дательства на основе материалов обобщений судебной практики и судебной статистики;

– по законопроектам;

– по вопросам правового характера, возникающим в судебной практике (*Положение о Научно-консультативном совете при Верховном суде Кыргызской Республики от 1 февраля 2013 г.* // [Электронный ресурс]: URL: <http://sot.kg/post/polozhenie-4> (дата обращения: 15.07.2021)).

Небесспорным с точки зрения защиты прав и законных интересов участников процесса является отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве права заинтересованных лиц обжаловать решения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу в случае пропуска сроков на апелляционное обжалование. При этом согласно ч. 3 ст. 393 УПК КР, если в установленные сроки не будет подана апелляционная жалоба (представление), она рассмотрению не подлежит. В УПК КР ничего не говорится о пропуске установленных сроков по уважительным причинам. «Суд кассационной инстанции проверяет по кассационным жалобам, представлению законность приговора, определения суда апелляционной инстанции. Не подлежат пересмотру в кассационном порядке вступившие в законную силу судебные решения первой инстанции, не обжалованные в апелляционном порядке, а также решения суда апелляционной инстанции, вынесенные по жалобам на постановления следственного судьи» (ч. 2–3 ст. 430 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 20 // Республиканская газета «Эркин-Тоо». 2017. № 23–28 (2748–2753)).

На наш взгляд, отсутствие в нормах уголовно-процессуального законодательства права осужденного и других заинтересованных лиц на повторное рассмотрение уголовного дела вышестоящим судебным органом при пропуске сроков обжалования в апелляционном порядке противоречит Основному закону в части права осужденного на рассмотрение его дела вышестоящим судом в соответствии с законом (ч. 4 ст. 58 Конституции РК). *Законодатель не учел имеющиеся в судебной практике судебные ошибки при вынесении приговоров судами первой инстанции. Тем самым осужденные и другие лица лишены конституционного права на рассмотрение своего дела вышестоящим судом.*

Большие споры среди научного и судебного сообщества вызывает право судьи (суда) назначать наказание с учетом предусмотренных уголовным законодательством категорий наказаний (приложение 2 УК КР). Так, наказание в виде лишения свободы назначается с учетом предусмотренных УК КР шести категорий. Сроки лишения свободы

составляют от 2 лет 6 месяцев до 15 лет. Разница между категориями составляет 2,5 года (*Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 19 // Республиканская газета «Эркин-Тоо». 2017. № 19–20 (2744–2745)*).

Существующая классификация видов наказания была введена законодателем для ограничения дискреционных полномочий судьи (суда) при назначении наказаний с целью снижения коррупционных проявлений в уголовном судопроизводстве. Однако материалы судебной практики свидетельствуют об обратном. Именно по этой причине в проекте нового УК КР инициаторы внесли изменения, согласно которым санкции за совершенные преступления закреплены в конкретных статьях Особенной части УК КР. При этом увеличены пределы минимального и максимального сроков лишения свободы как вида наказания. К примеру, за совершение убийства без квалифицирующих признаков лицо наказывается лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет, а за совершение убийства с квалифицирующим признаком наказывается лишением свободы от двенадцати до пятнадцати лет или пожизненным лишением свободы с конфискацией имущества или без таковой (*ч. 1–2, ст. 121 Проекта УК КР // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.prokuror.kg/ru/page/category/14> (дата обращения: 13.07.2021)*).

«Критический анализ состояния судебной практики в Кыргызской Республике является предпо-

сылкой и необходимым условием успешности теоретических изысканий и совершенствования практики применения норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства» [4, с. 191].

Вопросы усмотрения суда в уголовном судопроизводстве являются дискуссионными, и по ним нет единого мнения. «Ученые-процессуалисты, поддерживающие позицию расширения дискреционных полномочий судьи в уголовном судопроизводстве, аргументируют свои позиции тем, что усмотрение представляет собой определенную свободу права применяющего субъекта, предоставленного ему полномочия по выбору определенного решения, которое имеет установленные пределы и нормативные основания возникновения. Другие ученые, оппонировавшие позиции своих коллег, рассматривают правоприменительное усмотрение как опасный и нежелательный вид юридической деятельности» [5, с. 67–68].

Судейское усмотрение – понятие, состоящее из множества элементов. На первый план выступают образование судьи, знания предписаний законодательства, стаж его работы, опыт. Судейское усмотрение зависит от личных и нравственных качеств судьи.

Судебное усмотрение имеет и будет иметь место в деятельности судей по уголовным делам и является основанием для совершенствования законодательства, исполнения имеющихся в правоприменительной практике коллизий и пробелов.

Литература

1. Шукюроев Ш.Т., Шукюрли М.Ш. Некоторые вопросы правового положения органов прокуратуры и их отражение в Конституциях (исторически-правовой аспект) // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Междунар. науч.-прак. конференции: в 2 ч. / отв. ред. В.А. Семенов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. Ч. 2. 281 с.
2. Шамурзаев Т.Т. Реформа уголовного судопроизводства в Кыргызстане: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Бишкек, 2012. 48 с.
3. Шамурзаев Т.Т. Некоторые вопросы совершенствования судебных стадий уголовного судопроизводства // Наука и новые технологии. 2011. № 4. С. 229–231.
4. Шамурзаев Т.Т., Мукашова С.А. Актуальные вопросы апелляционного производства по уголовным делам в уголовном судопроизводстве Киргизской Республики // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 1 (34). С. 188–191.
5. Глазунов А.Р. Конституционный суд Российской Федерации (Практика и перспективы): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 198 с.

References

1. Shukyurov Sh.T., Shukyurli M.Sh. Nekotorye voprosy pravovogo polozheniya organov prokuratury i ikh otrazhenie v Konstitutsiyakh (istoricheskii-pravovoi aspekt) [Some questions about the legal status of the prosecutor's office and their detection in constitutions (historical-legal aspect)]. In *Aktual'nye problemy*

sudebnoi, pravookhranitel'noi, pravozashchitnoi, ugovno-protsessual'noi deyatel'nosti i natsional'noi bezopasnosti: materialy Mezhdunar. nauch.-prak. konferentsii: v 2 chastyakh [Actual problems of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedure and national security: materials of the Intern. scientific-practical conferences: in 2 parts]. Ed. V.A. Sementsov. Krasnodar, Kubanskii gos. un-t Publ., 2021. P. 2. — 281 p. (In Russian, abstract in English)

2. *Shamurzaev T.T.* Reforma ugovnogo sudoproizvodstva v Kyrgyzstane [Criminal Justice Reform in Kyrgyzstan]. Avtoref. diss. ... d-ra jurid. nauk. Bishkek, 2012, 48 p. (In Russian)

3. *Shamurzaev T.T.* Nekotorye voprosy sovershenstvovaniya sudebnykh stadii ugovnogo sudoproizvodstva [Some questions of perfection of judicial stages of criminal trial]. *Nauka i novye tekhnologii [Science and new technologies]*, 2011, no. 4, pp. 229–231. (In Russian)

4. *Shamurzaev T.T., Mukashova S.A.* Aktual'nye voprosy apellyatsionnogo proizvodstva po ugovnym delam v ugovnom sudoproizvodstve Kirgizskoi Respubliki [Topical issues of appeal proceedings in criminal cases in the criminal proceedings of the Kyrgyz Republic]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa [Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business]*, 2016, no. 1 (34), pp. 188–191. (In Russian, abstract in English)

5. *Glazunov A.R.* Konstitutsionnyi sud Rossiiskoi Federatsii (Praktika i perspektivy) [The Constitutional Court of the Russian Federation (Practice and Perspectives)]. Diss. ... d-ra jurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 1999. 198 p. (In Russian)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СДЕЛКИ С ПРАВОСУДИЕМ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ БЕЛЬГИИ

Колесник Вероника Вячеславовна

Цель: сравнить и проанализировать опыт законодательного регулирования института заключения сделки с уголовным правосудием в законодательстве Бельгии.

Методология: дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Установление согласительных процедур между государством и лицом, которое совершило преступление и подвергается уголовному преследованию, является необходимым средством оптимизации уголовно-процессуальной деятельности. В уголовно-процессуальном законодательстве Королевства Бельгия действует институт заключения соглашения между обвиняемым и прокурором. Такая сделка с уголовным правосудием обуславливается рядом ограничений, которые внешне сходны с основаниями заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, которое имеется в гл. 40.12 УПК РФ.

Научная и практическая значимость. Изучение опыта зарубежных стран, в том числе законодательного регулирования института заключения сделки с правосудием по уголовным делам, позволяет российскому законодателю решить ряд проблем, связанных с совершенствованием соответствующих правовых норм в УПК РФ.

Ключевые слова: Россия, Бельгия, сделка с правосудием, уголовно-процессуальное законодательство, соглашение, согласительные процедуры.

Наличие согласительных процедур в производстве по уголовному делу является неотъемлемым атрибутом практически всех правовых систем и государств. Такой механизм позволяет существенно оптимизировать процессуальную деятельность в расследовании преступления и вынесении итогового судебного решения. Особенно это проявляется в производстве по делам о преступлениях, не представляющих особой опасности и общественной значимости.

Проведение сравнительных правовых исследований позволяет сопоставить имеющиеся процедурные средства отдельных зарубежных стран для оптимизации национальных (российских) механизмов производства по уголовному делу [1, с. 3–7]. Кроме того, употребление и точное применение уголовно-процессуальных терминов является важной гарантией защиты интересов государства, общества и личности в сфере уголовного судопроизводства, что справедливо отмечается в научной литературе [2, с. 99–102].

Понятие «сделка с правосудием» в современном правовом понимании возникло еще в конце XIX в. в США. В настоящее время в мировой практике можно выделить два основных варианта подобных сделок, самой распространенной из которых, по мнению Н.В. Козловой, является договор с прокуратурой (*Козлова Н.В. Сделка с правосудием // Российская газета. 2009. 8 июля*). Обратимся к определению, представленному в американской научной литературе. Так, например, под соглашением о признании вины предлагается поднимать разрешенную законом письменную сделку между обвиняемым и его защитником, с одной стороны, и обвинителем, с другой, в которой в обмен на признание обвиняемым (подсудимым) своей вины в менее тяжком преступлении обвинитель отказывается от всестороннего исследования обстоятельств дела, которое прояснило бы истину, а также от поддержания обвинения в более тяжком преступлении [3, с. 5].

В отечественной процессуальной литературе под сделкой с правосудием принято считать институт досудебного соглашения о сотрудничестве [4, с. 52–56; 5]. Однако распространенное среди процессуалистов название не соответствует сущности применяемой в российской правоприменительной практике «сделки с правосудием», своеобразной модели сотрудничества лица, подвергаемого уголовному преследованию, со следствием. При сопоставлении оно не аналогично по процедуре, предусмотренной в законодательстве США, где, собственно, это понятие и зародилось.

Отметим, что вплоть до 2016 г. уголовно-процессуальное право Бельгии не знало понятия «заявление о признании вины», то есть, соответственно, не было известно и понятие «сделки о признании вины». Тем не менее на практике такого рода сделки широко применялись и, более того, рассматривались как специальная форма процесса, считающаяся «сделкой о признании вины». Такая сделка предполагала одностороннее предложение прокурора обвиняемому уплатить определенную денежную сумму в установленный срок с целью компенсации ущерба, причиненного в результате преступления потерпевшему. В случае принятия обвиняемым этого предложения уголовное преследование против него прекращалось.

До начала 1980-х гг. сделки применялись только по отношению к малозначительным правонарушениям. Позже они стали применяться в отношении всех преступлений, за совершение которых может быть назначено наказание не более пяти лет лишения свободы, то есть за проступки и уголовные деликты.

В Королевстве Бельгия подобная сделка может быть предложена только при выполнении условий, изложенных в ст. 216-1 УПК Бельгии (*Уголовно-процессуальный кодекс Бельгии. Belgian Code of Criminal Procedure* // [Электронный ресурс]: URL: https://www.legislationline.org/download/id/8241/file/Belgium_CPC_1808_am2019_fr.pdf (дата обращения: 20.02.2022)):

- материальный вред должен быть возмещен;
- наказание за совершение правонарушения не может быть выше пяти лет лишения свободы;
- наличие смягчающих обстоятельств, в соответствии с которыми прокурор, осуществляющий уголовное преследование, мог бы предложить суду наказание только в виде штрафа или конфискации имущества, но не связанное с лишением свободы.

Такая сделка, предложенная обвиняемому в присутствии его защитника и принятая им, окончательно прекращает производство по делу с запретом его последующего возобновления. По-

скольку нет фактического осуждения, то никакой отметки о судимости не делается, что является важным стимулом для обвиняемого, чтобы принять сделку о признании вины [6, с. 63].

Подобная сделка признавалась именно как сделка с правосудием, поскольку предполагала признание вины для использования предложения прокурора, принятие которого влекло вынесение процессуального решения о прекращении уголовного преследования. Подобные и аналогичные им правовые процедуры способствуют более оптимальному правоприменению [7, с. 9–20; 8].

В российском законодательстве такая процедура приравнивается к институту судебного штрафа, иначе именуемого транзакцией.

Институт транзакции является достаточно распространенным альтернативным способом разрешения уголовно-правового конфликта в Западной Европе, суть которого заключается в том, что государственные органы отказываются от последующего уголовного преследования виновного, если достигнуто согласие с обвинением и имеется намерение уплатить в казну определенную денежную сумму.

В настоящее время в бельгийском уголовном законодательстве институт транзакции представлен следующим образом: прокурор на досудебной стадии уголовного процесса определяет размер денежной суммы, подлежащей уплате в казну государства, и срок уплаты, при этом определяемая сумма не должна превышать максимального размера штрафа, если он предусмотрен уголовным законом за совершенное виновным преступление.

Кроме того, прокурор вправе предложить обвиняемому компенсировать судебные издержки и передать государству предметы, подлежащие конфискации [9].

Поскольку правительство Бельгии определяет свое стремление к сокращению отставания в развитии и совершенствованию правовых механизмов в судебной системе, был принят 28 января 2016 г. новый закон, вступивший в силу 29 февраля 2016 г. Теперь данная процедура «признания вины» позволяет прокурору договариваться о наказании в обмен на признание вины. Такой механизм имеет схожесть с американской системой «переговоров о признании вины».

Прокурор наделяется правом предлагать лицам, обвиняемым в преступлениях, срок наказания за которые в виде лишения свободы не превышают пяти лет, возможность признать себя виновными и согласовать с прокурором приговор, который затем может быть отменен.

При этом важным является тот факт, что не предусмотрено получение согласия потерпевшего. Потерпевший может потребовать возмещения причиненного ущерба только путем подачи гражданского иска судье, которого попросят утвердить и признать соглашение о признании вины.

После того, как между прокурором и обвиняемым будет достигнуто соглашение о признании вины, это соглашение должно быть признано судьей, который, по своему усмотрению, может его одобрить. При оценке соглашения о признании вины судья принимает во внимание свободный и осознанный (добровольный) характер согласия обвиняемого и соразмерность санкции. В случае утверждения санкции, обвиняемый лишается возможности обжалования ее в апелляции. В случае отказа прокурор должен перенести рассмотрение дела в другую палату суда и может предложить изменить сделку о признании вины.

Процедура признания вины может быть инициирована в любое время до вынесения окончательного решения в первой инстанции (*The Belgian criminal procedure reform: the so-called "Pot Pourri II" law enters into force on 29 February 2016* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.linklaters.com/en/insights/publications/2016/february/the-belgian-criminal-procedure-reform-the-so-called-pot-pourri-ii-law-enters-into-force-on-29-februa> (дата обращения: 11.09.2021)).

В результате реализации этой процедуры бельгийская прокуратура существенно экономит время и процессуальные ресурсы, в то время как у обвиняемого имеется возможность договора с прокурором о назначении более мягкого наказания по сравнению с тем наказанием, которое может быть назначено в суде при отсутствии заключения соглашения, тем самым избегая неопределенностей, связанных с судом. Избегание огласки судебного

процесса — еще одно преимущество процедуры признания вины.

Есть несколько гарантий защиты обвиняемого.

Центральная роль принадлежит адвокату обвиняемого, которому должен быть предоставлен доступ к материалам уголовного дела, он обязан информировать своего клиента о правах, последствиях признания вины и о том, как реализуется процедура признания вины. Адвокат должен присутствовать, когда обвиняемый официально признает свою вину и подписывает соглашение с прокурором.

Обвиняемому предоставляется десятидневный срок до того момента, как соглашение о признании вины и наказании может быть заключено в законном порядке.

Соглашение должно быть одобрено судьей, который определяет, были ли соблюдены все процессуальные требования. Судья может одобрить или отклонить соглашение, но не может изменять условия соглашения. Если судья отказывается утвердить соглашение, дело будет передано другому судье. Все документы, относящиеся к процедуре признания вины, остаются конфиденциальными (*New out-of-court settlement in Belgium for bribery, fraud and money laundering offences* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.allenoverly.com/en-gb/global/news-and-insights/publications/new-out-of-court-settlement-in-belgium-for-bribery-fraud-and-money-laundering-offences> (дата обращения: 11.09.2021)).

Таким образом, говоря о «сделке с правосудием», законодательство государств может иметь различный подход. Бельгия же изначально представляла такую сделку в виде транзакции, и не так давно такая сделка приблизилась к тому пониманию, о котором заявили когда-то США, то есть как соглашение о признании вины.

Литература

1. Зайцев О.А., Епихин А.Ю., Мишин А.В. Проблемы имплементации международного опыта безопасности участников российского уголовного процесса // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2018. № 2. С. 3–7.
2. Зайцев О.А., Епихин А.Ю. К вопросу о чистоте употребления уголовно-процессуальных понятий // *Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право*. 2017. Т. 27. № 2. С. 99–102.
3. *Davis J.R. Criminal Justice in New York City*. Jefferson, North Carolina, and London: McFarland & Company, Inc., Publishers, 1990. 166 с.
4. Епихин А.Ю. Сделка с правосудием как средство противодействия коррупции в системе антикоррупционных мер // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2009. № 4 (12). С. 52–56.
5. Перспективы введения в Российской Федерации института «сделки с правосудием»: Материалы круглого стола (8 февраля 2007 г.). М.: Изд. Государственной Думы, 2007. С. 22.
6. Стойко Н.Г., Шагинян А.С. Уголовный процесс Англии и Уэльса, Бельгии и Дании: сравнительно-правовой аспект. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1997. 82 с.

7. Бакулина Л.Т. Подходы к исследованию правового регулирования // *Lex russica* (Русский закон). 2016. № 8 (117). С. 9–20.
8. Бакулина Л.Т., Губайдуллин А.Р., Погодин А.В. Реализация права: учебное пособие. Казань: Казанский университет, 2012. 134 с.
9. Реховский А.Ф. Трансакция в российском уголовном процессе // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 4 (18). С. 94–99.

References

1. Zaitsev O.A., Epikhin A.Yu., Mishin A.V. Problemy implementatsii mezhdunarodnogo opyta bezopasnosti uchastnikov rossiiskogo ugovnogo protsessa [Problems of implementation of international experience in the security of participants in the Russian criminal process]. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya* [*International criminal law and international justice*], 2018, no. 2, pp. 3–7. (In Russian, abstract in English)
2. Zaitsev O.A., Epikhin A.Yu. K voprosu o chistote upotrebleniya ugovno-protsessual'nykh ponyatii [To the question of the purity of the use of criminal procedural concepts]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo* [*Bulletin of the Udmurt University. Series Economics and Law*], 2017, vol. 27, no. 2, pp. 99–102. (In Russian, abstract in English)
3. Davis J.R. *Criminal Justice in New York City*. Jefferson, North Carolina, and London: McFarland & Company, Inc., Publishers, 1990, 166 p. (In English)
4. Epikhin A.Yu. Sdelka s pravosudiem kak sredstvo protivodeistviya korruptsii v sisteme antikorrupsionnykh mer [A deal with justice as a means of combating corruption in the system of anti-corruption measures]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [*Actual problems of economics and law*], 2009, no. 4 (12), pp. 52–56. (In Russian)
5. Perspektivy vvedeniya v Rossiiskoi Federatsii instituta «sdelki s pravosudiem»: Materialy kruglogo stola (8 fevralya 2007 g.) [Prospects for the introduction in the Russian Federation of the institution of “deals with justice”: Proceedings of the round table (February 8, 2007).]. Moscow, Izd. Gosudarstvennoi Dumy Publ., 2007, p. 22. (In Russian)
6. Stoiko N.G., Shaginyan A.S. Ugolovnyi protsess Anglii i Uel'sa, Bel'gii i Danii: sravnitel'no-pravovoi aspekt [Criminal procedure in England and Wales, Belgium and Denmark: a comparative legal aspect]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. gos. un-ta Publ., 1997, 82 p. (In Russian)
7. Bakulina L.T. Podkhody k issledovaniyu pravovogo regulirovaniya [Approaches to the study of legal regulation]. *Lex russica*, 2016, no. 8 (117), pp. 9–20. (In Russian, abstract in English)
8. Bakulina L.T., Gubaidullin A.R., Pogodin A.V. Realizatsiya prava: uchebnoe posobie [Realization of Law: Study Guide]. Kazan': Kazanskii universitet, 2012, 134 p. (In Russian)
9. Rekhovskii A.F. Transaktsiya v rossiiskom ugovnom protsesse [Transaction in the Russian criminal process]. *Sibirskie ugovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [*Siberian criminal procedure and forensic readings*], 2017, no. 4 (18), pp. 94–99. (In Russian, abstract in English)

ЦИВИЛИСТИКА, ЭНЕРГЕТИКА И ЭКОЛОГИЯ

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БИОБАНКОВ КАК ИНСТРУМЕНТА РАЗВИТИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Шинкарецкая Галина Георгиевна,
Редникова Татьяна Владимировна

***Цель:** дать общую характеристику направлений развития правового регулирования биобанкинга и раскрыть его значение для проведения геномных исследований.*

***Методология:** диалектический метод, анализ, синтез, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, метод междисциплинарных юридических исследований.*

***Выводы.** В настоящее время развитие биобанкинга приобретает все более важное значение для развития геномных исследований, поскольку обеспечивает доступ к большому массиву данных при проведении различного рода исследований. Организация и ведение биобанка включает в себя ряд этапов, а именно сбор, обработку, хранение и распространение биологических образцов и связанных с ними клинических данных и информации, а также их систематизацию. Каждый из этапов нуждается в детальной правовой регламентации. Важным аспектом в деятельности биобанков является обеспечение их должного финансирования как из государственных средств, так и из добровольных пожертвований, а также компенсации части затрат на предоставление информации пользователям. При этом для беспрепятственного обмена данными как между учеными из различных организаций внутри одной страны, так и из разных государств необходима унификация правовых подходов в указанной сфере, которая послужит основанием для наиболее эффективного использования накапливаемых в биобанках данных, в том числе и для их применения в сфере геномных исследований. В статье анализируются существующие за рубежом на сегодняшний день правовые подходы к сбору, хранению и условиям предоставления содержащейся в биобанках информации. При этом автор отмечает, что в целом имеющиеся данные о влиянии генетических вариаций на антисоциальное поведение не подрывают устоявшиеся в уголовном праве представления об основаниях уголовной ответственности.*

***Научная и практическая значимость** проведенного исследования состоит в разработке рекомендаций по развитию правового регулирования биобанкинга на основе анализа зарубежного опыта.*

***Ключевые слова:** геномные исследования, биобанк, правовое регулирование, биологический образец, информация, геном, хранение данных, доступ к данным.*

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14011.

В XXI веке большую популярность приобрела идея создания биобанков, то есть хранилищ образцов тканей и иных биологических данных человека. Организация и ведение биобанка означает сбор, обработку, хранение и распространение

биологических образцов и связанных с ними клинических данных и информации, организованных систематическим образом [1].

Хорошо управляемый биобанк является важнейшей предпосылкой для высококачественных генетических исследований. За последние десять лет на нескольких континентах были созданы биобанки, и еще больше их число находится

в стадии организации. Возможность вести генетические исследования на большом количестве доступного материала была очень привлекательна для научного сообщества. Высказывались даже мысли о том, что создание биобанков приведет к «изменению мира» (*Park A. Biobanks / Time. 2009. 12 марта // [Электронный ресурс]: URL: http://content.time.com/time/specials/packages/article/0,28804,1884779_1884782_1884766,00.html (дата обращения: 03.07.2021)*). В организацию банков и сбор образцов во всем мире были вложены значительные средства, на которые в ряде стран были созданы очень крупные хранилища. К примеру, в Британском биобанке сосредоточены данные почти одного миллиона человек (*UK Biobank. About UK Biobank. UK Biobank. 2016. // URL: <http://www.ukbiobank.ac.uk/about-biobank-uk/> (дата обращения: 03.07.2021)*).

Внедрение биобанков привело к постановке вопроса о правомерности сбора и возможного использования, например для исследовательских целей, генетического материала, хранящегося в банках. Сами биобанки, пусть и не декларируя это открыто, заняли позицию, которую можно назвать «подразумеваемое согласие» [2, с. 51]. Однако отношение общественности к этой проблеме на сегодняшний день окончательно не определено. Так, к примеру, существуют значительные разногласия относительно порядка хранения материалов; порядка финансирования, в том числе допустима ли зависимость биобанков от дотаций правительства и возможно ли получение частных пожертвований на осуществление их деятельности.

В то же время структура биобанков, методы их деятельности и политика в той или иной сфере имеют много общего. Рассмотрим, в частности, политику биобанков в сфере получения и распределения материалов. Информацию об этом можно найти в социальной сети для ученых Researchgate (*Pioneers // Science Magazine. 2008. 30 мая*). В 2019 г. в ней опубликованы данные о 16 биобанках, которые представляют собой географически разнообразный набор организаций с различными подходами к сбору и распространению генетической информации (Australasian Biospecimen Network (Australia), Australian Prostate Cancer BioResource, BancoADN (Spain), Canadian Tumor Repository Network, Centro Nacional de Investigaciones Oncológicas Tumor Bank Network (Spain), Chernobyl Thyroid Tissue Bank (Russian Federation), Confederation of Cancer Biobanks (UK), Cooperative Human Tissue Network (USA), EuroBioBank, Kathleen Cuninghame Consortium for Research into Familial Breast Cancer (kConfab);

Australia), onCore UK (UK), Singapore Tissue Network, Tubafrost: European Human Tumor Frozen Tissue Bank, UK Biobank, Victorian Cancer Research Tissue Bank (Australia), Wales Cancer Bank). Из этих 16 банков два получают биоспецифические данные от населения в целом, а один сосредоточен на пациентах с редкими заболеваниями. Большинство биобанков осуществляют общий сбор, то есть они закупают и обрабатывают биоспецифический материал таким образом, чтобы получать образцы, пригодные для обработки на различных технологических исследовательских платформах. Два банка собирают биоспецифические данные исключительно для заранее определенных исследовательских целей.

Большинство биобанков имеют сайты, на которых размещаются данные о полученных образцах. Исследователи, как правило, получают доступ ко всем материалам сайтов или могут запрашивать конкретные образцы. Некоторые биобанки производят предварительную работу по выделению из образцов отдельных элементов.

Следует также остановиться на коммерческой стороне деятельности биобанков. В основе общей политики всех биобанков лежит убеждение в том, что образцы человека не должны коммерциализироваться; таким образом, все они являются некоммерческими организациями. При этом деятельность биобанков затратна и требует значительных финансовых вложений [3]. Ни в одном из упомянутых выше биобанков не проводится политика полного возмещения затрат на осуществление операционной деятельности. Большинство из них получает поддержку от правительства государств, в которых они находятся. В то же время зависимость биобанков от государственного и благотворительного финансирования варьируется. Только один биобанк не получает никаких государственных средств для поддержки своей деятельности, а полагается исключительно на благотворительные взносы и возмещение затрат. К возмещению предлагаются разные категории расходов – от требований исключительно к исследователям по компенсации затрат на транспортировку образцов, до оценки транспортных расходов плюс номинальной платы за сбор и обработку биоспецифических образцов. Четыре биобанка устанавливают разные ставки возмещения затрат для некоммерческих исследований по сравнению с коммерческими. Дополнительные услуги по обработке проб предлагаются четвертью из 16 биобанков. Стоимость таких услуг полностью компенсируется запрашивающим данные исследователем. Стоит отметить, что, за исключением Биобанка Великобритании,

во всех биобанках среди целей их создания во главу угла поставлена борьба с болезнями, хотя такой подход на начальном этапе и требует более высоких затрат из-за необходимости приложения больших усилий персонала, расходов на материалы и оборудование. Биобанки, ставящие целью достижение фундаментальных результатов, требуют меньших первоначальных инвестиций, но несут более высокие долгосрочные затраты из-за необходимости многолетнего хранения и других затрат на персонал и техническое обслуживание для сохранения и анализа образцов до момента достижения целей исследования.

Одно из основных критических замечаний в адрес биобанков заключается в том, что образцы собираются и хранятся в течение длительного времени перед использованием, что задерживает их продуктивное использование исследователями и, возможно, задерживает открытия в отношении новых технологий лечения пациентов [4].

Из перечисленных выше биобанков 14 сформулировали свою собственную позицию в отношении предоставления доступа к имеющимся данным. Как основное условие доступа выдвигается требование предоставления описания предполагаемых экспериментов, а также данные персонала, который предполагается задействовать. Обычно также желательным является представление сведений о достаточном количестве средств для завершения исследований. Кроме того, все биобанки требуют подтверждения возможности обеспечить этическую сторону исследований и их конфиденциальность, а также гарантии того, что предоставленные биоспецифические данные будут использоваться только для предполагаемой цели и не будут передаваться другим лицам без письменного согласия.

Отметим, что упомянутые биобанки функционируют в рамках различных экономических моделей и моделей управления, и, хотя их деятельность в целом можно признать успешной, все же стоит отметить некоторые проблемы, связанные с их деятельностью [5].

В первую очередь наиболее актуальной является проблема обеспечения доступа к сохраняемым образцам, что иногда играет ключевую роль в существовании самого биобанка. Например, биобанки можно легко создавать в отделениях больниц, где образцы биоматериалов забираются у пациентов с целью постановки диагноза. При этом патологоанатомы при заборе диагностических образцов в последствии передают их в биобанк, после чего они становятся доступными для использования в исследовательских целях. Однако

создание централизованной коллекции, удаленной от места забора биоматериала, представляет собой более сложную проблему. Для обеспечения успешного процесса централизованного сбора образцов должны быть предусмотрены четкие стимулы, например, финансовое возмещение, чтобы побудить лиц, ответственных за забор образцов биоматериала в больницах, предоставлять полученные образцы в центральный биобанк. В противном случае работа по сбору образцов и составлению аннотации к ним воспринимается как исключительно отвлекающая персонал больницы от их основных клинических и/или исследовательских обязанностей [6].

Во вторую очередь еще одной важной стороной организации биобанков является финансовая поддержка их деятельности. Если биобанк включен в систему борьбы с определенным заболеванием, ему легче получить финансирование для оплаты персонала, а также для сбора и хранения образцов, поскольку все из перечисленных являются довольно затратными мероприятиями. Зачастую правильно оценить предстоящие расходы на организацию и поддержание биобанка в начале проекта бывает непросто, и тогда решающим элементом становится воля к сотрудничеству всех заинтересованных сторон, включая местные власти [7].

В случае создания общенациональной сети биобанков для всех входящих в нее организаций действует условие предоставления части своих образцов всем членам сети, что создает дополнительные проблемы с определением и осуществлением права собственности на образцы.

Национальный биобанк, который получает государственное финансирование, нуждается в государственной поддержке и обеспечении того, чтобы образцы собирались и использовались для общего блага и с соблюдением принципов этики. В целом общественное доверие обеспечивается наличием комитетов по этике или институциональных наблюдательных советов, которые контролируют сбор и использование образцов, а также законами о конфиденциальности, которые защищают конфиденциальность пациентов и доноров [8].

За время, прошедшее с начала организации и вступления в действие биобанков, многое изменилось. Самое главное – количество образцов, хранящихся в биобанках, неизмеримо выросло. Намного больше стало и число самих биобанков. Также в деятельность по хранению и исследованию генетических образцов включилось довольно много акторов, которые формально не являются биобанками, но фактически исполняют их функ-

ции. Вследствие этого проявилась одна из самых серьезных проблем, связанных с биобанками, — их довольно значительная раздробленность [9].

Отмечаются изменения и в целом той роли, которую играют биобанки. Прежде их главная роль состояла в надежном хранении образцов, а теперь все чаще отмечается их участие в консультировании и в сборе образцов, их обработке, контроле их качества, управлении этими данными и фактическом управлении таким общим ресурсом, который разрабатывается. Заметным также является более широкое и активное участие биобанков непосредственно в здравоохранении и клинической помощи. Некоторые биобанки обслуживают исключительно потребительский рынок частных лиц. Это фактически новый тип биобанков.

Меняются условия доступа к образцам как для частных лиц, так и исследователей. Это влечет за собой проблему обеспечения целостности образцов, которая в значительной степени зависит от типа образца. Пока не создано единого подхода к аннотированию процесса сбора образцов и того, что происходит с ними на протяжении всего жизненного цикла.

Примечательно, что наступление эры цифровизации ставит перед биобанками новые задачи [10]. Жизненно важной становится необходимость создания единых стандартов управления хранением образцами. На первый план выступает задача соединения технологической инфраструктуры и бизнес-модели, поскольку деятельность биобанков относится к высоко затратным. Доступ к дан-

ым, хранящимся в биобанках, непосредственно зависит от решения этой двуединой задачи. Если вы можете возместить затраты или часть затрат, связанных с хранением и текущим обслуживанием образцов, это помогает продвигать этот бизнес вперед, делая его более финансово устойчивым. Модель биобанка эволюционировала, и включает в себя бизнес-компоненты, а не только научные и технологические. Биобанки становятся интегрированными программами, сходными с программами доказательной медицины. В биобанках, как и в доказательной медицине, совершенно необходимы свои протоколы для максимального использования каждого образца, получения максимальной отдачи от каждого образца. Такие протоколы должны быть разработаны и законодательно утверждены.

В заключение хотелось бы отметить, что для беспрепятственного обмена данными как между учеными из различных организаций внутри одной страны, так и из разных государств необходима унификация правовых подходов к созданию и функционированию биобанков. Это послужит основанием для наиболее эффективного использования накапливаемых в них данных, в том числе и для целей последующего их использования в геномных исследованиях. Обеспечение доступности большего количества образцов биоматериала напрямую влияет на репрезентативность проводимых исследований, что в конечном итоге должно повысить достоверность получаемых в их ходе результатов.

Литература

1. *Sawcer Stephen, et al.* Genetic risk and a primary role for cell-mediated immune mechanisms in multiple sclerosis. *Nature*. 2011; 476:214–9
2. *Edwards T., Cadigan R.J., Evans J.P., Henderson G.E.* Biobanks containing clinical specimens: defining characteristics, policies, and practices // *Clinical Biochemistry*. 2014. March 31, p. 51
3. *Tomlinson I.P., Dunlop M., Campbell H., et al.* COGENT (COlorectal cancer GENEtics): an international consortium to study the role of polymorphic variation on the risk of colorectal cancer. *British journal of cancer*. 2010; 102:447–54.
4. *Akamatsu S., Takahashi A., Takata R., et al.* Reproducibility, performance, and clinical utility of a genetic risk prediction model for prostate cancer in Japanese. *PloS one*. 2012; 7:e46454.
5. *Birdwell K.A., Grady B., Choi L., et al.* The use of a DNA biobank linked to electronic medical records to characterize pharmacogenomic predictors of tacrolimus dose requirement in kidney transplant recipients. *Pharmacogenet Genomics*. 2012; 22:32–42
6. *Harris J.R., Burton P., Knoppers B.M., et al.* Toward a roadmap in global biobanking for health (A commentary regarding the need for cooperation and collaboration between biobanks to allow health innovation and increase our knowledge base). *European Journal of Human Genetic*. 2012; 20:1105–11.
7. *Manolio T.A., Weis B.K., Cowie C.C., et al.* New models for large prospective studies: is there a better way? *Am J Epidemiol*. 2012; 175:859–66
8. *De Souza Y.G., Greenspan J.S.* Biobanking past, present and future: responsibilities and benefits. *AIDS*. 2013 Jan 28; 27(3): 303-12.

9. Terry S.F., Terry P.F., Rauen K.A., Uitto J., Bercovitch L.G. Advocacy groups as research organizations: the PXE International example. *Nat Rev Genet.* 2007; 8:157–64.
10. Do C.B., Tung J.Y., Dorfman E., et al. Web-based genome-wide association study identifies two novel loci and a substantial genetic component for Parkinson's disease. *PLoS Genet.* 2011; 7:e1002141.

References

1. Sawcer Stephen, et al. Genetic risk and a primary role for cell-mediated immune mechanisms in multiple sclerosis. *Nature.* 2011; 476:214–9
2. Edwards T., Cadigan R.J., Evans J.P., Henderson G.E. Biobanks containing clinical specimens: defining characteristics, policies, practices. *Clinical Biochemistry.* 2014. March 31, p. 51
3. Tomlinson I.P., Dunlop M., Campbell H., et al. COGENT (COlorectal cancer GENEtics): an international consortium to study the role of polymorphic variation on the risk of colorectal cancer. *British journal of cancer.* 2010;102:447–54.
4. Akamatsu S., Takahashi A., Takata R., et al. Reproducibility, performance, and clinical utility of a genetic risk prediction model for prostate cancer in Japanese. *PLoS one.* 2012; 7:e46454.
5. Birdwell K.A., Grady B., Choi L., et al. The use of a DNA biobank linked to electronic medical records to characterize pharmacogenomic predictors of tacrolimus dose requirement in kidney transplant recipients. *Pharmacogenet Genomics.* 2012; 22:32–42
6. Harris J.R., Burton P., Knoppers B.M., et al. Toward a roadmap in global biobanking for health (A commentary regarding the need for cooperation and collaboration between biobanks to allow health innovation and increase our knowledge base). *European Journal of Human Genetic.* 2012; 20:1105–11.
7. Manolio T.A., Weis B.K., Cowie C.C., et al. New models for large prospective studies: is there a better way? *Am J Epidemiol.* 2012; 175:859–66
8. De Souza Y.G., Greenspan J.S. Biobanking past, present and future: responsibilities and benefits. *AIDS.* 2013 Jan 28; 27(3): 303-12.
9. Terry S.F., Terry P.F., Rauen K.A., Uitto J., Bercovitch L.G. Advocacy groups as research organizations: the PXE International example. *Nat Rev Genet.* 2007; 8:157–64.
10. Do C.B., Tung J.Y., Dorfman E., et al. Web-based genome-wide association study identifies two novel loci and a substantial genetic component for Parkinson's disease. *PLoS Genet.* 2011; 7:e1002141.

ПРАВО ОТЦОВ НА ОТПУСК ПО УХОДУ ЗА РЕБЕНКОМ В РФ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Чапчикова Дарья Сергеевна

Цель: в статье автор рассматривает проблемные аспекты предоставления и использования отпуска по уходу за ребенком отцами в контексте социальных трансформаций в сфере семьи в России. Приводится анализ причин столь низкого процента мужчин, использовавших право на оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком. Рассматриваются потенциальные законодательные изменения, нацеленные на укрепление института отцовского декрета. Отмечается необходимость изменения дискриминационных норм ТК РФ, введение оплачиваемого отпуска для отцов в первые дни жизни ребенка, а также законодательное закрепление части отпуска по уходу за ребенком за отцами.

Методология: формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, дедукция, анализ.

Выводы. Рассмотренные правовые аспекты и социальные подходы к использованию отцами отпуска по уходу за ребенком весьма разнообразны, что предполагает и разносторонний подход к их потенциальной реализации. позитивное социальное развитие, в особенности касающееся института семьи, неразрывно связано с внесением изменений в законодательство (а в некоторых случаях и с внедрением опережающего законодательства) для достижения наилучших результатов посредством слаженно работающей системы.

Научная и практическая значимость. С учетом опыта стран, добившихся значительных успехов в сбалансированном походе к социальному и правовому предмету в контексте предоставления и использования отпуска для отцов, а также гармоничной локализации подобных практик в ландшафте современного российского общества, основополагающие законодательные изменения, предложенные нами в качестве потенциально реализуемых, включают в себя: введение оплачиваемого отпуска для отцов в первые дни после рождения ребенка с сохранением заработной платы; закрепление части оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком в ТК РФ за отцом; разработка критериев для выявления дискриминационных норм и дальнейшего внесения изменений в гендерно-окрашенные статьи законодательства с целью укрепления института отцовства путем усиления правовой защиты отцов наравне с матерями.

Ключевые слова: отпуск по уходу за ребенком, отцовский отпуск, отцовство, трудовое законодательство, дискриминация, дискриминационные правовые нормы, гендерное равенство.

Право родителя или иного опекуна на оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком является одной из наиболее важных гарантий, предоставляемых государством в связи с ее высокой значимостью для полноценного развития нового члена общества. Правовая защита родителя рассматривается как мера, направленная на охрану в первую очередь материнства и поддержку семьи, «находящейся под высокой защитой Конституции РФ (ст. 7, 38, 39)» [1]. Однако в настоящее время отпуск по уходу за ребенком, регламентированный ТК РФ, является гарантированным правом не только женщины,

ставшей матерью. Социальные изменения, произошедшие в последние десятилетия, привели к существенной трансформации роли отца в жизни ребенка, что требует более детального рассмотрения связи права с вышеупомянутыми изменениями.

Трудности в разрешении конфликта между правовым и социальным полем в отношении предоставления и использования мужчинами оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком становятся все более явными в последние годы.

Согласно ст. 255 Трудового кодекса РФ право на отпуск по уходу за ребенком имеет также

и отец, однако процент мужчин, официально реализовавших данное право в России, крайне низок. По данным Фонда социального страхования Российской Федерации на 2019 г., процент отцов, оформивших оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком на себя, составил лишь 2,02% (*Каждый пятидесятый отец в России берет «декретный» отпуск. Фонд социального страхования Российской Федерации // [Электронный ресурс]: URL: <https://fss.ru/ru/news/2019/365644.shtml> (дата обращения: 10.12.2021)*). Предоставленное отцам право быть с ребенком в его первые годы жизни не используется, и данная ситуация является социальной нормой в российском обществе. При этом лейтмотивом исследований семейной политики среди социальных наук в XXI в. становится вопрос отцовства в противовес матрицентристской парадигме, доминировавшей ранее. Такой поворот ведет к постепенному изменению фокуса и в праве, которое должно отвечать на новые вызовы.

Перемены во многом связаны с современными социальными трансформациями, которые включают в себя:

— смену общественной модели одного кормильца на модель двух кормильцев, при которой как мужчина, так и женщина вкладываются в финансовое обеспечение семьи [2];

— политику искоренения неравенства между мужчинами и женщинами во всех сферах общественной жизни.

Данные факторы явились фундаментом для постепенной трансформации роли отца, которая отличается большей включенностью в семью и воспитание детей, что тянет за собой потребность во внесении изменений в действующее трудовое законодательство.

Исследования показывают, что развитие института декретного отпуска отцов ведет к широкому спектру положительных метаморфоз. Так, например, отмечается увеличение гендерного равенства между полами на рынке труда [1] (в том числе и в заработной плате) (*Johansson E.A. The effect of own and spousal parental leave on earnings. IFAU working paper 2010:4*), сохранение женщинами прежнего уровня квалификации после рождения ребенка [3], положительное влияние на развитие когнитивных функций у ребенка (*Hallberg A-C., Kristiansson R., Beckman A., Petersson K., Råstam L., Håkansson A. Fathers and their children's health: a telephone interview study. Acta Paediatrica. 2007. 96:1083–1087*), положительная корреляция с рождением последующих детей [4] и удовлетворенностью жизнью у мужчин в целом (*Hedlin S. Parental Leave Equality and Subjective Well-Being //*

[Электронный ресурс]: URL: <https://ssrn.com/abstract=2862813> (дата обращения: 28.10.2021)).

Опыт скандинавских стран, являющихся первопроходцами в популяризации отпуска по уходу за ребенком для отцов, показывает, что изменения на законодательном уровне имеют весомое значение для распространения практики равного родительства среди мужчин. В рейтинге UNICEF за 2020 год (*Worlds of Influence: Understanding what shapes child well-being in rich countries. 2020 // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.unicef-irc.org/child-well-being-report-card-16> (дата обращения: 18.12.2021)*) три скандинавские страны — Норвегия, Дания и Швеция — вошли в шестерку «лучших стран для рождения и воспитания детей» в ЕС и ОЭСР.

Наиболее показателен пример Швеции, где впервые еще в 1974 г. был введен обязательный отпуск по уходу за ребенком (*Duvander A.-Z., Ferrarini T., Thalberg S. Swedish parental leave and gender equality // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.iffs.se/media/1118/20051201134956filU8YIJLRAc7u4FV7gUmy.pdf> (дата обращения: 28.10.2021)*), который могли разделить оба родителя. Подобная реформа трудового права способствует сокращению частоты практик гендерной дискриминации в отношении женщин при приеме на работу, так как рекрутер информирован о возможности ухода мужчин в декретный отпуск наравне с женщинами. На данный момент страна является лидером в рейтинге стран ОЭСР по равенству в сфере труда (*Labour force participation rate // [Электронный ресурс]: URL: <https://data.oecd.org/emp/labour-force-participation-rate.htm> (дата обращения: 18.12.2021)*). Шведские отцы имеют право на оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком с оплатой в 80% от заработной платы за последний год, 90 дней из которого обязательны для каждого из родителей и сгорают в случае неиспользования. Остальные дни отпуска могут быть также разделены между матерью и отцом. Предоставляется и дополнительный денежный бонус в случае более равномерного деления отпускных дней между родителями.

Необходимость подобной правовой нормы в России трудно переоценить. Всероссийский опрос общественного мнения, проведенный Аналитическим центром НАФИ в 2020 г. (*Женское дело: мужчины в России не хотят брать декретный отпуск // [Электронный ресурс]: URL: <https://naf.ru/analytics/zhenskoe-delo-muzhchiny-v-rossii-ne-khotyat-brat-dekretnyi-otpusk/> (дата обращения: 18.12.2021)*), показывает, что лишь 1% российских отцов готов полностью взять на себя ответствен-

ность за ребенка и уйти в отпуск. Тем не менее 12% уже на сегодняшний день готовы чередовать обязанности с матерью ребенка. Таким образом, законодательное закрепление обязательного периода оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком в России может стать, во-первых, «актом так называемого опережающего законодательства, призванного ускорить формирование поощряемых государством социальных отношений в конкретной сфере» [5], а во-вторых, поддержкой реализации права отцов, которые уже готовы уйти в отпуск по уходу за ребенком, чтобы находиться с ним на раннем этапе его развития.

Причины столь низкой активности отцов разнообразны. В отчете исследовательского центра RAND (*van Belle J. Paternity and parental leave policies across the European Union // [Электронный ресурс]: URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1666.html (дата обращения: 28.10.2021)*) рассматриваются такие, как уровень компенсации заработной платы в отпуске по уходу за ребенком, гибкость в отношении использования отпуска отцами (например, на каком этапе жизни ребенка может быть взят, однажды или может быть разделен на несколько периодов и т.д.), ригидность культурных норм (как на уровне социума, так и отдельно взятой компании).

Помимо этого, российские исследователи отмечают причины, уходящие корнями в дискриминационную гендерную окраску правовых норм. Так, в аналитическом докладе Центра социально-трудовых прав отмечается [6], что «действующее законодательство по-разному регулирует права и обязанности мужчины-отца и женщины-матери». Примером может стать ст. 145 УК РФ (ст. 145 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет» (в ред. от 30.12.2021 г.)), в которой подчеркивается недопустимость необоснованного отказа в приеме на работу или необоснованного увольнения беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет. Подобная правовая защита не распространяется на мужчин с детьми аналогичного возраста, что подвергает институт отцовства различным рискам и уязвимостям и, как следствие, не позволяет ему гармонично развиваться в соответствии с происходящими социальными трансформациями.

Иным примером дискриминационного законодательства являются нормы Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». В п. 13 ст. 11 постулируется, что

«военнослужащим женского пола предоставляются отпуск по беременности и родам, а также отпуск по уходу за ребенком в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации» (п. 13 ст. 11 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»). Из этого следует, что военнослужащие-мужчины не имеют подобного права. Показательным стало дело «Константина Маркина против Российской Федерации» 2012 г. Европейский суд постановил (*Постановление ЕСПЧ от 22 марта 2012 г. по делу № 30078/06 «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации»*), что отказ в предоставлении оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком военнослужащему-мужчине – не что иное, как акт дискриминации по гендерному признаку, что недопустимо согласно ратифицированной в 1980 г. Россией Конвенции «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин».

Дело «Груба и другие против России», в котором отстаивалось право четырех российских сотрудников-полицейских на оплачиваемый отпуск по уходу за своими детьми, стало еще одним примером присутствия практики гендерной дискриминации мужчин в трудовом законодательстве РФ ввиду установления ЕСПЧ нарушения ст. 8 и ст. 14 ЕКПЧ. Обоснованием отказа в предоставлении оплачиваемого отпуска в обоих делах стал тот факт, что военные проходят службу в соответствии с нормами № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», а не ТК РФ. Тем не менее ЕСПЧ постановил, что «гендерные стереотипы, такие как восприятие женщин как основных опекунов, а мужчин как основных кормильцев, не могут считаться достаточным оправданием различий в обращении между мужчинами и женщинами в отношении права на получение пособия и на отпуск по уходу за ребенком» (*Постановление ЕСПЧ от 6 июля 2021 г. по делу № 66190/09 и 3 других «Груба и другие против России»*).

Потенциальным шагом на пути разрешения проблемы предоставления и использования отцом отпуска по уходу за ребенком может стать законодательное закрепление части оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком в ТК РФ за отцом. Основываясь на опыте стран, успешно внедривших данную практику, можно предположить, что данный шаг способствовал бы постепенному снижению уровня гендерной дискриминации в отношении отцов, желающих принимать более активное участие в жизни новорожденных детей. На наш взгляд, такому решению мог бы предше-

ствовать базовый шаг – введение оплачиваемого отпуска для отцов после рождения ребенка.

На данный момент ст. 128 ТК РФ (ст. 128 ТК РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 22.11.2021 г.)) закрепляет право за работником на предоставление отпуска без сохранения заработной платы сроком до 5 дней при рождении ребенка. Изменение срока отпуска как минимум до 10 рабочих дней, а также его оплата в соответствии с установленной заработной платой сотрудника являются первым этапом на пути к более равноправному родительству.

Подобные изменения необходимы также в связи с изменением пенсионного возраста в России: рассчитывать на «институт бабушек» в помощи по уходу за маленьким ребенком придется все меньшему числу родителей.

Также вопросом для рассмотрения могут стать инициативы частного бизнеса в контексте предоставления оплачиваемого отпуска отцам. Так, исследования шведского рынка труда показывают (Haas L., Hwang C.P. *Policy is not enough – the influence of the gendered workplace on fathers' use of parental leave in Sweden* // [Электронный ресурс]: URL: https://scholarworks.iupui.edu/bitstream/handle/1805/21317/Haas_2019_policy.pdf;sequence=1 (дата обращения: 28.10.2021)), что к факторам, способствующим принятию отцами решения взять отпуск по уходу за ребенком, относятся и корпоративная культура компаний, которая включает следующие составляющие:

- более женский коллектив (чем больше женщин в коллективе, тем легче мужчине дается решение уйти в отпуск);
- распространенность практики использования права на оплачиваемый отпуск среди других мужчин в коллективе;
- наличие «дружественной семьям» политики компании (детские сады при компании, дни, когда можно взять ребенка с собой на работу, приверженность культуре «work-life balance»).

Практика предоставления частным бизнесом дополнительных привилегий отцам (помимо законодательно установленного минимума), возложивших на себя ответственность по уходу за ребенком, достаточно распространена за рубежом. Крупные компании увеличивают продолжительность оплачиваемого отпуска для обоих родителей. Например, концерн Volvo (Ramos M.A.M., Ravindran J. *Volvo will set parental leave at 6 months for all staff globally as part of efforts to close its gender gap* // [Электронный ресурс]: URL: [*tomobile-2021-4* \(дата обращения: 23.12.2021\)\) установил срок оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком для обоих родителей сроком в 24 недели во всех странах, на чьих рынках присутствует компания. Весной 2020 г. в разгар первой волны коронавирусной инфекции в компании Google \(Pratt L. *Google increases its employee parental leave entitlement to 14 weeks* // \[Электронный ресурс\]: URL: <https://employeebenefits.co.uk/google-increases-its-employee-parental-leave-entitlement-to-14-weeks/> \(дата обращения: 23.12.2021\)\) продлили срок такого отпуска на 8 недель для всех сотрудников-родителей по всему миру, чтобы снять возросшую нагрузку в связи закрытием дошкольных учреждений и школ. В компании Procter & Gamble \(Bhattacharyya R. *Procter & Gamble introduces new inclusive parental leave policy* // \[Электронный ресурс\]: URL: <https://economictimes.indiatimes.com/industry/cons-products/fmcg/procter-gamble-introduces-new-inclusive-parental-leave-policy/articleshow/81047727.cms?from=mdr> \(дата обращения: 23.12.2021\)\) предоставили 8 недель дополнительного полностью оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком обоим родителям.](https://www.insider.com/guides/parenting/volvo-maternity-paternity-paid-leave-inclusive-gender-disparity-gap-au-</p></div><div data-bbox=)

Уровень ответственности работодателя в отношении работников, имеющих детей, в России определяется в первую очередь соблюдением норм ТК РФ. Тем не менее стимулирование компаний на законодательном уровне расширять перечень дополнительных привилегий, предоставляемых новоиспеченным родителям, также может иметь положительный эффект.

Рассмотренные правовые аспекты и социальные подходы к использованию отцами отпуска по уходу за ребенком весьма разнообразны, что предполагает и разносторонний подход к их потенциальной реализации. С учетом опыта стран, добившихся значительных успехов в сбалансированном социальном и правовом походе к в контексте предоставления и использования отпуска для отцов, а также гармоничной локализации подобных практик в ландшафте современного российского общества, основополагающие законодательные изменения, предложенные нами в качестве потенциально реализуемых, включают в себя:

- введение оплачиваемого отпуска для отцов в первые дни после рождения ребенка с сохранением заработной платы;
- закрепление части оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком в ТК РФ за отцом;
- разработка критериев для выявления дискриминационных норм и дальнейшего внесения изменений в гендерно-окрашенные статьи зако-

нодательства с целью укрепления института отцовства путем усиления правовой защиты отцов наравне с матерями.

Таким образом, позитивное социальное развитие, в особенности касающееся института семьи,

неразрывно связано с внесением изменений в законодательство (а в некоторых случаях и с внедрением опережающего законодательства) для достижения наилучших результатов посредством слаженно работающей системы.

Литература

1. Мухин И.В., Малых И.В. Право работающей женщины на пособие по уходу за ребенком до полутора лет: история и современность // Право и политика. 2019. № 3. С. 75–96.
2. Кравченко Ж.В., Мотеюнайте А. Женщины и мужчины на работе и дома: гендерное разделение труда в России и Швеции // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 2. С. 177–200.
3. Joshi H. The opportunity costs of childbearing: more than mothers' business // Journal of population economics. 1998. № 11(2). С. 161–183.
4. Duvander A.-Z., Andersson G. Gender Equality and Fertility in Sweden // Marriage & Family Review. 2005. № 39 (1–2). С. 121–142.
5. Отцовский отпуск: значение и перспективы правового регулирования // Сборник научных трудов по итогам IV Междунар. науч.-практ. конф. 27–28.10.2017 / ред. К.Л. Томашевский и др. Минск, МИТСО, 2017. С. 119–122.
6. Герасимова Е.С., Саурин С.А., Лютов Н.Л. Эффективность защиты от дискриминации в трудовых отношениях по признаку пола в законодательстве и на практике в России: аналитический доклад. М.: АНО «Центр социально-трудовых прав», 2015. – 125 с.

References

1. Mukhin I.V., Malykh I.V. Pravo robotayushchei zhenshchiny na posobie po ukhodu za rebenkom do polutora let: istoriya i sovremennost' [The right of a working woman to child care allowance up to one and a half years: history and modernity]. *Pravo i politika [Law and politics]*, 2019, no. 3, pp. 75–96. (In Russian, abstract in English)
2. Kravchenko Zh.V., Moteyunaite A. Zhenshchiny i muzhchiny na rabote i doma: gendernoe razdelenie truda v Rossii i Shvetsii [Women and men at work and at home: the gender division of labor in Russia and Sweden]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki [Journal of Social Policy Research]*, 2008, v. 6, no. 2, pp. 177–200. (In Russian)
3. Joshi H. The opportunity costs of childbearing: more than mothers' business. *Journal of population economics*, 1998, no. 11(2), pp. 161–183. (In English)
4. Duvander A.-Z., Andersson G. Gender Equality and Fertility in Sweden. *Marriage & Family Review*, 2005, no. 39 (1–2), pp. 121–142. (In English)
5. Ottsovskii otpusk: znachenie i perspektivy pravovogo regulirovaniya [Paternity leave: meaning and perspectives of legal regulation]. In *Sbornik nauchnykh trudov po itogam IV Mezhdunar. nauchnoprakt. konf. 27–28.10.2017 [Collection of scientific papers based on the results of the IV Intern. scientific and practical conf. 27–28.10.2017]*. Eds. K.L. Tomashevskii and etc. Minsk, MITSO Publ., 2017, pp. 119–122. (In Russian)
6. Gerasimova E.S., Saurin S.A., Lyutov N.L. Effektivnost' zashchity ot diskriminatsii v trudovykh otnosheniyakh po priznaku pola v zakonodatel'stve i na praktike v Rossii: analiticheskii doklad [Effectiveness of Protection against Discrimination in Labor Relations on the Basis of Sex in Legislation and Practice in Russia: Analytical Report]. Moscow, ANO "Tsentr sotsial'no-trudovykh prav" Publ., 2015. 125 p. (In Russian)

СТЕНОГРАММА

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ИТОВОМ ЗАСЕДАНИИ СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ (08.12.2021)

Куликов Анатолий Сергеевич

Уважаемые присутствующие, члены Союза криминалистов и криминологов и гости!

Обращаюсь к Вам и рад быть сегодня специальным гостем. Но когда мы с Игорем Михайловичем предварительно говорили, я ему сказал, что не готов говорить по какой-то одной теме, я готов говорить по широкому спектру вопросов, касающихся внутренней и военной безопасности нашей страны. И я коротко хотел бы выступить по такому плану: рассказать вам кратко о себе, потом о клубе военачальников, который я возглавляю, а потом ответить на любые Ваши вопросы.

Но по русскому обычаю приходят в гости с подарками, поэтому я пришел тоже с подарками: книгой «Тяжелые звезды» (*книгу демонстрируют для членов, находящихся в зале и подключенных дистанционно*), книгой «Куликово поле» (*также демонстрируют книгу*) и буклетом о клубе, чтобы было понятно, чем мы занимаемся. Но я об этом скажу.

Я родился в 1946 г. после войны в семье рабочего — водителя. Мама работала в районной больнице санитаркой. Нас было пятеро в семье, все мальчишки — я один послевоенный. Конечно, отец, вернувшийся с войны, души не чаял во мне, и я вырос, как говорят, не битый абсолютно. Отец так ко мне относился и всегда брал меня с собой в рейс, как только каникулы, свободное время было у меня. Я практически провел в кабине машины свое детство. Отец мне так подробно рассказывал о войне, что у меня сложилось такое впечатление, как будто я вместе с ним воевал на этой войне, каждый его день — он мне все рассказывал подробно, и, конечно, под этим влиянием я не представлял себе другой профессии, кроме как быть офицером, причем непременно командиром (*смеется*), но так и получилось.

Я закончил командное училище внутренних войск в 1966 г., правда, при этом получил еще диплом юриста средней квалификации. Но это было то время, когда «право» определялось как «воля господствующего класса». Ну а потом я, конечно, не занимался непосредственно оперативной работой, эти знания мнегодились только с точки зрения взаимодействия с другими людьми, милицией, поскольку внутренние войска в основном работали на этом направлении. Прошел должности во внутренних войсках, все должности: с должности командира роты я поступил в военную академию Фрунзе. Кстати, сегодня ей исполняется 153 года — в 1832 г. была образована Академия Генерального штаба, но она была Николаевской академией Генштаба, потом стала академией Фрунзе, а уже в 1936 г. у нас образовалась Академия Генерального штаба с оперативно-стратегическим уровнем подготовки. Я с отличием ее закончил в 1974 г., был назначен на должность командира батальона. Прослужил я во всех регионах, в Северо-Кавказском в том числе. В 1977 г. был назначен командиром полка в Белоруссию, мне было 30 лет, работать было интересно. Через 4,5 года был назначен начальником штаба дивизии в Минск — 43-й дивизии внутренних войск. 5,5 лет я пробыл начальником штаба дивизии, потом командиром дивизии был назначен уже в Минске, звание генерала получил в 41 год в Минске в 1988 г. — 15 февраля. И в 1988 г. я поступил в Академию Генерального штаба. В 1990 г., как раз на переломе эпох, закончил я Академию Генерального штаба тоже с отличием и был назначен командующим внутренними войсками по Северному Кавказу и Закавказью. К этому времени я уже имел опыт руководства своими войсками при чрезвычайных обстоятельствах: по

ликвидации массовых беспорядков в колониях, в Чернобыле в 1986 г. И это, конечно, в последующем пригодилось в жизни, когда ты уже обстрелян и для тебя не являются неожиданностями какие-то другие события. А на Кавказе штаб находился в Ростове, войска находились во всех республиках: одна дивизия стояла в Баку, другая в Тбилисси, которой подчинялись части на территории Армении, Грузии, а на Северном Кавказе в Краснодаре, Пятигорске и Новочеркасске. Около 45 тысяч была численность внутренних войск на Северном Кавказе и в Закавказье в то время, когда в Северо-Кавказском округе было всего 28 тысяч – он не был перворазрядным округом.

Там, на Кавказе, мне пришлось побывать во всех горячих точках: Карабах, Абхазия, Грузия. Там шла гражданская война, по сути дела. В Грузии, с одной стороны – оппозиционный президент Гамсахурдия, с другой стороны – Тенгиз Китовани, Джаба Иоселиани. Потом Цхинвали – Южная Осетия в декабре 1991 г., потом это все переметнулось на Северный Кавказ. Чечня – Осетино-ингушский конфликт, где мне пришлось руководить группировкой. Потом Кабардино-Балкария в сентябре 1992 г., там тоже была попытка один к одному – совершить такой же мятеж, как и в Чечне, и уже там были захвачены практически все коммуникации, мосты, аэродромы, но нам

удалось это дело нормализовать, поскольку части и подразделения внутренних войск были готовы к новым условиям служебно-боевой деятельности.

В декабре 1992 г. я был назначен командующим внутренними войсками Российской Федерации. Меня никто не приглашал: ни министр, ни президент – никто. Я находился в Осетии, звонит Шахрай и говорит: «Подписан указ о назначении Вас командующим внутренними войсками». Так же, как и министром: я находился в Чечне, мне звонят и говорят: «Подписан указ о назначении министром внутренних дел». Я не беседовал ни с Ельциным, ни с кем не беседовал. Правда, с Черномырдиным, когда министром назначали, он меня приглашал – я отказался, сказал, что я не оперативный и не следственный работник. Черномырдин сказал, что там есть, кому заниматься оперативной работой: «Твоя задача организовать работу всех структур». Вот так я оказался министром внутренних дел.

Естественно, я старался работать добросовестно, нам многое удавалось. Когда на должность генерального прокурора был назначен Юрий Ильич Скуратов, находящийся здесь, у нас никаких препятствий в работе, противоречий. Мы работали очень дружно, я ему особо благодарен за наше тесное сотрудничество. Многие наши совместные приказы подготовили по ряду преступлений,

раскрывали их — старались. В 1998 г. 23 марта был подписан указ о моем освобождении от занимаемой должности в связи с переходом на другую работу. Другую работу мне, конечно, никто не дал: я пробыл в «декретном» отпуске на «сохранении» 180 суток, и потом мои земляки предложили стать депутатом Государственной думы. И я был избран независимым депутатом от Ставропольского края. Поскольку независимый депутат мало что может сделать, Евгений Примаков предложил мне войти в состав «Отечества», которое потом объединилось с «Единством», стало «Единой Россией». И я два созыва — 8 лет был депутатом Государственной думы. Там мне тоже удалось кое-что сделать: закон о ветеранах, по которому все, кто воевал на Кавказе, стали участниками боевых действий и стали получать льготы — это мой закон.

Закон о противодействии терроризму — это тоже, можно считать, мой закон, его инициировал президент, но от этого закона мало что осталось, от того, который был представлен как проект. И вот там, я считаю, самый большой мой вклад в Думе — закон о противодействии терроризму, где даже определение, что такое терроризм, — мое. Я этим горжусь. Вы знаете, что признаки терроризма — это страх и насилие, но мы сформулировали такое определение: «терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Почему мы взяли такое определение, и все его поддержали? Терроризмом движет идеология насилия. И уже на стадии зарождения замысла есть возможность его предотвращать, предполагая превентивные меры. На основе этого закона президент потом издал указ о создании Национального антитеррористического комитета, возглавляемого сейчас директором ФСБ. И вот с 2006 г., я стучу (*стучит по столу*), Россия с точки зрения террористической опасности является, пожалуй, одной из самых безопасных стран. В этом, считаю, немалую роль сыграл этот закон — там очень много нового: участие вооруженных сил — никогда этого не было; система управления другая — там введена персональная ответственность руководителя операции. Раньше до этого вообще никто не знал кто ответственный. Совершился теракт, и я не знаю, я, министр, буду отвечать, руководить операцией или директор ФСБ, или кто-то другой, кто-то из региона — этого не было. Вот такой подход, конечно же, расхолаживал: «Ну зачем я буду в мирное

время кого-то там тревожить, если я не знаю, буду я руководителем или нет».

Никак не хотели руководители ФСБ принять на себя эту обузу — это, конечно нелегкое дело. Но у меня был убедительный довод: я достал уставы вооруженных сил и говорю: «Открывайте устав внутренней службы, где написано: командир полка несет персональную ответственность за состояние боевой готовности своего полка, начальник штаба полка несет персональную ответственность за состояние боевой и мобилизационной готовности и, если полк не будет готовым, он под трибунал пойдет. Почему вы не должны ответственность нести?» И это предложение прошло. Теперь региональный руководитель ФСБ или федеральный несут ответственность в зависимости от масштаба теракта.

Был установлен порядок ведения переговоров: назначается переговорная группа. Все детали, я думаю, мы сразу включили, в том числе степени угрозы (оранжевая, красная, и т. д.). Потом это уже наполнили содержанием. Закон, я считаю, очень хороший. И даже Бундестаг, и французы попросили наш закон о противодействии терроризму. Я выступал в Германии, во Франции и в США — неоднократно по теме: «Законодательное обеспечение противодействию терроризма в России». Вызвало это большой интерес, и мы делились опытом.

Когда я ушел в отставку, мы попытались сформировать Всемирный антикриминальный, антитеррористический форум, куда бы вошли представители правоохранительных структур. И предполагалось на этом форуме разрабатывать модельные законы как варианты и затем их обсуждать, чтобы они были приняты, поскольку международные преступники очень быстро обгоняли (как это происходит, кстати, и сейчас) всех законодателей, и мы все время плетемся в хвосте, бьем по хвостам. Как пример можно привести наш Сбербанк — он разработал очень эффективную систему контроля за телефонными мошенниками. Удивительная система, я думаю, в мире нет такого. Я советую вам договориться и побывать там — очень интересная система безопасности. Каждый звонок, который проходит по всей стране, фиксируется. Я спросил, когда они ее показывали: «Министра внутренних дел приглашали?» Они говорят: «Приглашали, но что-то МВД не проявило интерес». Второй вопрос: «Вы данные эти подаете в милицию, чтобы они могли работать?» — «Мы подаем, но милиция нам говорит: нам нужно заявление потерпевшего, а заявления потерпевшего нет». Представляете, какой массив

преступлений провисает? Значит, нужно уже на законодательном уровне принимать меры: в УПК вносить изменения, чтобы были основания для возбуждения уголовного дела не только, допустим, по поступившим заявлениям и т. д., но и по подобным информационным сообщениям соответствующих контролирующих структур. Хотя, как мы с вами хорошо знаем, сегодня даже самая открытая информация о признаках преступления практически тоже тонет — это тоже одна из наших с вами проблем.

Потом прошло время в Думе, конечно, там все изменилось после первой же сессии четвертого созыва. Ситуация изменилась: уже мало что можно было сделать в этой Думе. А тут случилась трагедия: умер первый президент клуба военачальников — маршал Сергеев Игорь Дмитриевич, министр обороны, который в 2005 г., посоветовавшись с нами, со всеми генералами армии, принял решение создать клуб военачальников. Игорь Дмитриевич только 2 года, к сожалению, возглавлял этот клуб. И в 2007 г. мне было предложено кураторами администрации президента возглавить этот клуб. Я с удовольствием согласился и не жалею об этом — там очень интересная работа.

Чтобы потом не возвращаться к биографии: у меня замечательная семья — супруга, которая родила мне двух сыновей и дочь, которые, в свою очередь, нам подарили 10 внуков и двух правнуков. На сегодняшний день у нас такая клумба: 10 внуков и два правнука. В разных местах живут: в Ростове, в Москве. И сыновья тоже пошли по моим стопам: они оба закончили военное суворовское Минское училище. Потом старший закончил Петербургское/Ленинградское общевойсковое командное училище, а младший — Военную академию ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого. В 2005 г. мы все уволились со службы. Общая выслуга у нас — 85 лет. Они сейчас работают, воспитывают своих детей, денег не просят, и это уже для отца и матери хорошо. Нормальные ребята. Сыновья очень дорожат честью семьи, фамилией дорожат, и нигде они не запачканы. Я очень горжусь своими сыновьями: они прежде, чем что-то сделать, подумают тысячу раз.

Что такое клуб военачальников? Идея принадлежала Игорю Дмитриевичу Сергееву. Президент Путин в 2005 г. поддержал это дело. Медведев тогда был руководителем администрации — тоже поддержал. Клуб военачальников объединяет в своем составе около двух тысяч военнослужащих оперативно-стратегического звена управления. В армии — это командарм и выше. Поскольку

в нынешнее время практически ни одно ведомство не может самостоятельно решить проблему, возложенную на него законом, поэтому мы туда включили и представителей МВД, Федеральной службы безопасности, Министерства по чрезвычайным ситуациям, Следственного комитета — от регионального руководителя и выше. Членские карточки мы выдали, около тысячи человек их получили, а реально их около двух тысяч. В основном это представители Москвы. Организация не межрегиональная и не общероссийский клуб. Клуб — это сбор по интересам, но, конечно, кроме чисто клубных интересов: бильярдного турнира, стрельбы из разных видов оружия или мероприятий на полигоне, вождения и т. д. — у нас, конечно, основная задача клуба — максимально использовать потенциал людей, которые имеют опыт боевой работы, имеют опыт реформирования своих силовых структур, опыт управления большими воинскими коллективами, чтобы этот опыт можно было применять на практике, и он не исчез на грядках на даче. Для этого мы проводим круглые столы как первичную форму научного поиска, семинары, конференции. Две крупные конференции в год мы обязательно проводим, как правило, на базе Академии Генерального штаба. По итогам этих конференций мы направляем результаты нашему политическому руководству или ведомствам в зависимости от того, кого касается та или иная тема.

По началу, знаете, это настороженно воспринималось, а потом однажды рассмотрели проблему радикального ислама. И я вдруг смотрю телевизор, а президент Путин в Башкирии на госсовете ставит задачу губернаторам и один к одному определяет наши рекомендации. Я потом своим сказал: «Не напрасно мы работаем, значит, доходит, пусть не все, но доходит до политического руководства». Мы направляем это силовикам, а там уже их дело: принять или не принять, но мы, так скажем, свою экспертную оценку им подаем. И, конечно, мы не ставим вопрос: «Мы были такими умными, а вы сейчас ничего не понимаете». Так поставить вопрос легко, но будет ли результат? Нет, конечно. Наша задача — сказать так, чтобы быть услышанным. Вот это уже искусство.

Мы так ставим вопрос: если мнения экспертов вы не будете слушать, вы будете слушать тогда толпу, как это произошло в ряде стран. Не буду их называть, представители знают хорошо, кто даже сейчас меня слушает. Толпа — это стихия снежного кома. Ситуация конфликтная отбрасывает на несколько лет назад любое государство. И вот тут искусство наших руководителей услышать и сде-

лать так, чтобы было и людям хорошо, и чтобы закон был соблюден, и люди жили нормально, чтобы была стабильность и с точки зрения внутреннего жизни страны, и с точки зрения стратегической стабильности.

Конечно, наше политическое руководство много делает, и мы наблюдаем — к примеру наш президент встречался с президентом США Байденом. Мы, конечно, многого не знаем, о чем они говорили, но часть информации уже просачивается. Да, я не сказал о задачах клуба. Потом мы вернемся к этой теме.

Кроме научной работы, у нас есть еще так называемая группа «Эльба», куда входят пять четырехзвездных американских генералов и пять наших генералов армии. Мне поручено возглавлять нашу делегацию. Мы встречаемся 1–2 раза в год на нейтральной территории и обсуждаем вопросы противодействия ядерному терроризму, вопросы стратегической стабильности и текущие горячие вопросы Сирии, Украины и подобное. Этой работой мы занимаемся 13 лет. И мы, знаете, уже друг друга неплохо понимаем. Сначала нам хотелось закончить эту работу, но нам и Лавров сказал, и Ушаков: «Не прекращать, продолжайте работу, потому что вы остались единственным каналом так называемой народной дипломатии по линии военного сотрудничества. Больше нет никаких. Военного сотрудничества официально нет».

Мы до последнего времени имели постоянное представительство при НАТО. Ушли оттуда, поскольку были созданы такие условия. В связи с пандемией последние две встречи мы провели уже в режиме онлайн. И я вам скажу: мы понимаем друг друга, и это лишний раз подтверждает, что, если бы военным доверили прекратить военные конфликты и обеспечить стратегическую стабильность, она была бы обеспечена. Уже после второй встречи мы говорили на одном языке, писали заявления совместные, нас понимают и у Лаврова, и в администрации президента. А наши американские коллеги говорят: мы приходим, а с нами на эту тему в руководстве страны говорить отказываются. Картер в то время был министром обороны, он сейчас возглавляет Белферовский центр в Гарвардском университете, ему приносят наше совместное заявление, где мы и американцы пишем о необходимости сотрудничества. Он бросает на стол и говорит: «Какое сотрудничество? Никогда с Россией не будем сотрудничать». До тех пор, пока этот кризис не преодолен, там трудно ожидать улучшений, а он только усугубился в Соединенных Штатах Америки. После того, как

там случилось это дело с афроамериканцами, мы говорим: «Как такое можно было допустить? Мы не понимаем вас». Они сами говорят: «Мы сами в шоке».

Я много раз был в Соединенных Штатах, 12 раз был, и даже дважды мы путешествовали с семьей. Мы это любим с сыновьями. Когда ушли в отставку, по нашей стране на машинах путешествовали и за рубежом. Мы проехали от Владивостока до Москвы, от Москвы до Лиссабона, мы дважды Америку пересекли — от Вашингтона до Сан-Франциско, через Чикаго по 66-й дороге. А потом в 2014 г. от Анкориджа (Аляска) до Майямы. Мы заезжали в резервации, вот там было интересно послушать людей. Когда ты там с неофициальным визитом, то все вроде клеится, все нормально. Мы побывали в Австралии, проехали вокруг Австралии 15 000 км полностью по периметру, 28 суток потратили, многое увидели. В общем, мы любим путешествовать по нашим республикам (которые входили в состав СССР), Средней Азии, Турции, Румынии, Болгарии, Украине. Много поездить довелось — это наше семейное хобби. Старший сын написал несколько книг, он пишет стихи, песни, поет.

Что касается безопасности, конечно, нынешняя ситуация очень напряжена и с точки зрения внутренней стороны, и с точки зрения международной. И Украина тут подбросила нам такую вводную, что даже наши эксперты — никто не может сказать, никто не может заверить, что не будет никакого вооруженного конфликта. Хозяева нынешней украинской власти медленно подталкивают Украину, направляя туда специалистов, направляя туда оружие, технику. Конечно, она там не новая, не прогрессивная, но тем не менее украинцы, наверное, считают это положительным фактором. Но, допустим, я считаю, что это для Украины отрицательный фактор: освоить новую технику — это не так просто. Винтовку — да, а уже остальные средства поражения, даже тот же противотанковый гранатомет, ту же систему высокоточного оружия — это не так просто сделать. Оно может не сработать даже в какой-то момент.

Но это не значит, что нам нужно туда вмешиваться — только в крайнем случае при угрозе жизни, проживающим там русским людям. Мой опыт показывает: мы до 1994 г. тоже считали, что мы одним махом, как Грачев говорил, одним парашютно-десантным полком, продавим. Ничего подобного: войти легко. И я об этом в 2002 г., выступая в конгрессе США, говорил конгрессменам: «Войти в Ирак легко, выйти будет тяжело». На что

мне Дмитрий Саймс? говорил: «Вы что, генерал! Мы не Россия, нам 1–2 месяца достаточно!» До сих пор не вышли, замечу с 2002 года. Потом я на одной передаче у Попова у него спросил дистанционно: «Ну как, Дмитрий? За 2 месяца решили вопрос?» Войти легко – выйти тяжело. Это не лучший вариант. Может у нас быть военное столкновение с Украиной? Да, может. Если только Украина пойдет на Донбасс, а там 600 тысяч (и даже больше называют цифру) русских граждан, российских граждан, которые получили паспорта. И вот тут уже нам не придется смотреть ни на какие санкции. Да, там придется воевать, защищать этих людей. И уверен, что наши власти то же самое думают.

Вчера наш президент с Байденом беседовал, я думаю, что они и эту проблему затронули. И скорее всего Байден пригрозил введением страшных санкций, а Путин в свою очередь попросил его обуздать своих подопечных.

Что касается Белоруссии. Я служил в Белоруссии – замечательная республика. Когда в прошлом году там были беспорядки, мне задавала вопрос «Комсомольская правда», и я говорил, что Александру Григорьевичу... (я его, кстати говоря, знаю давно; еще когда он был замдиректора комбината стройматериалов в Могилевской области, я с ним встречался; с тех пор мы знакомы с ним, и я дважды был у него на аудиенции). И я говорил, что он должен был на последнем сроке подобрать преемника, подготовить в виде общественно-политического движения или партийного движения и передать власть, чтобы не вызывать раздражения людей. Люди устают: мы в свое время от Брежнева устали, хотя он ничего плохого, так сказать, не делал. И в Политбюро работал, только оторвался от жизни. Вот нечто подобное, как мне кажется, случилось и с Лукашенко. Да и потом он сам сказал: «Да, наверное, я засиделся». Сейчас посмотрим, какой в Беларуси будет новая Конституция, как это все скажется на политической обстановке внутри страны. И создание Союзного государства постоянно затягивается.

Я могу привести пример 1997 г., когда я уже был заместителем Председателя правительства, и мы должны были подписать Союзный договор. Нам, членам правительства, всем выдали Союзный договор. А методика была такая: завтра заседание правительства, сегодня в ночь фельдъегерь привозит этот проект. Я, конечно, привык работать, каждый документ прорабатывать. Я посидел, хорошо посмотрел, увидел 6 статью: «Целями Союзного договора является...» И там 6 дефисов было гуманитарных таких – право

на перемещение, на труд и т. д. Я поставил еще один дефис и написал: «Конечной целью Союза является создание единого федеративного государства». Когда это произойдет – через месяц, через 2, через 100 лет, через 10... Я утрирую, конечно, потому что новые наши реформаторы-либералы были категорически против создания Союзного государства. Чубайс говорил: «Как? Там разный уровень экономики. Ни в коем случае, нет!» Вот мы бы за это время и создали переходный период для создания единой валюты, единого эмиссионного центра и т. д. И единого экономического пространства. Но думаю, что дело к этому идет.

Какие интересные моменты были в период моей работы? Это момент в 1996 году, когда Борису Николаевичу в марте доложили о том, что на выборах может быть полный провал, и их надо бы перенести. Коржаков, Сосковец были инициаторами такого предложения. И Ельцин уже принял такое решение. Утром 17 числа мне позвонил Коржаков на дачу, это была суббота, сказал: «Вас ждет президент, на 10 часов вам назначена встреча». Ну я спросил: «Да, а что? – еще спрашиваю, – какой вопрос?» «Приедете, узнаете». Я, конечно же, быстро вызвал машину, приехал в министерство, послушал. Вроде бы обстановка терпимая, не выходит за рамки обычного. Приехал на доклад к президенту, зашел в приемную, оттуда выскочил Юрий Ильич, так на меня косо посмотрел и пробежал мимо. Мы с ним даже не обменялись никакими фразами. Я захожу, президент очень взволнован, цвет лица у него серый, говорит: «Я принял решение разогнать Думу, арестовать коммунистов и перенести выборы на 2 года. Они приняли решение о денонсации Беловежских соглашений, коммунистов терпеть нельзя». Я военный человек, сказал: «Есть! Разрешите, я доложу вам в 17:00». «Да, конечно», – сказал Ельцин. Приехал, собрал коллегию, сказал: «Вот такая ситуация, насколько я понимаю, это антиконституционно. По Конституции за полгода до выборов нельзя распускать парламент, но президент принял решение. Каждый из вас вправе высказаться, и, если он не будет выполнять, – свободен. Никто никого преследовать не собирается». Но у самого-то в голове работает другое – не военно-техническое направление, а уже общественно-политическое, вторичный уровень сознания включается вместо психологии. Я звоню генеральному прокурору и говорю: «Как ты себя чувствуешь, Юрий Ильич?» Он говорит: «Неважно чувствую». Я говорю: «Знаешь что? У меня есть предложение.

Пригласи к себе Туманова, председателя Конституционного суда, и я подъеду с Кожевниковым, руководителем следственного комитета МВД. Мы посоветуемся». А сам уже набросал плюсы и минусы этого мероприятия. Когда приехали, я говорю: «Ладно, я солдат, должен шелкнуть каблуками, сказать: есть! Или положить рапорт на стол. Но как вы могли согласиться с этим?» Туманов говорит: «Так он (Ельцин) сказал, что Грачев согласен, Куликов согласен, Барсуков согласен». Я говорю: «Вы поедете вместе со мной в 17:00 часов?» «Поедем». Я ничего никому не докладываю, мы приезжаем в 17:00 часов в Кремль, заходим втроем к президенту, а у него глаза квадратные. Он говорит: «А что это вы тут втроем пришли?! Я же уже с вами беседовал. Указ будет подписан. Свободны!» Ну мы попытались что-то сказать: «Борис Николаевич, дело в том, что это антиконституционно – нельзя...» «Все, решение принято, уходите. Я вами недоволен, министр». А лицо уже такое черное, как вот это кресло. Ну, туда, где работает группа по указу, а там Сагатов, Шахрай, Краснов, Илюшин. Мы заходим, и я сразу говорю: «Мы не собираемся это выполнять». И они обалдели: «Как? – говорят, – нам сказали, что вы все согласны». Нет, нельзя этого делать. И я как раз Илюшину говорю: «Вот, посмотри, видишь, люди? А его окна выходят на Красную площадь. Ты видишь? Люди гуляют по Красной площади. Завтра в это время здесь будут жечь костры, и так будет по всей стране. Вы что делаете?» Они, конечно, в какой-то степени обрадовались, потому что они тоже не хотели этого. Остался я на ночь, конечно, в министерстве. Да, Черномырдин тоже позвонил. Он мне говорит: «Ну что там, Анатолий?» У нас с ним были такие хорошие, доверительные отношения. Я говорю: «Ну вы же знаете, что это антиконституционно?» После этого приехал я к себе в кабинет, еще дальше рассудил, что хорошо, что плохо. Потом думаю: «Дай-ка я Грачеву позвоню». Грачеву звоню, с трудом его нашел: «Ты в курсе дела?» А мы с ним однокашники, вместе учились в Академии Генштаба. Он говорит: «А что?» Я говорю: «Ну, что задумано?» Грачев: «Нет, не в курсе дела». Я: «Тебе президент звонил. Потому что я у него спрашивал: Грачев знает? Президент сказал: знает». Грачев: «Да нет, он позвонил, спросил: ты Куликова поддержишь при необходимости? Я ответил, конечно, мы друзья, однокашники. Конечно, поддержу». Я говорю: «Все понятно». Я не стал даже дальше Павлу Сергеевичу рассказывать, что там произошло. Потом звонит в 23:30 Коржаков и говорит: «Вас приглашает на 6 часов

утра президент к себе в кабинет». Я думаю: «Надо позвонить Черномырдину – знает он об этом или нет?» Нахожу его и говорю: «Виктор Степанович, вы в курсе дела, что президент завтра в 6 утра собирает?» И перечисляю ему, кто там будет, а его, Черномырдина, там нет. Он молчит, и я понял, что он не в курсе дела. Я предложил: «У меня к вам просьба: пожалуйста, без четверти шесть подъезжайте, мне надо вам кое-что сказать». Без четверти шесть утром мы собираемся в приемной у президента Ельцина. Я Черномырдину говорю: «Мы приняли решение этот указ не выполнять, даже если он будет подписан». И я рассказал о нашем визите вместе с прокурором и председателем Конституционного суда к президенту. В это время я смотрю – идут два моих Куликова: Куликов, городской начальник УВД, Николай Васильевич, и Куликов, областной начальник, Александр Николаевич. И вот представьте ситуацию: министр в приемной президента своим подчиненным говорит, что он не будет выполнять указ президента. Каково? Это уже трибуналом пахнет. Заходим мы к президенту, он сидит, Черномырдин – справа, я, Барсуков – напротив, а еще Егоров, Илюшин, а на приставных стульях – Сосковец и Коржаков, а моих два Куликова с торца, с той стороны... *(показывает рукой)*. Я только встал докладывать: «Разрешите доложить». Президент говорит: «Нет, в министерстве дела идут плохо. Вот в области лучше идут дела». А у него уже вот так *(показывает)* лист перевернутый лежит и мое имя там видно: «о Куликове». Там не видно, что именно. Видно, что о Куликове. Я понял, что меня уже тут не будет. Сейчас будет новый министр и, скорее всего, кто-то из моих других Куликовых, чтоб не пугать страну. Говорит: «Ну-ка доложите, Куликов областной!» Тот докладывает, что мы получили задачу от министра, провели расчеты туда-сюда: нам не хватает 16 000 человек для того, чтобы взять ситуацию под контроль и не допустить массовых беспорядков в столице. Я все-таки настаиваю: «Разрешите доложить». Ельцин молчит, и я начал ему докладывать о том, что подчиненным МВД структурам поставлена задача, она еще в стадии выполнения – с чисто военной технической точки зрения идет выполнение, войска готовятся, органы готовятся вот к этому указу, который будет выполняться в 8 часов утра, ждут сигнала. Но этого нельзя делать. Начинаю ему перечислять: о забастовках, о шахтерах, об учителях и врачах, которые бастуют. Я ему говорю, что это Ваша Конституция, Вы приняли эту Конституцию и Вы ее нарушаете. Вы в 1993 г. во время попытки мятежа, так сказать, в праве были

действовать, потому что Вас поддержал народ, когда Вы писали, помните: «нет, нет, да, да, нет». Поддержали Вас тогда, а сегодня Вас не поддержат – это будет катастрофа для страны, это будет гражданская война. Потом я говорю: «И прокурор, и председатель Конституционного суда тоже против этого, и члены коллегии МВД против». Ельцин: «Это они что, у вас все коммунисты?» «Нет, не коммунисты, но они знают закон, это нарушение». «Надо их арестовать, кстати, где? Кто знает? Где Центральный комитет партии, КПРФ?» Молчок. Михаил Иванович Барсуков листает свои записи: «Я знаю – Охотный ряд, дом 1, Государственная дума». Я улыбнулся: «Да, эти знания проблемы не решают». Ельцин сказал так: «Мне надо посоветоваться с Лужковым и со Строевым».

Крапивин позвонил в 8 часов и сказал: «Президент дал команду запускать депутатов в Думу». Слава Богу Ельцин прислушался к нам.

Я часто вспоминаю и даже своим подчиненным часто говорю: «У нас был Иван Ильин – такой философ в начале прошлого столетия. Он писал, что умный политик знает, как остановить войну, а мудрый знает, как ее не допустить». К сожалению, у нас так бывает, что ни мудрости, ни ума не хватает, чтобы предотвратить кровопролитие.

Мы в клубе, конечно, еще занимаемся другими вопросами. На нашем попечении вдовы, мы даем транспорт вдовам военачальников. Они ездят 2 раза в госпиталь, у нас 15 суворовских училищ и 2 нахимовских. Один раз в год мы выдаем стипендии лучшим воспитанникам; 4 военных академии по 4 преподавателя – в каждой мы тоже даем стипендии. Вопрос – на какие деньги? Как Юрий Ильич говорил, примерно так же, как и у Вас в Вашем Союзе – на пожертвования, на благотворительность – ходим с протянутой рукой, просим у спонсоров. Государство ни одной копейки нам не дает, хотя мы уже провели 25 конференции, у нас 25 томов сборников по их итогам издано начиная с 2006 года. Ведем большую издательскую деятельность, печатаем межуары военачальников. Сейчас на выходе будут еще несколько книг. «Школа военных стратегов», посвященная как раз Военной академии Генерального штаба.

Вы знаете, очень интересно, я не утомляю вас? Может пора закончить?

«Школа военных стратегов» проходит на основании воспоминаний выпускников Академии Генерального штаба. Вы знаете, когда мы учились в училищах, в академиях, было непонятно,

почему начальник Главного штаба генерал Алексеев не поддержал, а наоборот убедил Николая Второго отречься от престола. Даже ему написал отречение, и, когда только царь из Могилева поехал, сказал: «Я наведу порядок в столице». Алексеев вслед дал телеграмму всем командующим: ни одного солдата не выделять императору для того, чтобы навести порядок. И было непонятно, почему. Вот только в прошлом году, когда мы стали работать над этой книгой, стало понятно. Объясняю: в 1911 году накануне Первой мировой войны в вооруженных силах Российской империи было только 25% офицерского состава так называемой белой кости дворянского происхождения, 75% были разночинцы и даже дети крестьян, в том числе Алексеев. Шапошников, например, писал так в своих воспоминаниях: «Нам для того, чтобы получить 12 баллов на зачете, надо было сидеть день и ночь заниматься, а барону Врангелю достаточно было зайти в кабинет экзаменационной комиссии, представиться, чтобы получить 11 баллов». То есть они практически тоже ненавидели царизм. И двигались точно так же по служебной лестнице: эти пахали, а те благодаря своему дворянскому происхождению перескакивали. Вот основная причина, оказывается. Так же, как и Краснов, Корнилов – они все из этой плеяды. Вот теперь становится понятно, а до этого думаю: «Как же так? Почему они против самодержавия?» И ведь они не хотели восстановления самодержавия. Одна из их ошибок – они разобщено действовали: Деникин не хотел идти на встречу с Колчаком. И этим, конечно, большевики воспользовались: удачно, умело власть подобрали. Нам не стоит осуждать это ни в коем случае. Помните, Ленин говорил: «Мы сына кухарки научим управлять государством». В 90-х годах смеялись над этим, а в жизни разве не так? Посмотрите на того же Ельцина, на того же президента нынешнего, на наших руководителей правительства, на членов правительства. У отца моего 4 класса образования, мама без образования, санитарка. Но мы благодаря своему труду бесплатно учились, никому не платили за звание, за продвижение. Я встречаю одного генерала из МВД недавно, лет 5–6 назад. «Здравия желаю, товарищ министр!» «Здравствуйте! О, – я говорю, – ты генерал?» А он: «Я же еще при вас генерала получил, когда не нужно было платить деньги за генерала». Представляете, я был на одной из встреч группы Эльба, а там переводчик из Киева – один подполковник, закончил Киевское общевоинское училище. Я ему говорю:

«Сережа, почему Ваши шахтеры бьют армию Вашу? Как вы? Почему?» А он говорит: «Вы знаете, я вам скажу почему. У нас, чтобы попасть в училище, надо дать взятку. Чтобы получить после училища хорошее распределение, надо дать взятку, чтобы получить звание, надо дать взятку». Я думаю: «Вот мы до этого не дошли, а были уже на пути к этому. Потом это все было прекращено».

Например, наши коллеги-американцы: почему они прислушиваются к России? Они понимают, что они войну у России не выиграют. Я задаю вопрос нашим американским коллегам как раз после того, когда майор Федотов почти в режиме реального времени подорвал себя гранатой с возгласом: «За вас, пацаны!» Помните, 3 года назад в Сирии? Я им говорю: «Вы можете привести хотя бы один пример из жизни армии Соединенных Штатов Америки или ваших союзников, чтобы вот такой подвиг

совершили?» Они говорят: «Нет, нет такого». Я знаю пример одного, который во Вьетнаме был сбит, а потом в яме просидел и все сдал, все, что знал – Маккейн. И они знают, на что способен русский солдат – русский человек... Я образно говорю «русского», потому что все остальные наши люди разных национальностей такие же. Недавно была в Интернете какая-то документальная страничка, когда солдаты обороняли долговременное огневое сооружение, а им немцы предлагали выпивку, мясо, водку и т. д. Только сдавайтесь – они до последнего патрона сражались. Когда их взяли в плен, офицер спрашивает: «А почему вы не сдались? Вам же предлагали и выпивку, и закуску хорошую, а вы не сдались? Хотя понимали, что вы уже обречены». Один говорит: «Так мы же татары: мы не пьем и не едим свинину».

Пожалуй на сегодня, наверное, будет достаточно. Всего вам добро, до свидания!

ГЛАВЫ НАШИХ КНИГ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «ТЯЖЕЛЫЕ ЗВЕЗДЫ»

Куликов Анатолий Сергеевич

***Цель:** передать накопленный опыт и знания, познакомить с наследием, оставленным видным военным и государственным деятелем СССР и РФ, внесшим серьезный вклад в развитие своей страны.*

Методология: цитирование.

***Выводы.** Главы из книги советского и российского военачальника, Министра внутренних дел и заместителя Председателя Правительства Российской Федерации, генерала армии, доктора экономических наук А.С. Куликова «Тяжелые звезды» позволили узнать интересные биографические факты жизни автора, трудности, с которыми он столкнулся во время работы в Правительстве Российской Федерации. Куликов в своих воспоминаниях о военной службе и работе в высшем эшелоне государственной власти дает оценки многим известным и малоизвестным событиям последнего периода российской истории.*

***Научная и практическая значимость.** Приведенный текст может быть использован при изучении политологии и истории России 90-х гг. XX в.*

***Ключевые слова:** правительство, председатель правительства, генерал армии, военная служба, история России, политология.*

* * *

Будучи реалистом, я понимаю, что многие заказные преступления так и останутся нераскрытыми.

Причин этому множество. Приходится считаться с тем, что мотивы подобных преступлений часто кроются в экономических противоречиях и продиктованы борьбой за денежные интересы. Теневая экономика, породившая множество уловок и ухищрений, не любит раскрывать сокровенные тайны финансовых дележей, афер, долгов, воровских общаков, джентльменских и прочих договоренностей.

Лучшим средством, которое способно избавить общество от таких убийств и покушений, является здоровая экономика, в которой определены правила игры. Экономика равных прав и равных возможностей. Экономика без коррупции, без неоправданных льгот и привилегий.

В то же время и правоохранительные органы должны быть готовы к тому, что заказные убийства, совершенные, в том числе и по экономическим мотивам, еще довольно долго будут

оставаться весьма распространенным явлением. Раскрытие каждого из них — это не только событие в области сыска и криминалистики, это важная победа общества над особо циничными и особо опасными преступниками.

Одно из таких преступлений — взрыв на Котляковском кладбище в Москве, унесший множество человеческих жизней, — стало серьезным испытанием для меня самого.

Следует, видимо, напомнить предысторию трагедии: взрыв прогремел на Котляковском кладбище во время поминального обряда у могилы ветерана войны в Афганистане Лиходея. Разорвавшееся взрывное устройство, заложенное под могильную плиту, насколько я помню, убило 13 человек. Еще несколько десятков были ранены и контужены.

Потрясал цинизм и масштаб содеянного: для того, чтобы устранить одного или нескольких человек, стоявших в тот миг у могилы Лиходея, погибшего, кстати, за год до описываемых событий тоже в результате заказного убийства, злоумышленники не пожалели всех остальных.

Многие знают, 10 ноября в нашей стране – это несколько необычный день: День сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации (на момент описываемых событий – День милиции. – *Авт.*). Профессиональный праздник сотрудников прежней милиции и нынешней полиции, по традиции отмечаемый в России с особым размахом. В конце дня – обязательный концерт, гостями которого, как правило, бывают первые лица государства.

И на тебе – вот такое кровавое происшествие...

Милиция Москвы и Подмосковья была поднята на ноги, но было понятно, что расследование преступления, которое без скидок квалифицировалось как явный террористический акт, будет находиться в руках Федеральной службы безопасности.

Конечно, никакого праздничного настроения у меня не было, когда накануне торжественного собрания и концерта, посвященного Дню милиции, – я уже надевал парадный китель – раздался телефонный звонок Виктора Степановича Черномырдина.

Председатель правительства спросил меня, намереваюсь ли я сделать какие-либо заявления по этому поводу по радио и телевидению.

Я честно признался, что такой задачи перед собой не ставил, но мой ответ не удовлетворил Черномырдина. «А.С., надо как-то реагировать», – сказал он твердо, и я с ним согласился. На фоне трагедии, которая разыгралась днем на одном из московских кладбищ, все наши чествования и праздничные слова выглядели бы просто фальшиво. По замыслу Виктора Степановича, Правительство России устами министра внутренних дел должно было дать обществу ясный сигнал, что руководство страны придает особое значение произошедшему и намерено жестко контролировать ход расследования.

В моей огласовке эта позиция претерпела некоторые изменения. Я не собирался прятаться за частоколом обтекаемых формулировок: дескать, расследованием этого теракта занимаются ФСБ и прокуратура... Да нормальному среднестатистическому россиянину, может, и незачем знать, как разграничиваются функции различных правоохранительных ведомств. Главное, чтобы вся система функционировала исправно, а преступник был обязательно наказан. Ради этого, собственно, и существуют все многотысячные и разнопогонные полчища офицеров армии, милиции, внутренней службы, юстиции, госбезопасности, налоговой полиции и т. п.

Так думают большинство наших сограждан, и было бы нечестно в день беды перекладывать ответственность на другие плечи.

Поэтому сказал журналистам, как думал. Сказал, что совершенное в День милиции преступление не останется безнаказанным. Заявил, что милиция страны принимает вызов.

Эти мои слова вызвали широкий резонанс в обществе. Пойти на попятную я бы уже не смог. Да и, честно говоря, не хотел. Если произнесено: «Вызов принят», значит, он действительно принят. А иначе, какой же я министр внутренних дел?

Однако уже на следующий день я понял, что планируется старая схема: роль ФСБ будет в расследовании основной, а милиция будет вести оперативное сопровождение под эгидой прокуратуры.

У меня сразу же возникла идея взять на себя основную тяжесть оперативно-следственной работы по происшествию на Котляковском кладбище. Но это не укладывалось в существующие схемы: расследование террористического акта всегда является прерогативой Федеральной службы безопасности, у которой есть для этого прекрасные специалисты, соответствующая техника, часто более совершенная, чем та, которой располагает МВД.

Идею следовало утрясти с Генеральной прокуратурой: только прокуратура вправе определить подследственного и, если нужно, сломать привычные схемы. Если это, конечно, не противоречит закону.

Позвонил генеральному прокурору Скуратову и спросил: «Юрий Ильич, ты не будешь возражать, если я попрошу Черномырдина подготовить правительственное распоряжение, в котором бы он обязал МВД быть в этом деле за главного? Конечно, создаем совместную с ФСБ и прокуратурой оперативно-следственную группу, но при условии, что мы, МВД, управляем ее действиями. Если уж назвались груздем, готовы залезть и в кузов...»

Надо отдать должное Скуратову: он всегда очень разумно подходил к изучению подобных предложений. Во всяком случае, не было и намека на то, что вылезут какие-то ведомственные амбиции и профессиональные обиды. Не было этого.

Вот и теперь он сказал: «Нет, А.С., я только приветствую это».

С моим предложением согласился и руководитель ФСБ Николай Дмитриевич Ковалев.

Поэтому был подготовлен соответствующий проект распоряжения правительства.

Виктор Степанович также согласился с моими аргументами, подписал распоряжение, и мы впервые в истории правоохранительной деятельности – во всяком случае, на моей памяти – создали подобную оперативно-следственную группу. МВД в ней играло роль форварда, а руководство

оперативной работой по раскрытию этого преступления возлагалось на опытного сыщика России, генерала милиции и моего первого заместителя Владимира Ильича Колесникова.

Сам я вмешивался в содержательную часть расследования только для того, чтобы оказать помощь людьми и техникой; в остальном полагался на профессионализм оперативных работников, которые хорошо знали свое дело и не нуждались в моей опеке.

Очень скоро стало понятно, что взрыв на Котляковском кладбище являлся отголоском внутренней борьбы, развернувшейся в одной из ветеранских структур. Борьба носила нешуточный характер, потому что пост лидера этой общественной организации, объединявшей ветеранов войны в Афганистане, означал контроль над многомиллионными поставками товаров, имеющими таможенные льготы.

Считалось, что дополнительная прибыль должна была идти на социальную помощь ветеранам военных конфликтов, семьям погибших и инвалидам, получившим увечья в результате боевых действий. Вот этим людям, которым государство по своей бедности платило гроши и которые должны были получить дополнительную адресную помощь из своей ветеранской организации.

Скорей всего, так и было. Но финансовые потоки, рожденные масштабными поставками в Россию спирта, сигарет и иных товаров, которые завозились этой структурой ветеранов войны в Афганистане, породили определенные противоречия в ее руководстве. Еще до взрыва на кладбище были убиты и ранены несколько ветеранов. У нас не было сомнений, что трагедия, разыгравшаяся на кладбище 10 ноября 1996 года, является следствием продолжающейся борьбы за «афганское наследство» многочисленных коммерческих и охранных структур, обладавших к тому времени огромными материальными ресурсами и представляющих собой внушительную силу из бывших разведчиков, диверсантов, саперов, снайперов и представителей иных военных профессий.

В общем, там были серьезные специалисты, для которых организация подобных диверсий являлась обычным делом.

Заказчиков и исполнителей надо было искать именно в кругах ветеранов Афганской войны. Хотя мы не исключали и другие версии.

Повторяю: детали расследования я оставлял профессионалам, и, думаю, рано или поздно результаты их работы станут достоянием учебников по криминалистике.

Был очерчен ряд подозреваемых, среди которых наиболее колоритной представлялась фигура полковника в отставке, бывшего разведчика Радчикова.

Этот человек геройски вел себя во время Афганской войны. Потерял в бою обе ноги, но продолжал активную жизнь. Прыгал с парашютом, пользовался авторитетом среди боевых товарищей, был вхож во многие высокие кабинеты. Со временем у нас появились очень серьезные основания подозревать его в том, что именно он являлся заказчиком взрыва на Котляковском кладбище, так как на это указывали некоторые прямые и косвенные улики.

Предполагаемый заказчик преступления и его предполагаемые исполнители были арестованы и предстали перед судом. Доказательств их участия было немало, но суд посчитал их недостаточными, чтобы признать вину. Эти люди были оправданы и освобождены из-под стражи, поэтому даже я, знающий всю подоплеку событий и уверенный в собственной правоте, не могу назвать их виновными.

Волей судьбы мне уже после моей отставки пришлось лицом к лицу встретиться и с жертвами того преступления, и с людьми, которые обвинялись в его исполнении.

Случилось это во время телевизионной передачи «Независимое расследование», которую вел тележурналист Николай Николаев.

Свою точку зрения я высказал, как, впрочем, и надежду на то, что справедливость обязательно восторжествует.

И хотя я верю в справедливое возмездие, облеченное в форму законного приговора суда, в то же время не могу не согласиться с точкой зрения одного из уважаемых мной криминалистов. Как-то в ответ на мои сетования, что прошедший суд высказал недоверие к доказательствам следствия исключительно по формальному поводу, он мне мудро ответил: «Вы знаете, А.С., есть еще одна инстанция. Это Суд Божий... В чем я не сомневаюсь, так это в том, что подонки, виновные в гибели людей на Котляковском кладбище, обязательно получат по заслугам. И жизнь им будет не в радость. И смерть у них будет страшная».

* * *

Мне не кажется случайностью, что именно Виктору Степановичу Черномырдину довелось управлять правительством России в один из самых опасных и противоречивых периодов отечественной истории.

Разумеется, тут дело не в сочетании имени, отчества и фамилии, а в том, что тяжелая ноша ответственности и круглосуточной работы, которая легла на плечи Черномырдина, могла оказаться под силу лишь этому типу кряжистых, выносливых и хитрых русских мужиков, поднявшихся из крестьянских и рабочих глубин благодаря собственному уму, трудолюбию и врожденному чувству меры.

Политическая устойчивость Черномырдина, позволившая ему столь длительное время оставаться в высшем эшелоне российской власти, объясняется вот этими качествами человеческого характера.

Был Виктор Степанович в качестве Председателя Правительства РФ совсем не прост и, подобно большинству крупных хозяйственных руководителей советской эпохи, умел, что называется, держать нос по ветру: молчать там, где нужно, и хитроумно лавировать в бурных политических водах. Об этом я говорю без тени иронии, без сарказма. Все перечисленные мной умения Черномырдина объяснялись лишь обстоятельствами времени, в котором он формировался как хозяйственник с партийным билетом в кармане, и не мешали ему оставаться очень надежным и совестливым человеком, на которого в трудную минуту всегда можно было положиться.

Одной из важных черт его характера, как я заметил, была его природная, естественная доброта, сочетавшаяся с терпимостью к человеческим недостаткам. Виктор Степанович как-то признался мне, что в жизни ему встречались люди, которых он по каким-либо причинам недолюбливал, но продолжал работать вместе, так как ценил их за профессионализм или трудолюбие.

Признавая за собой свободу действий в строительстве человеческих взаимоотношений, Черномырдин искренне полагал, что подчиненные ему министры, если они не переходят рамки дозволенного, имеют право самостоятельно решать деликатные кадровые проблемы. Однажды я сказал ему, что намерен произвести кое-какие перестановки в своем ближайшем окружении, на что Черномырдин ответил без тени сомнения: «А.С., конечно, я поддерживаю тебя в любом случае».

Бывало и так, что с жалобами и обидами на меня самого шли к Черномырдину чиновники и предприниматели очень высокого полета. Но он в таких случаях отрезал очень просто. Говорил: «У меня есть министр, и я не могу ему не верить. Поэтому пойти навстречу я вам не могу и ничего менять не собираюсь. Работайте с тем министром, который есть...»

Помню, когда после катастрофы самолета «Руслан», упавшего на жилые дома в Иркутске, мы возвращались с Черномырдиным в Москву, Виктор Степанович дал мне понять, что уверен в моей порядочности и профессионализме. И я воспринял его слова не как дежурную вежливость в свой адрес, а именно как знак доверия председателя правительства одному из своих министров.

Конечно, как член правительства, я считал своим долгом никогда не подводить премьер-министра. Всегда выполнял его поручения и старался, чтобы они исполнялись как можно лучше. Это нормально. В человеческом усердии нет ничего плохого, ведь это русское слово предполагает работу от чистого сердца, а значит – работу с добрыми помыслами.

Разумеется, я не мог не учитывать, что Черномырдин далеко не всегда был свободен в своих действиях. Ему приходилось считаться с политическим влиянием других центров власти, которые, пользуясь доверием Б.Н. Ельцина, имели возможность свободно действовать из-за спины Президента России. И действовать весьма эффективно.

Где-то Виктор Степанович наступал, где-то отступал, в чем-то упорствовал, а иногда шел на поводу у ситуации. Думаю, что это отвечает природному характеру Черномырдина, одной из черт которого является нежелание обострять отношения без особой нужды.

Как председатель правительства, чья судьба полностью находилась в руках порывистого, склонного к неожиданным поворотам президента, все, что мог Черномырдин, – так это только тяжестью собственного политического авторитета хоть как-то компенсировать опасные крены.

В конце 1996 года, вернувшись из командировки в Польшу на день раньше запланированного срока, я с удивлением узнал, что в мое отсутствие принято важнейшее решение, напрямую касающееся меня как министра внутренних дел.

Воспользовавшись тем, что меня не было в стране, известному олигарху Борису Abramовичу Березовскому удалось подsunуть на подпись Президенту России Б.Н. Ельцину проект указа о выводе из города Грозного 101-й отдельной бригады оперативного назначения внутренних войск МВД России. Последней бригады, олицетворявшей присутствие федеральной власти в мятежной Ичкерии.

Мало того, что никто не согласовывал и даже не обсуждал это решение с министром, в прямом подчинении которого находится это соединение, но ведь ничем иным, кроме как политической

ошибкой, нельзя было назвать подобную уступку сепаратистам.

Понятно, почему с проектом этого указа к президенту пошел именно Березовский. Ясно, в чьих интересах осуществлялся подобный ход.

Я не теряю самообладания даже в очень трудных ситуациях. Но, получив это известие, был возмущен до глубины души. Особенно тем, что проект указа до его подписания президентом был согласован с Черномырдиным.

Сразу же ему позвонил и попросил срочно принять.

Виктор Степанович, сославшись на то, что сам только что прилетел из командировки, попросил меня приехать к нему на дачу к восьми часам утра.

Ровно в 8.00, когда мы с ним увиделись, я, как и накануне, не был расположен к компромиссам. «Раз так, — сказал я, — то прошу принять мою отставку!.. Если с мнением министра внутренних дел не считаются, тогда мне в правительстве делать нечего. Я не хочу быть пешкой в чужой игре. Что бы там ни говорили, 101-я бригада в Чечне — это символ того, что федеральная власть распространяется и на эту мятежную территорию. Как бы тяжело ни было, бригада должна оставаться в республике! Нельзя ее выводить! А если вы приняли это решение без меня, тогда зачем держите меня на посту министра?! Я ухожу!»

Виктор Степанович очень внимательно посмотрел на меня и ответил мне с обезоруживающей откровенностью: «Анатолий, прошу тебя, не делай глупостей. Может быть, от тебя только и ждут подобного решения... А ты сам себя подталкиваешь к этому».

Этот утренний совет Виктора Степановича что-то изменил в наших отношениях. И я принял его простую правоту, и он сам взглянул на меня как-то по-иному. Появилось человеческое доверие, не раз помогавшее нам впоследствии предпринимать продуманные и согласованные действия во имя интересов дела.

Буквально через месяц по просьбе Черномырдина я был назначен на должность заместителя Председателя Правительства России, оставаясь при этом действующим министром внутренних дел. Целесообразность этого шага он обосновал президенту, и Ельцин с премьером согласился.

Круг моих обязанностей и полномочий заметно расширился.

В качестве вице-премьера, кроме своего министерства, я курировал несколько очень важных направлений, среди которых наиболее значимыми были экономическая безопасность государства, а также пополнение доходной части бюджета.

* * *

Работа в качестве вице-премьера правительства прежде всего означала переход в иной информационный эшелон.

Для меня не было новостью, что правительственную команду командой можно было назвать только условно. С формальной точки зрения это был вполне управляемый организм, цементируемый единоначалием премьер-министра. Но не следовало сбрасывать со счетов, что подбор команды далеко не всегда зависел от ее капитана. Особенности нашей Конституции, наделяющей президента правом снимать и назначать министров по собственному усмотрению, очень серьезно сказывались на деятельности руководителей министерств и ведомств.

Многие из них были вовлечены в аппаратную борьбу. В борьбу за выживание, в которой самыми ценными качествами признаются осторожность, хитрость, умение увильнуть от ответственности, а также личная преданность.

Я не собираюсь стричь всех под одну гребенку, но факт остается фактом: система управления нашего государства, не меняющаяся столетиями, полностью зависит от воли одного-единственного человека — российского самодержца.

В разное время его и называли по-разному, вкладывая особый смысл в произношение слов «Государь», «Хозяин» и «Вождь».

Другое дело, что наша страна станет совершенно иной, если девиз «Служу своему государю!» наконец сменится и в чести станут гордые слова — «Служу своему государству!»

Эти мои отвлеченные размышления следует понимать так, что, на мой взгляд, правительство Черномырдина было сложено из разных людей. Были в нем сильные профессионалы, были и те, кого пропихивали в исполнительную власть всевозможные группы и группировки, обосновавшиеся в коридорах Кремля и Администрации Президента на Старой площади.

Я всегда удивлялся умению Черномырдина маневрировать среди этих разнонаправленных течений. Иногда мне казалось, что ему не хватает жесткости при отстаивании собственных позиций. Что его мягкость и деликатность можно приберечь для другого случая.

Приход в правительство Анатолия Чубайса, Бориса Немцова и Альфреда Коха ознаменовался тем, что еженедельные заседания в кабинете премьер-министра, которые проводились Черномырдиным по понедельникам в половине десятого утра, стали начинаться на четверть часа позже обычного.

Такого раньше никто себе не позволял. Заседание обычно начиналось минута в минуту. Но эта молодая команда просто опаздывала к началу и появлялась, как правило, одновременно, демонстрируя остальным членам правительства свою независимость.

Думаю, что эти нарочитые опоздания и улыбки должны были символизировать особую степень свободы, которую давал Чубайсу, Немцову и Коху карт-бланш президента действовать в правительстве по своему усмотрению, и то, что они считают Черномырдина отыгранной картой.

Ребята они были неглупые и хорошо понимали, что политическая смерть Черномырдина, которого они держали, видимо, за сказочного Кашея, таится вовсе не в игле, а в праве распределять трансферты – денежные суммы, отправляемые в регионы для покрытия многочисленных расходов.

В стране, где большинство регионов в силу экономической несостоятельности дотируются из государственной казны, настоящим председателем правительства является тот, кто наделен правом подписи этих финансовых документов.

Только к нему выстраивается очередь из республиканских президентов и губернаторов. Только он обладает подлинным влиянием и властными рычагами. Он полномочен дать финансовые средства или, напротив, отказать в деньгах большим и малым регионам, которые полностью зависят от трансфертов. Эти деньги, по заведенному правилу, ежемесячно 26 числа лично распределял председатель правительства В.С. Черномырдин.

Схема, придуманная командой А. Чубайса, была по-своему остроумна и в то же время незамысловата.

Накануне заседания правительства, поздним вечером, часов в десять, из Министерства финансов приходил проект постановления, который, в силу своего позднего появления, автоматически ставился в самом конце будущей повестки дня и заявлялся в ней как дополнительный.

Документ, внешне совершенно безобидный, тем не менее, содержал 2–3 ударных строки или пункт, которые на самом деле и должны были изменить существующий порядок вещей.

Расчет делался на то, что к обеду измотанные обсуждением нескольких «основных» вопросов повестки дня, члены правительства проголосуют за что угодно, даже не вникая в суть документа.

У кого-то дела, у кого-то обед... Никто и глазом не успеет моргнуть, как решение, принятое мимоходом, обретет силу решения Правительства РФ со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Документ, который должен был пройти на следующий день именно по этой схеме, наделял А.Б. Чубайса, министра финансов и первого вице-премьера, правом распределять трансферты без участия Черномырдина.

В секретариате вице-премьера работали очень добросовестные сотрудники. Установившаяся практика позволяла к началу рабочего дня подготовить для меня экспертную оценку любого документа, даже если он поступил глубокой ночью. Так было и на этот раз.

Всесторонняя экспертная оценка свидетельствовала, что я оказался прав.

Поэтому на следующий день, во время десятиминутного перерыва в заседании правительства, когда Черномырдин вызвал меня по какому-то стороннему делу, я прежде всего спросил, читал ли он проект постановления, который будет обсуждаться в самом конце заседания. «Нет, не читал, – признался Виктор Степанович. – А что там такое?» «А вы почитайте, – ответил я и протянул ему лист бумаги. – Вот здесь написано, что министр финансов распределяет 26 числа каждого месяца деньги по каждому субъекту Федерации. В нашей ситуации это означает, что это не вы, а Чубайс берет управление страной в свои руки, так как трансферты – это донорская кровь, без которой многим регионам просто не выжить».

На Черномырдина это известие произвело должное впечатление. «Хорошо, – согласился он, – я обязательно скажу, что распределение трансфертов остается за мной».

Когда же очередь дошла до этого злополучного документа, а я высказал свое мнение, Анатолий Борисович Чубайс просто побагровел.

Знаю, что, вернувшись к себе, он даже затеял расследование и сетовал на то, что в его окружении появился предатель, питающий Куликова важной информацией. Но в этом не было и доли правды. Главным во всей этой истории для меня оставалось то, что рычаги управления страной оставались все-таки в руках Черномырдина.

Куликов А.С. Тяжелые звезды. 2-е изд. М.: Война и мир; Минск: Клуб военачальников Российской Федерации, 2016. 687 с.

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

КРИЗИСНЫЕ ЦЕНТРЫ КАК СУБЪЕКТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Махмутова Лилия Ринатовна,
Семенова Ирина Владимировна

***Цель:** домашнее насилие обрело статус остросоциальной проблемы еще в XX в., по всему миру предпринимаются попытки по ее решению. Однако в нашей стране до сих пор отсутствует закон о профилактике домашнего насилия. Дела о побоях и причинении легкого вреда здоровью остаются предметом частного обвинения и не рассматриваются в рамках общественной опасности.*

Столкнувшись с данной проблемой лично, многие активистки берут дело в свои руки и развивают центры помощи пострадавшим. В работе рассмотрены основные виды таких центров, также некоторые ведущие проекты, предоставляемые услуги. Упомянуты формы домашнего насилия, их характеристика.

Для формирования более полного представления о работе кризисных центров в период пандемии COVID-19 мы исследовали материалы интервью с руководителем кризисного центра «ИНГО». Вопросы были направлены на анализ работы центров в период пандемии. Приведена важная статистика.

Также была рассмотрена деятельность центров иностранных государств.

Целью нашей работы является привлечение внимания к работе данных организаций, оценка их важности.

***Методология:** диалектический метод, анализ, синтез, статистическое наблюдение.*

***Выводы.** Государство принимает различные меры, но они не достаточны, чтобы в полной мере защитить пострадавших. На наш взгляд, государству необходимо ввести дополнительную поддержку кризисных, помощь в развитии проектов, дополнительное финансирование, увеличение грантов для подобных некоммерческих организаций, которые вносят неоценимый вклад в развитие противодействия домашнему насилию.*

***Научная и практическая значимость.** Кризисные центры оказывают неоценимую помощь и поддержку пострадавшим от домашнего насилия, но их ресурсы ограничены. Увеличение числа кризисных центров, финансируемых государством, а также грантов может способствовать более эффективной деятельности данных учреждений, которые смогут помочь еще большему количеству людей.*

***Ключевые слова:** домашнее насилие, кризисные центры, помощь женщинам, проблемы современности, эпидемиологическая ситуация, грант, государственная поддержка.*

1. Общая характеристика домашнего насилия

Домашнее насилие является одним из грубейших нарушений прав и свобод человека. Различные общественные организации и государственные органы по всему миру занимаются этой проблемой и стараются оказывать поддержку жертвам домашнего насилия, предотвращать его и предоставлять необходимую защиту.

Самая распространенная форма домашнего насилия — это насилие в отношении женщин.

Организация Объединенных Наций определяет насилие в отношении женщин как «любой акт насилия, совершенный на основании полового признака, который причиняет или может причинить физический, половой или психологический ущерб, или страдания женщинам, включая угрозы

совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, будь то в общественной или в личной жизни» (*Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г. № 48/104 «Декларация об искоренении насилия в отношении женщин»* // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16680#RddjqvS2XrHZrbrp> (дата обращения: 17.04.2021)).

Домашним насилием является использование физической силы, психологического, экономического давления, сексуального принуждения по отношению к членам семьи для подавления их воли и приобретения над ними власти [1, с. 129–138].

Домашнее насилие имеет свои особенности. Одной из них является то, что оно представляет собой повторяющиеся инциденты. Как правило, именно это и отличает понятие «домашнее насилие» от понятия «конфликт», поскольку конфликт имеет в своей основе проблему, которую можно разрешить, и обычно у него есть завершение, стороны конфликта равны между собой, стремятся быть услышанными и понятыми, найти компромисс. Домашнее насилие характеризуется систематичностью – один человек в семье постоянно контролирует другого человека путем применения к нему разных видов насилия (психологического, экономического, сексуального, физического), что приводит к травмам, как психологическим, так и физическим.

Вторая особенность заключается в наличии связи между пострадавшим и обидчиком. Поскольку домашнее насилие могут совершить супруг, родители, дети, другие родственники и т. д., это значительно усугубляет психологическую травму, потому что оно исходит от близких людей, которые ассоциативно должны обеспечивать безопасность, а не нарушать ее.

Исходя из вышесказанного, можно выделить следующие виды домашнего насилия:

- физическое;
- сексуальное;
- психологическое (эмоциональное);
- экономическое.

Одним из самых распространенных видов насилия считается физическое, которое заключается в причинении вреда здоровью. Оно характеризуется такими действиями, как толчки, хватание, удерживание, удушение, бросание, нанесение ударов ладонью и/или кулаком, посторонними предметами, пинки; использование оружия, ожоги и т. п. Крайней формой физического насилия являются пытки, причинение тяжкого вреда здоровью, нанесение травм, несовместимых с жизнью [1, с. 129–138].

Согласно статистике Всемирной организации здравоохранения, 20% женщин в России подвергались физическому насилию. По российским данным, примерно каждая третья россиянка страдает от физического насилия со стороны мужа.

Сексуальное насилие – это принуждение к половым отношениям с применением силы, посредством шантажа или угроз (то есть изнасилование), а также принуждение к половым отношениям в неприемлемой для женщины форме. Данный вид насилия в семье обладает повышенной латентностью, потому что многие до сих пор не признают изнасилование в браке преступлением из-за сложившихся стереотипов, так как в России, как и во многих других странах мира, брак зачастую расценивается как наделение мужчин безусловным правом на сексуальные отношения с женщиной и на применение силы в случае ее нежелания вступить в сексуальный контакт [2, с. 3]. Согласно российским исследованиям, большинство мужчин (60%) и половина женщин (50%) считают, что изнасилование в браке в принципе невозможно.

Также проявление сексуального насилия в семье – слишком личная тема, которую мало кто решается поднимать. По статистике, примерно каждую четвертую российскую женщину мужа иногда или часто принуждают к сексуальным отношениям против их воли. Эта же цифра была подтверждена и результатами исследования, проведенного в московском центре «АННА» (*Юрасова Д.Е. Понятие термина «семейное насилие» и его виды. Материалы XII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум», с. 7* // [Электронный ресурс]: URL: <https://files.scienceforum.ru/pdf/2020/5e455c17ebd96.pdf> (дата обращения: 12.09.2021)).

Психологическое насилие представляет собой насилие с применением вербальных (словесных) и психических средств, которое может включать принижение достоинства женщины, угрозу суицида со стороны обидчика, запугивание посредством насилия по отношению к домашним животным, контроль над деятельностью жертвы, ее кругом общения, контроль над доступом жертвы к различным ресурсам (получению социальной и медицинской помощи, общению с друзьями, получению образования, работе и т. п.) [3, с. 7]. Данный вид насилия также является очень распространенным и приводит к серьезным для жертвы психологическим последствиям – посттравматическому стрессу, депрессии, постоянному чувству страха, а иногда и к попыткам самоубийства.

Согласно статистическим данным, каждая седьмая женщина (14%) при общении с мужем

испытывает страх, 38% женщин в России подвергались вербальному насилию, унижение со стороны мужа испытали 56% опрошенных женщин.

Экономическое насилие может проявляться в таких формах, как запрет работать, контроль за расходами, предоставление недостаточного количества средств для жизни, обязательные процедуры отчетов о потраченных финансах, отказ в содержании детей, утаивание доходов, трата обидчиком семейных денег только на собственные нужды и т. п.

Женщины могут стать экономически зависимыми от мужчин по разным причинам (самые распространенные: рождение ребенка и уход за ним, запрет мужа на трудоустройство, дискриминация на рынке труда). Но также работающие и хорошо зарабатывающие женщины могут стать жертвами насилия. Достаточно часто в практике кризисных центров встречаются примеры, когда муж полностью забирает себе зарплату жены.

К жертвам домашнего насилия можно отнести следующие категории [1, с. 129–138]:

- супруга (супруг);
- сожительница (сожитель);
- дети (в том числе приемные);
- родители (в том числе приемные);
- внуки, бабушки, дедушки;
- дяди (тети), племянники (племянницы);
- другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы, ведущие с насильником общее хозяйство или проживающие с ним.

Чаще всего домашнему насилию подвергаются женщины (57%) и дети (36%).

2. Понятие, виды кризисных центров, их работа

Домашнее насилие является серьезной проблемой не только для России. Для ее решения необходима целая совокупность изменений. В мерах, принимаемых в отношении насилия, существенную часть занимает предупреждение и профилактика. Данные задачи, в частности, выполняют кризисные центры.

Для их точного определения стоит обратить внимание на то, что кризисные центры — это социальные учреждения, созданные для поддержки и оказания помощи жертвам домашнего насилия. Пострадавшими могут стать лица разного пола, возраста и статуса, их объединяют в различные группы риска, но чаще всего ими являются женщины или женщины с детьми, которым в последующем необходима психологическая помощь, материальная поддержка и социальная реабилитация.

Данный вопрос является далеко не новым, более того, согласно статистическим данным ВОЗ, в среднем насилию подвергается 35%, то есть каждая третья женщина. Для обращения за помощью необходимо знать, где ее можно попросить.

В первую очередь необходимо выяснить различия между *кризисными центрами, фондами и ресурсными центрами*.

Законодательного определения кризисных центров нет, чаще всего, они зарегистрированы и являются юридическими лицами. Как уже было сказано, это коммерческая организация, оказывающая разного вида юридическую, материальную и психологическую помощь, при непосредственном общении с пострадавшими.

Фонд — некоммерческая организация, собирающая волонтерские средства с целью оказания материальной и финансовой поддержки жертвам домашнего насилия. Их разница достаточно условна, однако, согласно определению, фонды предоставляют лишь материальную поддержку.

Также существуют организации, тесно связанные с кризисными центрами, определяющие себя как ресурсные центры, которые осуществляют информационную связь, то есть они перенаправляют жертв в организации, которые способны оказать эту помощь, разрабатывают обучающие программы для сотрудников. Таким является центр «Анна». Как сказано на их сайте, «мы не сопровождаем напрямую пострадавших от разных видов насилия, как кризисные центры, и наша организация не оказывает материальной помощи в сложных жизненных ситуациях, как это делают фонды. Но мы свяжем вас с теми, кто может оказать эту помощь практически в любом уголке России. Наша база организаций по всей стране и всероссийский круглосуточный телефон доверия для женщин, пострадавших от домашнего насилия, — как раз для этого».

Важность таких организаций обусловлена тем, что они все непосредственно предоставляют пострадавшим профессиональную помощь, что имеет большое значение, потому что неквалифицированный специалист может еще больше навредить человеку, который и без того находится в наиболее беззащитном состоянии.

Безусловно, стоит учитывать, что и сами кризисные центры имеют различия по перечню оказываемых услуг, требованиям по проживанию и идеологии.

В большинстве случаев основной причиной, по которой жертвы терпят многократное семейно-бытовое насилие, является материальная зависимость, то есть отсутствие своего жилья, личных

средств и т. д. Зачастую пострадавшим необходимо временное жилье, в своем роде убежище— место, где женщины могут какое-то время пожить, чтобы спрятаться от партнера-абыюзера и решить вопросы с жильем и работой.

Например, самарский центр «Ты не одна» в первую очередь обеспечивает пострадавшую проживанием и питанием. Предоставляет место в общей комнате, такие некомфортные условия объясняются обеспечением создания мотивировки для женщины скорейшего выхода из плачевной ситуации, так как целью центра является, чтобы здоровая и сильная женщина, выходя из стен центра, переезжала не в съемную квартиру, как это было раньше, а могла позволить себе свою собственную. Кризисный центр для женщин «Приют» в Мурманске предоставляет убежище от 1 до 7 дней, центр по проблемам семьи в городе Лангепас — от 1 до 14 дней.

Условно центры можно поделить на государственные и некоммерческие. Самым известным государственным является московское ГБУ «Кризисный центр помощи женщинам и детям», который не предоставляет жилье пострадавшим без регистрации или с ВИЧ-инфекцией. Это объясняется тем, что они действуют по закону о социальном обслуживании населения и имеют крупный перечень ограничений. С этим также связаны и трудности в открытии некоммерческими центрами мест общежития. На сегодняшний день стали больше распространяться социальные квартиры или номера в гостиницах, которые предоставляют на основе партнерских соглашений в виде волонтерских акций. Госучреждения не работают круглосуточно, а лишь по будням, максимальный срок проживания в убежище два месяца.

«Эти и другие требования существенно повышают порог доступности убежищ для женщин. К сожалению, это не является экстренным видом помощи», — из интервью с Еленой Болюбах, руководителем центра для женщин «ИНГО» в Санкт-Петербурге (*Буракова С. Безопаснее, чем пытаться спастись самой // [Электронный ресурс]: URL: <https://takiedela.ru/news/2019/07/30/krizisnyecentru/> (дата обращения: 30.07.2019)*).

Наталья Завьялова, директор ГБУ «Кризисный центр помощи женщинам и детям», подтверждает, что не всем женщинам их центр может оказать услуги, но их не оставляют одних. Организация сразу же связывается с партнерами НКО. Такой «отбор» объясняется вниманием к безопасности и здоровью других женщин и детей, женщин с младенцами и беременных, если возможности

заселиться сразу нет из-за отсутствия справок, центр помогает их получить.

Некоторые учреждения могут предоставить только консультации специалистов (как правило, юристов и психологов) и помогают с трудоустройством.

Во всех организациях разработана стабильная схема работы с жертвами домашнего насилия. Сначала они обращаются по телефону доверия, там женщина может описать ситуацию, сотрудники проводят первичную консультацию и объясняют, как следует действовать в дальнейшем, затем назначается очная встреча, в зависимости от ситуации это может быть просто беседа с психологом, встреча в людном месте или лично в центре. В дальнейшем возможна консультация с юристом и подготовка к сбору «тревожного чемоданчика» — пакета документов, который понадобится в экстренных случаях при укрытии женщины.

При первом обращении каждый алгоритм действий формируется индивидуально и корректируется со временем. Обычно разрабатывают программу на 2–3 месяца, в нее входят личные встречи с психологом и юристом, в дальнейшем групповые занятия. В некоторых случаях проводятся встречи с самим автором абыюза, а в дальнейшем парные занятия, что в итоге приводит к примирению.

Организации реализуют различные проекты, одним из самых интересных, по нашему мнению, является проект «Мужская солидарность», разрабатываемый центром «Анна». Он создан специально для работы с мужчинами, которые все осознают и не хотят применять насилие. Программа включает групповую работу с мужчинами, проработка психических проблем и обучение способам решения конфликтов без применения силы. В недалеком будущем планируется создание телефонов доверия для мужчин.

В рамках проекта Международного института женщин, права и развития (WDL) была реализована программа юридической помощи женщинам в кризисных центрах, целью которой было совершенствование юридических консультаций в центрах, повышение правовой грамотности в рассматриваемых вопросах.

Среди организаций также выделяют светские и религиозные. Первые придерживаются феминистических принципов. Председатель координационного совета «Кризисного центра для женщин» (Санкт-Петербург) Елена Болюбах утверждает: «Мы выступаем за права женщин и всегда на их стороне. Там, где очевидно происходит насилие, не будем заниматься медиацией, искать пути при-

мирения с обидчиком. [Не согласны], что семью нужно сохранять любой ценой, а иногда — ценой здоровья или жизни. Одна из наших важнейших задач — предотвратить подобные ситуации. Мы хотим, чтобы женщины обращались к нам и не боялись рассказывать, что происходит, именно на ранних этапах, не дожидаясь синяков».

Религиозные организации придерживаются иной позиции, основываясь на ценностях традиционной семьи и ее сохранения, делают упор на возможность примирения с супругом. Одним из таких является упомянутый ранее самарский центр «Ты не одна», который был открыт при локальном филиале фонда Андрея Первозванного.

3. Работа кризисных центров во время пандемии

В 2020 г. пандемия коронавирусной инфекции затронула фактически все сферы жизни людей — очень многие отрасли вообще перестали на время функционировать. Но как это повлияло на домашнее насилие и на работу кризисных центров, которые с ним борются?

В условиях обострившейся ситуации с проблемой домашнего насилия семь организаций по защите прав женщин («Зона права», «Анна — Центр помощи пострадавшим от домашнего насилия», Консорциум женских неправительственных объединений, Российская Правовая Инициатива (РПИ), «Ты не одна», Сеть взаимопомощи женщин центр «Сестры» и центр «Китеж») представили доклад «Домашнее насилие в условиях COVID-19 в России».

В связи с ограничительными мерами, которые были приняты для предотвращения ухудшения эпидемиологической ситуации, многие семьи оказались запертыми в квартирах.

В начале апреля Генеральный секретарь ООН Гутерриш отметил, что «многих женщин и девочек опасность подстерегает там, где они должны чувствовать себя в полной безопасности: в собственном доме» (*Генеральный секретарь призвал защитить женщин от эпидемии насилия, сопутствующей распространению COVID-19 // [Электронный ресурс]: URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/04/1375602> (дата обращения: 05.04.2021)*).

Согласно данным, размещенным на сайте центра «Анна» (*Количество обращения на телефон доверия за 2020 год приблизилось к 50 тысячам // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.anna-center.ru/tpost/drnamzs4y1-kolichestvo-obraschenii-na-telefon-dover> (дата обращения: 14.04.2021)*), за 2020 г. на всероссийский телефон доверия для

женщин поступило 48 869 обращений, что превысило количество данных обращений по сравнению с 2019 г. практически на половину (на 42%). Вместе с тем при увеличении количества звонков на телефоны доверия число заявлений в полицию уменьшилось.

В докладе представлены некоторые статистические данные о работе кризисных центров в начале пандемии (*Домашнее насилие в условиях COVID-19 в России. Доклад семи организаций по защите прав женщин // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.asi.org.ru/wp-content/uploads/2020/07/Doklad-o-domashnem-nasilii-v-usloviyah-COVID-19-v-Rossii-2020-god.pdf> (дата обращения: 14.04.2021)*).

Так, центр «Сестры» в период с марта по май 2020 г. оказывал помощь жертвам домашнего и сексуального насилия в дистанционном режиме по электронной почте или по телефону. За это время они получили 481 обращение по электронной почте, тогда как за последний год было всего 316 обращений.

Проект «Ты не одна» сообщил о 1 352 обращениях за помощью в апреле 2020 г. и 2 038 обращениях в мае при среднем количестве в 500–700 обращений ежемесячно.

Все упомянутые в докладе НПО (неправительственные организации) сообщили об увеличении количества обращений за помощью женщинами в период строгой изоляции. Большое количество обращений связано с хроническими ситуациями домашнего насилия, которое увеличилось с принятием карантинных мер. Некоторые женщины искали психологическую помощь, поскольку из-за режима строгой изоляции психологический стресс, который они пережили, усилился. Также были обращения женщин, потерявших работу.

Псковским независимым социальным женским центром было отмечено, что проблема домашнего насилия стала более ярко выражена в период пандемии. Во время действия режима строгой изоляции семьи не могли покидать свои дома, и лишь небольшое количество семей при этом имело возможность находиться просто в разных комнатах. В таких условиях риск возникновения насилия среди членов семьи значительно вырос. Жертвам домашнего насилия стало намного сложнее обращаться за помощью, так как лица, применившие к ним силу, постоянно были рядом. Одной из причин домашнего насилия могло стать повышение тревожности, а также дестабилизация эмоционального состояния людей из-за падения уровня доходов.

Пандемия COVID-19 повлияла на работу многих общественных учреждений, в том числе на

отделения полиции, суды, больницы. Например, Министерство внутренних дел приостановило личный прием граждан с 27 марта 2020 г. и порекомендовало гражданам обращаться в полицию через специальный сервис, а также использовать другие электронные средства связи или почту (*МВД России разъясняет — временно приостанавливают личный прием граждан // [Электронный ресурс]: URL: //https://мвд.пф/news/item/19862727/ (дата обращения: 14.04.2021)*).

Многие больницы приостановили оказание плановой медицинской помощи, сконцентрировавшись в основном на работе с пациентами, предположительно болеющими COVID-19. В связи с этим получение экстренной медицинской помощи, которая не имеет отношения к вирусу, стала проблематичным.

В условиях режима строгой изоляции в случае домашнего насилия некоторые женщины боялись покидать свои дома и бежать от агрессора, поскольку опасались нарушить таким образом карантинные ограничения, предписывающее находиться дома. Так продолжалось до 27 мая 2020 г., когда Министерство внутренних дел сделало официальное заявление о том, что лица, нарушившие регламент режима строгой изоляции в чрезвычайной ситуации, включая случаи домашнего насилия, не должны привлекаться к ответственности за это.

В самом начале периода строгой изоляции многие НПО столкнулись с трудностями, которые осложнили и даже приостановили деятельность этих организаций. Но все-таки они смогли адаптироваться к новым требованиям и вернуться к работе. Так, со 2 июня 2020 г. всероссийская горячая линия для женщин, подвергшихся домашнему насилию, перешла на круглосуточный режим работы. Независимый центр помощи пережившим сексуальное насилие «Сестры» в 2020 г. ввел новый рабочий день (суббота), и пострадавшие от домашнего насилия могут обращаться в центр теперь не только в будни, провел обучение новых волонтеров онлайн, а работа психологов, проводящих консультации, была перестроена на удаленный формат, благодаря чему к ним смогли обратиться люди не только из Москвы и Подмосковья, но и из других регионов. Центр «Китеж» начал сотрудничать с гостиницами по размещению пострадавших, предоставил убежище 35 женщинам.

По-настоящему понять все сложности деятельности кризисных центров в период пандемии можно только после общения с людьми, которые сами работали в это время и знают все изнутри.

Ввиду занятости кризисные центры не смогли ответить на наши вопросы. Поэтому за осно-

ву своего исследования мы возьмем интервью, которые недавно дала руководитель кризисного центра «ИНГО» (институт недискриминационных гендерных отношений) Елена Болюбах.

— **Можете ли вы описать работу центра в период пандемии, в сравнении с обычным периодом до нее?** (*Савина В. Глава кризисного центра для жертв насилия: в пандемию на помощь нам пришли отели // [Электронный ресурс]: URL: https://sobesednik.ru/obshchestvo/20200618-glava-krizisnogo-centra-dlya-z (дата обращения: 15.04.2021)*).

— В связи с тем, что число обращений возросло, в момент начала пандемии COVID-19 все ресурсы нашей организации были направлены на оказание прямой помощи по поступающим клиентским запросам, внутреннюю профилактику выгорания наших сотрудников и интенсивное обучение новых психологов-стажеров работе в онлайн-формате. Во время пандемии онлайн-приемная оказалась самым востребованным нашим сервисом. В январе был 321 запрос, в феврале — 454, в марте — 562, в апреле — 608, в мае — 651. Наш опыт работы во время самоизоляции подтверждает, что в наиболее опасных ситуациях, когда обидчик рядом или недалеко, пострадавшие предпочитают выбирать такие способы просить о помощи, которые считают наиболее безопасными.

— **Были ли изменения/новшества в работе центра?**

— В указанный период многие центры, которые могли предоставлять убежище жертвам домашнего насилия, приостановили свою работу, не могли давать возможность заселиться новым людям. Но обращения продолжали поступать и наш кризисный центр нашел и реализовал альтернативный путь решения этой проблемы. В середине апреля 2020 г. мы объявили открытый призыв к владельцам гостиниц и хостелов Санкт-Петербурга с просьбой предоставить пустующие в условиях карантина номера женщинам, пострадавшим от насилия и нуждающимся в убежище. За месяц наш кризисный центр оформил сотрудничество с 4 отелями города, предоставившими суммарно более 20 «горячих коек» для пострадавших от насилия. В данный момент уже несколько пострадавших женщин с детьми воспользовались этой возможностью. Согласно договорам, подписанным с руководством каждого из этих отелей, наш кризисный центр не разглашает их названий в открытых источниках из соображений безопасности клиентов и сотрудников данных гостиниц.

— **На сколько увеличилось число случаев домашнего насилия в связи с пандемией?** (*Морозова К. Знакомьтесь, Елена Болюбах — руководительница кризисного центра для женщин, помогающего по-*

страдавшим от насилия // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.sobaka.ru/city/society/109935> (дата обращения: 15.04.2021))

— В период самоизоляции стало больше звонков, но ненамного в связи с тем, что у нашего центра одноканальная линия и психолог за рабочий день может принять не больше 8–10 звонков — каждый по 30–50 минут. Обращения стали более жесткими — это тяжелые побои или изнасилования. Гораздо больше стало именно онлайн-запросов: в апреле прошлого года по переписке к нам обратились 287 человек, а в этом апреле — 608. После этого были введены три дополнительные ставки психологов из состава наших бывших стажеров — нам нужно сохранить кадровый состав в хорошем, ресурсном состоянии.

— **Увеличился ли ваш штат работников, есть ли у центра волонтеры?** («Важно не навредить»: Елена Болюбах о работе «Кризисного центра для женщин» в период пандемии и новых проектах // [Электронный ресурс]: URL: <https://wcons.net/novosti/vazhno-ne-navredit-elena-boljubah-o-rabote-krizisnogo-centralja-zhenshhin-v-period-pandemii-i-novyh-proektah/> (дата обращения: 15.04.2021)).

— Волонтеры без подготовки в нашей деятельности недопустимы. Мы не можем допустить человека к работе с клиентками, пока не убедимся, что он достаточно подготовлен. У нас есть стажеры, которые прошли профессиональное обучение в нашем центре по кризисному консультированию и первые 100 часов своей стажировки они слушают, разбирают кейсы с наставником-психологом, потом 100 часов они сами работают, и это — их вклад в работу нашего центра. За это мы им не платим. Но и для них обучение и стажировка бесплатны. Они немного снимают нагрузку с наших психологов.

— **По вашему мнению, в чем состоит максимально эффективный алгоритм действий при обращении за помощью в условиях изоляции?**

— Написать в онлайн-приемную, описать что происходит, назвать свои фамилию имя и отчество, адрес и телефон, попросить консультантку вызвать полицию на адрес пострадавшей.

На примере кризисного центра «ИНГО» мы видим, что в данный период работа организаций, оказывающих помощь и поддержку жертвам домашнего насилия, была очень напряженной. Увеличилось число обращений, действия абьюзеров стали более агрессивными. Только слаженная работа кризисных центров, готовых искать альтернативные пути решения возникающих ситуаций, помогла предотвратить катастрофические последствия и не оставила людей, нуждающихся в помощи, одних.

4. Зарубежный опыт работы кризисных центров

Проблема домашнего бытового насилия является глобальной и во время пандемии обрела новый всплеск и в иностранных государствах. Согласно собранным данным, практически в каждой стране количество обращений увеличилось минимум в два раза. При этом стоит учитывать, что жертвы находились в изоляции, были в постоянной зоне видимости авторов насилия и не имели возможности выйти из дома. Поэтому многие центры перешли на онлайн-формат и поддерживали связь по электронной почте, поскольку зачастую женщины не имели возможности разговаривать по телефону, так как боялись что их могли подслушать. Нами были рассмотрены ситуации в Китае, Бразилии, США, Испании, Италии, Великобритании.

Как отмечает британская газета The Guardian (*Lockdowns around the world bring rise in domestic violence // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.theguardian.com/society/2020/mar/28/lockdowns-world-rise-domestic-violence> (дата обращения: 15.04.2021)*), в провинции Хубэй близь города Ухань количество обращений утроилось, в феврале было зафиксирован рост с 47 обращений до 162 в аналогичный период. Ван Фэй, офицер полиции на пенсии, который в настоящее время является основателем некоммерческой организации по борьбе с домашним насилием в Цзинчжоу, городе в центральной провинции Хубэй, утверждает, что 90% причин насилия в этот период связаны с эпидемией COVID-19 (*Wanqing Zhang. Domestic Violence Cases Surge During COVID-19 Epidemic // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.sixthtone.com/news/1005253/domestic-violence-cases-surge-during-covid-19-epidemic> (дата обращения: 02.03.2020)*).

В Бразилии также было зафиксировано увеличение обращений на 40–50% отмечает судья из Рио-де-Жанейро Адриана Мелло.

В Италии активисты утверждают, что количество звонков на телефоны доверия резко сократилось, но вместо этого они получали текстовые сообщения в соцсетях и электронные письма. Лелла Палладино, феминистский социолог, активистка центра борьбы с насилием EVA Cooperativa, высказалась об ожидании колоссального роста обращений о домашнем насилии с момента ослабления ограничений (*URL: <https://www.cooperativaeva.com/> (дата обращения: 07.04.2021)*).

В Испании, конкретно в регионе Каталония, количество звонков на телефон доверия увеличилось на 20% уже в первые несколько дней изоляции. Жителям было запрещено покидать свои

дома, за это они наказывались штрафом, но женщины, которые буквально сбегали на улицу, чтобы сообщить о жестком обращении, санкциям не подвергались.

Учитывая статистику, можно сделать вывод, что обострения происходят в каждый период серьезных мировых потрясений, экономического кризиса или во время вспышек болезней. В итоге женщины оказываются в еще большей опасности, а возможности обратиться за помощью уменьшаются.

С целью усиления борьбы с такой опасной ситуацией в правительство начали поступать призывы к внесению изменений в законодательство.

В Великобритании Манду Рейд, лидер партии «Равенство женщин», призвала к особым полномочиям полиции выселять преступников из домов на время карантина. Прокурор в Тренто, Италия, постановил, что в ситуациях домашнего насилия именно обидчик должен покинуть дом, а не жертва.

В Германии парламентский лидер партии «Зеленые» Катрин Геринг-Эккардт призвала правительство выделить деньги на убежища, преобразовать на время карантина пустующие отели и гостевые дома.

В городе Сиэтл в начале изоляции количество убийств, связанные с домашним насилием, в 2018 и 2019 гг. сравнялись. Однако стоит обратить внимание, что в США в 1994 г. был принят закон против насилия в отношении женщин (Violence Against Women Act, VAWA). Как отмечает статистика Бостонского кризисного центра BARCC (*Boston Area Rape Crisis Center*) URL: <https://barcc.org/> (дата обращения: 07.04.2021), данный акт позволил в период с 1994 по 2011 гг. сократить число инцидентов, связанных с домашним насилием, на 72%, но многие до сих пор не решаются обращаться за помощью.

Таких успехов возможно добиться лишь совместными усилиями и при поддержке государства. В Бостоне на территории с населением 4,6 млн человек (в три раза меньше, чем в Москве) шесть официальных кризисных центров, а власти Массачусетса в 2020 г. выделили более 38 млн долларов на их дальнейшее развитие, и это не считая федерального финансирования.

В России около 15 государственных центров, которые оплачиваются из бюджета, остальные же центры (около 180) выживают на долях государственных грантов, которые выделяются на помощь пострадавшим и на развитие убежищ (шелтеров) — это 0,12% от всего фонда грантов, или несколько миллионов рублей.

В отчете центра «Насилию.нет» (*Годовой отчет Центра «Насилию.нет». Сентябрь 2020 — август*

2021 // [Электронный ресурс]: URL: <https://nasiliu.net/report/> (дата обращения: 07.04.2021)) отмечается, что центром был получен единственный грант на сумму около 4,8 млн рублей, который закончился в марте 2020 г., и центр оказался на грани закрытия. Из всех поступлений за период с 1.01.2019 по 31.07.2020 поддержка от государства составила 3,9%, остальное составили пожертвования физических (10,9 млн рублей), юридических (70,5 тыс. рублей) лиц и иных партнеров и организаций.

В то же время годовой бюджет BARCC — 5,1 млн долларов (393 млн рублей), из которых 70% — финансирование от государства и гранты. Остальное составляют фандрайзинговые мероприятия, доходы от проведения тренингов и поступления из частных фондов. И только 7% бюджета организации — личные пожертвования граждан.

Заключение

Ситуация, из-за которой весь мир оказался в изоляции, существенно повлияла на обстановку в мире. В условиях COVID-19 жертвы домашнего насилия оказались закрыты в пределах одного помещения со своими обидчиками. К сожалению, не все меры, которые были приняты для предотвращения домашнего насилия и защиты жертв, были эффективными. Но различные НПО, кризисные центры, активисты и правозащитники провели колоссальную работу и продолжали бороться за каждого в трудной эпидемиологической обстановке.

Были приняты важные нововведения в работе, благодаря которым центры не прекратили деятельность: перевод большей части работы в онлайн-режим, некоторые центры перешли на 6-дневный и даже 7-дневный рабочий день, всероссийский телефон доверия стал круглосуточным, но подобные нововведения смогли себе позволить далеко не все центры.

По сравнению с зарубежными странами, в России кризисные центры часто сталкиваются с нехваткой средств, поскольку лишь небольшое количество кризисных центров является государственными, а финансирование других центров (негосударственных) основывается на предоставлении грантов от того же государства, которых часто не хватает. Так, центр «Насилию.нет» в марте 2020 г. оказался на грани закрытия.

В условиях строгой изоляции пострадавшим от домашнего насилия было трудно обращаться за помощью. Усилилась экономическая зависимость жертв от обидчиков, а также до официального заявления МВД РФ о том, что те, кто нарушил ре-

гламент режима строгой изоляции в чрезвычайной ситуации, включая случаи домашнего насилия, не должны привлекаться к ответственности за это, женщины не решались бежать от автора насилия, опасаясь нарушить предписания самоизоляции.

Подводя итог, необходимо отметить, что проблема домашнего насилия в условиях пандемии стала более острой. Жертвы стали еще более беззащитными, а у абьюзеров, наоборот, появилось больше возможностей.

Государство принимало различные меры, но мы можем видеть, что не всегда они были достаточными, чтобы в полной мере защитить пострадавших. На наш взгляд, государству необходимо ввести дополнительную поддержку, помощь в развитии проектов, дополнительное финансирование, увеличить объем грантов для некоммерческих организаций, которые вносят неоценимый вклад в развитие противодействия домашнему насилию.

Литература

1. Саламова С.Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // *Lex Russica*. 2018. № 9. С. 129–138.
2. Горшкова И.Д., Шурыгина И.И. Насилие над женами в российских семьях. М., 2003. 83 с.
3. Домашнее насилие: социально-правовой аспект: учебно-методическое пособие / под. ред. Е.Н. Ершовой, С.Г. Айвазовой. М., 2013. 194 с.

References

1. *Salamova S. Ya.* Domashnee nasilie v sovremennoi Rossii: obshchaya kharakteristika [Domestic Violence in Modern Russia: General Description]. *Lex Russica*, 2018, no. 9, pp. 129–138. (In Russian, abstract in English)
2. *Gorshkova I. D., Shurygina I. I.* Nasilie nad zhenami v rossiiskikh sem'yakh [Violence against wives in Russian families]. Moscow, 2003. 83 p. (In Russian)
3. Domashnee nasilie: sotsial'no-pravovoi aspekt: uchebno-metodicheskoe posobie [Domestic Violence: Social and Legal Aspect: Educational and Methodological Guide]. Eds. E.N. Ershova, S.G. Aivazova. Moscow, 2013. 194 p. (In Russian)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ВНУТРИ СУБКУЛЬТУРЫ ТРЕШ-СТРИМА

Паносян Армине Карапетовна

Цель: цифровая революция на сегодняшний день, наряду с многочисленными ее достоинствами, создает опасность распространения вредоносного контента. Так, все больше набирает обороты сфера блоггерства на крупнейших хостингах или в социальных сетях, нацеленная на получение выгоды от создаваемого контента, выраженного в противоправных действиях. Ярким примером тому является распространение аккаунтов на популярном хостинге Youtube, занимающихся так называемым треш-стримом, то есть осуществлением противоправных деяний в прямом эфире за денежные отчисления (донаты) подписчиков (зрителей). Упомянутые деяния приобретают особую опасность ввиду трансляции их в сети Интернет и наделяются их коммерческим характером. Это диктует необходимость привлечения внимания к данной проблеме со стороны как правоприменителей, так и законодателей. Автор ставит перед собой цель изучить треш-стрим с уголовно-правовой и криминологической точки зрения.

Методология: анализ, синтез, индукция, формально-юридический метод, метод конкретно-социологических исследований, статистический метод.

Выводы. Выявление ключевых характеристик стримерских течений, основных сценариев и распределения ролей в треш-стримах позволяет говорить о возникновении определенной стримерской субкультуры, оказывающей негативное влияние на уровень общественной нравственности, что диктует необходимость более глубокого изучения личностей участников, возможных мер предупреждения и демонстрирует важность закрепления специального состава в Уголовном кодексе.

Научная и практическая значимость. Многочисленные случаи девиантного поведения в сети Интернет все больше привлекают внимание законодателей и правоприменителей. Так, в Государственной Думе была создана рабочая группа по разработке соответствующего законопроекта, предусматривающего наказание за треш-стримы. Изучение характера потенциального вреда, причиняемого треш-стримами, и анализ социологических и психологических данных об участниках позволит более глубоко изучить проблему деструктивных течений в виртуальной реальности и закрепить на законодательном уровне наиболее справедливый и объективный подход.

Ключевые слова: треш-стрим, сеть Интернет, трансляции, стример, персонаж, зритель, видеохостинг, донаты, киберпреступность, общественная нравственность.

Введение

Развитие современного общества демонстрирует вектор на массовое распространение цифровизации во всех сферах жизнедеятельности. Данную тенденцию смело можно назвать цифровой революцией, создающей параллельную реальность на платформе сети Интернет. Это,

несомненно, диктует необходимость создания открытого и свободного киберпространства, однако повышенный уровень активности в сети и чрезмерная свобода действий создают опасность распространения вредоносного контента и потребность в кибербезопасности, необходимой для защиты основных прав и свобод. Так,

все больше набирает обороты сфера блогерства на крупнейших хостингах или в социальных сетях, нацеленная на получение выгоды от создаваемого контента, выраженного в противоправных действиях. Очевидно, что подобные явления таят в себе двойную опасность, так как, кроме непосредственного объекта посягательства, имеют возможность негативно воздействовать на неограниченное количество пользователей, тем самым формируя ценности, моральный облик определенного поколения. На сегодняшний день ярким примером тому является распространение аккаунтов на популярном хостинге Youtube, занимающихся так называемым треш-стримом, то есть осуществлением противоправных деяний в прямом эфире за денежные отчисления (донаты) подписчиков (зрителей). Упомянутые деяния приобретают особую опасность ввиду трансляции их в сети Интернет и наделяются их коммерческим характером. Это диктует необходимость привлечения внимания к данной проблеме со стороны как правоприменителей, так и законодателей. В связи с этим представляется важным изучение причин и следствий подобного деструктивного поведения, новой виртуальной действительности со своими правилами и идеалами, личностей всех участников треш-стримов и предложение некоторых мер реагирования и предупреждения. Именно такие задачи ставятся перед автором в рамках данного криминологического исследования.

Общая характеристика преступлений, совершаемых внутри субкультуры треш-стрим

Треш-стрим – это видовое понятие общеизвестного современного явления, именуемого стримом, берущего свое начало еще в 2007 г., когда американский интернет-предприниматель Джастин Кан придумал стартап в виде трансляции своей жизни в режиме онлайн в течение 8 месяцев. Эксперимент имел большой успех, в результате чего был создан первый сайт, позволяющий вести пользователям трансляции со своих домашних веб-камер и мониторов (*История Twitch от создания до сегодняшнего дня* // [Электронный ресурс]: URL: <https://prostrimer.ru/stream/istoriya-twitch.tv> (дата обращения: 27.03.2021)). Специалисты выделяют следующие ключевые признаки стримов: протяженность во времени; периодичность, в идеале – систематичность; возможность взаимодействия стримера с аудиторией через диалог (*Рыбак Е.В. Продвижение стрима в сети Интернет посредством рекламы и PR* // [Электронный ресурс]: URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/195719343.pdf> (дата обращения: 27.03.2021)).

В результате появилась удобная интерактивная площадка для монетизации своих увлечений, что, несомненно, в целом является хорошей тенденцией, отражающей уровень цифровой интеграции. Однако данное явление в силу доступности высоких заработков стало привлекать социальные группы, имеющие деструктивные идеи, что породило возникновение треш-стрима. Так, родоначальниками его в России считаются Андрей Щадило и Сергей Новик – авторы канала «Мопс дядя Пес», которые еще в 2013 г. стали популяризировать онлайн-унижения за денежное вознаграждение от зрителей – суммы доходили до 50 тысяч рублей за, к примеру, выстрел в друг в друга из травматического оружия (*Любой зашвар за ваши деньги. Кто и как зарабатывает на треш-стримах* // [Электронный ресурс]: URL: <https://secretmag.ru/survival/lyuboi-zashkvar-za-vashi-dengi-kto-i-kak-zarabatyvaet-na-tresh-strimakh.htm> (дата обращения: 27.03.2021)). Уже тогда подобное увлечение стримеров привело к неблагоприятным последствиям: в 2019 г. один из них скончался от двусторонней пневмонии, причиной которой стало злоупотребление алкоголем, в том числе в прямом эфире.

С этого момента и берет свое начало отдельный и самый опасный жанр стримов, где ведущий совершает с собой или своими гостями опасные для жизни и здоровья действия (*Шок-контент: почему стали популярны треш-стримы и как с этим бороться* // [Электронный ресурс]: URL: <https://hi-tech.mail.ru/amp/review/52595-shok-kontent-pochemu-stali-populyarny-tresh-strimy-i-kak-s-etim-borotsya/> (дата обращения: 03.04.2021)).

Изначально во время функционирования канала «Мопс дядя Пес» суммы достигали небольших размеров:

- дать шелбан – 100 рублей;
- ударить по голове – 700 рублей;
- выпить 0,5 литра водки залпом – 50 000 рублей.

Сейчас треш-стрим стал источником более крупных заработков. Так, по некоторым данным, стример Стас Решетников вывел свою девушку Валентину на мороз, предварительно облив ледяной водой, за донат размером в 1000 долларов США, а стрим на канале у блогера по прозвищу Гобзавр с избиением матери собрал около 5 миллионов рублей.

Данные противоправные деяния можно отнести к категории киберпреступности. Для аргументации позиции обратимся к общему определению преступности. По мнению В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова, под данной дефиницией понимается социально-правовое, исторически изменчивое,

негативное, массовое явление, представляющее собой совокупность преступлений, совершенных лицами на определенной территории в определенный период времени, обладающее количественными и качественными характеристиками [1, с. 54]. В контексте данного определения киберпреступность наряду, например, с насильственной организованной экономической преступностью следует выделять в отдельную категорию. Ключевое значение для такого выделения имеют именно качественные характеристики, к которым можно отнести следующее.

Интернет служит средством совершения преступлений, так как является либо идеальной площадкой для распространения информации среди неопределенного круга лиц (например, при преступлениях экстремистской направленности, треш-стримах), либо определенной экосистемой, содержащей в себе данные, представляющие ценность для злоумышленников в силу возможности извлечения выгоды (например, при мошенничестве в сфере компьютерной информации).

Несмотря на совершение деяний в виртуальном пространстве, последствия формируются уже вне его — совершаемое в прямом эфире на треш-стримах, деструктивные идеи, выразившиеся в ущербе общественной нравственности или противоречащие основам конституционного строя.

Высокая степень латентности в силу применения высоких технологий, в частности, для определения геолокации злоумышленника и преодоления анонимизации, а также в силу сложности и отсутствия со стороны информационных посредников четкого механизма отслеживания распространения противоправного контента.

Сложность законодательного закрепления исчерпывающего перечня составов ввиду оперативного распространения новых форм преступных посягательств.

Действия, совершаемые на треш-стримах, отвечают выведенным признакам, что диктует необходимость выделения отдельного состава в Уголовном кодексе РФ и формирования в связи с этим нового предмета изучения в особенной части криминологической науки. На сегодняшний день явлению деформации личности, ее приоритетов, ценностей и привычек в силу активной ее деятельности в виртуальном пространстве уделяется недостаточное внимание со стороны законодателей, правоприменителей и представителей научного сообщества, что является существенным упущением с точки зрения актуальности законодательства и оперативного реагирования на

существующие тенденции. Данный вывод подтверждается в том числе и тем, что преступность в общем ее понимании признается исторически изменчивым и социальным явлением, являющимся в определенном роде лакмусовой бумажкой изменений, происходящих в обществе, что подразумевает оперативное внедрение новых дефиниций в науку криминологию.

В силу вышеупомянутой новизны данного явления определение, отражающее все признаки треш-стрима, требует самостоятельного выведения из сущностных признаков и закономерностей, общих среди действий популярных треш-стримеров. По мнению автора, треш-стрим можно рассматривать как в узком, так и широком смысле. Критерием, определяющим тот или иной подход, служит либо закрепление нового состава преступления путем выделения специфических объектов посягательства, либо взгляд на треш-стрим как на социальное явление, в результате которого совершаются преступления, уже закрепленные в Уголовном кодексе. Так, в узком смысле треш-стрим — это трансляция действий через веб-камеру компьютера или смартфона в прямом эфире, где ведущий за добровольные денежные пожертвования (донаты) подключенных зрителей осуществляет действия в рамках определенного девиантного поведения, которое в зависимости от последствий (умышленное причинение среднего/тяжкого вреда) может повлечь уголовную ответственность. В широком смысле треш-стрим — качественно новое явление в уголовно-правовой и криминологической науке, представляющее собой отдельный вид преступного посягательства, где непосредственным объектом будет являться общественная нравственность неограниченного количества пользователей, подписанных на стримера и на просматривающих его прямые эфиры. Последнее вызывает особый интерес, так как сложившаяся и глубоко внедренная в повседневную действительность виртуальная реальность как целостная экосистема, а в социальном аспекте субкультура, диктует тенденции, новые правила, принципы и идеалы, которые в силу затруднительности отслеживания и возрастных характеристик пользователей (большинство из них подростки, для которых Интернет стал новым институтом социализации) может оказать массовое негативное влияние на уровень нравственности и моральных ценностей. Постоянный просмотр контента с насилием породит позицию, что такое насилие является нормой.

На сегодняшний день уголовные дела, возбуждаемые в связи с противоправными действиями

на треш-стримах, входят в группу насильственных преступлений (например, стример Станислав Решетников обвиняется в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшему по неосторожности смерть потерпевшего). То есть в контексте двух вышеупомянутых сформулированных подходов правоприменение в данном случае следует по пути узкого понимания треш-стрима ввиду отсутствия специальной нормы, отражающей трансляцию действия на многомиллионном хостинге.

Характеризуя преступления, совершаемые в прямых эфирах, принимая во внимание то, что данный круг посягательств характеризуется высоким уровнем латентности (в процентном соотношении единичные случаи возбужденных дел противостоят многочисленным противоправным деяниям как 1:99), уместно было бы выделить по аналогии с видами рецидива деяния в прямых эфирах с уголовно-правовой точки зрения (те, на которые есть реакция правоохранительных органов) и деяния в прямых эфирах треш-стримов с криминологической точки зрения. К ним относятся деяния, которые в современной уголовно-правовой парадигме не подпадают ни под один состав, являются зачастую действиями, совершенными с добровольного согласия или с коммерческой заинтересованностью потенциальных потерпевших, считаются противоправными лишь с точки зрения норм морали. Однако, несмотря на это, исходя из конкретных случаев в прямых эфирах известных треш-стримеров, следует выделить примерный круг потенциальных преступлений, которые, в зависимости от дальнейших действий законодателя, могут быть включены в Уголовный кодекс. Причиной служит тот факт, что данные деяния подпадают под признак социальной обусловленности преступности, то есть это действия, направленные против интересов общества. В рамках исследуемой темы данный признак касается не только интересов конкретной жертвы такого насилия (предположительно психологического), но и зрителей, просматривающих такой контент с точки зрения негативного влияния на нормы дозволенного. Однако здесь следует дифференцированно подходить к пониманию роли зрителя — в случае простого наблюдения речь идет о пассивных зрителях, не влияющих на ход прямого эфира, а в случае отчисления донатов за совершения тех или иных действий, можно говорить об активной роли зрителя, поведение которого стало побуждением, спусковым крючком для противоправного поведения в прямом эфире.

Дискуссионные аспекты квалификации действий и вопросов соучастия в рассматриваемых деяниях

Как уже было сказано ранее, два наиболее резонансных инцидента на треш-стримах у блогеров по прозвищам Melstroy и Reeflay были квалифицированы по ст. 116 УК РФ («Побои») и ч. 4 ст. 111 УК РФ («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть») (*Устроившего треш-стрим с мертвой подружкой блогера признали вменяемым* // [Электронный ресурс]: URL: <https://yandex.ru/turbo/news.ru/s/society/ustroivshego-tresh-strim-s-myortvoj-podrugoj-blogera-priznali-vmenyaemym/> (дата обращения: 26.03.2021); *На российского блогера завели дело за избивание девушки во время стрима* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.bbc.com/russian/news-54657232> (дата обращения: 26.03.2021)) соответственно. Однако такой подход признан на официальном уровне ситуационным, служа временной альтернативой перед реформированием в свете особого внимания к проблеме существования треш-стримов. Ситуация с криминализацией деяний на сегодняшний день стоит достаточно остро и активно обсуждается в законодательных кругах. Так, исходя из позиции законодательных органов, можно выделить несколько путей изменения Уголовного кодекса РФ, закрепляя в нем ответственность за треш-стримы. По словам главы комиссии Совета Федерации по информационной политике Алексея Пушкова, профильная рабочая группа видит два варианта наказания за треш-стримы: вывести их в отдельную статью УК РФ или дополнить несколько статей соответствующими квалифицирующими признаками (*Матвиенко поддержала введение отдельной статьи УК РФ за треш-стримы* // [Электронный ресурс]: URL: <https://rg.ru/2021/03/03/matvienko-podderzhala-vvedenie-otdelnoj-stati-uk-rf-za-tresh-strimy.html> (дата обращения: 26.03.2021)). При этом одной из статей, требующих реформирования, на его взгляд, является ст. 282 УК РФ. Было предложено дополнить ее новой частью со следующим содержанием: «Действия, содержащие унижение человеческого достоинства с применением или с угрозой применения насилия, физических издевательств, оскорблений и других форм хулиганского поведения, умаляющего достоинства личности, совершенные публично с использованием сети Интернет в режиме реального времени или видеозаписи с целью извлечения материальной и иной (наращивание популярности) выгоды». Как представляется, подобный вариант возник в свете инцидента, произошедшего с Аленой Ефремовой на стриме у блогера по

прозвищу Melstroy, так как исходя из заявления, поданного А. Ефремовой в полицию, в отношении нее были совершены преступные действия насильственного характера, обусловленные желанием показать пренебрежительное отношение и ненависть к женщинам, что косвенно позволяет предположить наличие в действиях стримера состава преступления экстремистской направленности. Однако дополнение данной статьи специальным составом не представляется, по мнению автора, комплексным подходом, охватывающим все деяния на треш-стримах и исключающим расширительного толкования составов Уголовного кодекса. Так, происшествие со смертью Валентины Григорьевой в прямом эфире у Станислава Решетникова или избиение матери на стриме у Гобзавра не охватывается данным составом. Помимо этого, отсутствует четкая грань между личными неприязненными отношениями и ненавистью или враждой в отношении определенной социальной группы, что принципиально важно при квалификации деяний по данной статье в свете положений Постановления Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (*Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (в ред. от 20.09.2018 г.)*).

Обсуждается и третий подход с закреплением в качествеотягчающего обстоятельства демонстрацию противоправных действий среди неограниченного круга пользователей в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Но такой путь, по мнению автора, также не лишен недостатков ввиду цели и источника публикации такой демонстрации. Не исключены случаи публикации подобных видео в качестве информирования и привлечения внимания к проблеме. Кроме того, автор публикации и агрессор могут не сходиться в одном лице, что затруднит применение статьи об отягчающих обстоятельствах.

В свете этого более целесообразным представляется подход с закреплением отдельного состава с четко очерченной объективной стороной преступления. Ключевым вопросом такого закрепления является вопрос о непосредственном объекте такого преступления и, соответственно, о структурном расположении данного состава в Уголовном кодексе. Как было упомянуто ранее, помимо ущерба здоровью, жизни, человеческому достоинству, теоретически при демонстрации деструктивного, аморального поведения среди не-

ограниченного круга пользователей, в том числе несовершеннолетних, подразумевается, что объектом является и общественная нравственность, потенциально страдающая от контента, содержащего многочисленные сцены насилия, и его коммерциализации. Ввиду этого целесообразным представляется создание отдельной статьи, где ключевое внимание будет заострено на ущербе моральным устоям и нравственности, которая будет применяться в совокупности со статьями, отражающими характер продемонстрированных насильственных действий. Следовательно, такой состав должен располагаться в гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

В силу вышесказанного одним из центральных вопросов при решении вышеупомянутого аспекта служит роль зрителей в данных преступлениях, которая может быть двойственной. Стоит в очередной раз упомянуть о том, что ключевым вопросом является наличие влияния со стороны конкретного пользователя на ход стрима. Ввиду чего автор считает логичным разграничивать активное (перечисление донатов) и пассивное наблюдение (просмотр без побуждающих к насилию действий). Лишь в первом случае возможно говорить о гибкости ролей, где зритель становится соучастником преступления и исключается в силу своих активных действий из круга лиц, нравственности которых причиняется ущерб. Однако такой теоретический вывод идет вразрез с понятиями организованной группы или преступного сообщества, так как отсутствуют признаки структурированности, стабильности состава ввиду обезличенности зрителей, перечисляющих донаты, и стихийности подобных перечислений. Помимо этого, исполнитель (непосредственно лицо, совершающее насильственные действия) и потенциальный пособник (донатер) не связаны друг с другом единой целью, так как первый совершает противоправные действия в целях извлечения выгоды, а вторые финансируют такие действия для собственного удовольствия и проведения досуга. Таким образом, наделение даже активных зрителей ролью соучастника преступления идет вразрез с позицией судебной практики, хоть и с криминологической точки зрения не подвергается сомнению.

Роль персонажа, к которому применяется физическое или психологическое насилие, тоже двойственна, что порождает качественно новый феномен в уголовно-правовой науке. Применяя предлагаемый автором подход о вменении совокупности преступлений, образуется конструкт, при котором персонаж по статье, характеризую-

щей нанесение ему побоев, вреда здоровью, является потерпевшим, а по статье, характеризующей явление треш-стрима как преступления против общественной нравственности, — субъектом преступления.

Криминологический портрет участников треш-стрима

С криминологической точки зрения большой интерес представляют личности участников и потребителей данного контента — в данном случае ввиду того, что для законодательных органов ключевое внимание уделяется факту проявления насилия, уместно говорить о каждой роли в совокупности по аналогии со знаменитым в психологии треугольником Карпмана (преследователь, жертва, спасатель (наблюдатель в случае с треш-стрима)). Каждый участник, выполняя свою функцию, вступает в созависимые отношения, которые возникают из-за потребности самоутвердиться за чужой счет через манипулирование и эмоциональную разрядку. Выводом, не оставляющим сомнений, является тот факт, что все участники треш-стрима, включая самого блогера, его жертву и подписчика/зрителя, являются зависимыми по отношению друг к другу, что позволяет судить о треш-стриме как о явлении, образующем устойчивую социальную группу и целую субкультуру. Это подтверждается некоторыми публикациями в СМИ за авторством журналиста Ирины Щербаковой, углубленно занимающейся явлением треш-стримов, где неоднократно подчеркивалось, что Станислав Решетников по прозвищу Панини, находящийся на данный момент под следствием из-за смерти в его прямом эфире девушки, планировал оставить треш-стрим, но всегда придумывал оправдания, почему из стримов нельзя просто так уйти: «Публика требует жести, уйдешь — тебя достанут из-под земли и затравят, бойся за свою жизнь» (*Убийство в прямом эфире — почему это стало возможным. Рассказывает автор репортажа о культуре треш-стримингов // [Электронный ресурс]: URL: https://www.the-village.ru/city/point-of-view/nizhniy-internet-zlo?comment_id=29929177 (дата обращения: 26.03.2021)*). Стример, желавший остаться анонимным (далее. — Стример А), в ходе интервьюирования также высказывал подобную позицию: «Треш-стрим оставляет отпечаток на всю жизнь, из него трудно выйти, устроиться на работу, потому что хейтеры всегда будут преследовать». Такая же зависимость работает и в обратную сторону: опрошенные подписчики одного из самых жестоких треш-стримеров Демона (автора канала Tupa Splash), говоря о причинах

увлечения просмотром подобных прямых эфиров, неоднократно подчеркивали, что видео воспринимается ими как сериал с живыми неподдельными эмоциями. Зависимость жертвы (участника стрима, подвергающегося насилию в прямом эфире) и вовсе не оставляет никаких сомнений — они характеризуются полным отсутствием самостоятельности, наличием сильной психологической привязанности к своему насильнику.

Треугольник Карпмана в традиционном своем понимании в случае треш-стримов претерпевает некоторые изменения из-за большей изменчивости ролей. Потенциальная жертва насилия, если рассматривать треш-стрим как преступление против нравственности, является и агрессором по отношению к неопределенному кругу пользователей сети Интернет, последние же, в свою очередь, начисляя донаты стримерам за те или иные противоправные деяния, сами становятся агрессорами, выполняя роль соучастников. Таким образом, роль каждого из участников не является константой, а может быть двойственной — зрители и персонажи могут являться как потенциальными жертвами, так и агрессорами, поэтому ключевое значение имеет законодательное закрепление объекта преступления.

Давая криминологическую характеристику агрессорам в лице блогеров, совершающих насилие над своими персонажами, стоит привести некоторые статистические данные, отражающие социально-демографические признаки личности. Все они в подавляющем большинстве являются мужчинами в возрасте от 18 до 35 лет. При этом, исходя из выпускаемого контента и опроса подписчиков, наиболее жестокие видео выпускают более молодые блогеры (Шкилла, Аркадэ). Территориальное расположение крупнейших стримеров разнообразно, сформировалось несколько центров (на территории одного субъекта функционируют сразу несколько блогеров) — Москва, Санкт-Петербург, Челябинск, Брянск, Ярославль. Данный показатель несколько условен, так как в силу активной коммуникации внутри группы блогеры имеют привычку создавать совместные стримы, что пользуется большой популярностью у зрителей, и гостить друг у друга.

Большая часть блогеров имеет среднее образование, некоторых из них отчислили из университета. Стримы являются основным источником заработка. Со слов стримера А, его отчислили на пятом курсе университета за многочисленные появления в пьяном виде, по этой же причине выгнали с работы. В то время как дальнейшее знакомство с одним из известных стримеров

и участие в прямых эфирах стали единственным источником заработка. При этом блогер неоднократно исключал возможность устроиться снова на работу, указывая на отказ всех работодателей ввиду его известности и плохой репутации.

Материальные условия существования, несмотря на высокий уровень заработка на стримах (от 60 тыс. рублей за один эфир), у большинства стримеров довольно скромные, так как практически вся прибыль, по их словам, уходит «на создание контента» — отчисление части доходов своим персонажам, которые нередко находятся у них на содержании, покупку алкоголя, съем квартиры.

Изучая треш-стрим как фактор, характеризующий такие социально-демографические признаки личности, как род деятельности и материальные условия, нельзя обойти стороной активно набирающую обороты тенденцию использования виртуального пространства в качестве источника заработка, что, несомненно, является не только причиной появления изучаемого в данной работе противоправного контента, но и активных, инициативных полезных аккаунтов. Интересным с этой точки зрения был бы метод сравнения тактики действий и методов продвижения стримеров и блогеров с полезным контентом. Для этого был проведен опрос одного из стримеров и известного блогера в Instagram, специализирующегося на фуд-контенте. В первом случае продвижение не требовало никаких материальных вложений — действия заключались лишь в участии в совместных стримах с известными блогерами, что, в свою очередь, создавало рекламу вновь созданному аккаунту стримера. Каждый совместный стрим приносил примерно 300–500 подписчиков. При этом фуд-блогер с аналогичным количеством подписчиков для продвижения своего блога около полугода выкладывал контент, не получая никакой прибыли, уходя при этом в минус при оплате рекламы своего аккаунта у других блогеров, контекстной рекламы. Сравнительный метод позволяет сделать некоторые выводы о специфике личности треш-стримера: в отличие от последовательного движения по продвижению контента, его методы характеризуют его как человека, не желающего прилагать действительных усилий для заработка.

Согласно многим криминологическим и социологическим трудам, типичными свойствами преступников являются низкая престижность их социальных ролей, рассогласованность социальных статусов. На практике это подтверждается, например, постоянными конфликтами с хозяевами арендованной квартиры, преследованием со стороны хейтеров (например, развешивание

листочков с враждебными высказываниями, блокировка электронного кошелька, куда начисляются донаты за стримы).

Большой интерес представляют и нравственно-психологические свойства личности. У подавляющего большинства из них есть алкогольная или наркотическая зависимость. У интервьюируемого стримера А имеются психические отклонения, из-за чего он некоторое время находился на лечении в психиатрической больнице. Наблюдается некоторая отдаленность от семейных ценностей и увлеченность вопросами, определяющими данную социальную группу как группу неформалов. Так, стример А в интервью поделился тем, что на протяжении своей жизни минимум 5 раз менял религиозные взгляды, побывав во многих запрещенных в России сектах. Сложившегося круга общения у него также не имеется, более того, он подчеркивает, что между треш-стримерами складываются либо плохие, либо зависимые отношения, что выражается в условном делении на подчиняющего и подчиняющегося.

Вышеприведенные данные позволяют сделать вывод о криминологическом портрете треш-стримера: это мужчина от 18 до 35 лет, не имеющий высшего образования и источника заработка, страдающий наркотической или алкогольной зависимостью. Среди эмоциональных особенностей можно выделить потребность во внимании, высокий уровень агрессивности и эмоциональную неустойчивость.

Вторая группа участников включает в себя подписчиков, выполняющих роль либо наблюдателей, либо людей, содействующих насилию через донаты. В первом случае, в зависимости от квалификации преступления по объекту посягательства как преступления против общественной нравственности, подписчики будут рассматриваться в качестве жертв. Изучение их личностей путем интервьюирования позволило выявить ряд закономерностей и составить портрет подписчиков (жертвы/агрессора/наблюдателя). Социально-демографические признаки таких лиц следующие: смотрят треш-стримы в подавляющем большинстве случаев мужчины, возраст которых составляет от 16 до 35 лет. Образование в большинстве случаев среднее (общее либо специальное). Многие на данный момент еще являются студентами колледжей, учениками школ. Более старшее поколение подписчиков — это фрилансеры, они не имеют стабильного заработка и не состоят в семейных отношениях. Большинство подписчиков проживают на территории Российской Федерации, некоторые из них являются гражданами стран СНГ. Инте-

рес представляют нравственно-психологические признаки этих лиц. Их раскрытие представляется целесообразней через демонстрацию ответов на опрос, проведенный среди подписчиков блогера по прозвищу Демон. Им были заданы следующие вопросы: «По какой причине вы смотрите треш-стримы?» и «Какие эмоции у вас вызывают сцены жестокого обращения с персонажами?». Лишь небольшая часть из опрошенных признавалась в своей склонности к садизму, указывая на то, что просмотр подобного контента помогает им справиться с высокой агрессивностью и избежать применения насилия в собственной жизни. Большинство же воспринимают блогеров как героев сериалов, питая к ним некоторого рода симпатию. Больше половины опрошенных подписчиков стримера по прозвищу Демон указывали на то, что их привлекают в стримах живые эмоции (противопоставление с «лицемерной действительностью», характеризующейся правилами вежливости, этикета). Так, один из подписчиков отмечает, что «сейчас есть много блогеров, да и вообще людей, которые ведут себя так, как им выгодно, а ребята из стримов ведут себя искренне — даже если перед ними стоит человек, который в два раза больше них, они не боятся поставить его на место и высказать реальное мнение». Привлекает подписчиков и сама личность блогера, смелого, харизматичного лидера — 5 из опрошенных людей упоминали харизму Демона, характеризующую его как личность типа «Альфа» — подчиняющего. Один из опрошенных указал, что «харизма участников — самая главная причина просмотра подобного контента, так как на стримах постоянно происходит столкновение интересов, где две сильные личности отстаивают свою позицию, а это определенно достойно внимания». Упомянувшие данный факт относились к данному качеству с восхищением, изъявляя желание быть похожими на Демона, чтобы «нравиться людям и легче строить социальные связи». Сцены же насилия вызывали у этой части опрошенных не жалость, а смех. Жалость к Валентину по прозвищу Депутат, персонажу стримов, подвергающемуся наиболее жестоким истязаниям и унижениям, подписчики исключают по причине его аморального, нелепого поведения и добровольного его согласия за любые деньги подвергнуться унижению. «Первое время Валу было жаль, а потом он словно стал депersonифицирован, что бы с ним ни делали, он воспринимается как пропитый клоун, и тогда жалость пропадает. Это долгий процесс, когда человек на твоих глазах из человека превращается в персонажа, к которому нет эмпатии, лишь смех без злости

и садизма — полагаю, что есть подобные практики у военных по обезличиванию противника для безболезненного его уничтожения». «Те, кто за 500 рублей позволяют себя унижать, сами к себе жестоки, они сами себе не нужны, а мне и подавно не нужны».

Для получения более полного представления об облике подписчиков в опрос были включены вопросы, касающиеся их зависимостей, травм и психологического состояния. Так, немало подписчиков признались в своей алкогольной и наркотической зависимости, многие подвергались физическому и психологическому насилию, часть из них применяли или применяют насилие сами. Один из зрителей признался, что наблюдается у психиатра и что просмотр подобных видео помогает ему отвлечься от тяжелой жизненной ситуации. В целом опрошенную группу подписчиков следует приравнивать к категории пассивных наблюдателей, либо жертв (если речь идет об ущербе нравственности), так как они не относятся к категории зрителей, перечисляющих донаты.

Обобщая криминологический портрет зрителя (пассивного типа), следует сказать следующее: зрителем в большинстве случаев является мужчина от 16 до 35 лет, не имеющий высшего образования или имеющий среднее специальное образование, фрилансер, и в некоторых случаях страдающий наркотической зависимостью. Среди психологических особенностей личности зрителя следует выделить следующие: наличие травмирующей ситуации, связанной с насилием, потенциальная способность самому прибегнуть к насилию, подавляемая агрессивность либо желание сформировать более ведущую роль при взаимодействии с людьми.

Что касается криминологического портрета жертв насилия, стоит сказать следующее. Как уже было отмечено ранее, внутри стримерской субкультуры их принято называть персонажами — людьми, на взаимодействии с которыми и строится ключевой сюжет в прямых эфирах. Для анализа следует рассмотреть отдельные личности — наибольший интерес представляют 4 персонажа: Валентина Григорьева, погибшая на стриме у блогера по прозвищу Панини; мать стримера по прозвищу Гобзавр; 35-летний Валентин по прозвищу Депутат; стример А, ранее участвовавший в стримах известных блогеров в качестве персонажа. Изучая их личности через опрос подписчиков и публикации в СМИ, можно выявить некоторые закономерности, черты, присущие каждому персонажу. Так, у каждого

из перечисленных лиц имеется определенная психологическая зависимость от своего агрессора: Валентину Григорьеву с Панини связывали отношения; мать Гобзавра, ведущая с ним совместный Youtube-канал, известная по прозвищу Людмурик, фанатично любит своего сына; Валентин Ганичев по прозвищу Депутат, у которого диагностировали эпилепсию, гидроцефалию и дисциркуляторную энцефалопатию, находится на содержании у стримеров, имеет к ним нездоровую привязанность и, со слов стримера А, является объектом манипуляций в силу своей нетрадиционной сексуальной ориентации. Сам же стример А отличается отсутствием финансовой самостоятельности, что явилось следствием сильной психологической привязанности к стримеру, у которого он находился на содержании, от которого терпел унижения, но не потерял уважения к нему. Все приведенные ситуации позволяют говорить о явных признаках стокгольмского синдрома, что предполагают и психологи, опрошенные нами. Самым характерным и известным персонажем является, безусловно, Валентин Ганичев. Известно, что мать его умерла, с братом он не общался и жил у крестного, служителя местной церкви отца Нестора (в миру Виктора Синягина), по словам некоторых подписчиков, Валентин еще в детском возрасте подвергался сексуальному насилию (*История Валентина — главного раба треш-стримов // [Электронный ресурс]: URL: <https://batenka.ru/unity/thrash-streams/> (дата обращения: 13.03.2021)*). На данный момент имеет алкогольную зависимость, материально несостоятелен и по своему желанию за неимением семьи и близких остается жить у стримеров Аркадэ и Шкиллы. Все они имеют материальные трудности, что зачастую и является мотивацией охотно соглашаться на участие в стримах. Для выгодного контента они придерживаются в прямых эфирах аморального образа, что в целом отражает их стиль жизни и социальную роль вне виртуального пространства.

Вывод о криминологическом портрете жертвы следующий: ими могут быть как женщины, так и мужчины (имеющие некоторые отклонения в развитии и психическом здоровье), 20–35 лет, в большинстве случаев (за редким исключением) безработные, страдающие наркотической или алкогольной зависимостью. Среди моральных качеств и психологических характеристик можно выделить следующее: стокгольмский синдром, наличие сильной привязанности к агрессору, ведение маргинального образа жизни, отсутствие самостоятельности.

Меры предупреждения треш-стрима

Субкультура треш-стримов является лишь одним из тысячи ответвлений всеобщей масштабной цифровизации и создания на площадке сети Интернет целого виртуального пространства в виде пассивного досуга со своими правилами и тенденциями. Ввиду этого меры предупреждения должны касаться не точечного устранения негативных влияний и последствий треш-стримов, а комплексного предотвращения распространения вредоносного и опасного контента, не пренебрегая при этом соблюдением правила свободного интернет-пространства путем применения системы сдержек и противовесов.

Меры предупреждения в данном случае, безусловно, имеют комплексный характер, но в рамках данной работы наибольший интерес для автора представляют техническая составляющая мер реагирования и пресечения дальнейшей трансляции треш-стримов, содержащих сцены насилия со стороны информационных посредников, IT-специалистов, работающих на крупнейших хостингах.

По словам специалистов в сфере IT, для такого пресечения существует в общем смысле два механизма: автоматический (через нейронную сеть, так называемое компьютерное зрение) и ручной (через модераторов, которые либо самостоятельно проверяют выкладываемый контент на предмет нарушений, либо проверяют жалобы пользователей).

Наиболее сложным в практической реализации, но и самым системным является первый механизм, функционирующий через искусственный интеллект и не требующий человеческого ресурса для отслеживания (*Блокировка рекламы с помощью нейросетей: как это работает и что будет дальше // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.cossa.ru/trends/229755/> (дата обращения 13.03.2021)*). Примером функционирования такой нейронной сети является, например, бета-версия рекламного детектора Sentinel, распознающего навязчивую рекламу без использования привычных списков блокировки, считывая ее со скриншотов страниц, присланных пользователями, не по коду, а по внешнему виду сайта с рекламой для конечного пользователя (*Разработчик Adblock Plus научит ИИ искать рекламу по ее внешнему виду, а не по коду // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.cossa.ru/news/215731/> (дата обращения: 13.03.2021)*). Так же по визуальной информации считывается контент и со сверточной нейросети, нацеленной на распознавание и анализ изображений. В общем потоке данных сверточная нейросеть с высокой эффективностью выделяет

ет паттерны, даже если между ними нет прямой связи (*Matusugu M., Mori K., Mitari Yu., Kaneda Yu. Subject independent facial expression recognition with robust face detection using a convolutional neural network // [Электронный ресурс]: URL: http://www.iro.umontreal.ca/~pift6080/H09/documents/papers/sparse/matsugo_et_al_face_expression_conv_nnet.pdf (дата обращения: 13.03.2021)*). На видеохостинге Youtube, который рассматривается в рамках данного исследования как ключевая площадка публикации треш-стримов, существует такая автоматизированная система, нацеленная на пресечение нарушения авторских прав на музыкальные произведения. Так, политика хостинга сводится к заключению с правообладателями соответствующих соглашений о совместной монетизации, и еще на этапе выкладки видео, сопровождающегося использованием чужого музыкального произведения, автоматическая система идентифицирует по ключевым параметрам данный объект интеллектуальной собственности и предупреждает о невозможности монетизации данного видео ввиду защищенных авторских прав на музыкальное произведение. Сложность создания аналогичного механизма для выявления сцен насилия состоит в том, что в отличие от вопроса распознавания музыкального произведения, являющегося объективной дефиницией, вопрос разграничения насилия и ненасиления достаточно субъективен.

Теоретически предположив, что нейронной сети будут даны команды, позволяющие распознавать определенные траектории движения, означающие насильственные действия одного в отношении другого, справедливо будет предположить, что многие видео правомерного характера (например, обучающие видео с техникой сценического боя для актеров) будут заблокированы данным механизмом. Тем более ни одно из упомянутых в предыдущих главах действий треш-стримеров (разбивание яиц, закапывание живым в могилу) не подпадает под понятие физического насилия, но, как уже было выяснено, теоретически все равно является противоправным поведением.

Стоит отметить, что Youtube в некотором роде защищает несовершеннолетних пользователей от нежелательного контента. Так, в зависимости от возраста, указанного в данных аккаунта, разделяется общий контент (допустимый для просмотра детьми) и ограниченный контент (для пользователей 18+). Но и данный механизм не является стопроцентной защитой от просмотра треш-стримов молодежью. Во-первых, видеохостинг Youtube, в отличие от многих социальных сетей, является открытой площадкой, и неограничен-

ный просмотр любых видео возможен и для незарегистрированных пользователей (регистрация требуется только для самостоятельной публикации собственных видео). Во-вторых, отсутствует механизм проверки соответствия указанных при регистрации данных с личностью пользователя. Теоретически несовершеннолетний может выходить в Интернет с аккаунта своего родителя или указать не соответствующий действительности возраст.

Второй механизм, представляющий собой систему отслеживания через использование человеческого ресурса, — работа модераторов по ручному удалению вредоносного контента, найденного либо самостоятельно, либо благодаря жалобам пользователей. Последний способ является наиболее широко используемым на самых массовых хостингах и крупнейших социальных сетях. Однако, как представляется, он является несостоятельным для пресечения контента треш-стримов, так как прямые эфиры просматриваются и финансируются лишь целевой аудиторией конкретного стримера, которой подобные сцены насилия доставляют удовольствие и у которой вызывают интерес.

Представляется, что за неимением более эффективного и системного механизма и невозможностью его создания, необходимо создать следующий алгоритм действий: увеличить количество модераторов, а также организовать их деятельность через риск-ориентированный подход, создав на платформе Youtube целостную экосистему, подобную алгоритму социальной сети Instagram, активно использующей механизмы контекстной рекламы (рекламы на целевую аудиторию, определяемую с помощью подписок) и взаимосвязанных аккаунтов — благодаря интересам, определяемым по подпискам и интересующему контенту, выявляются группы аккаунтов с похожим контентом. Таким же образом модераторы смогут, отыскав один потенциально опасный аккаунт, входящий в группу риска, выйти через общих подписчиков на другие похожие аккаунты, что поможет реагировать на вредоносные стримы не так точно.

Заключение

Данная исследовательская работа имела своей целью изучение ключевых криминологических и уголовно-правовых аспектов актуальной на сегодняшний день проблемы существования треш-стримов, последствиями действий в которых являются физическое, психологическое насилие, а также создание неблагоприятного фона

в виртуальном пространстве, ведущего к формированию сети Интернет как социального института, в неограниченном количестве предоставляющего доступ к контенту, посягающему на моральные устои и уровень нравственности в обществе. Через выявление ключевых характеристик стримерских течений, основных сценариев и распределения ролей в треш-стримах был сделан вывод о возникновении отдельной стрим-субкультуры.

Важным представляется и проведенная дифференциация роли зрителей на пассивную и активную. Последняя, в свою очередь, тесно связанная с уголовно-правовым понятием соучастия. Данные дискуссии ввиду большого внимания к ним на законодательном уровне породили вопрос о дополнении Уголовного кодекса новым составом, отражающим черты треш-стримов. По мнению автора, основным камнем преткновения в таком закреплении является вопрос о непосредственном объекте — является ли им жизнь, здоровье и человеческое достоинство персонажа стрима или стоит применять более широкий подход и в силу большого влияния сети Интернет на общество, считать объектом общественную нравственность, тем самым исключая зрителей из круга соучастников. Последний подход представляется более состоятельным.

Помимо изучения теоретической составляющей данного явления часть работы посвящена проблемам предупреждения распространения вредоносного контента со стороны информационных посредников. Был сделан вывод о целесообразности на данном этапе технологического развития применить подход, требующий человеческих ресурсов и подключения большого количества модераторов. При этом логичным представляется создание системы, позволяющей по общим подпискам пользователей определить взаимосвязанные аккаунты с похожим контентом и блокировать их не точно, а зонтично.

Подводя итог всему изученному и освещенному в данном исследовании, следует сказать, что явление треш-стримов во избежание поверхностного взгляда стоит рассматривать в контексте с общим влиянием виртуального пространства на социализацию и общество. Без изучения причин, отдельных личностей и историй невозможна справедливая криминализация следствий, поэтому уголовно-правовой аспект данной проблемы следует рассматривать в тесной взаимосвязи с ключевыми криминологическими характеристиками, комплексно, обращая внимание на психологическую сферу, портрет каждого участника и важнейшие меры по предупреждению подобных противоправных трансляций.

Литература

1. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Норма, 2013. 800 с.

References

1. Kriminologiya: uchebnik [Criminology: textbook]. Eds. V.N. Kudryavtsev, V.E. Eminov. Moscow, Norma Publ., 2013. 800 p. (In Russian)

КОНФЕРЕНЦИЯ

СТЕНОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ «ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ТОРМОЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ» (2021, МГЮА)

Саламова Себила Якубовна,
Рашитханов Руслан Салихович,
Махмутова Лилия Ринатовна,
Семенова Ирина Владимировна

Цель: дать текстовое изложение выступлений участников на конференции и состоявшейся дискуссии.

Методология: использованы методы открытой дискуссии, сравнительного анализа, дедукции и индукции.

Научная и практическая значимость. Материалы конференции представляют интерес для ученых в разных областях знаний, включая криминологов, криминалистов, социологов, ученых, занимающихся уголовным правом и уголовным процессом. Материалы дискуссии будут интересны представителям правоохранительных органов.

Ключевые слова: криминология, организованная преступность, преступления, учебное пособие.

И.М. Мацкевич:

Уважаемые коллеги, мы начинаем. Я предлагаю не терять время, потому что у нас подключены коллеги из Калининграда и Владивостока. У Вас есть программы мероприятия, известно, чему оно посвящено. В связи с выходом пособия мы в очередной раз решили поговорить об организованной преступности. У нас достаточно много коллег, которые подключились из регионов: было 69 заявок на подключение.

Хотел бы я начать с торжественного момента. Я благодарен всем тем, кто, несмотря на всякие мероприятия, в том числе ограничительные мероприятия, пришел, нашел время.

Прежде всего, попрошу сказать несколько слов человека, которого вы все хорошо знаете. Он очень востребованный, занятой, тем не менее нашел сегодня время и приехал – Александр Григорьевич Звягинцев. Очень много времени в этом году он посвятил тем мероприятиям, которые связаны с 75-летием Победы – в частности проекту Имперский трибунал. Была проведена очень серьезная предварительная работа и по другим мероприятиям. Должно было быть очень мно-

го международных проектов, в том числе и фильм, но из-за пандемии все это сорвалось. Тем не менее открыт музей на Поклонной горе, в Великом Новгороде было несколько спектаклей по его пьесе. Я попрошу поприветствовать Александра Григорьевича и предлагаю дать ему слово. Прошу также обратить внимание на те материалы, которые он любезно нам предоставил. Потом раздам коллегам журналы.

А.Г. Звягинцев:

Вам большое спасибо! Очень рад всех Вас видеть! Организованной преступностью я занимаюсь с 1970 г., работал в органах прокуратуры 50 лет. Хочу отметить, что борьба с ней все-таки борьба идет, и организованная преступность в ней пока побеждает, но тем не менее я очень рад, что Игорь Михайлович возглавил наш Союз и уверенно ведет нас к лаврам и без дрожи в руках принимает многие решения, которые определяют вектор движения Союза. Мне чрезвычайно импонирует то, что Союз набирает обороты и в него вступают все новые и новые лица, и то, что я имею некоторое отношение, причастность к тому, что новые лица вступают в наш Союз. Например, вступил

господин Ги Марсель Де Вель — очень авторитетный член, почти 20 лет возглавлял Генеральный директорат по верховенству права и контролю за исполнением решений ЕСПЧ.

Вступил, и мы его принимали здесь, в Москве, главный военный прокурор Италии Марко де Паолис, пожалуй, самый известный борец с организованной преступностью в Италии, пожизненно охраняемый человек. Приезжал с карабинерами, он поддерживал обвинение по делам 57 нацистских преступников, и 53 из них получили пожизненное заключение. Вряд ли кто-то может даже в нашей большой стране похвастаться такими показателями. Я сам проработал 46 лет в органах прокуратуры, поэтому я знаю, что такое выступать по таким делам, знаю, что такое бороться с организованной преступностью. Не одно дело направлялось в суд, и Игорь Михайлович с этого тоже начинал. Поэтому мне очень важно, что здесь присутствуют авторитетные работники органов внутренних дел, органов прокуратуры, других силовых структур, а также видные ученые-юристы. Я еще больше рад, что в этом зале я вижу совершенно новых, незнакомых мне молодых людей. «В потомстве перепрытавшись своим, мы времени пощечину даем». Большой интерес проявляется именно к той науке, которой мы с Вами в Союзе криминалистов и криминологов занимаемся — этими направлениями фундаментальных исследований.

Я до пандемии очень часто ездил за границу, будучи вице-президентом Международной ассоциации прокуроров — туда входит 180 стран. Сейчас являюсь пожизненным сенатором. Фактически каждую неделю представлял наш Союз и много рассказывал. В него, я думаю, в ближайшее время вольются новые члены. Изъявили такое желание в Латинской Америке. Например, прокурор Буэнос-Айреса, мегаполиса, в котором

живет 16 млн человек, выразил желание пополнить наши ряды.

Видел в последнее время фильм, он шел на канале «Россия 24», называется «Крысиные тропы в Новый Свет». Зал небольшой, многих желающих вместить не смог, многие заняты, и пандемия откладывает определенные отпечатки. Тем не менее я очень счастлив, что состоялся этот труд, к которому я отношение не имею, ничего не могу сказать. Но мне удалось его посмотреть, могу отметить, насколько по-новому и насколько интересно изложены многие проблемы. Будучи членом научно-консультативного совета Генеральной прокуратуры РФ, я имел возможность ознакомиться с первыми выступлениями Игоря Михайловича Мацкевича по этой теме, которые концептуально были изложены на одном из наших заседаний. Я на научно-методическом консультативном совете перед Генеральным прокурором изложил все основные концептуальные позиции, которые освящены в этом труде. Они были очень свежо восприняты, и я думаю, эта книга имеет очень большое прикладное значение, не только теоретическое. Она является неким фундаментом для рассмотрения новых преступлений, с которыми мы сейчас столкнулись. Это отношение и к человеку, к личности, к здоровью и к тем ценностям, которые совершенно по-новому переформатировались в наше непростое время. Я не буду занимать время наших коллег, очень много желающих выступить, поэтому большое спасибо!

Я немного подготовился, я издаю 15 лет журнал, который называется «Орден» (Орден: общество ревнителей духовного единства народов). Он высылается по списку руководителям следственных органов Следственного комитета, Генеральной прокуратуре, специализированным структурам. Это «Орден» — за последние 5 лет вышло несколько томов, это самые главные статьи, в том числе по организованной преступности. Будет время — ознакомьтесь, прочитайте. Передаю его в библиотеку Союза криминалистов и криминологов.

И.М. Мацкевич:

Уважаемые коллеги, мы движемся дальше, я прошу прощения, но мы вынуждены будем делать вот такие небольшие отступления, потому что к нам подключены коллеги из Франции, Бельгии, Венгрии и ряд других коллег. Поэтому мы попросили наших студентов сказать пару предложений по каждому выступлению, поскольку у нас нет технической возможности параллельно вести синхронный перевод.

У нас дальше есть специальная программа, с моей точки зрения, достаточно знаковая. Одним из первых членов союза у нас является Кудимов Александр Викторович, с которым мы очень тесно сотрудничаем и дружим. Долго мы вынашивали это соглашение, как говорится, с разных сторон к нему подходили и наконец подошли. Он возглавляет Содружество выпускников Высшей школы КГБ и академии ФСБ. Эта организация и Союз криминалистов и криминологов сегодня подписали соглашение о сотрудничестве. Мы хотели бы обменяться этими папками торжественно и друг друга с этим поздравить.

А.В. Кудимов:

Мы очень давно сотрудничаем с Игорем Михайловичем. Мы надеемся, что сегодня чисто формальное подписание документа, а сотрудничество как было, так и будет продолжаться, потому что я очень доволен и счастлив, что наши взаимоотношения становятся более тесными, более плодотворными. Я думаю, что это будет как в интересах кафедры криминалистов и криминологов, так и нашего содружества. Вообще я могу сказать, что людей более прекрасных, чем Игорь Михайлович, редко можно встретить. На самом деле это человек достойный во всех отношениях, и я думаю, что мы будем развивать наши отношения и дальше.

Спасибо большое! Всего доброго!

И.М. Мацкевич:

Уважаемые гости и друзья, идем дальше! Торжественная часть у нас завершена, переходим непосредственно к работе. Я, с вашего разрешения, скажу несколько вводных слов по поводу пособия, и мы двинемся дальше по нашей программе.

Над пособием мы работали достаточно долго, само пособие – результат обобщенного опыта преподавания учебной дисциплины, спецкурса, который, соответственно, так и называется «Проблемы борьбы с организованной преступностью». Он был одобрен на кафедре криминологии и уголовно-исполнительного права еще в бытность ее заведования нашим первым заведующим кафедрой Владимиром Евгеньевичем Эминовым. Я его приглашал к нам сегодня, но он не очень хорошо себя чувствует, переболел COVID-19 и просил передать всем большой привет. К сожалению, он не сможет принять участие в сегодняшнем круглом столе.

Опыт преподавания хотелось бы обобщить, с одной стороны, а с другой стороны, мы обязаны (так построен учебный процесс и образовательная программа не только в Университете имени О.Е. Кутафина) подкреплять любой спецкурс учебным материалом. Поэтому мы с Мариной Валерьяновной по заданию кафедры занялись этой

проблематикой. Очень долго шла работа, примерно два с половиной года прошло с момента подготовки до момента сдачи материала в издательство и опубликования его. Конечно, я далек от мысли, что это идеальный вариант, конечно, там есть огрехи, о чем мне Владимир Семенович справедливо сказал и достаточно деликатно, как говорят в таких случаях, поставил на место. Но я хочу сказать, что, во-первых, оплошности, которые там есть, мы исправим, во-вторых, не надо воспринимать, с моей точки зрения, это пособие как некий фундаментальный труд. Это именно пособие, собственно говоря, оно отвечает тем задачам, которые заложены в самом названии.

Что я хотел бы сказать об этом труде, об этом учебном пособии. Оно действительно, как сказал Александр Григорьевич, сделано не совсем традиционно, это сознательный выбор. Мало того, там есть некоторые «заложенные мины», это сделано опять же сознательно для обучающихся, потому что еще Луначарский сказал, что есть обучение и есть образование, причем это две разные вещи, довольно серьезно они разнятся между собой. Так вот это для образования, не для обучения.

В частности, там есть классификации, которые изначально спорные, и они были включены сознательно. У нас с моим соавтором, Мариной Валерьяновной, была дискуссия о подходе к пособию, потому что Марина Валерьяновна считает, что в пособии должно быть только то, что состоялось. В учебнике, в учебном материале должен даваться только тот материал, который студент прочитал, а потом на его основании ответил преподавателю на вопросы. Это называется обучением. А образование – это когда он задумывается все-таки, насколько правильно все изложено. Так вот, это все, наверное, все-таки для образования: там есть такие моменты, на которые потом во время обучения можно со студентом дискутировать. И студенту, если это изначально заложено в пособии, можно задать, с моей точки зрения, такие вопросы: так ли в действительности то, что написано? Действительно ли это серьезно? Может, есть другой подход к этой проблеме? Достаточно большой объем материала использован в этом пособии, который ориентирован именно на то, что у студента (пособие ориентировано именно на хорошего студента, не на отстающего студента, и написано для хорошего студента) должен возникнуть вопрос: дай-ка я посмотрю первоисточник, а что там написано, здесь идет отсылка, а что все-таки написано в первоисточнике. Вот на что ориентировано это пособие. Я надеюсь, когда оно уйдет в работу, будут еще какие-то замеча-

ния. У меня есть предварительная договоренность с университетом имени Кикотя, что там тоже его пообсуждаем. Вижу сейчас здесь моих коллег, спасибо большое, что пришли. Пособие будем считать первым таким подходом.

И самое главное, конечно, заключается в том, что сегодня не столько даже презентация, поскольку пособие еще не разошлось и критики серьезной не подверглось, а повод для обсуждения вопросов по организованной преступности. У нас есть несколько вводных слов в программе. Я спрошу, поскольку это все-таки рабочий круглый стол, если есть кто-то, кто не хочет выступать с приветственным словом, говорить.

Александр Григорьевич Звягинцев у нас уже выступал, и он скромно промолчал, что он вице-президент Союза криминалистов и криминологов ко всем его другим, может быть, даже более весомым должностям. Но есть у нас первый вице-президент, еще когда президентом был Эминов В.Е. — это Овчинский Владимир Семенович. Спасибо Вам большое, что Вы сегодня пришли. Ждем Вашего приветственного слова.

В.С. Овчинский:

Дорогие друзья, очень рад всех видеть! Мы действительно с Владимиром Евгеньевичем Эминовым стояли у истоков, это было очень давно, больше 25 лет назад. Сейчас я старший советник министра внутренних дел Колокольцева, отвечаю за продолжающееся реформирование МВД по всем направлениям. Я думаю, вы все прочтаете пособие Игоря Михайловича и Марины Валериановны. Оно будет полезно для учебного процесса. Но мы сегодня собрались (мы так редко сейчас собираемся, особенно в условиях пандемии) для того, чтобы действительно обсудить какие-то новые актуальные проблемы криминологии и вообще борьбы с преступностью, не только криминологические. Я внимательно посмотрел электронный вариант. Пособие полезное.

Я сейчас вижу современную организованную преступность, состоящую из двух основных блоков, которые, конечно, между собой переплетены. Первый блок — традиционный, такая архаика организованной преступности, которая здесь вся описана. Эта «архаика» в хорошем смысле слова, она никуда не делась, она никуда не денется, будут мафиозные структуры итальянские, латиноамериканские, будут постоянно возникать ОПГ у нас на территории страны и на всем пространстве СНГ, на территории бывшего Советского Союза. Но мы вступили в совершенно новую эру, когда все самые опасные виды организованной преступности уже находятся в цифровой сфере. Что бы мы

ни взяли: наркобизнес, незаконную миграцию, торговлю людьми, заказные убийства, крупное мошенничество — они все в киберпространстве, абсолютно все. У нас сейчас распространение наркотиков идет только через Даркнет, теневой Интернет, и других путей нет. Уже целое поколение детей, подростков приучили к тому, что они стали воплощать сложные разведывательные методы заклада и выемок, следят друг за другом, уходят от наблюдения правоохранительных органов. И все это через цифровой мир. Заказные убийства делаются только через цифру. Пандемия, которая возникла параллельно с развитием цифрового мира, все эти процессы еще усиливает. Сейчас очень правильный термин популяризирует Алексей Владимирович Круцких, представитель Президента по вопросам кибербезопасности и руководитель одного из крупнейших департаментов МИДа, — «киберпандемия». Это придумали французские ученые, но сейчас она все больше характеризует наш мир, и я считаю, это абсолютно правильная вещь — «киберпандемия», потому что киберпреступность развивается как эпидемия с нарастающей силой. Приведу простые цифры, чтобы все поняли, о чем я говорю.

Вот у нас коллеги из прокуратуры, из МВД, из Следственного комитета, и все говорят, что сохранили преступность на уровне, там все более или менее, все нормально. Да, общую преступность сохранили на уровне, там плюс-минус 1–2%, но с огромным количеством латентных преступлений, незаконных и отказных, несмотря ни на что. Но что творится с киберпреступностью? Она выросла в стране за год на 80%. Ее удельный вес увеличился так, как не увеличивался никогда. И это только самая верхушка айсберга — вот так. Какова реальная ситуация? Знаете, насколько в Санкт-Петербурге и Ленинградской области за год выросла киберпреступность? На 800%. В целом по стране — на 80%, а в Питере — на 800%, почему? Новое руководство пришло в ОВД, которое по обычной нашей «ментовской» специфике зарегистрировало все, что только можно, а там на 800%. Если бы у нас регистрировалась вся киберпреступность, все заявления по большому ущербу, которые поступают, то у нас был бы рост не 80%, а 800, 900, 1000% по стране. Мы в таком мире живем. И этим не занимаются одиночки, это целая система, транснационального характера, они сидят в Австралии, бомбят Америку, бомбят Россию. Россия бомбит Европу. Вот так все и переплетено. У них общие форумы, обмен информацией, подключены новейшие системы искусственного интеллекта. Сейчас уже появил-

ся новый вид преступности, мы называем это не «киберпреступность», а «криптопреступность», которая находится только внутри криптовалют. Это идет отмывание денег, основной признак организованной преступности, все идет только через криптовалюту везде, огромные объемы, триллионы в долларах.

Никто в нашей криминологии это явление серьезно не изучает. Да и вообще в мировой криминологии не изучают. Провал полный. Преступники господствуют сейчас полностью во всем мире.

Простой пример: вчера закончилось в Венском центре ООН обсуждение рекомендаций ООН по борьбе с киберпреступностью. Мы получили его в министерстве, посмотрели, и я говорю, что это такое. В 2013 г. было проведено исследование ООН по киберпреступности, потом целый год они разрабатывали разные документы, вышли на разработку рекомендаций и сейчас вот рекомендации. В этих рекомендациях в проекте (и вчера они были приняты) нет ни слова о криптовалюте, ни о передаче информации через 5G, 6G, ни об искусственном интеллекте, ни об умном городе, ни о каких категориях, которые реально волнуют сейчас человечество и что реально происходит. Поэтому ООН тоже провалилась, Совет Европы провалился, Евросоюз тоже провалился.

Мы в министерстве, исходя из такой критической ситуации, в 2019 г. провели коллегию, я предлагал создать киберполицию, которая создана во многих странах, но пошли на половинчатое решение: создали отделы в разных службах, а основная роль отведена Бюро специальных технических мероприятий. Я считаю, это кардинально неправильное решение, потому что Бюро специальных технических мероприятий – это совершенно секретная служба, которая должна проводить только оперативно-розыскные и секретные мероприятия, о которых никто не должен знать, в том числе и управление К, которое контролирует банки и киберпреступность. Должна быть открытая, мощная структура в министерстве или вообще самостоятельный правоохранный орган. Я знаю, сейчас правительство, администрация выходит на то, чтобы иметь самостоятельный орган. Иначе этот провал приведет уже к серьезным политическим последствиям. Я знаю только одну структуру сейчас, которая работает на уровне мировых стандартов и даже превышает их – это Центр киберзащиты Сбербанка. Многие ругают Грефа, не понимаю почему, если бы вы видели, что создал Сбербанк, это как космический центр.

Мы недавно на днях водили туда полицейских атташе 15 стран, аккредитованных при посоль-

стве, они были в шоке: ни в Европе, ни в США такого уровня, таких возможностей, таких центров киберзащиты не существует. Он охраняет не только Сбербанк, этот центр охраняет весь контур от кибернападений в стране, кроме военных, весь контур получает огромное количество информации. Сами проводят расследования, и что дальше? А дальше в правоохранных органах некому этим заниматься. У нас нет нормальных специалистов, у нас их единицы. Готовят их в Московском университете, готовят и в других. Но это все недостаточно, и готовят их по старым методикам. Беспокоят ли сейчас кого-либо перечисленные проблемы? Нет, никто этому не учит, нет преподавателей, нет методик, нет ничего, а у бандитов это все есть. В этой ситуации мы должны осознавать, что мы с вами обсуждаем дела минувших дней и что мы находимся в криминальном цифровом кризисе. Мы должны это понять, честно себе признаться и перестроить всю нашу учебную и научную работу.

Мы кое-что делаем: с Юрием Николаевичем Ждановым, бывшим начальником Университета МВД, он был членом Правительства, замминистра экономического развития, подготовили книгу «Киберполиция XXI века: международный опыт» под редакцией заместителя Грефа, Станислава Кузнецова. Она на русском и английском вышла. Она была презентована на прошлом Давосе, который был еще до пандемии, в январе 2020 года. Все члены секции кибербезопасности получили эту книгу. Потом она была презентована на Мюнхенской конференции по безопасности и сейчас в Киото на 14-м Конгрессе по оргпреступности. В ней в принципе осязаны все основные проблемы.

Вот эта совсем новая книга, опять мы со Ждановым и со Стасом Кузнецовым написали, но уже под редакцией Алексея Кудрина, председателя Счетной палаты, бывшего министра финансов, называется «COVID-19: преступность, кибербезопасность, общество и полиция». В ней охвачены все современные проблемы организованной преступности: и кибербезопасности, и цифрового контроля общества. Она тоже вышла на русском и английском языке. Первая мировая презентация будет в Сингапуре, на Давосе. Вы знаете, прошел Давос онлайн, где выступили руководители государств, в том числе, наш президент, а Давос обычный перенесен в Сингапур. В июне он будет, и там будет презентация вот этой книги от России, будет 500 экземпляров. Вот эти две книги, если кого интересует, у меня есть электронный вариант, могу всем интересующимся выслать.

Спасибо!

И.М. Мацкевич:

Попросил наших молодых коллег, они сейчас поприветствуют наших венгерских коллег, они тоже подключены.

Владимир Семенович говорил о Юрии Николаевиче Жданове — это президент российской секции Международной полицейской ассоциации. Юрий Николаевич Жданов — один из рецензентов этого пособия.

Александр Вячеславович Федоров, заместитель Председателя Следственного комитета, — для нас это в первую очередь коллега, ученый. Александр Вячеславович скажет несколько слов по проблематике нашего круглого стола.

А.В. Федоров:

Спасибо, Игорь Михайлович! Я бы хотел начать с предыдущей книги Игоря Михайловича. Это тоже учебное пособие, вышедшее недавно, — «Причины экономической преступности». И начинается эта книга со слов, зачитаю, чтобы точно процитировать: «Настоящее учебное пособие — непрочный корабль, на котором я предлагаю пуститься в опасное, но интересное путешествие в поисках бесценного клада, который хранится на неизвестном нам пока острове и называется кладом знаний».

Мне кажется, это прекрасное вступление подошло бы и к книге, которую Вы сегодня презентуете. После ознакомления с этим изданием в электронном виде действительно возникает желание присоединиться к путешествию автора, к поиску ответов на ряд вопросов, касающихся организованной преступности. Дискуссия, конечно, могла бы быть очень острой, живой, но, к сожалению, за последнее время ушли из жизни те, кто формировал, создавал фундамент учения об организованной преступности в нашей стране. К сожалению, уже не примет участия в обсуждении Азалия Ивановна Долгова. Но жизнь не стоит на месте, и будучи воодушевленным ярким выступлением Владимира Семеновича Овчинского, который очень четко и определенно высказался по поводу киберпреступности, я бы хотел отметить, что, когда мы говорим о киберпреступности применительно к организованной преступности, могу ошибаться, но мне кажется, мы говорим об определенном инструментарии, который активно использует организованная преступность.

А если вникнуть в сущность организованной преступности, в ее субъектный состав и говорить о понятии организованной преступности с позиции криминологии, то, наверное, есть одно упущение в современных исследованиях. Оно такое

стереотипное, я бы сказал, связано в определенной степени с какими-то сложившимися ранее взглядами на понятие организованной преступности, которое, кстати, Игорь Михайлович успешно пытается изменить. Я имею в виду следующий момент: когда мы говорим об организованной преступности, то всегда говорим о преступности коллективной, в которой участвует ряд субъектов, физических лиц.

Но при этом упускаем из вида, что в настоящее время у нас сформировалась преступность юридических лиц. И уже более чем в 80 странах мира это признано на уровне законодательства. И там установлена уголовная ответственность юридических лиц. К сожалению, просматривая электронный вариант пособия, конечно, трудно прочитать полностью в электронном виде, просматриваешь, упускаешь что-то, я не увидел акцента на этой составляющей организованной преступности, которая становится все более важной и актуальной. Скажу, почему это важно для нас — для РФ.

Мы сейчас переживаем период сложных социально-экономических преобразований, в эти периоды всегда активизируется организованная преступность. Если это еще совпадает с общемировыми тенденциями, то происходит определенная накладка, и всплеск активности организованной преступности еще выше. Так вот в этих условиях для нас крайне важно определиться с преступностью юридических лиц. Я уже сказал, что более чем в 80 странах это признано на уровне законодательства, установлена уголовная ответственность юридических лиц. Причем это касается и тех стран, которые, как и мы, переживают период сложных социально-экономических изменений, которые переживают перевод от социалистического строя к некоему новому строю, основанному на частной собственности, конкуренции и так далее.

Вот сейчас даже посмотрим на страны бывшего социалистического лагеря. Кстати, первым из этих стран уголовную ответственность юридических лиц ввел Китай, чтобы предотвратить влияние организованной преступности, в первую очередь коррупционной преступности, на процессы становления рыночной экономики.

Так давайте посмотрим, кто из бывших социалистических стран ввел такую ответственность? Начнем по кругу: Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния, все страны постъюгославского пространства, все государственные образования, их 10, включая частично признанные, Китай, Вьетнам, Монголия. Если посмотрим постсоветское пространство, то это Эстония, Латвия, Литва,

Украина, Молдавия, Грузия, Азербайджан – вот буквально недавно, Киргизия, члены ЕАЭС.

Что же получается, с чем мы остаемся? Почему у нас нет этой ответственности и почему у нас нет криминологических исследований преступности юридических лиц? С одной стороны, есть формальный повод – в УК РФ не написано, значит, таких субъектов преступления нет, а раз таких субъектов преступления нет, значит, нет вроде как преступности юридических лиц.

Но мы живем в реальном мире, и надо исходить не из того, что написано, а из того, что есть в нашей жизни. Наука, в том числе наука криминология, идет немного впереди нашего законодателя. Вот если говорить о законе, то он регулирует уже сложившиеся общественные отношения, есть определенные субъекты. Если говорить о науке, то она может прогнозировать развитие событий, указывать на формирующиеся новые общественные отношения, которые требуется урегулировать в том числе с помощью уголовного закона. А сейчас уголовный закон носит не только доказательный характер, он еще все больше и больше имеет регулирующий характер. Поэтому мне хотелось бы высказать долгие, хорошие пожелания авторам этого пособия. Еще хотел бы пожелать, чтобы они, когда будут в дальнейшем работать, дополнили это пособие разделом, который был бы связан с организованной преступностью юридических лиц, которая имеет место в нашей стране, противодействие которой требует выработки соответствующего законодательного инструментария. Всего Вам доброго и хорошего, поздравляю с выходом прекрасной книги.

И.М. Мацкевич:

Спасибо большое, Александр Вячеславович! Идем дальше. Я поддерживаю все, что Александр Вячеславович сказал. Естественно, много ссылок на нашу добрую коллегу, с которой мы очень тесно сотрудничали, Азалию Ивановну Долгову. Тем более что соавтор пособия, Марина Валериановна Королева, очень долго с ней совместно работала рука об руку, может быть, она в своем выступлении об этом скажет. У нас Азалия Ивановна выступала и на заседаниях Союза, интервью давала ребятам, которое можно найти на страницах журнала «Союз криминалистов и криминологов». Так что, конечно, мы будем ее всегда помнить. У нас следующие выступающие, я буду пока идти по тем, кто присутствует у нас в зале, потом будем предоставлять слово еще. Но я, кстати говоря, хотел бы еще представить немецких наших коллег. Так что профессору Уве Хелльманну большой привет, Саргису Терзьяну большой привет.

Следующий у нас – это Песков Анатолий Николаевич, тоже наш добрый коллега, заместитель председателя Международного союза юристов, с которым мы тоже очень много лет дружим.

А.Н. Песков:

Друзья мои, Требков Андрей Адамович, председатель нашего Международного союза, очень уважаемый человек, просил меня лично передать поздравления Королевой Марине Валериановне, Игорю Михайловичу, пожелать им творческих успехов.

Что представляет собой наш Союз, кто не знает? Он существует уже более 30 лет, основан на постсоветском пространстве. Много среди нас известных юристов, недавно к нам присоединился Блажеев Виктор Владимирович, стал членом Президиума Совета, и много-много других. Так исторически сложилось, что наш Союз был инициирован на территории бывшего Советского Союза, и ситуация была очень напряженной, очень сложной. Была поставлена задача создать комиссию по международному сотрудничеству, мы создали такую комиссию. Сейчас это оказалось очень сложным, потому что Россия сейчас непопулярная страна. По мнению наших западных коллег, требовалось гражданское мужество, чтобы дать добро на взаимодействие с нами, тем не менее мы создали эту комиссию. У нас 28 юристов из 20 стран мира. Это ведущие профессора ведущих университетов мира: США, Великобритании, Италии, Китая, Греции, Ирана и так далее. Создаем свои представительства в Швейцарии, Великобритании, Венгрии и других странах. Сейчас будем создавать представительство в ОАЭ, на Кипре и в ряде других европейских стран. Так что мы открыты для сотрудничества, с нами можно взаимодействовать. Мы призываем Союз криминалистов и криминологов с нами активно взаимодействовать, и, думаю, это будет взаимоприемлемо.

Не могу не сказать пару слов об организованной преступности, поскольку к ней по службе МВД РФ это имеет самое прямое значение. Вы знаете, я помню 90-е годы, я ушел из МВД, работал как раз в службе безопасности крупных коммерческих структур и наблюдал организованную преступность не изнутри, а рядом, будем так говорить. Я видел коррумпированных работников МВД, ФСБ, которые, прикрываясь оперативной необходимостью, на самом деле крышевали бандитов. Я видел очень крупных федеральных чиновников, которые имели неименные банковские карты, на которые они получали деньги каждый день. Я много чего видел и видел бандитов, кото-

рые вроде бы погибли, вроде бы находятся в местах лишения, а они живы, продолжают свою преступную деятельность. Вы знаете, это было страшное время, и я очень не хочу, чтобы оно возвратилось, а опасность и риски есть. И мы с вами, криминологи, не должны допустить этой ситуации.

Слава богу, ситуация меняется в лучшую сторону, Владимир Семенович детально об этом говорил, он действительно ситуацию хорошо знает. Но все-таки улучшения есть. У нас 10 лет назад регистрировалось приблизительно 25–30 тыс. преступлений организованной преступности. Сейчас около 6 000. В 2020 г. меньше. Если говорить о похищениях людей, то это где-то 25 тыс., по сравнению с девяностыми годами это ничего, потому что в 90-е годы каждый день машины взрывались, каждый день разборки, каждый день похищались люди, и это было страшно. Я помню, как ко мне приходит работник и говорит: «Мы не знаем, что делать с черными риелторами». Они запленили Москву, работают частным образом и убивают десятки тысяч людей, не обману вас. Люди погибли, исчезли, а завладели их недвижимостью бандиты. К тем временам возвращаться нельзя.

Все ли хорошо у нас с организованной преступностью сейчас, в данный момент? Не думаю, что все хорошо. Вот вы знаете, есть новая статья 2101 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии», много говорили, грузинский опыт, бандиты отсюда разбегутся, уедут. Возбудили 44 уголовных дела. Перед одним совещанием я зашел на сайт Верховного суда РФ. Есть такая учетная форма 10а, и там я посмотрел, сколько реально осуждено воров в законе. За 2019 г. и за первое полугодие 2020 г. ни один человек не осужден. Шум есть, много говорим, результатов никаких.

Главное управление по борьбе с организованной преступностью — его ликвидировали, нет организованной преступности. Я говорю: «Но она есть, она существует, она мимикрировала. Бандиты превратились в крупных банкиров, они депутаты, они занимают посты, живут в Италии, во Франции, авторитетные люди, а тут они управляют бизнесом в России».

Вы знаете, меня беспокоят некоторые моменты, связанные с возрождением преступности 90-х годов, которые мы сейчас наблюдаем. Выпуск стратегических товаров, в прошлом году Федеральная таможенная служба возбудила 800 уголовных дел по этому факту: сырье на 7 млрд рублей вывезено из России, в то время, когда такая напряженная международная обстановка, а есть вещи, которые меня просто удивляют как гражданина РФ — золото. В 2015 г. установлен легаль-

ный рекорд — вывезли 113 тонн золота, в 2020 г. за 9 месяцев вывезли 220 тонн золота. Подумайте: в самый сложный момент, когда стране нужно золото, когда другие страны приобретают золото, мы его вывозим легально. Вы знаете, у меня большие вопросы, как у криминолога, по поводу принятия таких решений. При этом 98% золота вывозится в Лондон, в банки Ротшильда. Это стратегический запас государства и, думаю, предмет будущих криминологических исследований.

Бандиты действуют везде: и в строительстве, и в ЖКХ, и, как говорил Владимир Семенович, в киберпространстве, в государственном оборонном заказе, при реализации национальных проектов.

Вот сейчас пандемия, где они сидят? В лекарствах. Сидят в алкоголе, потому что население его употребляет. Росрегулирование проводило в прошлом году проверки алкогольной продукции, половина фальсифицируется. Представляете теперь, какие напитки мы с вами употребляем — около половины фальсифицированы. Без организованной преступности совершать эти преступления невозможно.

И последнее: я не мог обойти ситуацию со спортом, поскольку я занимаюсь криминологическими исследованиями в сфере спорта. Честно скажу, и, может быть, кто-нибудь из вас знает: это очень криминализованная сфера деятельности, панкриминализованного сообщества.

Исторически с 90-х годов, вы помните эти качели, биржевые рынки, как эти бандиты, рекрутеры ходили. Ничего, кстати, не меняется. Сейчас они также присутствуют в организованной преступности, причем не только в нашей стране, но и в других странах. Мы наблюдаем эту тенденцию на международном уровне.

Приведу пример с Международной федерацией АИБА. Это Международная ассоциация бокса, возглавил ее некто Гафур Черный Рахимов. Он наркобарон, разыскивался Интерполом, находился в розыске. Он разыскивался, кстати, Минфином США, и все говорили: «Как же так, бандит, находящийся в розыске у Интерпола, становится руководителем федерации». Это все сейчас происходит, это не история. Международный олимпийский комитет с большим трудом его выставил за пределы этой федерации и до сих пор не разрешает Федерации бокса участвовать в летних Олимпийских играх в Японии, а бокс достаточно привлекательный вид спорта, представляете.

Что сейчас происходит? Еще более интересные события. Есть некто Кремлев, на самом деле его фамилия Войфулуев, он руководитель федерации нашего бокса, и теперь он стал руководи-

телем международной федерации бокса. Почему он стал? Потому что он обещал погасить долги из своих собственных денег, 16 млн долларов. Откуда он берет эти деньги? Никто не знает. Дважды судимый, разыскивался на самом деле за связь с организованным преступным сообществом. Представляете, какой скандал в международном спортивном мире нарастает. Что думают о нас, о России и о спорте, который существует в России. Эта история будет иметь продолжение.

Я заканчиваю, мои дорогие друзья. Я могу долго рассказывать про организованную преступность исходя из фактов, из практики.

Все-таки к вопросам сотрудничества. Чтобы бороться с преступностью в спорте, Международный союз юристов создал ассоциацию по защите прав спортсменов. И у нас там очень много криминологических исследований, и мы обсуждаем с западными коллегами состояние этих криминологических проблем. Обсуждаем активно. У нас есть предложения из Пекина, из Великобритании по проведению исследований в сфере прав человека. Проступают предложения из Саудовской Аравии участвовать в телевизионных передачах по криминологическим проблемам в разных видах спорта. Кто знает английский язык, у нас есть свой сайт Международной ассоциации по защите прав спортсменов. Мы рады вас всех приветствовать и взаимодействовать. Будем проводить конгресс в конце года, дай бог эта пандемия пройдет. Очень хотели, чтобы представители Университета Кутафина поучаствовали. Присоединяйтесь к нам!

Спасибо всем большое! Успехов! Всего доброго!

И.М. Мацкевич:

Спасибо еще раз Анатолию Николаевичу! Мы идем дальше. У нас по программе следующее выступление соавтора пособия, Королевой Марины Валериановны.

М.В. Королева:

Уважаемые коллеги, я считаю, говорить об организованной преступности сейчас с моей стороны было бы даже некорректно, потому что наши с Игорем Михайловичем идеи уже изложены в книге. Надеюсь, все посмотрите, почитаете. Сейчас мне хотелось бы остановиться на четырех важных моментах, как мне представляется, о пользе этой книги. В чем я вижу пользу этой книги?

Во-первых, Игорь Михайлович немножко уже упрекнул меня за традиционные, стандартные подходы. Я считаю, что все-таки ценность книги заключается в том, что она обобщает и систематизирует все уже наработанное в науке, посвященное организованной преступности: понятие используется, которое Азалия Ивановна давала

в своих работах, использована типология личности членов организованных преступных формирований Владимира Семеновича Овчинского, где описана профессиональная преступность, там, конечно, использованы материалы Гурова Александра Ивановича, о коррупции – Сергея Васильевича Максимова и так далее. Я считаю, что студенты должны знать основную теорию, уже давно наработанную в науке.

Второй момент, на который я бы хотела обратить внимание: достаточно много использовано эмпирического и статистического материала. Мы специально пошли на это не только для того, чтобы доказать цифрами, обосновать свою позицию, но и для того, чтобы такое обилие статистического материала позволило бы читателю найти что-то свое, какие-то свои новые выводы сделать из этих цифр, и такая возможность есть.

Третий момент, я считаю, благодаря Игорю Михайловичу Мацкевичу, моему любимому соавтору, мы приводим много нового и интересного, например, связанного с транснациональной преступностью, где описывается ее история, причины, причем здесь используется такой, я бы сказала, яркий, выразительный язык автора, который с интересом читается, должен понравиться читателям, потому что написано ярко, содержательно, интересно.

Четвертый момент: мне кажется, правильно была выбрана методика, такая, что в учебном пособии есть общая часть и специальная части, которые отдельно рассматривают отдельные виды организованной преступности, их связь между собой и с организованной преступностью. И это может быть полезно для изучения криминологических характеристик этой самой преступности. Отдельно мы еще выделили экономическую преступность, экстремизм, терроризм, незаконный оборот наркотиков, рецидивную, профессиональную преступность, об этом тоже в книге много говорится.

Завершая выступление, хотелось бы выразить надежду, что книга будет востребованной и у учащихся, и у аспирантов, и у преподавателей, и, надеюсь, ученых высокого уровня, профессионалов, которые имеют большой опыт научной работы. Конечно, как и у любой творческой работы, у книги есть недостатки, мы готовы выслушать рецензентов, послушать о наших недостатках, нам это будет интересно. Но сами мы о них говорить не будем. Как говорится: не говори о себе плохо, плохо о тебе другие скажут. Для нас самое важное и самое значимое – это внимание к нашей работе.

Спасибо!

И.М. Мацкевич:

Спасибо, Марина Валериановна! Прежде чем дать слово следующим выступающим, я хочу подчеркнуть, что у нас достаточно много наших представительств подключилось, это и Саратов, и Самара, и Нижний Новгород, и так далее. В том числе подключились наши зарубежные представительства, вижу Беларусь, Киргизстан, Германию, Азербайджан... 69 подключений. Всем большое спасибо! Всем большой привет.

Марина Валериановна уже сказала про рецензентов. На самом деле, одного я уже презентовал – Кудимов Александр Викторович, который в другой ипостаси сегодня выступал; один из них уже выступил – Юрий Николаевич Жданов.

Сейчас я бы хотел предоставить слово нашему дорогому Виталию Анатольевичу Номоконову. Он на связи, он подключился. Он также один из рецензентов пособия. Может быть, скажет не столько о пособии, сколько об организованной преступности в целом. Это Владивосток, там тоже были очень серьезные проблемы, наверное, они и остались. Тем более В.А. Номоконов – профессор, возглавляет очень много центров по исследованию организованной преступности.

В.А. Номоконов:

Надо сказать, что у нас в университете примерно в то же время, что и в вашем университете, появился и читается аналогичный спецкурс. Мне было очень приятно выступить рецензентом книги.

У нас этот курс появился, во-первых, потому что мы все понимали, что организованная преступность стала проблемой, а во-вторых, мы сделали небольшое пособие, оно было прочитано, после чего нам даже предложили зарубежный грант. И вот на зарубежный грант был открыт Центр по изучению организованной преступности при Юридическом институте ДВГУ, который действовал с 1997 г. почти 17 лет! Результаты наших исследований до сих пор используются в учебном процессе.

Но хотелось бы сейчас обратить внимание на существо проблемы. Конечно, никто из всех здесь присутствующих не будет оспаривать, что это проблема. И дело не только в новых проявлениях, киберпроявлениях, не только в деятельности юридических лиц, что очень верно. Обратите внимание, в прошлом месяце президент России провел совещание с членами Совета Безопасности на тему борьбы с организованной преступностью. На мой взгляд, самая большая трудность в решении проблемы – политизация этого явления.

К сожалению, организованная преступность, несмотря на высочайшую общественную опас-

ность, продолжает разрушительно действовать не только на экономику, а, прежде всего, на государство, оно как будто выталкивается. И дело не только в сращивании служащих со структурами организованной преступности, в целом устойчивой криминальной системе, «криминальному государству» не противостоит легальная система государственных мер. Я скажу больше, мне представляется, что руководители страны не только не проявляют так всеми ожидаемую политическую волю в борьбе с этим злом, но и не являются примером честности, скромности, неподкупности. Как говорил генерал Шебаршин Л.В., бывший начальник службы внешней разведки СССР: «Губят Россию грамотность без культуры, выпивка без закуски и власть без совести». Материалы СМИ, обличающие коррупционеров, лиц, связанных с криминалом, как мы видим, откровенно игнорируются, не становятся поводом для соответствующих проверок, возбуждения уголовных дел. Не сформирована государственная политика в этой области, которая направлена на противодействие организованной преступности, нет специализированного законодательства.

Хорошо известно, что организованная преступность – следствие системной деформации, как в целом социума, так и отдельных людей. Важно понимать, что воздействие на преступность вообще, и организованную в частности, должно носить системный характер, сюда должны входить не только правовые, не только специально-криминологические, но и политические, организационные, экономические, идеологические меры. Представляется поэтому, что назрела необходимость вырабатывать более широкий, глубокий государственный подход.

Главной проблемой является то, как мне представляется, что противодействие государства организованной преступности не затрагивает причин ее сохранения и активизации. А, в свою очередь, особенности детерминации организованной преступности определяются в значительной степени ее внутренней спецификой, современными тенденциями, степенью адекватности мер борьбы и, конечно, волей власти противостоять преступности в целом и отдельным видам в частности. И вот одна из таких тенденций – процесс сращивания преступников с властными правоохранительными органами. Лично мне представляется, что если вчера специфическим содержанием организованной преступности было сплочение преступного мира, то сегодня мы наблюдаем некий симбиоз криминалитета с властью, формирование некоего единого криминального пространства,

в котором не только совершаются организованные преступные действия, но и сами чиновники или правоохранители действуют противозаконно, даже подчас не прибегая к помощи криминальных авторитетов. Но, в свою очередь, криминал тратит немалые финансовые средства на подкуп, продвигая свои преступные намерения.

Специфика организованной преступности, как хорошо известно, определяется ее целевой направленностью на получение сверхдоходов, так как это своеобразная форма нелегального предпринимательства, и проникновением в высшие эшелоны управления государством и обществом. Поэтому там, где возникают зоны и возможности гарантированного и безнаказанного обогащения, там и тогда появляются представители ОПГ. Не случайно они появляются на территории крупных строек, внешнеэкономической деятельности, добычи ресурсов. Вот у нас на Дальнем Востоке лакомые кусочки — это лесной промысел, добыча морепродуктов, металлов, нефти, газа, импорт автотехники, интерес к масштабным вливаниям для организации проектов и так далее.

Сегодня затронули вопрос о сущности организованной преступности. Мне кажется, что сущность эта заключена в том, что организованная преступность — антипод и главный конкурент государства, который стремится в развитии вытеснить легальное государство, захватить власть. Вот это так называемое пресловутое «теневое государство» в заключительной фазе своего развития. Если сильное государство в состоянии минимизировать проявления организованной преступности, то слабое государство, наоборот, допускает ее деятельность, широко опирается на теневые структуры, криминализируется и, в конечном счете, разрушается. В результате теневое преступное государство замещает официально существующее. У нас этот тренд очевиден, он идет, об этом сегодня не говорили, поэтому я обращаю на это внимание.

Иначе говоря, основной особенностью детерминации организованной преступности является ее сильнейшая зависимость от состояния качества и силы государства. Слабое безответственное государство утрачивает способность поддерживать справедливость и закон, и впоследствии уподобляется обычной банде, становится как бы бандитской самоорганизацией общества, выстроенной на насилии. И главной причиной активности организованной преступности является слабость, а точнее, безответственность государства, некая дистрофия политической сферы общества, которая в ряде случаев организуется и поддерживается искусственно.

Вопрос: а почему же в нашей стране ослабло государство? Кстати говоря, появление у нас Росгвардии — не результат силы, а как раз признак слабости, уже нет уверенности, что существующими силами мы могли справиться. Официальная уголовная статистика, которая благоприятная, казалось бы, в силу высочайшей латентности проявлений организованной преступности фактически регистрирует лишь степень активности правоохранительных органов, нежели реальные тенденции. На фоне общего числа снижения всех зарегистрированных преступлений, преступления квалифицированные по ст. 210 УК РФ, например, за последние 10 лет выросли почти 2 раза: было 172 преступления, а в прошлом году — 322, это без учета новой ст. 2101 УК РФ, по которой в прошлом году было зарегистрировано 44 преступления. Кроме того, в 2008 г., когда в нашей стране была официально объявлена антикоррупционная политика, практически синхронно были расформированы подразделения по борьбе с организованной преступностью. Надо сказать, что через 5 лет, в 2013 г., я участвовал в работе круглого стола в Государственной думе, все сказали, что это ошибка, все сказали, что нужен закон. Где это все?

Это все произошло, с моей точки зрения, потому что в результате политического противостояния в 90-х годах у нас победила идеология буржуазного общества обогащения, при чем главным образом за чужой счет. Отмененная Конституцией 1993 г. государственная идеология на самом деле никуда не делась, она есть, только ее официально не объявляют. Государственный переворот 90-х годов и последовавшее за ним под ширмой приватизации разграбление страны мошенниками и коррупционерами были подготовлены исподволь новой идеологией, коммерческой деформацией общественного сознания, где только одна главная цель — личное обогащение. Многими умами владела идея продать или продаться подороже. Вы знаете, я вспоминаю одного человека, нашего бывшего ректора, как только Советский Союз рухнул, он как бы в шутку сказал: «Ну что, осталось продаться подороже». Вот и пошли продаваться. В итоге к власти пришли наиболее последовательные и решительные носители новой идеологии, подмявшие под себя впоследствии политическую, правовую и экономическую политику государства.

Декларируя общие принципы, прежде всего, занялись увеличением своего личного богатства, формированием круга приближенных и последователей, которым также позволялось начать накапливать свои богатства. Вот принцип обогащения негласно трансформируется в некую наци-

ональную идею. В литературе, сообщениях СМИ накапливается все больше фактов и источников, которые говорят о том, что у нас возник и усилился теневой субъект в политической сфере, который конкурирует с официальным государством. Вместо нормального государства у нас существует некая неофициальная система параллельных властных структур — теневое государство, которое является силовым инструментом обеспечения некоего теневого права — неформальной системы, регулирующей общественные отношения. Наличие теневого политической власти является очень серьезной проблемой, которая, прежде всего, как раз и множит организованную преступность.

Как мне представляется, модель политического устройства является у нас, к сожалению, и коррупциогенной, и криминогенной, поскольку она позволила и позволяет коррумпированным и незаконнослушным лицам, официально находящимся во власти или в тени, беспрепятственно продвигаться вверх, продолжать заниматься противоправной деятельностью. В результате мы видим небольшой слой сверхбогатых людей, которые считают себя элитой, диктуют государству, как жить и что делать. По итогу, у нас произошла приватизация не только собственности, но и идеологии, методов формирования общественного сознания, формирования законодательной базы и так далее.

У нас сегодня существует два бюджета: официальный и теневой, поскольку надо как-то легализовать отмывание денег. Превращают безналичные в наличные деньги, выводят в офшоры, в результате государство не просто стало зависеть от криминала, оно вынуждено уже само провоцировать криминальное проявление, чтобы продлить свое существование. В результате эта деформация с неизбежностью повлекла существенное социальное расслоение, а это, как мы знаем, главный социальный источник преступности и, в том числе, организованной.

Двадцать лет назад у нас появились первые долларовые миллиардеры, а сегодня их сотня. Надо сказать, что за последний год самые крутые наши миллиардеры серьезно увеличили свое состояние. Богатство, выведенное в офшоры, с 1990 по 2015 гг. составило 75% национального дохода страны, при этом половина населения живет на доходы ниже 25 тыс. рублей в месяц.

Со всей определенностью можно назвать политические, экономические, идеологические, социальные детерминанты развития организованной преступности, без устранения которых криминализация государства и рост организованной преступности будет и дальше продолжаться. Чтобы

остановить это, необходима срочная хирургическая операция. Дополнение в 2019 г. Уголовного кодекса РФ новой статьей 2101 к такой операции вряд ли может быть отнесено. В недавно вышедшей книге Скобликова П.А. очень хорошо об этом сказано: «Нужны гораздо более масштабные, глубокие, прежде всего, политические, правовые и организационные решения, при которых российское государство реально повернется лицом ко всем, а не только к избранным, и станет действительно социальным и правовым, как декларируется в Конституции РФ».

В отношении организованной преступности не снят с повестки дня вопрос о необходимости принятия федерального специализированного междисциплинарного, а не только уголовного закона.

Вот на этом, коллеги, я бы хотел закончить. Спасибо!

И.М. Мацкевич:

Спасибо, Виталий Анатольевич! Я немножко забежал вперед, но сегодня такой уникальный случай, когда практически все вице-президенты нашей организации Союза криминалистов и криминологов на месте, единственное, нет Владимира Евгеньевича, но Зайцев Олег Александрович на связи, и если есть у него возможность, то попросил бы его сказать несколько слов.

О.А. Зайцев:

Уважаемые друзья, уважаемые коллеги, большое спасибо!

Я приветствую всех участников круглого стола. Буду краток, очень рад был послушать выступление дорогих моих коллег, уважаемых ученых. Но свое время я хотел бы поделить с присутствующим на нашем мероприятии зарубежным ученым, а также руководителем наших представительств Союза криминалистов и криминологов. Игорь Михайлович, попрошу Вас. Потому что я вижу, что здесь присутствует Омрали Шакарапулы Жалаири, ректор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева, доктор наук, профессор, заслуженный деятель Казахстана, президент Криминологической Ассоциации Казахстана. Вижу профессора Хелльманна, других зарубежных ученых. Игорь Михайлович, убедительная просьба, если можно, то хотя бы пару слов для приветствия будьте добры.

И.М. Мацкевич:

Олег Александрович, я не понял, для приветствия кому? Мне или им? Нет, я думаю, что это сейчас будет достаточно сложно. Олег Александрович, есть у Вас еще что-то, что добавить? Мне, как я уже сказал, не очень хорошо видно участников, хотя уже называл и Казахстан, и Кыргызстан.

Так, давайте идти дальше, а то не сможем выполнить повестку дня. Действительно, у нас Кыргызстан, Казахстан, Беларусь присутствуют здесь, но мне всех участников не видно, поэтому, если я кого-то не назвал, то прошу меня простить. Мы потом в пресс-релизе обязательно всех укажем.

Следующий выступающий – Владимир Андреевич Гамза, Торгово-промышленная палата Российской Федерации, председатель Совета по финансово-промышленной и инвестиционной политике.

(Он вышел, скоро вернется.)

Давайте тогда время не терять, Романов Николай Александрович, пожалуйста. Заместитель президента Содружества выпускников аспирантуры ВШ КГБ СССР – адъюнктуры академии ФСБ РФ, доктор политических наук, профессор. Доклад называется «Организованная преступность и политический экстремизм».

Н.А. Романов:

Спасибо! Обозначенная тема выступления выходит за рамки предмета нашего сегодняшнего разговора. Но вместе с тем она характеризует многогранность, динамичность и, здесь невозможно не употребить этот термин, уникальность явления под названием организованная преступность.

Я помню, еще в 1991 г. на круглом столе, посвященном этой проблеме, Азалия Ивановна Долгова отметила, что организованная преступность установила монополию на отрасли промышленности и торговли, что она не знает государственных таможенных границ, вмешивается в национальную политику и политику государства в целом, что она стремится взять под контроль органы власти. Эта характеристика была дана в начале 90-х гг., сегодня, как мы видим, организованная преступность легализована, она прочна вошла во власть, имеет там крепкие, надежные позиции. Известная классическая формула чрезмерного накопления капитала требует выхода на властные структуры, взятия власти в свои руки для свободного и бесконтрольного распоряжения этим капиталом. Эта фраза на сегодняшний день, к сожалению, имеет реальную основу. Разумеется, под капиталом здесь имеются в виду материальные средства, нажитые криминальным путем.

Динамика развития событий в 90-е и последующие годы, изменения в обществе способствовали трансформации организованной преступности, расширению ее поля деятельности и активному проявлению в сфере политической борьбы.

Ранее бытовало мнение, что организованная преступность, ее лидеры аполитичны, что, кроме выгоды, корысти, у нее других мотивов нет. Одна-

ко сама жизнь, ее диалектические законы доказывают обратное, ложность этого утверждения. Наглядный пример – недавний арест по обвинению в коррупции губернатора Пензенской области, возглавлявшего антикоррупционную комиссию. Примеры с Фургалом, Улюкаевым говорят об оседании организованной преступности в структурах власти и ее связи с политикой.

Как известно, борьба за власть осуществляется с использованием насилия, даже мирное противостояние не исключает применения насильственных мер воздействия. Использование в политическом противоборстве силовых форм и методов вошло в понятие «политический экстремизм», который на сегодняшний день отражает одноименное социально-политическое явление. Каждый сложный масштабный процесс или явление имеют свои элементы, прежде всего, систему взглядов (идеологию), которая отражает различные политические, идеологические направления, начиная от анархических до национал-экстремистских. Второе, это явление имеет организационную структуру с присущими принципами подчинения, соподчинения, дробления акций, практику исполнения своих установок, достижения целей. Цель здесь извечно одна – захват, установление или использование власти в своих экономических, политических, социальных интересах.

Прорастанию политического экстремизма и его отдельных проявлений способствовал кризис в нашей стране, обвал экономики, огромное социальное неравенство, устойчивое снижение уровня жизни граждан. Эти и другие недостатки создают ту атмосферу, в которой люди зачастую не видят иного выхода, как выходить на улицы со своими требованиями и протестными лозунгами.

Сравнивая оба явления, организованную преступность и политический экстремизм, отмечая их относительную самостоятельность, следует подчеркнуть наличие у них взаимосвязи. На определенном этапе они как бы нуждаются друг в друге: организованная преступность – в увеличении масштабов антиобщественных действий, создании фона прикрытия, отвлечении внимания правоохранительных органов. В свою очередь, политический экстремизм нуждается в получении информации о финансовых потоках, проходящих через организованную преступность, привлечении криминальных элементов для проведения террористических актов и иных экстремистских действий.

Здесь происходит внешнее совпадение целей у одного и другого явления, прежде всего, это контроль за властными структурами, захват власти.

Правда, мотивы у них разные. У организованной преступности — проникновение во властные структуры и увеличение капитала, свободного, бесконтрольного распоряжения им, а у политического экстремизма, особенно у партий левого толка, этот захват власти ассоциируется со стремлением снизить противоречия в обществе, установить социальную справедливость, общественную ответственность на средства производства и, в конце концов, свою диктатуру.

Относительная взаимосвязь явлений организованной преступности и политического экстремизма больше характеризует их состояние в 90-е годы, когда происходила ломка государственного механизма, происходила смена формаций. Сегодня, когда организованная преступность, особенно ее верхние эшелоны, стали неотъемлемой частью властных структур, она не заинтересована в политических потрясениях, ей важно сохранить занятые ею позиции. В этом случае она может даже использовать приемы и методы политического экстремизма, но уже с другой стороны баррикад. На низовом уровне, где часто организованная преступность не достигла таких властных решений, эта связь с политическим экстремизмом, естественно, не исключается, она, конечно, присутствует. И вот так как раз подтверждается мысль об уникальности организованной преступности.

Изучение политического экстремизма как явления показывает, что он происходит на трех уровнях: индивидуальном, организационном и государственном. Естественно, деление условно, поскольку государственный предполагает организационную основу, но вместе с тем масштабы, наличие возможностей позволяют выделить этот вид в качестве отдельного, самостоятельного. Практика показывает, что экстремисты-одиночки представляют угрозу для здоровья и жизни людей, для системы правопорядка, для интересов безопасности государства. Сложно работать с такими категориями, их непредсказуемым поведением и конспирациями. Пример 1990 г. о стремлении Шмонова совершить террористический акт в отношении Горбачева М.С., который был выявлен в процессе покушения. Несомненно, среди этой категории есть немало психически неуравновешенных людей, это говорит о том, что психология экстремиста нуждается в отдельном тщательном и глубоком изучении.

Особой остроты политический экстремизм достигает на организационном уровне, особенно в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. Здесь сказывается утрата скрепляющих механизмов интеграции экономики

в советские время, отсутствие единой национальной культурной политики. Механизм проявления здесь очень прост: возникновение межтерриториальных, часто бытовых вопросов, разделение сфер влияния без контроля со стороны властных структур доходит до крайней степени накала с вовлечением значительного числа участников и перерастанием конфликта в межнациональное противостояние. Свежи в памяти примеры особенно на Северном Кавказе — Осетино-Ингушский, Кабардино-Балкарский и другие конфликты. Недавно произошедшие события в Нагорном Карабахе, которые унесли человеческие жизни, военный продолжающийся конфликт в Донбассе. Это все свидетельствует о том, что конфликты на межнациональной и межтерриториальной основе представляют серьезную угрозу не только межнациональным отношениям, но и в целом могут внести деструктивные элементы в политику государства в различных областях.

Вот интересно исследование ВЦИОМ. Так, по социологическим исследованиям, 62% граждан нашей страны считают, что межнациональные противоречия составляют угрозу системе безопасности, угрозу межнациональным отношениям. Причину происходящего 8,3% видят в естественных, исторически сложившихся отношениях на территории России, 9,7% считают их наследием СССР, более 50% указывают на доминирующую роль в этой сфере местных органов власти и около 20% возлагают вину на федеральные органы.

Также не менее остро они ощущаются в сфере межконфессиональных отношений. Мы сейчас видим свежие примеры из Ставрополя и других регионов, Нижегородской области. Правоохранительные органы вскрывают базы Исламского Государства (ИГИЛ), которые используют тактику обработки, вербовки своих членов, прежде всего, среди молодежи, студентов, в том числе и других религий.

Одним из объектов политического экстремизма является сфера культуры. Героизация преступников в книгах, на экранах толкает молодежь к подражанию и негативно сказывается на ее правосознании. Отражение в черном цвете исторического прошлого нашей страны искажает сознание граждан, особенно молодежи, лишает их исторических корней. Сравнение СССР с Гитлеровской Германией, обвинение руководства страны в совместном нападении на Польшу и, более того, в развязывании Второй мировой войны не может вызвать у молодого поколения уважения к нашей истории, к экономическим, культурным и социальным достижениям. В результате возни-

кает диспропорция восприятия нашего прошлого, теряется связь поколений, играющая огромную воспитательную роль. Особенно часто происходит спекуляция на теме патриотизма, нередко из уст верховных патриархов можно услышать ссылку на русского философа Ивана Ильина как пример патриотического отношения к стране. Но вместе с тем умалчивается, что Ильин был приверженцем фашизма, поддерживал связи с гитлеровской Германией в годы Великой Отечественной войны, этому есть документальное подтверждение. После разгрома гитлеровского фашизма он не изменил свои взгляды, продолжал поддержку его сторонников. Как такие примеры могут сказаться на воспитании молодых людей? Ответ очевиден.

На государственном уровне политический экстремизм осуществляют государства авторитарные. Примером являются США, которые пытаются силовым путем насадить свою политику, взяв под контроль население различных стран мира. Такие же примеры имелись, к сожалению, и у нас в практике. Я помню те события октября 1993 г., расстрел из танков Парламента, избиение ветеранов и других участников массовых праздничных шествий. В настоящее время нет такого силового противостояния, какое было характерно для начала 90-х годов, но тем не менее в обществе все резче выражается недовольство сложившейся ситуацией. Активисты используют различные лазейки в законодательстве, устраивают одиночные пикеты, часто запреты игнорируются, а также молодежь проводит различные протестные действия. Все мы свидетели того, что происходит в эти дни в Москве и в других городах.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» перечисляет составы преступлений, которые полностью можно отнести к формам политического экстремизма. Я не буду перечислять их полностью — это террористические акты, угроза государственным и общественным деятелям, представителям власти и их родственникам, захваты заложников и другие.

Из всего сказанного следует, что организованная преступность, политический экстремизм представляют собой социально-политическое явление, преследующее цели захвата, удержания и использования власти в своих интересах своими действиями. Что касается политического экстремизма, он представляет угрозу конституционному строю так же, как и организованная преступность, и борьба с ним является прерогативой не только правоохранительных органов, но и государства в целом. Принятие экономических, нравствен-

ных, политических и духовных мер может быть использовано как раз для локализации, снижения активности этих явлений.

Спасибо!

И.М. Мацкевич:

Владимир Андреевич, я уже анонсировал Ваш доклад, пожалуйста! Тема: «Организованная преступность в финансовой сфере».

В.А. Гамза:

Добрый день, уважаемые коллеги!

Я не буду рассказывать всю презентацию, потому что очень многие вещи, которые здесь изложены, сегодняшние спикеры уже рассказали: откуда взялась организованная преступность, которая у нас продолжает расцветать. Я хочу лишь сказать о своем мнении. Презентация будет в вашем распоряжении, каждый сможет ее посмотреть, оставляю.

Кто виноват в том, что сегодня случилось? Виноваты все. Виновато государство, которое ограбило свой народ, лишило денег, заморозило все обязательства государства перед населением. Вы знаете, что в соответствии с законом № 73-ФЗ 1995 г. на сегодняшний день долг государства (там изложены подсчеты долга государства по замороженным обязательствам) составляет более 500 млрд долларов? Каждый год Государственная дума переносит срок исполнения обязательств государства перед своим населением. Государство изъяло из общественной собственности принадлежащий всем людям огромный кусок самого сладкого актива в виде предприятий, которые добывают наши национальные богатства, и раздало назначенным олигархам, назначенным предпринимателям.

Совершенно очевидно, что государство виновато, оно довело население до нищенского состояния, и в результате в стране возник огромный рынок теневой экономики. И это не вина тех, кто в этом рынке тогда работал, это было просто условие выживания. Но этот рынок возник, он развивался, он жив на сегодняшний день. Государство ничего не сделало для того, чтобы вывести нормально по-человечески людей из этого рынка.

Любой предприниматель, если он сегодня начнет платить по полной программе все обязательные платежи, разорится. Он вынужден нарушать все свои обязательства перед государством только лишь потому, что иначе он разорится, это будет более 60% его дохода. Сегодня государство продолжает изымать из экономики огромный объем добавленной стоимости — около 40%. Соединенные Штаты — 32%, Китай — 21%. Ну как может бизнес развиваться в таких условиях? Он вынужден приспособливаться.

Виноват и бизнес в том, что случилось. Ну совершенно точно виноват. Потому что вместо того, чтобы изначально договориться с государством об определенных условиях и так далее, он стал быстро приспосабливаться к этой теневой экономике и построил бизнес, который живет и развивается в условиях теневой экономики.

Виноваты в том, что случилось, мы сами, общество. А чего они молчали все эти годы, когда у нас отнимали это все и раздавали назначенным? Мы молчали, занимались тем, что ездили в Турцию и закупали мешками товары, их привозили и продавали. Все мы виноваты.

Сегодня выйти из этой ситуации, в которой мы находимся, возможно только за счет нового соглашения, контракта государства, общества и бизнеса на основе консенсуса. Нужно подвести черту под этим диким капитализмом, который на сегодняшний день существует. И всем принять вину на себя, всем договориться об установлении дальше нормального, цивилизованного, рыночного, совершенно четко рыночного общества. Если мы этого не сделаем, то будем продолжать жить в этой парадигме, в которой живем, по одной простой причине — уже сложилась эта экосистема.

Я вам больше скажу, сейчас в стране нет ни одного совершеннолетнего человека, гражданина, который бы не совершал деяния, предусмотренного Уголовным кодексом. Ну ни одного нет! Давайте снимем очки и честно признаем это. Вы, когда приходите к знакомому врачу и даете ему в карман денежку, что делаете? Совершаете преступление. Когда приходите на рынок и платите вне кассы, вы что делаете? Совершаете преступление. Формально мы все живем в этой экосистеме. Если фундаментально не изменить, то ничего не изменится, мы будем продолжать жить в этой системе. Вот те, которые будут совершать в рамках этой экосистемы какие-то чрезвычайно выпадающие из общепринятых мер деяния, их будут ловить, тут 10 миллиардов украд, ну да, посадят. Но вы посмотрите откровенно, министр, заместители министров, губернатор, заместитель губернатора, уходя со своих должностей, сразу становятся крупнейшими предпринимателями. Вопрос: а где государство? Почему оно не спрашивает? Это означает, что все продолжают жить в этой экосистеме. И другого варианта нет.

Я не буду подробно останавливаться на всех вопросах, это займет очень много времени. Я чувствую, что мы уже в нем ограничены. Я хочу сказать, первое, что необходимо сделать, — государству понять, что другого варианта нет, нужен общественный консенсус, надо всем сесть за стол

переговоров и найти это решение. Совершенно точно, что первым делом государство должно вернуть гражданам эти 500 млрд долларов. И это сделать элементарно. Сегодня около 70% собственности в экономике принадлежит государству. Ну сделайте акционерное общество, положите туда акции Сбербанка, Газпрома, Роснефти и так далее и отдайте людям эти акции. Рассчитайтесь с людьми, и тогда появится право дальше требовать с людей нормального отношения к государству, к его требованиям. Прекратите изымать эти 40% из добавленной стоимости. Из-за этого ведь мы как государство развиваемся медленнее, чем средний уровень развития экономики мира — в полтора раза ниже! У нас не рост, у нас отставание, каждый год мы в полтора раза отстаем от мира.

Мы каждый год падаем на одно место в рейтинге по доходу на душу населения. По данным за прошлый год, у нас 51-е место по доходам на душу населения. У нас добавленная стоимость на душу населения в месяц 61 тысяча рублей. Отнимите отсюда 40%, которые изымает государство, у вас останется 36 тысяч рублей. Отнимите отсюда 15%, которые нормальный бизнес оставляет себе в качестве прибыли, у вас останется 24 тысячи рублей на душу населения в месяц. Все! Нет больше ни одной копейки! И если мы не переломим эту тенденцию развития относительного остального мира, мы еще больше утонем в этом криминале, коррупции, теневой экономике и так далее. Пора перестать кормить государство и всех остальных, примазавшихся к нему.

Вы знаете, какой объем государственного заказа по 44-му и 223-му федеральным законам? Около 25 трлн рублей. Вот где основа коррупции, теневой экономики, организованной преступности. Без кардинального и конституционального изменения ситуации и взаимоотношений общества, государства и бизнеса все останется на своих местах.

Спасибо!

И.М. Мацкевич:

Спасибо! Идем дальше, но перед этим я бы хотел сказать, что очень много заявок на получение электронной версии книги Владимира Семеновича Овчинского. Мы тогда аккумулируем заявки, Владимир Семенович, и я Вам перешлю эти адреса.

Коллеги, я еще хотел обратить внимание, что Николай Григорьевич Кадников, профессор, принес сборники своей традиционной конференции, которая ежегодно проходит в Рузе, Рузском областном филиале университета имени В.Я. Кикотя, их тоже можно забрать. Обращаю внимание,

что здесь две стопочки на краю лежат, два разных сборника.

И еще хотел сказать, очень важно. Сейчас одно промежуточное объявление и идем дальше. Проверьте, пожалуйста, профессор Дашков подключен? Потому что сейчас я попрошу его выступить. Но перед этим я хотел бы сказать, что сегодня день рождения у профессора Воронина Михаила Юрьевича, который здесь присутствует. Давайте его поздравим. Член нашего Союза, много лет работал в система МВД, полковник, криминолог, тоже знает проблемы организованной преступности не понаслышке.

Геннадий Владимирович Дашков у нас заявлен с докладом. Геннадий Владимирович, Вы нас слышите? Можете ответить? К сожалению, видимо, нет.

Тогда мы, уважаемые коллеги, движемся дальше. Олег Максимович Хлобустов здесь? Его нет.

Тогда у нас доклады исчерпаны, и мы переходим к выступлениям, поскольку мы с вами, уважаемые друзья, заседаем уже ровно два часа. Поэтому, если можно, я просил бы выступающих ограничиться в пределах 7 минут.

Еще раз говорю, что мы все выступления фиксируем, потом постараемся сделать выжимку, всем выступающим разошлем и опубликуем в журнале «Союз криминалистов и криминологов».

Первая среди выступающих у нас – Серебренникова Анна Валерьевна, пожалуйста, Вам слово. Доклад «Организованная преступность. Проблемы противодействия». Видимо, у нее проблемы со связью.

Следующая у нас – Татьяна Александровна Далгалы, Красноярский государственный аграрный университет. Есть ли она? Она тоже, к сожалению, отсутствует.

Тогда следующий – Дегтярев Максим Александрович, он у нас здесь. Я хотел бы сказать, что сегодня я вручил Максиму Александровичу карточку члена Союза. И в дополнение к этой карточке значок члена Союза тоже Вам вручаю.

М.А. Дегтярев:

Спасибо, Игорь Михайлович!

Я буду краток. Я представляю Астраханскую область, Астраханский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент. У меня тема очень новая, связана с организованной преступностью по той простой причине, что организованная преступность, к великому сожалению, пробралась и в избирательную систему России. Многие назначения, которые сейчас происходят в России через избирательную систему, оставляют желать лучшего по той про-

стой причине, что криминологический аспект организованной преступности в избирательной системе фактически не изучен. И многие депутаты, которые приходят якобы от народа, на самом деле приходят через организованные преступные элементы, в избирательном праве работают целые организованные кланы.

С изучением организованной преступности в избирательной системе вы сможете ознакомиться в статье, которая выйдет в журнале «Союз криминалистов и криминологов». В этой статье более детально расписана криминологическая составляющая организованной преступности в избирательной системе.

Спасибо!

И.М. Мацкевич:

Уважаемые коллеги, я предлагаю сейчас организационно решить, как мы движемся дальше. Следующая выступающая по программке – Мария Сергеевна Лаврентьева, доцент Российского государственного социального университета, она точно будет выступать. И хотел бы уточнить, из присутствующих у нас заявлены: Саламова Себила Якубовна. Вы будете выступать? Не будете. Шевелева Светлана Викторовна? Будете, хорошо. И для коллег, которые у нас на связи, чтобы не тратить время, кто хотел бы выступить, поднимите руку, мы зафиксируем и тогда предоставим вам слово. Пожалуйста, Мария Сергеевна Лаврентьева.

М.С. Лаврентьева:

Добрый день, уважаемые коллеги!

Спасибо, Игорь Михайлович, что пригласили выступить на таком значимом мероприятии. Поздравляю с презентацией Вашей прекрасной книги, надеюсь, что мне она тоже достанется.

А тема моего выступления – контрафактная продукция как объект экономической преступности.

Выбор темы совпал с моим образованием, так как первое мое образование – следственное, защищалась я по 14-ой специальности – это административное право. А потом стала специалистом в сфере интеллектуальной собственности, собрала все это воедино и поняла, что надо рассказывать о контрафактах.

Я не буду говорить много. В соответствии с Википедией, контрафакт – новый продукт, созданный на основе существующего оригинала с нарушением интеллектуальных прав. Мы прекрасно знаем, что, приходя в магазин, совершенно не понимаем, что мы покупаем: нормальную продукцию или контрафакт. Будем мы живы после того, как употребим эту еду, одежду, будут ли

здоровы наши дети, после того как они поиграют с какими-то китайскими игрушками, или все это опасно для нашей жизни?

Здесь на слайде вы видите типы контрафакта, но нас больше волнует второй – незаконное использование торговой марки, товарного знака, а это как раз и есть контрафакт.

Основным признаком контрафакта является отсутствие разрешительной документации от обладателя данного товарного знака. Если мы обратимся к Гражданскому кодексу Российской Федерации, то это статья 1515 четвертой части, где у нас дано определение контрафакта в части первой. В соответствии с этой же статьей 1515 ГК РФ, можно видеть, на что имеет право правообладатель именно по гражданскому праву.

Если взять Парижскую конвенцию, которая была заключена еще аж 20 марта 1883 г., то мы можем увидеть, во-первых, то, что, перечень всех объектов интеллектуальной собственности, на которые выдается патент, был расширен. И вот здесь есть как раз товарные знаки, о которых мы сегодня говорим. И сюда входят 174 государства, прошу обратить внимание, что и Китай, и Турция входят в Парижскую конвенцию. Несмотря на это, у нас 6 млрд долларов США неучтенной продукции выявляются в России ежегодно, по данным Российской газеты. То есть 6 млрд долларов США неучтенной продукции, с которой государство не получает налог.

Говоря о контрафактной продукции, следует дать оценку такому явлению, как незаконный оборот. Вся эта продукция, естественно, в незаконном обороте. По данным таможенной службы, более 10 млн единиц контрафактной продукции было выявлено ее сотрудниками за 2020 г.

Но мы прекрасно знаем, что есть у нас такое понятие, как импортозамещение. Соответственно, стало меньше товара идти из заграницы, но здесь контрафактной продукции стало гораздо больше.

Недавно пришли в магазин, и я увидела прекрасный пармезан, который стоил 3000 рублей за килограмм, и я думаю, возьму себе 100 граммов этого пармезана – бензин с керосином, наверное, были бы вкуснее того, что мы отведали дома. То есть взяли пармезан, товарный знак пармезан, а домой принесли бензин с керосином.

Кроме того, в последние годы в связи с активным ростом интернет-торговли у нас очень много неучтенной продукции, потому что через Интернет многие производители контрафактной продукции, обходя все, что только можно, предлагают нам какие-то определенные товары, которые являются контрафактными.

По данным ФТС, у нас ежегодно пересекает границу огромное количество неучтенного товара из Киргизии и Казахстана, что наносит серьезный ущерб государству. На слайде представлена доля фальсификата и контрафакта товара на разных рынках: легпром – 30%, одежда и обувь из кожи – 50%, топливный рынок – 30%, автопром – 20%, сельхозтехника – 30%.

Основными производителям поддельной и контрафактной продукции в мире является, конечно, Китай, в какой-то степени Турция, многие страны СНГ тоже этим занимаются.

Наиболее распространенным контрафактным товаром является обувь. Также отмечается, что даже если у фруктов есть свой бренд, он в некоторых случаях тоже подвергается копированию.

Я привела небольшие примеры, когда крупные брендовые компании, такие как Gucci, Kering и так далее, пытаются судить с китайскими фирмами, потому что они производят продукцию с их товарным знаком. Но, заходя вперед, скажу, что это все бесполезно. Перед тем, как готовиться к этой теме, я перечитала большое количество мнений разных ученых, которые сводятся все к одному: «Спасение утопающего – дело рук самого утопающего». Если производитель, владелец видит, что кто-то использует его товарный знак, то он должен сам инициировать гражданское судопроизводство и говорить о возмещении ущерба, но не более того.

У нас три вида ответственности: гражданская, административная и уголовная. Если говорить о гражданской, то, как мы уже сказали, это ст. 1515 ГК РФ с части 2 по 5. Если говорить об административной ответственности, то нас больше интересует ст. 14.10 КоАП РФ, тут мы видим, какие виды ответственности наступают, если нарушают закон. Что касается уголовной ответственности, то это ст. 180 УК РФ, которая называется «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)». Я хочу обратить внимание на то, что, во-первых, здесь есть квалифицирующий признак – совершение деяния организованной группой, то есть участие организованной преступности, а во-вторых, самое большое наказание – до 5 лет. Соответственно, если до 5 лет, то это не тяжкие и не особо тяжкие преступления, совершенные группой лиц. Потому что мы не можем себе представить, как один человек, может снять огромное помещение и организовать там производство, поэтому это всегда будет организованная группа.

Интерес к проблеме контрафакта обусловлен основными причинами. И я представила на слай-

де, что же является самой большой проблемой контрафакта и какой для экономики вред наносится контрафактами товарами. Ущерб, наносимый контрафактной продукцией: ущерб престижу страны, экономике государства (непоступление налоговых и иных платежей в бюджеты), ущерб здоровью потребителей, что, наверное, самое страшное, и ущерб владельцам прав на товарные знаки.

Как с этим бороться, если во всем мире существует эта проблема, очень сложно сказать. Но по ст. 180 УК РФ, я поднимала статистику, практически не возбуждаются уголовные дела, потому что владельцу товарного знака на много легче и проще решить этот вопрос в рамках гражданского судопроизводства, нежели возбуждать уголовное дело. Потом будет гражданский иск в уголовном процессе, и все это может затянуться на долгие-долгие годы.

По моему мнению, нужно, конечно, увеличить привлечение к уголовной ответственности лиц, занимающихся контрафактной продукцией, особенно если эта контрафактная продукция вредит здоровью граждан.

Спасибо большое!

И.М. Мацкевич:

Спасибо большое! Презентацию Марии Сергеевны мы всем разошлем.

У нас следующая ситуация, из всех желающих выступить – Светлана Викторовна Шевелева, желающих больше нет. Поэтому, если кто-то из присутствующих в пределах 5 минут хочет и будет готов выступить, то, пожалуйста, после Светланы Викторовны Шевелевой мы Вам дадим слово. Еще раз повторяю, что это именно реплики, поскольку мы заседаем уже больше двух часов.

С.В. Шевелева:

Все-таки, прежде чем перейти к той теме, которая была заявлена в ваших программках: «Новый статус А.У.Е. в свете решения высшей судебной инстанции», я хотела бы продолжить. Расскажу немного о своем опыте работы с контрафактной продукцией, то есть противодействия контрафактной продукции.

Сейчас, можно сказать, появилось новое направление – контрафактный экстремизм. Когда некие дельцы обращаются к индивидуальным предпринимателям с претензиями потенциального гражданского иска о возмещении определенного вреда в связи с использованием товарного знака, который принадлежит какой-нибудь американской компании, ну или все, что подальше, куда не добежишь, не дозвонишься и не уточнишь. Они предлагают некую доверенность: якобы дан-

ная компания доверяет представлять интересы на территории Российской Федерации, они делают веерную рассылку индивидуальным предпринимателям по конкретному городу. В Курске у нас была такая история, потом я мониторил это и по другим городам – то же самое происходило, по совершенно конкретному бренду, в частности это были куклы L.O.L. У кого дети маленькие есть, особенно девочки, знаете, что это такие шаррики, а внутри головастый такой пупсик. Вот эта кукла L.O.L. – это американский бренд, они делают веерную рассылку, ну и, простите за сленг, кто поведется. Они предъявляют претензию, а индивидуальные предприниматели не всегда юридически подкованы, и некоторые эту претензию удовлетворяют. Они вот такую дань собирают с города и дальше перемещаются. Это было в Курске, Белгороде, знаю, что это было в Саратове и в ряде других городов. Вот такой новый вид деятельности получается. И у меня было такое мнение, что если это дело дойдет до суда, и эта веерная рассылка закончится обращением в один из судов нашего города, то будут искать способы запроса у данной организации информации о том, на сколько они действительно правомочны представлять интересы этого бренда.

Ну а тема, как было уже заявлено, об относительно новом направлении. В 2020 г. Верховный суд признал молодежное движение А.У.Е., расшифровывается оно, по разным данным, как «арестантский уклад един» и другие смежные названия, экстремистской организацией. Это говорит о том, что сейчас все те действия, которые происходят под эгидой А.У.Е., должны признаваться преступлением в рамках тех составов, которые установлены Уголовным кодексом как экстремистские. Таким образом, мы попытались поставить юридический заслон тому направлению, о котором начали говорить в 2016 г., хотя появилось оно раньше. Собственно, толчок этой идее дал Президент РФ, когда на одном из обсуждений он попросил обратить особое внимание на эту проблему, реакция не заставила себя ждать, Верховный суд вынес такое решение. В настоящее время существует всего один приговор по А.У.Е. – в Екатеринбурге, ничего сверхъестественного я там для себя не почерпнула.

Но дальше история развивалась несколько в ином формате. Дело в том, что коль скоро организацию признают экстремистской, то мы понимаем, что и соответствующая практика должна появиться. Я знаю, что правоприменители в разных регионах пожимали плечами и не понимали, где этот водораздел искать. Мы все с вами пони-

маем, что у нас есть некое принятие тех традиций и ценностей, которые в принципе считаются отрицательными. Все мы с вами слышали музыку Круга и других шансонье, нормально относимся к различным наколкам на теле, вполне можем понимать, почему они сидят на корточках, мы нормально относимся к кличкам, которые даются друг другу – это все то, что демонстрирует А.У.Е. Более того, критики такого решения высказали совершенно справедливо, что это не организация, это движение. Там нет организатора, там нет как такового идеолога, поэтому А.У.Е. признавать организацией – условно невозможно.

Так как сейчас сложилась практика? Совершенно неожиданно. Это признание данной организации, назовем ее все-таки так, привело к тому, что сейчас все прокуратуры обращаются с административными исками в суды о запрете распространения информации в тех или иных пабликах, в следствии признания соответствующей информации, противоречащей закону. При чем я распечатала для иллюстрации абсолютно типовое решение: «Данное движение пропагандирует насилие, жестокость и антиобщественное поведение, ценности преступного мира, криминального образа поведения, возбуждение социальной розни, пропаганду исключительности и превосходства, приверженцев криминальной субкультуры, совершение преступлений по мотивам идеологической ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении сотрудников правоохранительных органов». Оказывается, мы нашли все-таки, почему это экстремистская организация, это не по религии, не по расе, не по этим четырем пунктам, которые там есть, а по пятому, идеологическому. Идеологический заключается в том, что А.У.Е. противопоставляет себя другой группе, именуемой сотрудниками правоохранительных органов.

Вот так вывернулась эта ситуация с точки зрения применения ее на практике. И вот таких решений, административных исков прокуроров сейчас очень много, и суды на этом основании признают такую информацию незаконной, дальше соответствующие веб-страницы, блокируются.

Теперь я обозначу вопрос, ответа на который не знаю, пока не готова дать на него какое-то свое умозаключение, просто предлагаю его на обсуждение. Если взять приговор в Екатеринбурге и сотни административных исков, где под копирунку история, почему в одном случае признается, что было совершено преступление, а в других случаях мы просто говорим, что эта информация незаконна, она подлежит блокировке со стороны Роскомнадзора и все, никого дальше не привлекают. То есть ситуация не получает дальнейшего своего юридического развития. Вот на таком вопросе я хотела бы закончить свое выступление.

Спасибо!

И.М. Мацкевич:

Спасибо!

Уважаемые друзья, мы завершаем свою работу. Я хочу всех поблагодарить, особенно тех, кто пришел, и не менее особенно тех, кто подключился и до сих пор находится на видеосвязи. Приглашаю коллег на чай на кафедру, также я приглашаю на чай тех, кто на видеосвязи, предлагаю им налить себе хорошего чая и выпить этот чай за наше общее здоровье.

Те, кто здесь присутствует, я обращаю внимание еще раз, что здесь есть сборники, которые можно совершенно безвозмездно забрать, и отдельно (я вручу коллегам) Александр Григорьевич Звягинцев презентовал свой журнал «Орден».

Огромное спасибо всем и до встречи!

Следите за объявлениями! До новых наших заседаний!

ИНТЕРВЬЮ

ИНТЕРВЬЮ С ЕЛЕНОЙ РАФАИЛОВНОЙ РОССИНСКОЙ, РОССИЙСКИМ УЧЕНЫМ-ЮРИСТОМ, СПЕЦИАЛИСТОМ В ОБЛАСТИ КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ, ДИРЕКТОРОМ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ МГЮА ИМ. О.Е. КУТАФИНА, ДОКТОРОМ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРОМ, ЗАСЛУЖЕННЫМ ДЕЯТЕЛЕМ НАУКИ РФ

Саламова Себила Якубовна,
Рашитханов Руслан Салихович,
Газиева Луиза Расуловна,
Чимизгина Дарья Алексеевна,
Селянкина Елизавета Андреевна

Цель: передача накопленного опыта и знаний. Московским криминологическим кабинетом МГЮА имени О.Е. Кутафина был организован ряд встреч студентов с известными учеными, внесшими серьезный вклад в развитие науки юриспруденции. Одна из таких встреч состоялась с российским ученым-юристом, специалистом в области криминалистики и судебной экспертизы, директором Института судебных экспертиз МГЮА им. О.Е. Кутафина, доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки РФ Е.Р. Россинской.

Методология: интервью.

Выводы. Интервью с Е.Р. Россинской, проведенное под началом руководителя Московского криминологического кабинета Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) С.Я. Саламовой студентами Института судебных экспертиз Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), позволило узнать интересные биографические факты ее жизни, трудности, с которыми она столкнулась во время учебы и работы, мнение о нынешнем состоянии судебной экспертизы. Были обсуждены многие другие важные и интересные вопросы. Студенты получили профессиональные советы, которые помогут им в учебе и в будущей практике.

Научная и практическая значимость. Результаты проведенного интервью могут быть использованы в учебном процессе при изучении судебной экспертизы и других наук юридического цикла в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: интервью, юридическое образование, судебная экспертиза, криминологический кабинет, наука, научные исследования.

Беседовали: Руководитель Московского криминологического кабинета Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Себила Якубовна Саламова, студенты 3-го и 4-го курса Института судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Руслан Рашитханов,

Луиза Газиева, Дарья Чимизгина, Елизавета Селянкина.

Елена Рафаиловна Россинская — советский и российский ученый-юрист, специалист в области криминалистики и судебной экспертизы, директор Института судебных экспертиз Москов-

ской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

В 1972 г. окончила Московский институт тонкой химической технологии имени М.В. Ломоносова. С 1979 г. — на практической и научной работе в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел, где занималась научными исследованиями в области судебной экспертизы веществ и материалов и пожарно-технической экспертизы, разработкой методик рентгеноанализа объектов судебных экспертиз. В 1989—2001 гг. — доцент и профессор кафедры криминалистики Московского юридического института МВД России. С 2001 г. — профессор кафедры криминалистики Московской государственной юридической академии, одновременно — научный руководитель направления по подготовке экспертов судебных инженерно-технических экспертиз (пожарно-технической, дорожно-транспортной, взрывотехнической, компьютерно-технической) в МГТУ им. Н.Э. Баумана. С 2005 г. — директор Института судебных экспертиз Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Сферу научных интересов Е.Р. Россинской составляют проблемы судебной экспертизы, преимущественно методы экспертного исследования. Она автор более 300 научных и учебно-методических работ (монографий, комментариев к законам, учебников, пособий, методических рекомендаций, статей, авторских свидетельств на изобретения).

Ею создана теория неразрушающих методов экспертного исследования и система методик исследования вещественных доказательств рентгеновскими методами; разработаны теоретические основы судебной компьютерно-технической экспертизы; исследованы проблемы оптимизации формы и содержания заключения эксперта с использованием современных инфор-

мационных технологий; сформулированы основные направления использования специальных знаний в гражданском и арбитражном процессе, производстве по делам об административных правонарушениях; разработана концепция обучения судебных экспертов (инженерно-технических, экономических и речеведческих экспертиз) в рамках высшего профессионального образования и концепция преподавания основ современного естествознания в юридических вузах, основанная на необходимости применения естественнонаучных знаний в решении задач следственной, экспертной, судебной практики, других областей.

Рашитханов Р.С.: Елена Рафаиловна, расскажите, пожалуйста, про Ваше детство и юность. Вы можете назвать их счастливыми?

Россинская Е.Р.: Я родилась в сорок девятом году, и этим все сказано. Детство, любое детство всегда счастливое. Папа мой вернулся с фронта и меня сумел «родить». Я была первым ребенком в семье. Мои родители, их знакомство — это такая романтическая история, они учились в одном классе. Мама провожала папу на фронт, когда его призвали в 1940 г., вот его портрет (указывает на портрет Р.С. Белкина) (*Рафаил Самуилович Белкин, советский и российский криминалист, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, генерал-майор милиции, заслуженный профессор Академии управления МВД России, почетный академик РАЕН*). Он выдающийся отечественный криминалист. Так вот, они вместе поступали в МЭИ, тогда это было модно: мама поступила, папу забрали в армию. Его послали на Дальний Восток, потому что боялись войны с Японией, поэтому в самом начале войны он не участвовал. Потом в октябре 1941 г. его перебросили в Москву, и в пехоте он прошел всю войну. Школу закончил политруком и параллельно военным корреспондентом дивизионной газеты «Фронт за Родину». Он брал Берлин и закончил войну на Эльбе. У него огромное количество

наград, о нем в журнале «Союз криминалистов и криминологов» вышла не одна статья. Родители после этого в 1946 г. поженились, и папа увез маму в Германию, где он тогда служил. Он очень хотел учиться и все-таки добился этого. Хотя он был кадровый офицер, майор, но его отпустили учиться в Военно-юридическую академию. Мои родители вернулись в Москву, где я и родилась. Жили мы очень трудно, тогда все жили трудно. Родилась я в Марьиной Роще по адресу 2-й проезд Марьиной Рощи. Сейчас это центр, тогда это была окраина, бандитская совершенно. У нас был двухэтажный дом, мы жили на первом этаже. Это был дом купца Фридмана постройки XIX в. От купца Фридмана там остался только какой-то кусочек семьи. Все остальные были подселены, как и мои дедушка с бабушкой, они там жили с 1922 г. Жили все в одной комнате, у нас была замечательная комната 24 квадратных метра, там было 6 человек. В том числе мой дедушка, который работал с Келдышем (*Мстислав Всеволодович Келдыш, советский ученый в области прикладной математики и механики, крупный организатор советской науки, один из идеологов советской космической программы*), занимался атомным проектом, был доктором химических наук. Жили очень просто.

Позже, после академии, папу отправили служить в Баку, и мы втроем уехали из этого дома на некоторое время под Баку, где папа работал следователем военной прокуратуры. Очень страшное время, не все было так просто после войны: басмачество, банды в горах. Папу несколько раз ранили. В 1955 г. родился мой брат, и меня отправили обратно к бабушке, а родители остались в Баку. Я ходила в азербайджанский детский сад и даже говорила по-азербайджански, но сейчас ничего, кроме «даншир Бақы», не помню. Это утром говорило радио: «Говорит Баку».

Дом у нас был очень специфический: кто-нибудь всегда сидел в тюрьме. У меня была лучшая подруга Наташа, у нее то дед сидел в тюрьме, то бабушка, потому что они работали на заводе-фабрике чулочно-носочных изделий Ногина, где они воровали по очереди то чулки, то носки. Время было такое, надевали по три пары носков и шли домой. Их ловили, на полгода сажали, потом выпускали. Но это были цветочки, потому что настоящие бандиты жили на втором этаже.

Туалет и водопровод были на улице, колонка зимой замерзала и надо было отбивать лед. Такой вот замечательный был дом, мы все так жили. В 1956 г. я пошла в школу, к тому времени мой отец уже вернулся и защитил кандидатскую диссертацию. Затем уволился из армии и поступил

работать в Высшую школу МВД. Но мы все равно продолжили жить все вместе в этой квартире. Моя бабушка тоже ушла на пенсию, она проходила по делу врачей, слава богу, с ней ничего не случилось. Ведь умер ее начальник, она в военном госпитале работала. Во время войны она была майором, затем подполковником медицинской службы и командовала челюстно-лицевым госпиталем, потом она работала в военной номерной поликлинике и госпитале, который находился на Петровке, на Петровском бульваре. В 1952 г. всех стали сажать по «Делу врачей» (*Уголовное дело против группы видных советских врачей, обвиняемых в заговоре и убийстве ряда советских лидеров*), поскольку мы евреи. Слава богу, обошлось. Ее не успели тронуть, потому что умер Сталин, но с работы ее выгнали. Однако она была замечательный стоматолог и поэтому принимала на дому, где у нас была ножная бормашина. А поскольку дом уже осел, окно у нас было на уровне тротуара, и пациенты ходили к бабушке через окно. В частности академик Зельдович (*Яков Борисович Зельдович, советский физик и физикохимик, академик АН СССР, доктор физико-математических наук, профессор, один из создателей атомной бомбы (1949) и водородной бомбы (1953) в СССР*) ходил к нам через окно, потому что соседи все время капали (доносили. — *Примеч. авт.*), что «вот она на дому принимает, это очень нехорошо». Весь Большой театр ходил к нам через окно, а мы, естественно, ходили в Большой театр. (*Все смеются.*) Да, контрамарки, вот так. Такая интересная была жизнь.

Тем не менее в нашем доме жили воры, бандиты. Их дети — ужас, какая была шпана. Но они ко мне относились очень хорошо, потому что я была своя. Тогда были жесткие законы. «Ленка с нашей улицы!». Вернее, меня звали Белка, потому что моя девичья фамилия Белкина, Лена меня никто не звал. Вон у меня белки, видите (*указывает на полку, где лежит множество игрушек и другой атрибутики с белками*), это наше семейное животное. Поэтому по нашей улице можно было ходить, и никто меня не трогал, гуляли вечером, даже ночью. Но нельзя было ходить, скажем, на Шереметьевскую, там была другая шпана. Такие были законы — Марьиная Роща.

Самое сильное воспоминание детства — смерть Сталина. Это я никогда не забуду. Потому что мой папа как раз приехал сдавать кандидатские экзамены. Он был майор, его поставили в оцепление. Они стояли, держали толпы людей. Он пришел домой весь в крови, одежда была разорвана в клочья. Вся его парадная шинель висела лохмотьями, фуражки вообще не было. Была жут-

кая толпа, и, естественно, мы туда не ходили, но вот это я помню, хотя мне было всего 4 года. Это было очень сильное воспоминание.

Мы, как и все, рыдали. Почему-то вся квартира рыдала, включая воров. Все как-то очень переживали, потом успокоились. В 1956 г. я пошла в школу, а в 1960 г. началась Хрущевская реконструкция. Поскольку дедушка у меня был доктор наук, и папа был к тому времени почти доктор наук, нам дали две квартиры. Дедушке дали маленькую однокомнатную квартиру на территории Курчатковского института. Это было очень забавно, потому что бабушку туда не пускали. Войти можно было только по пропуску. Она там жить не могла, и мы туда пройти не могли – режимный объект. Потом они эту квартиру сдали, и мы съехались и зажили все вместе. Мы получили квартиру на проспекте Вернадского, где метро тогда не было. Но в 1961 г. удалось эту квартиру на территории Курчатковского института отдать. Дедушка всю войну занимался атомным проектом – бериллием. Мы переехали и много лет жили в совершенно других условиях, получили квартиру на Ленинском проспекте, и я пошла в другую школу. Это был уже другой контингент и другая жизнь.

Самое сильное мое впечатление было – встреча космонавтов. Мы жили недалеко от гостиницы «Спутник», и я очень хорошо помню, как 12 апреля 1961 г. прибежали в класс и стали кричать: «Человек в космосе! Всех отпускаем!». Была такая хорошая погода, мы все вылетели на улицу. Видели потом, как они ехали на машине: по середине Хрущев на открой «Чайке» стоял. Мы, к сожалению, фотографировать не могли, не было фотоаппарата, но это очень сильные впечатления. Иногда показывают прямо этот кусок. Он ехал и одной рукой обнимал Гагарина, а другой – его жену. Стояли они в машине, а мы в них кидали цветы. Это было потрясающее впечатление. Ну а дальше я училась, школа была с химическим уклоном. Мне очень нравилась химия, правда, сначала математика. В 7–8 классе я ходила в университетский кружок на мехмате, потом я увлеклась химией и стала заниматься уже ею. Тогда у нас было практико-ориентированное обучение, которое сейчас опять пытаются вводить. Но мне немножко не повезло, потому что после Хрущева была реформа, когда пришел Брежнев. Вначале 11-летка, а потом опять сделали 10-летку, и я попала в эти ножницы. В 1966 г. было сразу два выпуска – 10-х и 11-х классов. Мы были десятый класс, а перед нами были те, которые закончили 11 классов. Был двойной выпуск, поэтому поступление в институт было очень сложное.

Я очень хотела поступить в МГУ на химфак, мечтала. Я была президентом школьного химического общества, на химфаке меня все знали, но меня тогда не приняли. Знали, что у меня была золотая медаль и я проходила практику в Институте органической химии, который был рядом с нашим домом на Ленинском проспекте. Я бредила химией, ведь тогда только начиналась хроматография, но меня не взяли. Потому что начались всякие арабо-израильские варианты, а декан факультета, господин Луценко, был жуткий антисемит. Несмотря на то, что у меня были все пятерки и я проходила по конкурсу, меня вызвали на собеседование и сказали: «Вы к нам не проходите по профилю». Мой папа надел все ордена и пошел ругаться. Он был член партии, убежденный коммунист, но он не понимал. Ему там объяснили.

В итоге я прорыдала какое-то количество времени, потом дедушка мне сказал: «Ну что ж ты плачешь, когда есть такой замечательный Институт тонких химических технологий имени М.В. Ломоносова, где ректор – Кирилл Андреевич Большаков, академик, который совершенно не антисемит. Иди туда, и тебя туда возьмут». И я пошла, опять сдала математику, и меня взяли. В нашей группе из 25 человек было 15 евреев, потому что он не боялся и брал. Но потом стало еще хуже, потому что в 1967 г. начался арабо-израильский конфликт. У нас был такой институт, куда брали, и мы учились у совершенно потрясающих преподавателей. Я до сих пор вспоминаю, что лекции нам читал академик Тананаев (*Иван Владимирович Тананаев, советский химик, специалист в области органической и аналитической химии, доктор химических наук, профессор, академик АН СССР и Российской академии наук*), и он же проводил лабораторную практику по неорганической химии. Было очень интересно.

У нас преподавал академик Алимарин (*Иван Павлович Алимарин, советский химик-аналитик, академик АН СССР, долгое время был признанным главой аналитической химии в России, внес большой вклад в постановку и развитие фундаментальных и прикладных исследований в этой области науки*). Совершенно замечательный был институт, блестящий. Но и группа наша не отставала. Достаточно сказать, что в нашей группе были только золотые медалисты. Но тогда отбор был такой, вдвое больше народу. До сих пор мы дружим, два академика, три члена-корреспондента, ну а я простой доктор. (*Все смеются.*)

Саламова С.Я.: Всего лишь директор института! (*Смеется.*)

Россинская Е.Р.: Да, потом я пошла на диплом, и это тоже было очень интересно. Я увлеклась рентгеноструктурным анализом, и кафедра направила меня на диплом в Институт элементоорганических соединений академии наук, который находился прямо во дворе нашего дома — очень удобно было. И руководителем моим был замечательный физик, профессор Китайгородский (*Александр Исаакович Китайгородский, советский физик-кристаллограф, популяризатор науки, доктор физико-математических наук, профессор, стал создателем нового направления в науке — структурной кристаллографии, а также автором метода атомных потенциалов и принципа плотной упаковки в молекулярных кристаллах*). Если вы знаете книгу Ландау и Китайгородского «Физика для всех», то это тот самый. Совершенно замечательный, он тогда занимался рентгеноструктурным анализом. У меня получился очень хороший диплом, достаточно сказать, что по Скопусу я до сих пор собираю очки именно за те статьи, которые были написаны тогда. Я делала диплом в соавторстве с еще двумя сотрудниками и защитила с отличием. Все прошло замечательно, и Китайгородский мне сказал: «Ты идешь в аспирантуру. Мы тебя отправляем в институт генетики». Институт генетики тогда только открылся. «Рентгеноструктурный анализ структуры ДНК будешь изучать», — говорит. Тогда даже вышла книга «Двойная спираль». А я ему отвечаю: «А меня не примут». — «Почему?» — «Потому что я еврейка». Он мне: «Не валяй дурака, я договорился с Несмеяновым». Несмеянов был президентом академии наук, но ничего не получилось (*Александр Николаевич Несмеянов, советский химик-органик, организатор науки, президент Академии наук СССР*). Потому что Несмеянов Несмеяновым, а кадры есть кадры. А тут профессор Гинзбург взял и уехал, остался в Израиле. Меня вызвали, всех распределили, а я уже в аспирантуру вроде как поступила, и мне говорят, что «вы нам не подходите, мы не можем вас принять, кадры не пропускают». Я говорю: «Как? Я комсомолка». «Нет и все», — не взяли меня. Я в страшном трансе была, и меня устроили в другое место, кстати, тоже удачно. Вообще, все было удачно, только все было нелегко. Меня отправили в режимный институт, почему-то туда евреям было можно — в закрытый. Назывался он Институт источников тока (*Всесоюзный научно-исследовательский институт источников тока (ВНИИТ)*), сейчас это называется НПО «Квант», который возглавлял академик Ледоренко. Попала я в отдел теоретической физики, а я была, вообще-то, физхимик. Но опять мне повезло, потому что там

были совершенно замечательные люди. Мне было очень трудно, так как мне не хватало знаний по физике, все-таки я химик, хотя и рентгеник, то есть физику твердых тел я знала.

Я начала там активно работать и практически написала диссертацию. Занимались мы тогда очень интересной проблемой. Была такая программа у американцев, она называлась СОИ — стратегическая оборонная инициатива. Они хотели из космоса стрелять в нас, а мы занимались несимметричным ответом. Сейчас про это можно рассказывать, потому что прошло столько лет. Мы разрабатывали практически лазерное оружие — высокоомощные короткоимпульсные лазеры на CO_2 , и вот я занималась как раз их созданием. У лазера есть некая модовая структура, это направление только начало развиваться, и я, поскольку я рентгеник, занималась созданием тонких пленок для детекции мощности лазерного излучения. Сдала экзамен по прямому преобразованию энергии, написала диссертацию и тут я вдруг решила родить ребенка, потому что я во время диплома вышла замуж за профессора Россинского, которого вы знаете. Я решила родить ребенка. А когда он родился, и через год я вышла на работу, то выяснилось, что лабораторию нашу закрыли. Начальник мой, профессор Поляков, использовал все мои данные, и не только мои, в своей докторской диссертации, установку забрали. А меня направляют по комсомольской путевке на работу в милицию, потому что это был 1978 г. — стали готовиться к проведению московской Олимпиады в сложных условиях. Тогда мы ввели войска в Афганистан, отношения СССР с западными странами были плохие, бойкот Олимпиады. И вообще решили усилиться. Тогда министром внутренних дел был Щелоков (*Николай Анисимович Щелоков, советский государственный деятель, с 1968 по 1982 гг. министр внутренних дел СССР*), который потом застрелился. Мы все его очень уважали, но я не хотела идти в милицию. Мне сказали, что я комсомолка, я ответила, что пока да. Мне сказали: «Либо ты идешь, либо ты уже потом никуда не попадешь». Путевка была комсомольская. Да у меня диссертация готовая? А ничего! И я пошла, соответственно, работать и не жалею. Папа мой сказал: «Не плачь, иди». Тогда была создана совершенно замечательная Центральная научно-исследовательская криминалистическая лаборатория МВД, где мы все работали, где был отличный коллектив. Начальник наш был профессор Волынский, ему было 40 лет, нам всем было до 30. Там были те люди, многие из которых работают со мной сейчас. Это был Сергей Степанович Самищенко

(едва ли не самый авторитетный отечественный специалист в области дактилоскопии, кандидат медицинских наук, доктор юридических наук, автор «Атласа необычных папиллярных узоров»), которого мы потеряли прошлым летом. Это был Евгений Николаевич Дмитриев, тоже мы с ним работали. Это В.И. Старовойтов, Л.М. Слепнева, Е.И. Галяшина, которая присоединилась попозже (но она моложе гораздо), у которой вы будете учиться. Так вот, была лаборатория, жизнь была очень интересная. Мы разрабатывали методики, меня отправили в отдел пожарно-технических, взрывотехнических экспертиз, и я занималась физическими методами. А дальше, в 1983 г., нашу лабораторию слили с лабораторией НИИ МВД, который находится на Поварской. Это уже была общая лаборатория, и там нами руководил А.М. Зинин. У нас с ним так интересно получилось, что сначала он был моим начальником, а теперь я его начальник. *(Все смеются.)* Мы с ним очень дружны.

Так вот, я занималась экспертизой много лет. Разработала целый ряд методик, написала кандидатскую диссертацию, родила под нее второго ребенка, который на 4 года моложе, чем Сергей Борисович *(Сергей Борисович Россинский, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии ИГП РАН)*. К сожалению, у нас таких декретов, как сейчас, тогда не было, помочь особо было некому, все работали, денег не было, няню нанять не могли. Свекровь была старенькая к тому времени, и, соответственно, мой младший ребенок пошел в ясли. Все перенес. Сергея Борисовича-то я из садика забрала, когда стала второго рожать, а младший прошел все уровни... *(подыскивает слово)*

Саламова С.Я.: Социализации?

Россинская Е.Р.: Да. Но тут опять неприятности. Я написала диссертацию, в 1984 г. вышла на защиту, но в это время пришел новый начальник — Игорь Иванович Карпец *(Игорь Иванович Карпец, советский и российский ученый-правовед, криминолог, доктор юридических наук, профессор; начальник Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел СССР (1969–1979), генерал-лейтенант милиции)*. Вы про него можете почитать, известный был специалист в области уголовного права, криминологии, он возглавлял НИИ МВД. Но он поссорился с тогдашним министром и с Андроповым, и не помню с кем еще. Андропов уже даже вроде умер, целая череда смертей была в советском руководстве. И Карпец ушел в институт, который теперь называется Академия Генеральной прокуратуры, а тогда назы-

вался Институт изучения проблем преступности, на Звенигородке. Вместо него пришел генерал Солопанов из ЦК КПСС, который в свое время очень повздорил с моим отцом. И он сказал, что я тут защищаться не буду. А я как раз уже диссертацию сдала в совет. Защититься мне не дали, мне начали угрожать, поскольку я в погонах, что в детскую комнату милиции работать отправят — «на землю». Никто меня защитить не смог, хотя мой руководитель В.А. Снитков был начальником Экспертно-криминалистического управления Советского Союза, но с этим Солопановым он связываться не стал категорически. Многие от него тогда пострадали. И меня не выпускали, я тихо сидела, потому что мне сказали, что иначе прибор продадут, а меня отправят «на землю», причем не в экспертное учреждение, а, как я уже сказала, в детскую комнату милиции: «Будешь сидеть с трудными подростками». Поплакала-поплакала и стала ждать, когда его наконец снимут. Ждала я долго, целых три года, а через три года пришел новый министр и началось. Потому что таких, как я, кого незаконно прижимали, было много. Он (Солопанов) очных аспирантов отправлял на практику адъюнктов, черт-те что творил. Об этом можно почитать, есть замечательная книга профессора Р.С. Белкина «История криминалистики», и об этом там написан кусочек.

Новый начальник тут же выпустил меня на защиту, но совета не было, надо было куда-то ехать. И я поехала в Киев. В Киевском университете была кафедра криминалистики с физическими методами, а у меня диссертация называлась «Комплексные криминалистические исследования с использованием рентгеновских методов анализа». Я поехала туда, в университет имени Тараса Шевченко, где я защищала кандидатскую диссертацию, очень удачно. В итоге я написала монографию, которую мне потом не отдали, но это отдельный разговор. Защитила диссертацию и отработала очень много лет с рентгеном, разработала много методик, об этом у меня на сайте написано.

А дальше я перешла на преподавательскую работу. Я заработала много лет рентгеновского стажа, который мне не позволяет больше с ним работать. Ведь там на открытом пучке все. Соответственно, пошла работать вначале старшим преподавателем, потом доцентом в замечательное учебное заведение, которое находилось на Малом Ивановском переулке, во Всесоюзную заочную юридическую школу, потом ЮИ МВД, параллельно пришла сюда (МГЮА). Там были заочники, а мне хотелось учить дневных студентов тоже. А поскольку я в МГЮА оппонировала периоди-

чески, то Олег Емельянович, который тогда был гораздо более доступен, говорил со мной об этом. Тут открывались сначала вечерние группы, потом дневная. Я мечтала, чтобы Сергей Борисович тут учился. И я пришла сюда работать на полставки, кроме того, надо учесть, какие это были годы. Тогда зарплату не платили. Здесь зарплату тоже не платили, но тем не менее я начала здесь работать. У нас, конечно, был совершенно блестящий состав. Кстати, половина наших профессоров пришли именно в это время.

Т.Н. Радько, мой бывший начальник, возглавлял Управление учебных заведений и научных учреждений, мы на одном этаже с ним сидели. Профессор Зорькин, который сейчас возглавляет Конституционный суд, в свое время был аспирантом, принимал у меня экзамен по ТПП. Была комиссия. У меня ведь не было юридического образования, и я сдавала экзамен. Нас направили сразу резко в МГУ, чтобы мы за три года получили второе высшее образование. Но когда Щелокова убрали, то это дело прекратили, и мы, проучившись 2,5 года, дошли до диплома, но его не получили, потому что перестали учиться, но мы фактически закончили. Когда я стала защищать диссертацию, надо было сдавать, ведь я не юрист. Наши кадры пишут, что я до сих пор химик, хотя это давно уже не так. Я сдавала экзамен в Академии управления, там была огромная комиссия. Тогда все было серьезно, и Зорькин был в этой комиссии. Молодой тогда был, работал там. У нас работал со мной вместе в диссертационном совете Витрук (*Николай Васильевич Витрук, российский юрист и государственный деятель, судья Конституционного суда Российской Федерации в отставке*). Сидели также творцы нашего УК – Шишов и Ляпунов, Аванесов, который с кафедры криминологии, знаете, кто он.

Саламова С.Я.: Конечно.

Россинская Е.Р.: Замечательный был человек, он у нас возглавлял диссертационный совет. Профессор Ветров – тоже светило уголовного права, мне в этом плане повезло. Я работала с такими замечательными людьми. Когда я докторскую защищала, я ее очень быстро защитила. Я ее защитила по совокупности работ, потому что я написала столько монографий за это время, что в 1993 г. было решено, чтобы я защищалась по совокупности работ, Зинин тоже по совокупности защищался. Сейчас это тоже можно.

Саламова С.Я.: Сейчас ведь нам предлагают отказаться от докторских диссертаций.

Россинская Е.Р.: Я член Международной ассоциации идентификации. Они нас приглашали,

приучали. Я бесплатно ездила в ФБР, и у меня есть диплом, что я могу там работать без всяких экзаменов экспертом. Мы ездили в конце 90-х, и я получаю журнал до сих пор. Приглашали на все конференции, гостиницу оплачивали. Очень они с нами дружить хотели тогда, а как только мы чуть-чуть голову подняли – все. Последняя моя статья в «скопусовском» журнале «International association for identification». На основе номеров этого журнала для вас (студентов Института судебных экспертиз) сделали учебник, я отдала выпуски этого журнала Фокиной и Ивановой-Холодной (преподаватели иностранных языков в МГЮА). Я и сам журнал до сих пор получаю, плачу членский взнос – 80 долларов. Но статьи перестали печатать с 2012 г. А в 2013 г. вышла моя статья за чужой подписью, я как раз была с мужем в Калифорнии, в круизе. Я пошла к их президенту, в Беверли-Хиллз. Его не было, я пошла к вице-президенту. Она меня приняла. Я говорю: «У меня проблема, я послала в журнал статью, а вместо этого я нашла свою статью за подписью совсем другого человека с русскоязычной фамилией». Мне отвечают: «Этого не может быть. Вы понимаете, мы не отвечаем за политику журнала. Идите в суд». Я говорю им: «Как вы себе это представляете?». Они говорят: «Вы же приехали в Калифорнию». Я говорю: «Да, но мы садимся сейчас на теплоход Princess Cruises. В круиз плывем по Панамскому каналу. Еще судиться оттуда? Я в Москве ведь». Лучше другую статью напишу, но с тех пор все, что я писала два раза, – неактуально, не берут. Хотя вот сейчас вроде вышла статья.

Саламова С.Я.: Ребята просто еще не знают, они с этим не сталкивались.

Россинская Е.Р.: Это глупость, это выжимание денег. По совокупности работ мы защищались по монографиям! Вот такая большая стопка монографий! Это нормальные правила.

Саламова С.Я.: Это совершенно другая ситуация.

Россинская Е.Р.: У меня в совете были Витрук, Зорькин, Ковалев, будущий министр юстиции, который потом в бане с девочками... Помните историю? Тоже очень талантливый был процессуалист, но слаб был по части женского пола. Ну не виноват он!

Россинская Е.Р.: Они власть получили, и вот сразу. У нас ему даже кафедру не давали, а тут сразу стал министром юстиции. Вот такая интересная история. А потом я много лет преподавала, кого я только не учила. Вообще, много кого из тех, кто в МГЮА работает, я учила. Полно народу!

Саламова С.Я.: Даже в этой аудитории... *(Все смеются.)*

Россинская Е.Р.: Вас я уже здесь учила. Диму Кутафина я учила, кстати, тогда была замечательная группа. Я их всех учила. Несмотря на то, что это была первая международно-правовая группа, они так хорошо занимались криминалистикой. И до сих пор я здесь работаю. Когда решили объединять университет МВД, соединять в несколько вузов (Кикоть В.Я. решил соединить все), то мне это не захотелось ездить на Волгина, и вообще, я 25 лет уже выслужила с учетом института. Пришла сюда оппонировать на диссертационный совет, и Олег Емельянович сказал мне: «Ты чего там сидишь? Хватит тебе там сидеть». Я говорю ему, что сына моего сюда не взяли, потому что группа первая была, я то хотела, чтобы он здесь учился. Он сам не захотел. Сергей Борисович учился в школе при МГЮА на Гороховском переулке. Но потом, когда выяснилось, что всего одна дневная группа и там настолько все блатные, он сказал: «Я туда не пойду». Он учился в Институте МВД и стал следователем. Работал по специальности. У него уже совсем другая история. Но потом он все-таки пришел сюда, но это было очень нескоро. Олег Емельянович сказал: «Вот ты сидишь в МВД, так и будешь профессором сидеть. Ты мечтаешь создать Институт судебных экспертиз, ты уже в Бауманском это сделала, почему бы не сделать здесь?» И я пришла.

Саламова С.Я.: Пришли за мечтой и воплотили ее.

Россинская Е.Р.: Олег Емельянович мне все дал. Но тогда были проблемы, никто не понимал, что такое экспертизы. «Что она сюда лезет», — говорили они. Ну и на этом Шахрезада закончила дозволенные речи. Хватит. *(Все смеются.)* Дальше будем коротко отвечать на вопросы.

Газиева Л.Р.: Какую роль в становлении Вас как профессионала сыграл ваш отец, Белкин Рафаил Самуилович?

Россинская Е.Р.: Это очень сложный вопрос, потому что мой отец с самого начала, когда я закончила институт и когда меня никуда не брали, сказал: «Ты должна идти в экспертизу, не в милицию, а в миноб». Тогда это называлось Всесоюзный институт судебных экспертиз, возглавлял его профессор Шляпов. И меня бы туда с удовольствием взяли, потому что у меня было хорошее образование. Там была соответствующая аппаратура, но я сказала: «Ни за что! Я не пойду, я химик!» *(Все смеются.)* Это была первая итерация. Когда меня стали в милицию записывать, сначала на Петровку, а потом в Центральную криминали-

стическую лабораторию, то он фактически утирал мне слезы и говорил: «Ничего страшного. Тебе понравится». И действительно мне понравилось. Ну а дальше, когда я уже разобралась, начала вникать в профессию и написала кандидатскую диссертацию, так получилось, надо сказать, что мой отец: у него никогда не возникало желания почитать, что я пишу. Потом начал читать только, когда уже не диссертация была. Статьи он мои никогда не хотел читать, ему всегда было некогда, у него были свои ученики.

У него была совершенно замечательная библиотека. Я варилась в этом и имела совершенно бесценную возможность еще в детстве общаться с выдающимися криминалистами. И я это все потом вспоминала. Потому что на Новый год у нас собирались такие выдающиеся ученые, как профессора Гребельский, Зуйков, Якубович. Вы даже, может, эти фамилии не все знаете. Я не говорю уже про Строговича (*Михаил Соломонович Строгович, советский правовед, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР*), Винберга (*Абрам Ильич Винберг, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, один из ведущих отечественных криминалистов; руководил Центральной криминалистической лабораторией ВИЮН МЮ СССР, инициатор разработки одорологического метода в криминалистике, автор концепции судебной экспертологии*), Рощер, Грановский. И когда я, наконец, поняла, что это моя профессия и что я их всех знаю, читаю их книги, для меня это было очень важно.

То есть я себе представляла этих людей, которых я, в общем, с детства знала. Но я знала не про то, какие они профессионалы. Я знала то, что жена профессора Пеньковского не дает ему есть пирожные, и в таком духе. *(Все смеются.)* Много интересного про них знала, и тут вдруг я узнала, что я вращалась в кругу сливок юриспруденции, уголовного права, уголовного процесса и так далее. Знала их действительно, это было здорово очень. Но сказать, что это оказало большое влияние на мою научную деятельность, я не могу. Но вот эта атмосфера, да. Когда я доросла до такого уровня, что мой отец стал со мной общаться на равных, вот тогда (я уже защитила докторскую) самое интересное началось. Как у меня сейчас с моим сыном, когда можем вести научные дискуссии и убеждать в чем-то друг друга. Например, я проповедовала, что криминалистика — юридическая наука, но не правовая, а синтетической природы. Рафаил Самуилович со мной спорил, что это чисто юридическая наука, а потом он передумал и в своих последних трудах стал писать, что криминалисти-

ка — наука хоть и юридическая, но синтетической природы. Так же, как и криминология — наука не правовая, а юридическая, даже, точнее сказать, синтетическая. Но сейчас это никого не пугает, потому что мы живем в эпоху интеграции знаний. Тридцать же лет назад это была такая фронда! Но мне удалось его убедить после долгих дискуссий.

Теперь уже мой сын, очень неплохой процессуалист, ведет со мной научные споры, и во многом я с ним согласна. Например, нужно ли вводить статью о комплексной экспертизе в процессуальное законодательство, или это понятие не процессуальное, а гносеологическое.

Чимизгина Д.А.: Как совмещать научную деятельность и семью?

Россинская Е.Р.: Когда у человека нет свободного времени, то все спрессовывается и приходится быть активным. Надо еще учесть, что мы жили непросто: родители мужа были глубоко пожилыми, больными людьми и жили с нами, помощи никакой не было, да и просто время сложное выпало. Чтобы просто одеть детей, нужно было приложить немало усилий: как-то я шесть часов стояла в очереди в ГУМе за детским комбинезончиком, и он мне не достался. Поэтому у меня была вязальная машина, и ночами после работы я еще вязала детям вещи, ночью я также писала диссертацию, работала на кухне. Не спала подолгу, тогда много проблем было. Далее у мужа даже были проблемы с работой, он, один из самых известных административистов (*специалист в области административного права. — Примеч. авт.*), уже думал пойти работать в школу, потому что детей почти нечем уже было кормить.

Что касается детей, то в вопросах воспитания было легко, мне вообще повезло с семьей. Но что касается воспитания, то, я думаю, очень важен личный пример. Например, мы с мужем никогда не ссорились. Сын даже как-то пришел из школы и говорит: «Мам, вы с папой — удивительное явление. Потому что у нас в классе у всех родители развелись уже, а у меня нет».

Я думаю, если люди любят друг друга и работают, то бывает легче. Трудности бывают разные, и я многое пережила, но это ведь жизнь, и надо работать — это самое главное. Знаете, когда собирается наша университетская группа, то я вижу, что только те, кто еще работает и нашел себя в этой жизни, те еще как-то смотрятся и держатся. Понятно, да? Рецептов тут нет.

Селянкина Е.А.: Сейчас часто обсуждается вопрос о гендерных стереотипах и связанных с ними преградах, с которыми женщина сталкивается в своей профессиональной деятельности. На

основе этого даже возникают феминистические движения. Приходилось ли вам переживать что-то подобное?

Россинская Е.Р.: Я категорически против феминистических движений. Я не феминистка. А преграды, конечно, были. Женщине всегда и в любом обществе трудно пробиться, и никакой феминизм тут не поможет. Во-первых, потому что у женщины есть ряд задач, которых у мужчин нет и быть не может. Например, быть матерью. Во-вторых, женщина должна быть женщиной, а мужчина — мужчиной. Это гарантия стабильности общества. Ведь только пока мы чувствуем себя женщинами, нас будут уважать. А борьба за права — это совершенно не то, не может быть равных прав у женщин и мужчин, потому что они не одинаковы как физически, так и в другом. Вообще, бороться бесполезно. Человека перевоспитать нельзя — ни мужчину, ни женщину, его можно только принять.

Женщины добиваются своих прав постепенно, но есть ряд сфер, для которых мужчина просто лучше приспособлен. Например, государственная служба, так как у мужчины больше для этого времени — ему не нужно рожать детей. А женщина, которая не имеет детей, — несчастная женщина. Она, может быть, и не хочет, она просто не знает, что это такое. Спросите у меня, какой самый счастливый день в вашей жизни, и я скажу — когда мне дали на руки моего первого ребенка. И никакая диссертация с этим счастьем не сравнится. Женщина не должна конкурировать с мужчиной — это смерть для общества, между ними должно быть уважение и понимание.

Вот у меня случай был, классический пример. Когда я шла защищать диссертацию, мне начальник говорил: «Елена Рафаиловна, вы почему парадную форму не надеваете?» А ему отвечаю, что на мне не сходится, потому что я беременна. Он говорит: «Елена Рафаиловна, ну как это так?» А я: «Я что — не женщина?» — «Вы не женщина, вы старший лейтенант». (*Все смеются.*)

Женщины вообще обделяют себя и становятся не женщинами, а функциями, и это грустно. Вот Тэтчер была женщиной.

Думаете, со мной просто жить — жена-профессор? Нет, тяжело, так же, как и в коллективе. И мы с мужем спорим, но вместе уже 50 лет, потому что он меня уважает. Уважает не за то, что я доктор наук, а просто как человека, поэтому мы и отметили в этом году пятьдесят лет со дня знакомства.

Рашитханов Р.С.: Вы столько раз меняли сферу деятельности и везде преуспели, есть ли у Вас какой-то рецепт профессионального успеха?

Россинская Е.Р.: Вы знаете, я человек довольно увлекающийся. Я постоянно сравниваю себя со своим мужем, который однозначно более глубокий ученый, чем я. Я поверхностнее, но у меня больше идей. У меня так получается по жизни, что я много сменила направлений своей профессиональной активности, потому что я человек увлекающийся. Я много всего написала, даже про тушь и губную помаду в криминалистике. Я участвовала в создании экспертологии — науки, которой 40 лет, считайте.

Сейчас мне интересно совсем новое направление — цифровизация экспертно-криминалистической деятельности. К сожалению, компьютерные преступления в наше время очень разнообразны, но в криминалистике об этом почти ничего нет и очень мало в криминологии. Поэтому в соавторстве с экспертом из «Лаборатории Касперского» мы занимаемся таким интересным проектом. Следующий этап — цифровизация судебно-экспертной деятельности. Мне кажется, что в науке важно движение, потому что только новые идеи и двигают ее вперед.

Селянкина Е.А.: Новые виды экспертизы все продолжают появляться, но будут ли они вводиться в рамках Института судебных экспертиз?

Россинская Е.Р.: Когда мы создавали стандарт подготовки, выбрали пять направлений, по которым мы знаем, как готовить студентов комплексно, чтобы на выходе из университета получались интегральные специалисты двойного профиля.

Мы выбрали речеведческие экспертизы — это комплекс лингвистических и юридических знаний, экономические — соответственно, экономических и юридических, инженерно-технические, но только определенные — пожарно-технические, взрывотехнические, автотехнические и компьютерно-технические, а также экспертиза материалов и веществ, но опять-таки не всех.

Однако это не так просто, как кажется. Нелзя изучать все по отдельности по типу: сначала химик, потом юрист и так далее. Необходима комплексная подготовка. Но далеко не во всех областях это возможно. Это, во-первых, те экспертные направления, которые еще плохо развиты, то есть нет конкретных методик, где все берется из большой науки. Во-вторых, это очень широкие направления, как, например, строительная экспертиза. И мы выбрали те классы экспертиз, где подобное комплексное образование возможно, то есть 5 направлений оказалось можно, и мы их внедряем. В принципе можно отнести сюда и электротехническую, но мы это только разрабатываем. Экспертная компетенция — это не только

делать, но и развивать. Однако пока развиваем те, которые имеем сегодня.

Газиева Л.Р.: Быть экспертом — это прибыльно?

Россинская Е.Р.: Экспертиза — не услуга, запомните, пожалуйста. Рассмотрение экспертизы как услуги — тупиковый путь. Мы это еще с коллегой в статье писали, это даже потом в постановление Пленума Верховного суда вошло, коммерческие организации в принципе не должны заниматься экспертной деятельностью, только некоммерческие, то есть экспертиза — это оказание юридической помощи.

Что такое прибыльно? Адвокатура — это прибыльно? У кого как. У нас в СОДЭКСе любая консультация стоит 5 тыс. рублей; неважно, кто консультирует (по вопросам назначения экспертизы). Но если у меня хотят получить письменную консультацию или рецензию на заключение, то это уже разные вещи, в зависимости от того, кто будет писать: я или кто-то другой из сотрудников. Генри Резник — одна цена, а выпускник института адвокатуры — другая.

Да, бывает дорогая экспертиза, в миллион, например, бывает дешевая. В минюсте у молодых экспертов маленькие зарплаты, в негосударственных организациях, например у нас, лучше. В среднем эксперты зарабатывают меньше, чем некоторые адвокаты, но некоторые эксперты зарабатывают больше них (смеясь). Учитесь, и все. А бесплатно только птицы поют.

Чимизгина Д.А.: Насколько подход к криминалистике и экспертизе за рубежом отличается от подхода в России?

Россинская Е.Р.: В разных странах разный подход. Скажем, в Германии криминология — это и криминалистика, и криминология вместе, их не разделяют. Теория судебной экспертологии сейчас всех интересует. Что касается экспертизы, то за рубежом очень большие достижения, но теоретических основ у них нет.

Касаемо криминалистики: в странах, которые были близки к Советскому Союзу, это осталось. Есть криминалистика в Чехии (я недавно рецензировала учебник проф. Парады), есть криминалистика в Болгарии, есть криминалистика частично в Германии (только называется по-другому). В англоязычных странах — forensic science. Но это в основном методики, а не теории. И вот когда мы начинаем рассказывать о каких-то теоретических положениях, они очень удивляются.

Тут была интересная конференция, которую организовывал Российский Федеральный центр судебной экспертизы, там выступал судья по интеллектуальным правам из Германии. Он стал

рассказывать, как он сам делает почерковедческие экспертизы, что он сам делает экспертизы интеллектуальной собственности. И он даже не понимает, что он не может их делать, он не понимает этого! Мы сейчас пишем об этом. Но у них очень сильны технологии.

Подход к криминалистике разный. Частично у них криминалистика, как при Гансе Гроссе, вся часть в уголовном процессе, часть еще где-то, часть в методике. В Америке вообще очень интересно, там готовят очень направленно. Скажем, человек, занимающийся раскрытием преступлений, связанных с наркотиками, знает только про наркотики, но он знает все. Он знает и криминалистику, и криминологию, и уголовное право — все. Но если ему надо не только наркотики, ему надо опять учиться. Вот это разница в нашем образовании, подходе. Наше образование широкое, но оно не всегда достаточно точечное, а то (американское) образование очень точечное, но над полицейской академией сами американцы смеются.

Сейчас во многих университетах в западных странах есть факультеты, где готовят экспертов. Девочка, которая у нас училась, поступила на forensic linguistic в магистратуру в Барселоне и пишет нам с Еленой Викторовной (*Галяшиной*. — *Примеч. авт.*): «И зачем я туда поступила? Мы все гораздо лучше знаем». То же самое, когда приехали итальянцы и начали рассказывать нам про почерковедение, потом Николай Филиппович (*Бодров*. — *Примеч. авт.*) поехал в Неаполь в институт почерковедения и всех впечатлил. И в Германии так же. Отсутствие единого научного подхода — очень плохо, но так есть. Категорически не знаю, как ответить.

Селянкина Е.А.: Ангарский маньяк и Чикатило — два серийных убийцы, которых экспертиза могла остановить на полпути, однако из-за проблем с ней на местах это стало невозможным. Как обстоит дело с внедрением экспертизы на местах сейчас?

Россинская Е.Р.: Что касается Чикатило. К сожалению, умер Сергей Степанович Самищенко, он об этом очень много писал. Понимаете, не всегда проблема в технологиях. Иногда не хватает какой-то определенной методики. Проблема не только на местах. Каждый новый метод требует больших затрат. Вот мы сейчас совместно с химфаком Санкт-Петербургского университета занимаемся вопросом исследования давности выполнения документов. Очень интересная задача. Стандартная методика позволяет определять не больше года, когда исполнен этот документ. Мы здесь тоже этим занимались, Мария Леонидовна Подкатилина со-

бирала базу данных, мы на хроматографе это все проверяли, используется метод хроматографии. Мы сейчас стали использовать (совместно с Санкт-Петербургом. — *Примеч. авт.*) метод так называемой рамановской спектроскопии, это спектр комбинационного рассеивания, когда исследуются не высококипящие растворители, а сами красящие вещества. И это очень здорово. Статья наша недавно вышла. Было совещание в Следственном комитете, мы обсуждали введение, как бы это осуществить. Но проблема в чем? Приборы очень дорогие. Дело даже не в том, что на местах, а в том, что вообще этот прибор стоит безумно дорого, экспертиза — вещь дорогая. Я разрабатывала методики с помощью рентгеновского дифрактометра. Это замечательный прибор. Я разработала массу методик, теперь используется мало что, потому что это вредно, потому что дифрактометр — это излучение. Рентгеноструктурный анализ невозможно сделать без вреда для здоровья. Все-таки как ни защищайся, все равно дозу ты будешь получать. Поэтому очень многие мои методики не используются. Да и не хотят: надо же фартук свинцовый надевать, очки и прочее. Это первое.

Второе: плохая организация. Совершенно обязательно, чтобы были дорогие приборы. Когда мы говорим, является ли экспертиза комплексной или это комплекс экспертиз — это не научная дискуссия. Если это комплекс экспертиз — это можно разрезать на ломтики и раздать в разные учреждения. А если это комплексная экспертиза — это надо делать в одном месте, и тогда там должны быть все приборы, то есть как подойти.

Третье: обучение. Очень много халтуры. Существующий закон регламентирует только государственную экспертную деятельность. И госэксперты проходят аттестацию, негосударственные — сертификацию, но это необязательно. А как суду понять? Вот же в чем проблема. Вузов, готовящих экспертов, довольно много, но вопрос, где взять преподавателей, которые будут преподавать так, как надо?

Медленно все, процесс только 15 лет как пошел. Проблем очень много, и не только на местах сейчас. На это нельзя коротко ответить, это опять целая лекция.

Рашитханов Р.С.: Елена Рафаиловна, в судебном процессе участники часто позволяют себе некорректное поведение, в том числе по отношению к эксперту, и очень часто. Изучая вашу биографию, я наткнулся на дело Лебедева-Ходорковского, где прокурор позволял себе практически хамское поведение по отношению к вам. Если по отношению к вам, профессору, академику, учено-

му, позволяют себе такое поведение, то как тогда быть нам, молодым и начинающим экспертам?

Россинская Е.Р.: Это было не хамское поведение, а изощренное издевательство. Там все было очень вежливо. Он усомнился в моем дипломе доктора наук и заявил, что диплом доктора наук несуществующего государства – Советского Союза. А в марте 1993 г., когда я защищала диплом, не было уже СССР. На что я сказала: «Ваша честь, вспомните, когда была принята наша Конституция. Она была принята 12 декабря 1993 г., а до этого не было ни флага, ни гимна, ни бланков, ничего». Суд, посоветовавшись, определил признать законным.

Никогда нельзя отвечать хамством на хамство, надо держать себя в руках и гнуть свою линию. Я вам приведу другой пример, более забавный. Генри Маркович (*Резник. – Примеч. авт.*) вел дело Адамова, министра атомной энергетики. Почитайте, интересное дело. Там была совершенно негодная экспертиза, где были вопросы, относящиеся к компетенции суда, а именно: какие законы России были нарушены? Правомерно ли... И эксперты на голубом глазу отвечали. Я выступила в качестве специалиста по ст. 271 ч. 4, меня пригласил Генри Маркович. Я сказала, что нельзя перед специалистом ставить такие вопросы, на что один из прокуроров сказал: «А вот Россинская считает, что можно ставить юридические вопросы». У него на столе лежала моя только что вышедшая книга «Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе». Я говорю, что это я – Россинская. Он посмотрел на меня и говорит в 2005 году: «Еще живая?» (*Все смеются.*) Можете себе представить, что было с корреспондентами газет, которые сидели в зале. Все начали в голос хохотать. Я отвечаю: «Я не просто живая, но и еще себя прекрасно чувствую». Но надо признаться, что я была на 15 лет моложе, и очень еще живая. Таким образом, они признали ничтожным эту экспертизу, потому что я сказала, чтобы они открыли страницу и посмотрели, что там написано. А там было написано: «Судебный эксперт не должен вторгаться в сферу правоприменителя. И смешивать компетенции нельзя». А они вмешались. Это не потому, что эксперту нельзя отвечать на юридические вопросы, мы ведь вас не зря всему этому учим (*в Институте судебных экспертиз студенты получают знания по юридическим предметам в объеме бакалавриата. – Примеч. авт.*). Эти знания вы будете использовать

для проведения судебной экспертизы, не вторгаясь в компетенцию иных участников судопроизводства.

Ну и в заключение мой любимый пример: некто Усиков был директором Дома культуры, а по совместительству истопником. В ДК произошел пожар. Меня спрашивает следователь: Усиков виноват как директор или как истопник? Я отвечаю: не могу ответить на этот вопрос. Он лежит за пределами компетенции эксперта. Но в рамках экспертной инициативы могу ответить на другой вопрос: какие правила пожарной безопасности нарушены и имеется ли причинно-следственная связь между нарушением правил и горением в очаге. Этим все сказано. А кто виноват – возьмите правила и почитайте, за что отвечает директор, а за что – истопник.

Саламова С.Я.: И в заключение, Елена Рафаиловна, не могли бы Вы дать какие-то напутствия, наказы для ребят как для будущих экспертов, должностей вашего дела?

Россинская Е.Р.: Самое главное – это знать. Эксперт – лицо процессуально самостоятельное, но быть процессуально самостоятельным не значит автоматически быть независимым. Слово «независимость» – это слово нашей совести. Потому что эксперт, в отличие от судьи, следователя (ведь на всех оказывают давление), имеет больше степеней свободы, потому что формально на него никто не может надавить. И главное, всегда быть в ладах со своей совестью и со своим внутренним убеждением. На меня много раз пытались оказывать давление, меня хотели заставить написать определенные выводы, и я этого не делала. Это будет обязательно. Пытались деньги заносить, чтобы написала определенные заключения. Очень легко один раз повестись на это. Однако самое главное и ценное, что есть у эксперта, как и у любого юриста, – это его честное имя. Ни за какие деньги не купишь, но лишиться его очень легко. А в экспертной среде гораздо легче его потерять, чем у любых других юристов, потому что гораздо уже круг. Потерять репутацию, то есть показать, что ты, в общем-то, и не независим, что тебя можно купить – это все, надо из профессии уходить. Я понятно объясняю? Вот это со мной всю мою жизнь, хотя я, конечно, испытывала разное давление: и деньгами, и угрозами, и прочим. Независимость – в этом. Вы должны быть уверены в себе, в своем ответе и должны быть достаточно смелыми.

РЕЦЕНЗИЯ

ЧЕЛОВЕК И ПРЕСТУПЛЕНИЕ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ЮРИЯ МИРАНОВИЧА АНТОНЯНА «ЧЕЛОВЕК И ПРЕСТУПНАЯ АГРЕССИЯ: МОНОГРАФИЯ. М.: ПРОСПЕКТ, 2021. 224 С.»

Мацкевич Игорь Михайлович

Цель: ознакомление научной общественности с новой книгой по криминологии Ю.М. Антоняна «Человек и преступная агрессия». Анализ и оценка сущности агрессивного поведения человека, которое приводит к совершению тяжких насильственных преступлений, рассматриваемых в книге Ю.М. Антоняна.

Методология: при проведении исследования применен метод диалектического анализа, синтеза, дедукции и индукции.

Выводы. 1. Ю.М. Антонян сумел не просто показать едва ли не всю историю человеческой агрессии и ее взаимосвязи с преступностью, но раскрыл особенности формирования личности насильственного преступника, доказал влияние на его поведение факторов бессознательного, сумел правильно объяснить взаимодействие и взаимовлияние на преступника его наследственных привычек и социального окружения.

2. Современные войны часто становятся продолжением действия факторов, определяющих человеческую агрессию. Таким образом, человеческая агрессия, если не предпринять необходимых мер, может привести к уничтожению человека как вида животного мира.

3. По мнению Ю.М. Антоняна, человеческая агрессия приводит к тоталитарным государственным режимам, которые сами по себе являются преступными и неизбежно плодят преступное поведение людей, для которых даже совершение убийств становится обыденным делом.

Научная и практическая значимость. В рецензии выделены наиболее важные достижения, изложенные в книге Ю.М. Антоняна «Человек и преступная агрессия».

Рецензент считает, что книга Ю.М. Антоняна дает прекрасный повод в очередной раз начать дискуссию о сущности и соотношении человеческой агрессии с преступным поведением, необходимости и неизбежности совершения человеком преступления, личности преступника.

Рецензент придерживается мнения, что человеческая агрессия может и должна быть поставлена под контроль как мерами воспитательного, так и мерами принудительного характера.

Рецензент отмечает справедливость утверждения Ю.М. Антоняна о том, что личность преступника является самостоятельным фактором и причиной совершения многих преступлений и прежде всего насильственных преступлений. Человек совершает преступление под влиянием многих факторов, среди которых действия сознательного и бессознательного в его поведении часто могут иметь решающее значение.

Ключевые слова: агрессия, преступность, преступление, личность, добро, зло, нравственность, сознательное, бессознательное, детство, тоталитарность, война.

Вводная часть

Там, где присутствует фамилия профессора Юрия Мирановича Антоняна, всегда новые идеи, новые взгляды, оригинальные суждения и предложения.

Ю.М. Антонян давно и последовательно занимается проблемой человеческого насилия и самых тяжких преступлений, последствиями которых выступает гибель людей. Рецензируемая монография является как бы завершением многолетних

опытов и исследований Ю.М. Антоняна в рассматриваемой области. При этом самого завершения не состоялось. Как говорит автор: «Теперь, когда я одной ногой стою в могиле, преступное насилие и преступные агрессоры представляются мне широчайшей степью, ограниченной только горизонтом, который всегда удаляется, стоит сделать к нему лишь несколько шажков».

Традиционно я представляю содержание книги, чтобы, с одной стороны, была понятна логика моей полемики с мэтром, а с другой стороны, чтобы заинтересовать тех, кто до сих пор себе во вред не познакомился с замечательным рецензируемым произведением.

Введение

Глава 1. Общая концепция преступного насилия

1. Понятие и причины преступного насилия
2. Многоликость преступного насилия

Глава 2. Преступное насилие в аспекте зла

Глава 3. Типология наиболее опасных видов преступного насилия

1. Убийства и убийцы
2. Изнасилование и насильники

Глава 4. Самые отвратительные проявления преступного насилия

1. Садизм
2. Некрофилия
3. Особая жестокость

Глава 5. Агрессия и человеческая психика

1. Психика и сознание
2. Преступное поведение и место в нем индивидуального бессознательного
3. Роль коллективного бессознательного в преступном поведении

Глава 6. Общие черты личности преступника

Заключение

Моя рецензия имеет целью, помимо главной задачи – популяризации произведения Ю.М. Антоняна, попытаться осмыслить и представить собственное видение тех глобальных проблем, которые ставятся в книге и вынесены в ее название. Другими словами, книга Ю.М. Антоняна – это повод для меня поговорить о человеческой агрессии, используя гипотезы и выводы ее автора и критически их анализируя и воспринимая.

Причинность и преступность

Книга Ю.М. Антоняна неизбежно выходит за рамки обозначенных им проблем. Это свойственно для криминологических исследований, особенно касающихся центральных элементов криминологии. Причина в том, что преступность, личность преступника – это вопросы, априори являющиеся

междисциплинарными проблемами, связанными с цивилизационными процессами, имеющими значение для всего человечества, включая вопросы его дальнейшего существования как живого вида. Не зря Ю.М. Антонян говорит, что мы еще явно недостаточно внимания уделяем изучению связи между всем, что относится к войне и преступности. Таким образом, война и преступность – это во многом однопорядковые социальные явления, масштабы разные, а суть одна.

Проблемы с изучением личности насильственного преступника Ю.М. Антонян объединяет, как это ни парадоксально звучит, с проблемами современной криминологии как науки. Во многом он прав, когда говорит, что больше других себялюбия и чванства проявили гуманитарные науки, в том числе криминология. В последние годы, по утверждению Ю.М. Антоняна, в криминологии отмечается спад теоретических исследований. Между тем он справедливо говорит, что теоретические работы никогда не могут быть неактуальными, поскольку они обеспечивают главную функцию науки – объяснение. В XIX в. проблемы причин преступности для криминологии стали центральными. Через причины преступности, добавлю я, стали объяснять все, в том числе преступное поведение человека. Но когда дошли до объяснения поведения серийного убийцы, произошла известная заминка.

Представители гуманитарных областей знаний, и криминологи в том числе, безосновательно решили, что поскольку им лучше, чем другим, известно почти все об обществе и личности, им понятно все, заслуживающее внимания в этой области. Но выводы о причинах преступного поведения, как образно выразился Ю.М. Антонян, делаются не у постели больного. Понять любое поведение, в том числе преступное, невозможно без подлинного знания психологии (иногда патопсихологии) личности, психологических механизмов и мотивов, социально-психологических явлений и процессов, а нередко и психиатрических факторов, резюмирует Ю.М. Антонян. Полагаю, что я не открою большого секрета, если скажу, что большинство новелл практического и даже теоретического свойства в криминологии (в том числе применительно к личности преступника) делается на основании умозрительных заключений даже без проведения какого-нибудь социологического опроса (не говоря уж о проведении серьезных криминологических исследований).

Между тем, как справедливо провозглашает Ю.М. Антонян, результаты психолого-крими-

нологических исследований имеют значение для психологии, психиатрии, истории, педагогики, этнологии.

Человек и преступность

Извечные вопросы о существовании преступности Ю.М. Антонян решает с позиции дарвинистских подходов, на которых основывали свои теории многие знаменитые ученые, включая социологов (Э. Дюркгейм) и психологов (З. Фрейд и К. Юнг, правда, с разных позиций): причины преступлений содержатся в обществе, но агрессией человека наделяет сама природа, которая в своей сущности крайне агрессивна, поэтому искоренить преступность невозможно. Можно лишь предположить, утверждает Ю.М. Антонян, что какая-то часть психики дикаря продолжает жить в современном человеке.

Эта сентенция навела меня на то, что, как это ни поразительно, но мы ничего не знаем о психике древнего человека. Все наши заключения о древнем периоде человечества основываются на выводах, которые основаны исключительно на предположениях и догадках. Строго говоря, история современного человека очень молода и начинается с момента появления письменности, причем не письменности в виде наскальной живописи, а письменности в виде первых нормативных правовых документов. Исходя из этого я полагаю, что наши выводы о поведении древнего человека и о том, что он находился в агрессивной среде, поэтому всегда был перманентно агрессивен, пока что никаким серьезными доказательствами не подкреплены и требуют самостоятельного исследования.

Между тем Ю.М. Антонян особо пристальное внимание уделяет тому, что первобытные культуры отличаются иным отношением к жизни и смерти. Возможно, по его мнению, некрофильный убийца (некрофилии как социальному явлению, как будет видно дальше, Ю.М. Антонян уделяет пристальное внимание) реализует свои первобытные установки.

С этих позиций можно по-иному взглянуть на действия мексиканских наркокартелей, которые, как известно, своей жестокостью по отношению к конкурентам превзошли всех других преступников. Большая часть представителей мексиканских наркокартелей – потомки индейцев, и, следовательно, допустимо предположить, что они действуют, исходя из древних представлений о смерти, культ которой был у индейцев майя. Впрочем, эти рассуждения не более, чем неуклюжая попытка развивать рассуждения Ю.М. Антоняна

о *бессознательной некрофилии* (термин и курсив мой. – И.М.).

Совершенно обоснованно Ю.М. Антонян говорит о многоликости преступного насилия, посвящая этому целый параграф. Действительно, насилие и его природа отнюдь не лежат на поверхности, они скрыты от понимания и познания. В том числе поэтому так трудно разоблачить серийного убийцу (впрочем, об этом более подробно поговорим ниже).

Насилие, как утверждает Ю.М. Антонян, не всегда зло, оно соседствует и единоборствует с добром. Соотношение добра и зла в гуманитарных областях знаний, и особенно в криминологии, вообще до последнего времени никем не изучалось, поскольку всегда считалось и считается, что добро – это свет, а зло – это тьма, и, соответственно, добро (свет) неизбежно побеждает зло (тьму). Между тем врожденная темная сторона человека, как утверждает Ю.М. Антонян, образовалась на заре человечества как способ защиты от окружающих угроз. Добро и зло появились в человеке одновременно как совершенно необходимые ему формы существования. «Как противоположности они спаяны навеки», – говорит Ю.М. Антонян. Более того, добро и в определенной степени зло, по его мнению, служили прогрессу.

В коллективном бессознательном, как утверждает Ю.М. Антонян, выделяется тень, в которой находятся самые низменные, жестокие силы. Действие коллективного бессознательного, в свою очередь, можно сравнить с инфантилизмом, то есть сохранением в человеке поведенческих стереотипов предшествующего возраста. О том, как влияют на преступника собственные детские воспоминания, особенно когда с ребенком обходились жестоко, Ю.М. Антонян говорит особо.

При этом диалектическое противоборство добра и зла хотя бы теоретически предполагает смену ролей, что в криминологии достаточно распространено, и все это знают. Поэтому, как говорит Ю.М. Антонян, убийцу (серийного, прежде всего – добавляю я) не мучают угрызения совести. Он попросту не считает себя злодеем.

Поднимая острую и чрезвычайно интересную тему соотношения добра и зла в человеке, Ю.М. Антонян приходит к известному выводу, что зло не может считаться добром, кроме случаев защиты семьи, родины, восстановления справедливости и наказания преступника. Положительное значение агрессия имеет, по мнению Ю.М. Антоняна, в спорте.

Как мне представляется, автор, скорее всего, намеренно оставляет за полями работы дискус-

сию, которую он предлагает продолжить в другом месте и в другое время. Как соотносится добро и зло в преступнике, и как эти же категории соотносятся между собой в обычном человеке? С ответами на эти вопросы спешить не надо. Не так все очевидно, как может показаться. Как сейчас модно говорить, мы видим то, что кажется, а не то, что есть на самом деле.

Преступность и насилие

Ю.М. Антонян предлагает собственное видение типов преступного насилия, которые представляют: а) наибольшую общественную опасность; б) общественную опасность средней тяжести; в) тяжкие общественно опасные посягательства; г) особо опасные деяния; д) абсолютно опасные.

Исходя из этой типологии, Ю.М. Антонян очень правильно критикует тип случайного преступника, который обычно представляется своеобразным добропорядочным преступником, которого на самом деле не существует и никогда не существовало. Действительно, любое преступление, даже совершенное как бы под влиянием спонтанных обстоятельств, на самом деле представляет собой цепь вполне закономерных событий, каждое из которых только в отдельности может быть названо случайным. Речь при таких обстоятельствах естественно шла лишь о поверхностном изучении личности так называемого случайного преступника, говорит Ю.М. Антонян.

Ю.М. Антонян и в этой, и в других своих работах постоянно возвращается к тоталитарному насилию, под которым он понимает убийства людей, уничтожение народов, уничтожение инвалидов, убийства мирных жителей и военнопленных, угон в рабство и похищение людей, захват других стран, оккупация чужих территорий, грубое нарушение правил ведения войны.

Вопросы чрезвычайно острые, и можно в очередной раз удивиться (если не восхититься) предвидением настоящего ученого и мыслителя тех хитросплетений событий, которые происходят в мире. Но, как мне представляется, Ю.М. Антонян рассуждает во многом о тоталитарном насилии в ретроспективном контексте и/или полагает, что сегодня такого насилия не существует, что, конечно, не соответствует действительности. Тоталитарное насилие сегодня скорее даже стало более изощренным, чем прежде. При этом такое насилие выступает синонимом войны. Как говорит Ю.М. Антонян, человек главные ресурсы вкладывает не в свое благополучие, а в оружие взаимного уничтожения.

Но кто, где и когда последний раз объявлял войну? Между тем войн (которые стыдливо называются локальными военными конфликтами) с каждым годом становится все больше. При этом перечень деяний, подпадающих под тоталитарное насилие, характерен для любой современной войны. Более того, этот перечень характерен в первую очередь для современной страны, обладающей политическими и экономическими амбициями. Те страны, которые этим не обладают, вымирают. А страны с указанными амбициями хорошо известны – США и так называемые западные страны, которые либо прямо развязывают современные тоталитарные войны (любая война – тоталитарная), либо всячески способствуют развязыванию таких войн.

Историю пишут победители, но это не означает, что побежденные напишут ее более объективно.

На мой взгляд, тоталитарное насилие сегодня присуще в большей степени так называемым цивилизованным странам. То, что при этом в этих странах отсутствуют концентрационные лагеря и что в большинстве западных европейских стран нет смертной казни, не является свидетельством отсутствия в них тоталитарного насилия. Это насилие неочевидное, но все такое же массовое, как и раньше. Просто методы и способы тоталитарного насилия стали изощренными и воздействуют прежде всего на психику рядового человека так, что тот не чувствует себя подверженным насилию. Можно сказать, что он счастлив быть подвержен такому тоталитарному насилию. Произошло то, о чем говорилось в известном фильме про шпионов «Мертвый сезон»: «Нет же у вола комплекса неполноценности от того, что он вол. Ну вол, и слава богу».

В СССР, как говорит Ю.М. Антонян, словосочетание «враг народа» многие годы было устойчивым и привычным. Между тем это словосочетание было взято из революционной Франции. Враги народа были у Муссолини, Гитлера, а также в период маккартизма в самой цивилизованной и демократической стране мира (по собственному определению) США. Между прочим, и марксизм не российское изобретение. Что касается доносов как характерной черты советского строя сталинского типа, о которых говорит Ю.М. Антонян, то доноительство давно стало составным элементом любой страны из списка западного цивилизованного мира. Примечательно, что и во Франции времен буржуазной революции, и в России во времена революций 1917 г. и в сталинский период доносами в первую очередь занимались те, кто затем

занимал освобождавшиеся квартиры казенных по их наветам жертв или занимал освобождавшиеся должности, чтобы потом в свою очередь самим стать жертвами доносов и попасть вслед за оболганными ими людьми в жернова революционного террора. Причем и во Франции, и в России (Советском Союзе) многие доносы были написаны вполне себе уважаемыми людьми, которые справедливо считаются жертвами репрессий, но которые сами подкидывали поленья в костер этих репрессий.

Преступность и демократия

Ю.М. Антонян приводит известный постулат, что существует не только ответственность личности перед обществом, но и общества перед личностью. Чем совершеннее демократия в обществе, тем больше общество и государство отвечают перед человеком. Однако современная демократия, как я полагаю, стала довольно уязвима. Издержки демократии привели к появлению человека среднего рода и агрессивной пропаганде гомосексуализма, что ведет к медленному, но неизбежному вымиранию человечества. Ю.М. Антонян напоминает, что в Европе женщин считали ведьмами и в массовом порядке сжигали на кострах. Но ведь без женщин не может быть продолжения человеческого рода. Не является ли современный гомосексуализм на уровне разрешенной и популяризируемой идеологии в Европе все той же историей самоуничтожения? А ведь это страшнее атомной бомбы.

Кроме того, демократия, как показывает исторический опыт, должна иметь особенности применительно к разным народам. Парадокс западного цивилизационного мира состоит в том, что, отвергнув марксизм как некую унификацию для всего человечества, этот мир пытается насадить (в том числе военными средствами тоталитарного характера) свою собственную модель другой унификации. Характерно, что едва ли не главным аргументом против марксизма цивилизационный западный мир выдвигал тезис о том, что марксизм всех усредняет. Цивилизационный западный мир в этом смысле пошел значительно дальше — они усредняют усредненных и обеспечивают доходами тех, кто уже и так богат.

Самыми свободными людьми в мире, как говорит Ю.М. Антонян, являются бродяги алкоголики. Их психотип, как мне представляется, довольно своеобразен. При отсутствии очевидного стремления к жизни, то есть они близки к некрофилам, они удивительно жизнеустойчивы. Ведя нездоровый образ жизни, многие из них доживают до

преклонных лет, при этом сохраняя ясность ума и сознания. С одним из таких бродяг я столкнулся в больнице, куда попал с гриппом. Это был человек очень добродушный, покладистый, с одинаковым удовольствием принимавший и лекарства, и водку. У него были родственники, у которых он какое-то время жил, но ушел от них, потому что не хотел работать. Мне он рассказывал, как брат убеждал его в том, что он ведет неправильную жизнь. И где этот брат, вопрошал бродяга, и сам отвечал — сдох. Потом какой-то другой родственник убеждал его в том, что он неправильно живет, и тоже сдох, по словам бродяги. Так что получалось, что самый здоровый образ жизни ведет он — ни о чем не думает, не трудится, просто выживает. Единственный раз, когда он действительно расстроился при мне, это когда ему сообщили, что его воспаление легких излечено и завтра он будет выписан, то есть отправлен обратно на улицу. В больнице ему было очень комфортно: поили, кормили, жалели, другие больные давали выпивку, тайком принесенную родственниками из дома, и главное — не заставляли ни трудиться, ни думать. На улице, куда он отправился на следующее утро, ему пришлось думать: где жить, что есть и с кем выпить.

Для России издержки демократии (я не против демократии — упаси бог, но надо идти на риски демократии сознательно, а не быть мальчиками для битья, обманывая себя и всех остальных, что демократия сама по себе правит миром) заключаются в появлении самостоятельного класса профессиональных жалобщиков. Более того, эти профессиональные жалобщики научились зарабатывать хорошие деньги на российской демократии. Эти профессиональные жалобщики профессионально паразитируют на таком обществе.

Как я слышал, в английских судах, если человек несколько раз необоснованно подает жалобы, он лишается такого права на какое-то время. Достаточно суровое, на мой взгляд, наказание, свойственное западной демократии (в Германии повторный проезд без оплаты в общественном транспорте приводит к тюремному заключению). Неразрешимая дилемма любого строя — контроль над личностью человека и раскрепощение человека для творчества. Но других цивилизаций не бывает. Погромы во Франции (движение «желтых жилетов»), массовые протесты в США, регулярные кровавые стычки футбольных болельщиков в Европе и Латинской Америке — все это неотъемлемые черты современной цивилизации и демократии (читай, современного человечества).

Ю.М. Антонян говорит, что история религий, культур — это история разделения на своих и чужих. Например, я считаю, что Турцию не берут в ЕС, потому что она чужая как раз по религиозному компоненту, хотя страна Европейская и даже член НАТО. Я полагаю, что глобализация, предложенная западными цивилизованными странами, — это обратная реакция на такое разделение. Но Ю.М. Антонян правильно подчеркивает, что глобализация усилила ксенофобию, а в тех самых цивилизациях, где толпы играют ведущую роль, человек утрачивает смысл своего существования. Как говорится, круг замкнулся.

Между прочим, Ю.М. Антонян обращает внимание, что современный западный взгляд на историю чрезвычайно противоречив. Причем, как я полагаю, как на свою собственную историю, так и на историю других стран. Мне представляется, что западный взгляд на историю: а) изменчив; б) конъюнктурен; в) агрессивен; г) монополизирован; д) направлен на решение задач сегодняшнего дня. Поэтому, на мой взгляд, история западного мира не может считаться историей в историческом понимании этого слова.

При этом Ю.М. Антонян, в отличие от многих других криминологов, полагает, что нельзя считать, что рыночные отношения (как центральный элемент даже не экономики, а идеологии западного цивилизованного мира) изначально отягощены преступностью. Наверное, в этом он прав, поскольку любые общественные отношения отягощены преступностью. Вопрос в уровне отягощения.

Мотив и мотивация

Ю.М. Антонян совершенно справедливо говорит, что многие убийства хотя и выглядят немотивированными, в действительности являются формой психологической защиты. При совершении убийств мотив самоутверждения является сопутствующим или бессознательно ведущим. И далее Ю.М. Антонян утверждает, что криминогенной может быть не только одержимость идеями, но и преданность ей, равно как и подчинение дисциплине, служебному, в том числе воинскому, долгу.

Понять поведение преступника сложно даже, казалось бы, когда он совершает преступление в очевидных условиях. И особенно сложно понять мотив совершения убийств, опять-таки даже бытовых.

Мотивация преступного поведения, как говорит Ю.М. Антонян, возникает и развивается как бы из двух уровней: первый — предметный, второй — смысловой. При этом существует пре-

ступное поведение, мотивацией которого является социальный уход от жизни.

Когда я служил следователем военной прокуратуры, старшие товарищи говорили мне, что хулиганские действия вменяются в вину преступнику, когда не удается до конца понять смысл его поступка. Для хулиганского мотива, говорит Ю.М. Антонян, свойственно проявление жестокости, удали, желание показать свое превосходство и силу, противопоставить себя обществу и другим людям. Но нередко хулиган сам не в состоянии объяснить, зачем и почему он так себя вел. Понять содержание мотива преступника удается только тем сотрудникам правоохранительных органов, которые научились *мыслить, как преступник* (курсив мой. — И.М.). Но даже в этом случае всегда есть риск быть введенным в заблуждение.

Ю.М. Антонян правильно делает вывод, что на поведение преступника влияют разные силы, в том числе бессознательные установки, которые человек в буквальном смысле не осознает. Именно поэтому часто преступник не в состоянии объяснить, что, как и почему он натворил. Причем, что важно и о чем говорит Ю.М. Антонян, эти разнообразные бессознательные силы могут действовать по-разному, и сила их действия оказывает влияние в разной степени на одного и того же человека. Другими словами, при совершении схожих преступлений в одном случае превалирует бессознательное, а в другом случае человек, наоборот, подавляет бессознательное и действует агрессивно очень даже осознанно.

Все насильники, по мнению Ю.М. Антоняна, делятся на три группы.

1. Лица с нарушениями психосексуального развития.
2. Лица с нарушениями межличностного восприятия.
3. Лица с выраженными характерологическими или патопсихологическими особенностями.

Правильно Ю.М. Антонян выступает против заведомо ложной идеи о возможности исследования культуры изнасилования и терроризма, о которой рассуждается в книге Д. Шоу «Психология зла. М.: Альпина Паблишер, 2020. — 296 с.». Ю.М. Антонян справедливо удивляется, что такая книга вообще увидела свет. С другой стороны, мы давно не удивляемся криминальной контркультуре, которая почему-то называется субкультурой, то есть некоей частью общей культуры, и которая окружила нас плотным кольцом на радио, на телевидении и в огромном количестве в художественных фильмах (так называемых боевиках). Между прочим, влияние и внедрение криминальной

контркультуры зашло так далеко, что даже военно-исторический современный фильм «Т-34» в прокате был объявлен боевиком.

Современный человек, по справедливому выражению Ю.М. Антоняна, просто впаян в культуру. Средства массовой информации настолько зажали его, что он во многом потерял свою независимость и свободу.

На мой взгляд, в новейшей истории политические руководители западных стран все чаще принимают решения о запрете распространения информации из России. Как я помню, раньше было наоборот. Это, помимо прочего, подтверждает колоссальную зависимость даже самого продвинутого западного человека от влияния массовой культуры, которая проникает в самые отдаленные уголки его сознания и бессознательного, влияя, по всей видимости, в том числе на архетипы будущего поведения детей этого современного человека. Как сейчас стали часто говорить, современного человека можно форматировать и переформатировать, причем в любую сторону и по несколько раз. Как все это влияет на формирование убийцы — тоже интересный вопрос.

Преступность и садизм

На мой скромный взгляд, Ю.М. Антонян чрезмерно говорит об алголагнии (древнегреческие *ἄλγος* — «боль» и *λαγνεία* — «похоть») и о маркизе де Саде. При этом он сам признает, что и то, и другое — это психические патологии. Мне кажется, что значительно интереснее как раз те истории, описанные в рецензируемой книге, когда действия преступников не подпадают под эти известные патологии, хотя, конечно, любое убийство — это патология. Имя же маркиза де Сада вошло в историю, наряду с Геростратом, Жилем де Рэ (Синей Бородой) и Джеком Потрошителем, как нарицательное. Не больше, но, увы, и не меньше.

Ю.М. Антонян говорит, что садисты, которые зверствовали в гитлеровских и ленинско-сталинских концлагерях, могли быть хорошими семьянинами и гражданами. Вполне согласен с этим высказыванием и даже уверен, что так оно и было. Просто эти садисты хорошо выполняли свою работу. Ниже я обращаю внимание на ровно такое же поведение убийцы по отношению к своей жертве, о котором говорит Ю.М. Антонян. Вместе с тем хочу подчеркнуть, что в белых концлагерях условия содержания военнопленных Красной армии едва ли отличались в лучшую сторону, чем в красных концлагерях. Как-то все подзабыли, как каратели из белых войск тех же Колчака и Врангеля вырезали звезды на груди красноармейцев

и большевиков, а потом их убивали. По разным оценкам, в польском плену после разгрома армий Тухачевского и Сталина (так называемое «Чудо на Висле») погибло от 16 (по данным польским исследователей) до 157–165 тысяч красноармейцев. Нет, в войне белых и пушистых не бывает. И ведут себя охранники любых концентрационных лагерей одинаково — не гуманно, а как садисты.

Подтверждает вышесказанное рассказ Ю.М. Антоняна о медицинских экспериментах над людьми, которые проводились и в Германии, и в СССР. Причем даже после войны некоторые западные медики цинично говорили, что нацистские эксперименты над людьми сопутствовали подъему современной медицины. Бывший министр государственной безопасности СССР Меркулов на допросе 28 сентября 1953 г. признал, что лично дал разрешение руководителю токсикологической лаборатории Майрановскому на применение ядов к 30–40 осужденным в опытных целях (все осужденные скончались, некоторые из них в мучениях).

Гиммлер, по утверждению Ю.М. Антоняна, был некрофилом. Наверное, да. Хотя в отличие от Гитлера и Геббельса, Гиммлер до последнего пытался сохранить себе жизнь, выдавал себя в плену за другого и отравился только после того, как был разоблачен, так что стремление к смерти не было у Гиммлера неоспоримо очевидным. Но в данном контексте я хочу сказать о другом. Гиммлер был убийцей и палачом, но именно с ним западные страны начали вести отдельные переговоры, что характеризует не только Аллена Даллеса (будущего создателя ЦРУ), но и Гиммлера, который был ближе цивилизованным западным странам, чем, например, Сталин.

Много и правильно Ю.М. Антонян говорит о Сталине как об аналогичном типе некрофила, но тип Сталина тем не менее (во всяком случае, по моему мнению) коренным образом отличается от типа того же Гитлера и/или Гиммлера. Сталина скорее можно отнести к типу застрявшего восточного тирана, который, как, например, Чингисхан, ничего особенного не видел в уничтожении всех, кто оказывал ему сопротивление, в том числе целых народов (только Чингисхан смог усмирить на целое столетие непокорные афганские племена, вырезав все население — взрослых мужчин, женщин, стариков и детей). Не надо забывать, что Сталин плоть от плоти был учеником Ленина и Троцкого. Последнего, впрочем, он постоянно стремился уничтожить, поскольку Троцкий, в отличие от Ленина, был значительно ближе к Сталину по своим общим и политическим взглядам,

и также, как и Сталин, не щадил никого ради достижения целей революции, где народ (неважно какой) был всего лишь средством – топкой для печи революции. Сталин в итоге убил Троцкого руками Рамона Меркадера не потому, что воспринимал его своим соперником, а потому что два Сталина на XX век – это перебор.

Цель, как говорит Ю.М. Антонян, – это представление о конечном результате деятельности, и оно всегда осознаваемо, невзирая на то, правильно ли это представление или нет.

Жестокие и особо жестокие преступники, по словам Ю.М. Антоняна, ригидны и злопамятны, нежелательные эмоции как бы застревают в них. Ю.М. Антонян убедительно доказывает, что садист все свое яростное презрение к себе обращает вовне. В этом, как я считаю, он кардинально отличается от убийцы иного рода, и поэтому такого преступника следует назвать самым последним убийцей, *убийцей по призванию* (термин и курсив мой – И.М.).

При всех вариантах, как говорит Ю.М. Антонян, серийные убийцы – это принципиально иной тип личности. Их психологическое существование происходит как бы в двух мирах. Их тайна – самая большая и сложная даже для Ю.М. Антоняна. При этом автор монографии утверждает, что множественные некрофильные убийства – это часть глобальной проблемы жизни и смерти. В период происходящего сейчас кризиса, по словам Ю.М. Антоняна, нам необходимы знания о том, каким образом примитивные культуры пришли к ситуациям, которые для современного человека являются ужасающими. Ю.М. Антонян говорит о террористах и смертниках из стран так называемого нецивилизованного мира, но, соглашаясь с ним, не могу не отметить, что современный цивилизованный человек совершает ковровые бомбардировки территорий нецивилизованного мира и затем опять-таки спокойно идет домой к своей жене и детям, играет с ними и ложится спать, не испытывая никаких моральных угрызений совести. В этом смысле с психологией этого нового так называемого цивилизованного человека ничего не произошло, как в случае с Полом Тиббетсом, который сбросил атомную бомбу на заведомо мирный город Хиросиму, где не было ни военных заводов, ни других военных объектов, а потом прожил счастливую жизнь, ни о чем не сожалел и умерев в возрасте 92 лет.

Вера, по словам Ю.М. Антоняна, имеет огромное этическое значение. Вера убийцы в себя, как я полагаю, имеет решающее значение для совершения самого тяжкого преступления.

Преступность и некрофилия

Для начала хочу отметить, что взгляды Ю.М. Антоняна на некрофилию (*в научном и обыденном смыслах – медицинский термин, обозначающий определенный вид психопатологического расстройства*) в контексте взаимосвязи этого понятия с преступностью не бесспорны. Более того, Ю.М. Антонян дает предельно широкую трактовку понятия некрофилия, включая в ее содержание многие социальные, общественные, политические (скорее даже политологические) аспекты, которые не свойственны ей, с медицинской точки зрения. В таком широком толковании понятие «некрофильский характер» наиболее емко раскрыл знаменитый философ и социальный психолог Эрих Фромм в фундаментальной работе «Анатомия человеческой деструктивности» (Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М., 2020. – 736 с.), в которой он вписывает концепцию некрофильского характера в свою социально-психологическую теорию агрессивности и деструктивности. (Фромм, вероятно, первым стал использовать понятие «некрофилия» в очень широком контексте, подчеркивая отсутствие ее связи с сексуальностью. Согласно Фромму, и деструктивность, и некрофилия – результат сложного взаимодействия социальных условий и экзистенциальных потребностей человека. Без претензии на научную строгость такое понимание некрофилии позволяет с различного ракурса рассмотреть проблематику деструктивного социального континуума).

Не вступая здесь дискуссию с Ю.М. Антоняном по этому, прямо скажем, спорному подходу, но отдавая должное постоянству, с которым мэтр возвращается к анализу некрофилии и преступности, тезисно отмечу следующие основные подходы автора рецензируемой книги к преступной, по его определению, некрофилии.

Ю.М. Антонян предлагает следующие виды преступной некрофилии.

1. Государственная некрофилия.
2. Военная некрофилия.
3. Сексуальная некрофилия.
4. Безумно тщеславная некрофилия.

Ю.М. Антонян считает, что порода некрофилов, скорее всего, никогда не исчезнет. Проведенные им психолого-криминологические исследования в исправительных учреждениях показали, что получение удовольствия является ведущей потребностью у человека, совершающего серийные убийства. Ю.М. Антонян предлагает три разновидности особо жестокого убийства: а) причинение дополнительных страданий, не охватывающихся способом совершения преступления

(пытки, истязания, глумление); б) особо жестокий способ убийства; в) причинение страданий близким в процессе самого убийства.

Я полагаю, что эти разновидности должны каждый раз быть предметом внимательного изучения судами во время процессов над убийцами и неукоснительно соблюдаться для постановки справедливого приговора. Ю.М. Антонян правильно приводит пример, когда при формальной трактовке судом совершенного преступления суд исключил пункт о жестоком совершении убийства в отношении подсудимого, хотя потерпевшего несколько раз вешали, но веревка рвалась, и только поэтому потерпевшего снова вешали, вроде как не собираясь причинять ему страдания. Можно подумать, что от того, что его не собирались вешать несколько раз, а просто вот так получилось, он испытывал значительно меньшие мучения. Вообще, должен отметить, что суды крайне непоследовательны в последнее время, что можно объяснить не только их чрезмерной загруженностью, но также снижением контроля за ними со стороны Верховного суда, а также (извините) падением их квалификации.

Ю.М. Антонян обращает внимание, что убийство постороннего человека может нанести весьма чувствительный удар очевидцу такого события. Поэтому убийца должен нести ответственность за нанесение в том числе и ущерба очевидцу его преступления. То же самое, добавлю от себя, касается и психологической травмы человека, который находит труп, тем более если жертва была убита жестоким способом и, например, расчленена. Поэтому судебный процесс над убийцами должен быть отдельным процессом – быстрым, но тщательным и показательным. Должно быть, как я уже сказал, оценено все.

Механизм совершения убийства

Очень интересны рассуждения Ю.М. Антоняна о «возможном» в поведении человека. Ю.М. Антонян говорит, что осуществившееся поведение есть ничтожная доля возможного. Человек всякую минуту полон неосуществившихся возможностей. Неосуществившиеся возможности есть разность между широким и узким отверстиями воронки, и это, по образному выражению Ю.М. Антоняна, *совершенная реальность* (курсив мой, термин не мой. – *И.М.*). При этом, насколько я понимаю, *совершенная реальность* и *совершенная реальность* (курсив мой. – *И.М.*) – это принципиально разные понятия.

Объяснение преступного поведения, особенно насильственного, как говорит Ю.М. Антонян, не-

возможно, если не учитывать научные достижения в познании человека и его психики. Врожденные свойства, по словам Ю.М. Антоняна, и состояние жизненно важных органов оказывают воздействие на личность, ее поведение и образ жизни, определяя во многих случаях специфику восприятия внешней среды, всегда задействуя при этом личностные особенности, приобретенные в социальных контактах. Сознание является коренной проблемой человеческого бытия, а искаженное сознание преступника – всего лишь разновидность сознания. «Всего лишь», надеюсь, это понятно, – условное употребление термина.

Психика человека, как показывает Ю.М. Антонян, состоит из двух частей: сознания и бессознательного, а вторая часть еще из двух подчастей: индивидуального бессознательного и коллективного бессознательного. Ю.М. Антонян, на мой взгляд, коротко и емко определил суть механизма совершения насильственного преступления, поскольку указал, что благодаря чрезвычайно сложному равновесию в нервной системе, которое устанавливается в процессе постоянной борьбы рефлексов, часто достаточно появления совершенно незначительной силы нового раздражителя, который решил бы исход борьбы. Сознание, как говорит Ю.М. Антонян, принимает любые, даже самые чудовищные нормы до того предела, нарушение которого угрожает самому существованию человека.

Как с этими процессами взаимодействует некрофилия, можно гадать, хотя, как мне представляется, в случаях чудовищных форм сознания и бессознательного при условии столкновения отрицательных рефлексов как раз происходит рождение (не в физиологическом плане естественно) монстров, которых мы затем называем серийными маньяками.

Согласно Ю.М. Антоняну, необходимо выделять следующие звенья преступного поведения: а) мотивация; б) подготовка; в) совершение. При этом личность всегда взаимодействует с внешней средой – конкретной жизненной ситуацией. Следовательно, как обоснованно напоминает Ю.М. Антонян, чтобы понять преступное поведение, надо всемерно учитывать социальное окружение человека, его неформальную среду.

При этом Ю.М. Антонян утверждает, что в преступном поведении заметную роль играют инстинкты и автоматизмы. Под инстинктами он понимает врожденные общие программы поведения и психики человека.

Разумеется, огромное значение имеет детство и заложенные в человеке воспоминания о нем.

Некоторые убийцы, как напоминает Ю.М. Антонян, много времени проведенный с ними в исправительных учреждениях, буквально повторяют то, чему они сами подвергались в детстве. Наверное, в том числе поэтому среди убийц волнообразная тревожность.

Преступность и тревожность

На тревожность как фактор, который может пагубным образом повлиять на решение человека совершить преступление, Ю.М. Антонян давно обращает самое пристальное внимание. Тревожная личность совершенно иначе ощущает мир. Черты тревожного характера, закрепляясь в личности, обрастают постоянными наслоениями. Маленький современный человек, как говорит Ю.М. Антонян, ощущает, что под сомнение поставлено само его право на существование, поэтому он страшится небытия и постоянно ожидает враждебных атак со стороны окружающих. У такой зависимой личности никаких альтернативных линий в поведении не остается.

Наиболее высокий уровень тревожности, по свидетельству Ю.М. Антоняна, у лиц, виновных в грабежах, разбоях, убийствах и нанесении тяжкого вреда здоровью.

Полагаю, что на тревожность как черту социальной действительности, которая оказывает прямое отрицательное влияние на психику человека, следует посмотреть в том числе с точки зрения профилактических мероприятий в рамках предупреждения преступности как в отдельном регионе, так и в стране в целом.

Таким образом, причины совершенного преступления, по мнению Ю.М. Антоняна, всегда кроются в личности, а внешние обстоятельства играют лишь роль условий.

Преступление и/или смерть

Человек, как говорит Ю.М. Антонян, склонен видеть причины своих провалов и неудач не в себе, а преступник, добавлю я, особенно.

В человеке, говорит Ю.М. Антонян, дремлет разрушительная сила. Агрессия, по его словам, может превалировать в человеке, подчиняя другие условно позитивные черты. Агрессия может быть врожденной, результатом воспитания, прожитой жизни — всего в совокупности. 22% осужденных на казнь, утверждает Ю.М. Антонян, не просили о помиловании, что объясняется просто: они не чувствуют разницы между жизнью и смертью. Некрофилия, полагает Ю.М. Антонян, — одна из важнейших составляющих черт в личности современных убийц.

Для человека, как утверждает Ю.М. Антонян, агрессивной была сама природа. Человек с древнейших времен боится смерти. Проблема разгадывания тайны смерти всегда была связана с загадкой убийств. В свою очередь, проблема убийств связана с проблемой войны. Эти проблемы, по мнению Ю.М. Антоняна, на сегодняшний день представляются неразрешимыми.

Ю.М. Антонян очень осторожно говорит о том, что вменяемым или ограниченно вменяемым может быть признан человек, который в действительности не способен блокировать свою преступную активность. В состоянии жесткой психологической зависимости от своих бессознательных влечений человек не является хозяином собственной судьбы. При этом, как напоминает Ю.М. Антонян, о склонности совершать непрерывные преступления говорилось в работах Е.К. Краснушкина в 1920-е гг. (в рамках Московского криминологического кабинета — добавлю от себя я).

Агрессивная природа, как полагает Ю.М. Антонян, не могла родить неагрессивного человека. Агрессия, по его мнению, — не правовой термин и охватывает широкий круг действий, посягающих на жизнь, здоровье, честь и достоинство, а также на чужое имущество и материальные ценности. Возможность для проявления агрессии предоставляет цивилизация и никто другой, утверждает Ю.М. Антонян, и с этим тезисом я совершенно согласен.

А теперь о кошке с мышкой. По очень правильному выражению Ю.М. Антоняна, кошка, играющая с мышкой, перед тем как ее съесть, вовсе не стремится причинить ей страдания. Кошке, добавлю я, доставляет удовольствие не убийство мышки, а сам процесс такой игры. И кошка вовсе не воспринимает себя маньяком (маньячкой), которая сознательно причиняет боль мышке. Для серийного убийцы важен процесс, примерно такой же, как в игре кошки с мышкой. Ужас заключается в том, что такой убийца не считает себя убийцей, он полагает, что он всего лишь играющая кошка (кот).

Ю.М. Антонян говорит буквально следующее: грубо говоря, преступный человек — это тот, кто постоянно совершает преступления. Личность преступника и есть преступный человек. Но ему (преступному человеку) ничего не передавалось по наследству биологическим путем, и он ничего такого не передал своим детям.

Ю.М. Антонян делает следующий знаковый вывод: адекватное объяснение причин преступного поведения возможно лишь на основе всестороннего учета человека, а не только его личности.

При этом человек должен представляться во всем его структурном многообразии.

Заключение

Раньше говорили «преступление и наказание», потом – «свобода и/или смерть», несколько позже – «преступление и/или свобода», теперь – «преступление и/или смерть».

Рецензируемая книга Ю.М. Антоняна требует не одного прочтения и постоянного переосмысления. Во всяком случае его взгляды на многие вещи оригинальны и свежи. Личный опыт общения Ю.М. Антоняна со многими убийцами, включая самых известных и жестоких, придает его словам и выводам необходимую убедительность.

Несомненно, следует полностью признать правоту Ю.М. Антоняна, когда он, с одной стороны, говорит о необходимости усиления теоретической составляющей криминологии как науки, а с другой стороны, обоснованно критикует отечественных криминологов за отсутствие желания

и, соответственно, результатов в проведении криминологических исследований. Анализ массива статистической информации, взятой с сайтов МВД, прокуратуры и Верховного суда, конечно, не может считаться в качестве полноправного исследования.

Человек, его агрессия, а главное, истоки его преступного поведения и прежде всего истоки жестоких убийств после прочтения рецензируемой книги если до конца и остались невыясненными, то многое в этих вопросах стало, несомненно, более ясным.

Я уверен, что книга «Человек и преступная агрессия: монография. М.: Проспект, 2021. 224 с.» должна если не стать настольной книгой следователей и других работников правоохранительной (и не только) системы, кто так или иначе соприкасается с человеческой жестокостью и убийствами, то во всяком случае быть самым внимательным образом изучена. Именно *изучена*, а не прочитана (курсив мой. – *И.М.*).

НЕКРОЛОГ

ПАМЯТИ Е.В. ЩЕГОЛЕВОЙ

30 декабря 2021 г. скоропостижно ушла из жизни главный бухгалтер Союза криминалистов и криминологов Елена Васильевна Щеголева. Мы лишились надежного соратника и верного друга, который был членом нашей команды в течение многих лет. Ее деятельность была не заметна со стороны, но именно на ее хрупких, но надежных плечах во многом держалась наша организация.

Постигшая нас утрата вряд ли может быть восполнена. И сегодня мы хотим еще раз сказать нашей коллеге слова благодарности и любви, которые мы в суете повседневной жизни не всегда успеваем сказать тем, кто рядом, кто является членом команды и плечом к плечу делает общее дело — в нашем случае общественной деятельности в сфере развития наук уголовно-правового цикла, теории права, социологии, а также совершенствования практики борьбы с преступностью и другими видами противоправной деятельности человека.

Елена Васильевна Щеголева родилась 23 апреля 1964 года в Москве.

В 1988 году она с отличием окончила Московский политехнический институт и получила специальность «инженер-механик с квалификацией «технология машиностроения, металлоконструкция, станки и инструменты»».

В непростые для страны 90-е гг. прошлого века Елена Васильевна получила дополнительное образование в сфере бухгалтерского учета, после чего в течение долгого времени (начиная с 1992 года) ее трудовая деятельность была связана с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина, куда она пришла на должность бухгалтера (в то время университет назывался Московский юридический институт). Елена Васильевна в течение восьми лет последовательно работала в должности заместителя главного бухгалтера, и. о. главного бухгалтера и снова заместителя главного бухгалтера МГЮА. Примечательно, что на работу ее принимал и увольнял по ее собственному желанию в 2000 году академик

Олег Емельянович Кутафин, чье имя сейчас носит университет и с которым она была лично знакома.

Примерно в то же время Е.В. Щеголева согласилась помочь в создании новой общественной организации — Союза криминалистов и криминологов, инициатором создания которой были Владимир Евгеньевич Эминов (первый Президент Союза) и Владимир Семенович Овчинский (вице-президент Союза). Вместе с Е.В. Щеголевой И.М. Мацкевич (И.М. Мацкевич по просьбе В.Е. Эминова стал Ответственным секретарем Союза) объездили все государственные инстанции, необходимые для регистрации Союза, организации его деятельности и ведения бухгалтерской отчетности. Очевидно, что если бы не Е.В. Щеголева, ее опыт и знания, трудности с созданием Союза криминалистов и криминологов были бы непреодолимыми.

После того, как в 2010 г. было решено воссоздать Союз (в конце 1990-х гг. Союз перестал осуществлять свою деятельность из-за загруженности его руководителей по основному месту работы), Е.В. Щеголева вновь подставила свое плечо, и с ее помощью наш Союз снова заработал.

Елену Васильевну Щеголеву отличали оптимизм, природная красота, очарование и обаяние. Она была любящей женой и прекрасной мамой.

Человек абсолютно неконфликтный, она точно и скрупулезно выполняла свои служебные обязанности и всегда помогала Союзу, работая с самого начала исключительно на общественных началах. Елена Васильевна всегда давала грамотные и ценные практические советы руководству Союза, в том числе по оптимальному распоряжению поступающими денежными средствами, которых всегда было очень немного, а потому тратить их надо было максимально рационально и, что называется, с умом.

Все эти годы она была надежным другом, всегда готова была оказать помощь и поддержку, за которой члены Бюро Союза к ней регулярно обращались. При этом Е.В. Щеголева была человеком удивительной скромности и внутреннего такта. Она никогда не жаловалась на свои собственные жизненные проблемы и невзгоды. И только в последние месяцы ее жизни мы узнали, что

в 2012 году она потеряла любимого мужа, который долго и тяжело болел.

Тяжелая болезнь совершенно неожиданно в расцвете лет настигла и саму Елену Васильевну. Течение ее болезни пришлось на период пандемии коронавирусной инфекции, которой она также переболела, что на месяц отодвинуло критически необходимое оперативное вмешательство. Елены Васильевны не стало спустя всего лишь два месяца от начала заболевания.

До последнего момента мы, уже зная о ее страшном диагнозе, надеялись на лучшее и молились богу за Лену. Но нашим надеждам не суждено было сбыться...

Слова, которые принято в таких случаях говорить, что мы будем помнить о ней, конечно, имеют право быть сказаны, но боль утраты такого замечательного человека и друга от этого не утихает.

Надеемся, что ее душа обрела покой. Соболезнуем ее сыну Александру и всем, кто знал Елену Васильевну.

*Главный редактор журнала, Президент Союза
криминалистов и криминологов
Игорь Михайлович Мацкевич*

*Ответственный секретарь Союза
Татьяна Владимировна Редникова*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Барков Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ, barkov_a_v@mail.ru

Буянтуев Станислав Очирович, адвокат, член Екатеринбургской коллегии адвокатов «Защита», sob-111@yandex.ru

Газиева Луиза Расуловна, студентка 4-го курса Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), gazieva.2015@list.ru

Грачева Юлия Викторовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), uvgracheva@mail.ru

Кадыров Алишер Умарович, доцент, заместитель декана юридического факультета по учебной работе Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, член Союза криминалистов и криминологов, amt70@bk.ru

Киселев Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического факультета Института экономики, управления и права Московского государственного областного университета, старший преподаватель департамента международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ, ksandr_kiselev@vk.com

Китаев Николай Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Юриспруденция» Иркутского национального исследовательского технического университета, Почетный профессор Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, valentusis@inbox.ru

Колесник Вероника Вячеславовна, кандидат юридических наук, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Ростов-на-Дону, nikkipohta@mail.ru

Комягин Роман Александрович, преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, roman.komyagin@mail.ru

Куликов Анатолий Сергеевич, генерал армии, доктор экономических наук, действительный член РАЕН, Президент Клуба Военачальников РФ, kvrf@kvrf.org

Левченко Олег Викторович, кандидат юридических наук, прокурор Троицкого и Новомосковского административных округов города Москвы, 2923757@rambler.ru

Маликов Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), s.v.malikov@yandex.ru

Махмутова Лилия Ринатовна, студентка 3-го курса института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), s0116997@msal.edu.ru

Мацкевич Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Союза криминалистов и криминологов, mackevich2004@mail.ru

Паносян Армине Карапетовна, студентка Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), armine.panosyan@yandex.ru

Рашитханов Руслан Салихович, студент 3-го курса Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ruslanrashes@gmail.com

Редникова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, trednikova@yandex.ru

Саламова Себила Якубовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), руководитель Московского криминологического кабинета МГЮА, sebila@mail.ru

Селянкина Елизавета Андреевна, студентка 3-го курса Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), selankinaelizabeth@gmail.com

Семенова Ирина Владимировна, студентка 3-го курса Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ssem.irina@gmail.com

Чапчикова Дарья Сергеевна, магистр юридических наук (МГИМО (у) МИД России), dasha.chapchikova@mail.ru

Чимизгина Дарья Алексеевна, студентка 4-го курса Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), chimdar15@mail.ru

Чучаев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, и.о. заведующего сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии, mokshal@rambler.ru

Шамурзаев Таалайбек Турсунович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Кыргызстане, taalha@mail.ru

Шинкарецкая Галина Георгиевна, доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права Российской академии наук, gshink@yandex.ru

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

Barkov Alexey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor der Abteilung für rechtliche Regulierung der Wirtschaftstätigkeit der Juristischen Fakultät der Finanzuniversität der Regierung der Russischen Föderation, barkov_a_v@mail.ru

Buyantuev Stanislav Ochirovich, Rechtsanwalt, Mitglied der Rechtsanwaltskammer Jekaterinburg „Verteidigung“, sob-111@yandex.ru

Chapchikova Daria Sergeevna, Magister der Rechtswissenschaften (MGIMO (U) des Außenministeriums Russlands), dasha.chapchikova@mail.ru

Chimizgina Daria Alekseevna, Studentin im 4. Jahr des Instituts für forensische Untersuchungen an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), chimdar15@mail.ru

Chuchaev Alexandr Ivanovich, Institut für Staat und Recht an der Russischen Akademie der Wissenschaften, stellvertretender Leiter des Bereichs Strafrecht, Strafprozessrecht und Kriminologie, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, mokshal@rambler.ru

Gazieva Luiza Rasulovna, Studentin im 4. Jahr des Instituts für forensische Untersuchungen an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), gazieva.2015@list.ru

Gracheva Yulia Viktorovna, Professorin am Lehrstuhl für Strafrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, uvgracheva@mail.ru

Kadyrov Alisher Umarovich, Dozent, Stellvertretender Dekan für akademische Arbeit der Juristischen Fakultät an der Kirgisisch-Russischen Slawischen B.N. Jelzin-Universität, Mitglied des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, amt70@bk.ru

Kiselev Alexander Sergeevich, Kandidat der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor der Abteilung für Zivilrecht der Rechtsfakultät des Instituts für Wirtschaft, Management und Recht der Staatlichen Regionaluniversität Moskau, Dozent der Abteilung für Völkerrecht und öffentliches Recht der Rechtsfakultät der Finanzuniversität der Regierung der Russischen Föderation, ksandr_kiselev@vk.com

Kitaev Nikolaj Nikolajewitsch, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, außerordentlicher Professor im Fachbereich Rechtswissenschaften an der Nationalen Technischen Forschungsuniversität Irkutsk, Ehrenprofessor der Kirgisisch-Russischen Slawischen B.N. Jelzin-Universität, valentuis@inbox.ru

Kolesnik Veronika Vyacheslavovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Rostower Zweigstelle der Russischen Staatlichen Universität der Justiz, Rostow am Don, nikkipohta@mail.ru

Komyagin Roman Alexandrovich, Lehrer des Lehrstuhls für Straf- und Strafvollzugsrecht der Staatlichen Juristischen Akademie Saratow, roman.komyagin@mail.ru

Kulikov Anatolij Sergeevich, Armeegeneral, Doktor der Wirtschaftswissenschaften, ordentliches Mitglied der Russischen Akademie der Naturwissenschaften, Präsident des Klubs der Militärführer der Russischen Föderation, kvrf@kvrf.org

Levchenko Oleg Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Staatsanwalt der Verwaltungsbezirke Troizki und Nowomoskowski der Stadt Moskau, 2923757@rambler.ru

Makhmutova Lilia Rinatovna, Studentin des 3. Studienjahrs am Institut für forensische Untersuchungen von der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), s0116997@msal.edu.ru

Malikov Sergey Vladimirovich, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, s.v.malikov@yandex.ru

Matskevich Igor Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, wissenschaftlicher Chefsekretär der Obersten Attestierungskommission des Ministeriums für Wissenschaft und Hochschulbildung der Russischen Föderation, mackevich2004@mail.ru

Panosyan Armine Karapetovna, Studentin an der Moskauer Staatlichen Juristischen Kutafin-Universität (MSAL), armine.panosyan@yandex.ru

Rashitkhanov Ruslan Salikhovich, Student im 3. Jahr des Instituts für forensische Untersuchungen an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), ruslanrashes@gmail.com

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, leitende wissenschaftliche Mitarbeiterin im Bereich Umwelt-, Land- und Agrarrecht, Forscherin am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, trednikova@yandex.ru

Salamova Sebila Yakubovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin des Lehrstuhls für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), Leiterin der MSAL Moskauer kriminologischen Praxis, sebila@mail.ru

Selyankina Elizaveta Andreevna, Studentin im 3. Jahr des Instituts für forensische Untersuchungen an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), selankinaelizaveta@gmail.com

Semenova Irina Vladimirovna, Studentin des 3. Studienjahrs am Institut für forensische Untersuchungen von der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), ssem.irina@gmail.com

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter für Strafverfahren und Kriminalistik an der Kirgisisch-Russischen Slawischen B.N. Jelzin-Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Kirgisischen Republik, taalha@mail.ru

Shinkaretskaya Galina Georgievna, Doktor der Rechtswissenschaften, wissenschaftlicher Leiter der Abteilung Internationales Recht am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, gshink@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Barkov Alexey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, barkov_a_v@mail.ru

Buyantuev Stanislav Ochirovich, lawyer, member of the Yekaterinburg Bar Association “Defense”, sob-111@yandex.ru

Chapchikova Daria Sergeevna, Master of Legal Sciences (MGIMO (U) MFA of Russia), dasha.chapchikova@mail.ru

Chimizgina Daria Alekseevna, 4th year student of the Institute of Forensic Examinations at the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), chimdar15@mail.ru

Chuchaev Alexandr Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Acting Head of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, mokshal@rambler.ru

Gazieva Luiza Rasulovna, 4th year student of the Institute of Forensic Examinations at the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), gazieva.2015@list.ru

Gracheva Yulia Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor at the Chair of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University, uvgracheva@mail.ru

Kadyrov Alisher Umarovich, Assistant Professor, Deputy Dean for Academic Work of the Law Faculty at the Kyrgyz-Russian Slavic University, Member of the Union of Criminalists and Criminologists, amt70@bk.ru

Kiselev Alexander Sergeevich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Faculty of Law of the Institute of Economics, Management and Law of the Moscow State Regional University, Senior Lecturer of the Department of International and Public Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, ksandr_kiselev@vk.com

Kitaeв Nikolay Nikolaevich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of the Jurisprudence Department of Irkutsk National Research Technical University, Emeritus Professor of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, valentusis@inbox.ru

Kolesnik Veronika Vyacheslavovna, Candidate of Legal Sciences, Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, nikkipohta@mail.ru

Komyagin Roman Alexandrovich, Lecturer at the Department of criminal and Penitentiary Law of the Saratov State Law Academy, roman.komyagin@mail.ru

Kulikov Anatoliy Sergeevich, Army General, Doctor of Economics, full member of the Russian Academy of Natural Sciences, President of the Club of Military Leaders of the Russian Federation, kvrf@kvrf.org

Levchenko Oleg Viktorovich, candidate of Legal Sciences, Prosecutor of the Troitsky and Novomoskovsky Administrative Districts of the City of Moscow, 2923757@rambler.ru

Makhmutova Lilia Rinatovna, 3rd year student at the Institute of Forensic Examinations of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), s0116997@msal.edu.ru

Malikov Sergey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Professor at the Chair of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University, s.v.malikov@yandex.ru

Matskevich Igor Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of Russia, Chief Scientific Secretary of the Higher Attestation Commission at the Ministry of Science and Education of the Russian Federation, mackevich2004@mail.ru

Panosyan Armine Karapetovna, Student at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), armine.panosyan@yandex.ru

Rashitkhanov Ruslan Salikhovich, 3rd year student of the Institute of Forensic Examinations at the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), ruslanrashes@gmail.com

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher of the Environmental, Land and Agrarian Law Department of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, trednikova@yandex.ru

Salamova Sebila Yakubovna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Chair of Criminology and Executive Law Chair at the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of Moscow Criminological Practice at MSAL, sebila@mail.ru

Selyankina Elizaveta Andreevna, 3rd year student of the Institute of Forensic Examinations at the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), selankinaelizaveta@gmail.com

Semenova Irina Vladimirovna, 3rd year student at the Institute of Forensic Examinations of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), ssem.irina@gmail.com

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Chairman of the Representative Office of the Union of Criminalists and Criminologists in Kyrgyzstan, taalha@mail.ru

Shinkaretskaya Galina Georgievna, Doctor of Legal Sciences, Head Researcher of the International Law Department of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, gshink@yandex.ru

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER

Die Nomenklatur wissenschaftlicher Fachrichtungen als Rechtsinstitut und als Element des staatlichen Systems der wissenschaftlichen Zertifizierung. Inhalt und Form: was ist primär? Zur Frage

Matskevich I. M.

Ziel: das aktuelle System der Entwicklung und Annahme von Nomenklaturen wissenschaftlicher Fachgebiete zu analysieren, ausländische Erfahrungen bei der Arbeit mit wissenschaftlichen Klassifikatoren zu untersuchen, kritisch die inländischen Erfahrungen und Vorschläge zur Verbesserung der jetzigen und künftigen Arbeit mit Nomenklaturen zu reflektieren.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formal-rechtliche Methode, Systemmethode, fachübergreifende Forschungsmethode.

Schlussfolgerungen. Als Ergebnis der Studie kommt der Autor zu dem Schluss, dass die nationale Nomenklatur der wissenschaftlichen Fachrichtungen die Aufgaben der Entwicklung der Wissenschaft löst, aber weiter verbessert werden muss, während eine Reihe von bürokratischen Beschränkungen in ihrer Entwicklung und Annahme beseitigt werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Autor untersucht ausführlich die Nachteile und Vorteile bestehender wissenschaftlicher Klassifikatoren in verschiedenen Ländern der Welt. Die Vor- und Nachteile der russischen Nomenklatur der wissenschaftlichen Fachrichtungen werden angegeben. Mögliche Richtungen zur Verbesserung der Nomenklatur werden aufgezeigt, während die Aufmerksamkeit auf die sekundäre Bedeutung der Nomenklatur für die Entwicklung der Wissenschaft und auf den primär bestimmenden Wert des Wissenschaftlers für die Wissenschaft gerichtet wird.

Stichwörter: Wissenschaft, Wissenschaftler, Nomenklatur, Klassifikator, Frascati-Handbuch, Code, Chiffre, wissenschaftliche Spezialität, wissenschaftliche Prüfung, Staatlicher Ausschuss für die Anerkennung akademischer Grade, akademischer Grad, akademischer Titel.

Der Gelegenheitstäter als Gegenstand der wissenschaftlichen Diskussion (nach den Tagungsberichten der russischen Gruppe des Internationalen Verbandes der Kriminalisten) (Artikel zwei)

Chuchayev A. I., Gracheva Y. V., Malikov S. V.

Ziel: die allgemeine Charakteristik der auf den Tagungen der russischen Gruppe des Internationalen Verbandes der Kriminalisten diskutierten Probleme darzustellen; einen Überblick über die wichtigsten Standpunkte in- und ausländischer Wissenschaftler zum Gelegenheitstäter zu geben, die bis zum Ende des 19. Jahrhunderts entwickelt wurden; den Grad der Entwicklung der Lehre vom Gelegenheitstäter aufzuzeigen; die mit der Untersuchung der Persönlichkeit des Verbrechers verbundenen Probleme zu identifizieren; festzustellen, welche modernen Normativbestimmungen des Strafrechts auf wissenschaftlichen Forschungen des späten 19. Jahrhunderts beruhen.

Methodologie: Analyse, Synthese, historische, rechtsvergleichende Methoden, Inhaltsanalyse, dialektische, systemische Methoden, Methode der branchenübergreifenden Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Die Gesetze vieler europäischer und nordamerikanischer Länder berücksichtigten die Möglichkeit von Bewährungsstrafen. Das russische Recht kannte eine solche Einrichtung nicht, obwohl Wissenschaftler vorgeschlagen hatten, es durch ein System der Bewährung oder der Strafaussetzung zur Bewährung zu ergänzen. Diese Einrichtung war vor allem für Gelegenheitstäter von unmittelbarer Bedeutung.

Im Bericht von Wulfert wurde jedoch festgestellt, dass das Konzept des Gelegenheitstäter fließend, umstritten, komplex und unzureichend definiert ist. Zahlreiche Autoren waren sich über einige grundlegende Merkmale des Gelegenheitstäters einig: Mangel an moralischem Anstand, Überwiegen der äußeren Faktoren der Kriminalität gegenüber den inneren Faktoren. Neben diesen Ansichten gab es auch erhebliche Meinungsverschiedenheiten. Einige Wissenschaftler (Tard, Benedict, Garofalo, Marro) standen dem Konzept des Zufalls skeptisch gegenüber und verneinten die Möglichkeit, zwischen Schwerstkriminellen und weniger schwerwiegenden Gewohnheits- oder chronischen Straftätern (mit anderen Worten Personen mit einer schweren Straftat) zu unterscheiden. In der Literatur wird die Frage der Gelegenheitstäter als äußerst verwirrend dargestellt.

Die Bedeutung der Tagung der Russischen Gruppe, die sich mit der Persönlichkeit des Gelegenheitstäters befasste, kann nicht hoch genug eingeschätzt werden. Es wurde ein weiterer Schritt in der Wissenschaft vollzogen, der für die Kriminologie, das Strafrecht und die Strafvollzugswissenschaft von Bedeutung war, insbesondere nicht nur für die Individualisierung der Strafe, sondern auch für die allgemeinen Mittel des Strafrechts und der Strafvollzugsarbeit.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Autoren stellen zum ersten Mal systematisch die von der Russischen Gruppe des Internationalen Verbandes der Kriminalisten entwickelten und diskutierten Materialien zur Persönlichkeit des Gelegenheitstäters vor. Die Vorbeugung von Rückfällen, die Verringerung der Repressivität des Gesetzes und die Verhütung von Straftaten sind nur einige der Themen, die mit dem Problem der Gelegenheitstäter zusammenhängen. Die festgestellten Mängel in den Lehren ausländischer und inländischer Forscher, die Argumente von Wissenschaftlern verschiedener wissenschaftlicher Schulen zu diesem Thema sind unschätzbare wissenschaftliches Material, das seine Aktualität nicht verloren hat.

Stichwörter: der Internationale Verband der Kriminalisten; die Russische Gruppe; Gelegenheitstäter; Täterpersönlichkeit; Tätertyp; Tätermotive; Kriminalanthropologie; Geschichte des Strafrechts.

Die multisektorale Rechtsnatur der Institution der staatlichen Verteidigungsbestellungen: Besonderheiten der Aufdeckung und Einstufung von Straftaten

Barkov A. V., Kiselev A. S.

Ziel: Analyse der Rechtsnatur der Institution der staatlichen Verteidigungsbestellungen und Untersuchung der Besonderheiten der Aufdeckung und Einstufung von Straftaten in diesem Bereich.

Methodologie: Analyse und Synthese, Induktion und Deduktion, Vergleich, Abstraktion, formale Rechtsmethode und rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Die Institution des öffentlichen Beschaffungswesens scheint eine komplexe und vielschichtige juristische multisektorale Institution zu sein, die aus Elementen des Zivilrechts, des Verwaltungsrechts, des Strafrechts, des Militärrechts und anderer Rechtsnormen besteht. Aufgrund der Tatsache, dass die Beschaffung für den Verteidigungsbedarf eine detaillierte Ausgabenplanung, ein besonderes Verfahren zum Abschluss eines Staatsvertrags und ein Verfahren zur Preisfestsetzung erfordert, ist diese Institution von besonderer Bedeutung und Spezifität. Es wird ein geringes Maß an Ermittlungsvorprüfungen angegeben, was mit einer Vielzahl von Vorschriften im Bereich des öffentlichen Beschaffungswesens einhergeht, sowie ein geringes Ausbildungsniveau von Strafverfolgungsfachkräften. Die bestehenden Gesetzeslücken werden von skrupellosen Biestern genutzt, um Straftaten zu begehen, was seinerseits zur Möglichkeit führt, kriminelle Machenschaften zu entwickeln.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Es wurde das Fehlen eines einheitlichen Ansatzes zur Untersuchung von Straftaten im Bereich der Beschaffung von Gütern, Bauleistungen und Dienstleistungen für den Bedarf des Staates festgestellt. Die praktische Bedeutung zeigt sich daher darin, dass die Autoren vorschlagen, die bestehenden Methoden zur Untersuchung von Wirtschaftskriminalität im Bereich der öffentlichen Verteidigungsbeschaffung zu vereinheitlichen und zu verallgemeinern. Es wird auch vorgeschlagen, ein Verfahren für das Zusammenwirken verschiedener Machtstrukturen bei der Bekämpfung von Korruptionerscheinungen aufzubauen.

Stichwörter: öffentliche Beschaffung, Kriminalität, Staatsauftrag, staatlicher Verteidigungsauftrag, Diebstahl von Staatseigentum.

Die Geringfügigkeit einer Handlung im Strafrecht: theoretische Modellierung des Konzepts und des Algorithmus der Etablierung

Komyagin R. A.

Ziel: unter Berücksichtigung des Zusammenhangs zwischen den Kategorien „Corpus Delicti“ und „Gesellschaftsgefährlichkeit“ den Begriff der Geringfügigkeit einer Handlung zu formulieren, mit dem Ziel, die geltende Strafgesetzgebung und die Praxis ihrer Anwendung zu verbessern.

Methodologie: Induktion, Deduktion, Verallgemeinerung, vergleichende Analyse, theoretische Modellierung.

Schlussfolgerungen. In dieser Studie wird der Versuch unternommen, die im Teil 2 des Artikels 14 StGB RF vorgesehene Norm der Geringfügigkeit einer Handlung theoretisch mit dem legislativen Konzept der Strafbarkeitsgründe (Artikel 8 StGB RF) und dem formell-materiellen Konzept einer Straftat (Teil 1 des Artikels 14 StGB RF) in Einklang zu bringen. Die Grundlage für den Aufbau dieser Konzepte sind zwei strafrechtliche Kategorien: der Tatbestand eines Verbrechens und die öffentliche Gefahr als Zeichen eines Verbrechens. Die moderne Formulierung vom Teil 2 des Artikels 14 StGB RF kann nicht anerkannt werden, da sie bei der Entscheidung, eine Handlung als Verbrechen

von geringer Bedeutung einzustufen, kein genaues Bild von der Notwendigkeit vermittelt, das System der Elemente und Merkmale des Verbrechen, der vollständigen oder teilweisen Nichtübereinstimmung einer solchen Handlung mit der öffentlichen Gefahr als Merkmal eines Verbrechen sowie der Beziehung dieser Kategorien innerhalb des untersuchten Phänomens festzulegen.

Es scheint, dass das Wesen der Straftat, die Grundlage der strafrechtlichen Verantwortlichkeit und die Geringfügigkeit der Tat in einem einzigen Konzept zusammengefasst werden sollten, das auf einem einheitlichen Verständnis des Zusammenhangs zwischen der Straftat und der öffentlichen Gefahr beruht.

Eine Handlung ist von geringer Bedeutung, wenn sie, ohne dass ein Straftatbestand vorliegt, keine Gesellschaftsgefährlichkeit als Tatbestandsmerkmal aufweist.

In Bezug auf den Straftatbestand wird der durch die Straftat verursachte Schaden durch den Gegenstand und die objektiven Aspekte der Straftat ausgedrückt. Der Gegenstand der Straftat dient seinerseits als Grundlage für die Bestimmung der Art der Gesellschaftsgefährlichkeit, und die objektive Seite dient als Grundlage für die Bestimmung des Grades der Gefahr. Wird eine Handlung als Straftat von geringer Bedeutung eingestuft, d. h. erfüllt sie nicht das Kriterium der Gesellschaftsgefährlichkeit, sind die angegebenen Straftatbestände zu analysieren. Die Unmöglichkeit, durch eine unbedeutende Handlung einen Schaden zu verursachen, der das Niveau eines Verbrechen erreicht, zeigt das Fehlen des Objekts und der objektiven Seite des Corpus Delicti innerhalb der Struktur der Handlung. Infolgedessen entspricht eine solche Handlung nicht der Art und dem Grad der Gesellschaftsgefährlichkeit als Merkmal einer Straftat.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Nach den Ergebnissen der Studie, basierend auf einem Studium des russischen und ausländischen Strafrechts, der Lehrquellen und der gerichtlichen Praxis wurde das Konzept der Geringfügigkeit der Tat und ein theoretisches Modell des Algorithmus zur Festlegung der untersuchten Kategorie formuliert.

Stichwörter: Geringfügigkeit einer Handlung, Verbrechen, strafrechtliche Verantwortlichkeit, Straftatbestand, Gesellschaftsgefährlichkeit, Anzeichen eines Verbrechen, objektive Seite, subjektive Seite.

Der Inhalt des kontradiktorischen Prinzips und Tätigkeit eines Strafverteidigers im Strafverfahren

Buyantuev S. O.

Ziel: Vergleich und Analyse der Umsetzung des Schriftsatzes als eigenständiges Strafverfahrensprinzip und der Auswirkungen auf die Beteiligung eines Strafverteidigers an Vorverfahren. Feststellung der ausreichenden (unzureichenden) Rechtsvorschriften zur Verbesserung der Wirksamkeit des Schriftsatzes als Mittel zur Feststellung eines strafprozessualen Gleichgewichts zwischen Anklage und Verteidigung.

Methodologie: Deduktion, formal-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Die Notwendigkeit, den Status eines Rechtsanwalts im Strafverfahren zu erhöhen, ist erwiesen. Die Verbesserung des Mechanismus, der es dem Verteidiger ermöglicht, der verfahrensführenden Person die von ihm gemäß Artikel 86 § 3 StPO gesammelten Unterlagen zu übermitteln, sollte als Mittel zur besseren Durchsetzung des kontradiktorischen Prinzips im Vorverfahren angesehen werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Vergleich einzelner Bestimmungen des russischen Strafprozessrechts, die die Einrede im Vorverfahren regeln, lässt den Schluss zu, dass die Umsetzung des Rechtsmechanismus nicht ausreichend ist. Die Vorschläge zur Stärkung der Rolle des Rechtsanwalts und seines Einflusses auf das Beweisverfahren im Strafverfahren sind begründet.

Stichwörter: Rechtsanwalt; Verteidiger; Vorverfahren; Strafverteidigung; Schutzfunktion.

Moralischer und ideologischer Aspekt der privat-öffentlichen Gestaltung der Anklage in Wirtschaftsstrafsachen

Levchenko O. V.

Ziel: In der Strafprozesswissenschaft fehlt es an begrifflichem Apparat. Eine Auffüllung dieses Mangels ist durch die Einführung von klagebezogenen Konzepten möglich. In ihrem Hintergrund ist ein neues Verständnis moderner strafprozessualer Phänomene und eine neue Balance zwischen Privatem und Öffentlichem im strafprozessualen Mechanismus zur Bekämpfung der Wirtschaftskriminalität möglich.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formell-rechtliche Methode, systemische Methode, interdisziplinäre Rechtsforschungsmethode.

Schlussfolgerungen. Es ist für uns offensichtlich, dass wesentliche Änderungen am Niveau der grundlegenden Organisation des Strafprozesssystems notwendig sind, damit das optimale Gleichgewicht der privaten und öffentlichen Interessen, das der neuen sozioökonomischen Realität entspricht, durchaus etabliert wird.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Schaffung eines neuen Strafverfahrensmechanismus zur Bekämpfung von Wirtschaftskriminalität erforderte ernsthafte Anpassungen in der klassischen Rechtslehre. Dies wird von Diskussionen über die Ethik solcher Veränderungen begleitet. Der Streit löst eine Überschreitung des Maßes des Privaten im traditionell öffentlichen Strafverfahrensmechanismus aus.

Stichwörter: Anklage, Strafverfahren, privat, öffentlich, Wirtschaft, Strafverfahren, Strafverfahrensmechanismus, optimale Balance, Veränderung, Rechtslehre.

Einige Fragen zum Status des Richters (Gerichts) im Strafverfahren der Kirgisischen Republik nach der Verabschiedung der Verfassung 2021

Shamurzaev T. T., Kadyrov A. U., Kitaev N. N.

Ziel: die Änderungen und Ergänzungen des Abschnitts (Kapitels) „Justiz der Kirgisischen Republik“ mit der Einführung der neuen Verfassung zu analysieren; die Stellung des Richters (Gerichts) in Strafverfahren mit der Einführung der neuen Verfassung zu untersuchen; die aktuelle Straf- und Strafprozessgesetzgebung sowie die Gerichtspraxis zu untersuchen und auf ihrer Grundlage wissenschaftlich fundierte Vorschläge zur Verbesserung der nationalen Gesetzgebung und der Rechtspflege in Strafsachen zu entwickeln.

Methodologie: analytische, rechtsvergleichende, formal-logische Methoden, Synthese usw.

Schlussfolgerungen. Im Laufe der Studie kamen die Autoren zu dem Schluss, dass die Verfassungsreform von 2020–2021 bedeutende Veränderungen im Justizwesen der Kirgisischen Republik in Bezug auf die Gewährleistung ihrer Unabhängigkeit und die Entwicklung der richterlichen Selbstverwaltung mit sich brachte. Das Inkrafttreten der neuen Verfassung erfordert eine Angleichung der Gesetzgebung an die Normen des Grundgesetzes.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Ergebnisse der Studie können für die Entwicklung der Wissenschaft und die Verbesserung der Gesetzgebung in der Kirgisischen Republik nützlich sein.

Stichwörter: Verfassungsreform, Freiheitsentzug, Verurteilung, Angeklagter, Verurteilter, Rechtspflege, Opfer, Richter, Gericht, Gerichtspraxis, gerichtliches Ermessen, elektronisches Dokument; E-Akte, elektronischer Träger.

Rechtliche Regelung des Abschlusses eines Rechtsgeschäfts in belgischem Recht

Kolesnik V. V.

Ziel: die Erfahrungen mit der gesetzlichen Regelung der Institution der Verhandlung mit der Straffjustiz im belgischen Recht zu vergleichen und zu analysieren.

Methodologie: Deduktion, formal-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Die Festlegung von Schlichtungsverfahren zwischen dem Staat und dem strafrechtlich verfolgten Täter ist ein notwendiges Mittel zur Optimierung der Strafprozessführung. Im Strafprozessrecht des Königreichs Belgien gibt es eine Institution für den Abschluss einer Vereinbarung zwischen dem Angeklagten und dem Staatsanwalt. Diese Vereinbarung mit der Straffjustiz unterliegt einer Reihe von Beschränkungen, die den Gründen für den Abschluss einer Vereinbarung über die Zusammenarbeit im Ermittlungsverfahren in Kap. 40.12 der StPO der Russischen Föderation ähnlich zu sein scheinen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Erfahrungen ausländischer Staaten, einschließlich der gesetzlichen Regelung der Institution der Verhandlung in Strafsachen, ermöglicht es dem russischen Gesetzgeber, eine Reihe von Problemen im Zusammenhang mit der Verbesserung der einschlägigen gesetzlichen Bestimmungen in der StPO der Russischen Föderation zu lösen.

Stichwörter: Russland, Belgien, Einigung mit der Justiz, Strafprozessrecht, Vereinbarung, Schlichtungsverfahren.

Rechtliche Regulierung der Schaffung und des Funktionierens von Biobanken als Entwicklungsinstrument für genetische Forschung: Auslandserfahrung

Shinkaretskaya G.G., Rednikova T. V.

Ziel: eine allgemeine Beschreibung der Entwicklungsrichtungen der gesetzlichen Regelung des Biobankings zu geben und ihre Bedeutung für die Durchführung der Genomforschung aufzuzeigen.

Methodologie: *dialektische Methode, Analyse, Synthese, formell-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung.*

Schlussfolgerungen. *Die Entwicklung von Biobanken wird für die Entwicklung der Genomforschung immer wichtiger, da sie den Zugang zu einer großen Menge an Daten für verschiedene Forschungszwecke ermöglichen. Die Organisation und Pflege einer Biobank umfasst eine Reihe von Schritten, nämlich die Sammlung, Verarbeitung, Lagerung und Weitergabe von biologischen Proben und damit verbundenen klinischen Daten und Informationen sowie deren Systematisierung. Jede dieser Phasen bedarf einer detaillierten gesetzlichen Regelung. Ein wichtiger Aspekt bei der Tätigkeit von Biobanken ist ihre angemessene Finanzierung sowohl aus öffentlichen Mitteln als auch aus freiwilligen Spenden sowie die Übernahme eines Teils der Kosten für die Bereitstellung von Informationen durch die Nutzer. Darüber hinaus ist es für einen reibungslosen Datenaustausch zwischen Wissenschaftlern verschiedener Organisationen im selben Land und in verschiedenen Ländern erforderlich, die rechtlichen Ansätze in diesem Bereich zu vereinheitlichen, die als Grundlage für eine möglichst effiziente Nutzung der in Biobanken gesammelten Daten, einschließlich ihrer Verwendung in der Genomforschung, dienen. Der Beitrag analysiert die derzeitigen rechtlichen Ansätze für die Sammlung, Speicherung und die Bedingungen für die Bereitstellung von Informationen aus Biobanken.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung der Studie besteht darin, auf der Grundlage der Analyse ausländischer Erfahrungen Empfehlungen für die Weiterentwicklung der gesetzlichen Regelung des Biobankings zu erarbeiten.

Stichwörter: *Genomforschung, Biobank, rechtliche Regelung, biologische Probe, Information, Genom, Datenspeicherung, Datenzugang.*

Das Recht von Vätern auf Vaterschaftsurlaub in der Russischen Föderation: Besonderheiten der gesetzlichen Regelung

Chapchikova D. S.

Ziel: *der Autor befasst sich mit den problematischen Aspekten der Gewährung und Inanspruchnahme von Vaterschaftsurlaub im Kontext des sozialen Wandels der Familie in Russland. Es werden die Gründe für den geringen Prozentsatz der Männer analysiert, die ihr Recht auf bezahlten Vaterschaftsurlaub in Anspruch genommen haben. Es werden mögliche Gesetzesänderungen zur Stärkung der Institution des Vaterschaftsurlaubs in Betracht gezogen. Es wird auf die Notwendigkeit hingewiesen, diskriminierende Normen im russischen Arbeitsgesetzbuch zu ändern, einen bezahlten Vaterschaftsurlaub für die ersten Lebensstage des Kindes einzuführen und einen Teil des Vaterschaftsurlaubs gesetzlich zu verankern.*

Methodologie: *formell-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode, Deduktion, Analyse.*

Schlussfolgerungen. *Die in Betracht gezogenen rechtlichen Aspekte und sozialen Ansätze für die Inanspruchnahme des Vaterschaftsurlaubs sind recht unterschiedlich, was auch einen vielseitigen Ansatz für ihre mögliche Umsetzung impliziert. Eine positive soziale Entwicklung, insbesondere im Hinblick auf die Institution der Familie, ist untrennbar mit der Änderung von Rechtsvorschriften (und in einigen Fällen mit der Einführung antizipierender Rechtsvorschriften) verbunden, um durch ein kohärent funktionierendes System die besten Ergebnisse zu erzielen.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Ausgehend von den Erfahrungen der Länder, die bei der Abwägung sozialer und rechtlicher Aspekte im Zusammenhang mit der Gewährung und Inanspruchnahme von Vaterschaftsurlaub erhebliche Fortschritte gemacht haben, sowie der harmonischen Lokalisierung solcher Praktiken in der heutigen russischen Gesellschaft schlagen wir folgende grundlegende Gesetzesänderungen vor, die potenziell umgesetzt werden können: Einführung eines bezahlten Vaterschaftsurlaubs für die ersten Tage nach der Geburt eines Kindes; Festlegung eines Teils des bezahlten Vaterschaftsurlaubs im Arbeitsgesetzbuch für Väter; Entwicklung von Kriterien zur Identifizierung diskriminierender Normen und weitere Änderung von geschlechtsspezifischen Artikeln der Gesetzgebung, um die Institution der Vaterschaft zu stärken, indem der rechtliche Schutz von Vätern gleichberechtigt mit Müttern ausgebaut wird.*

Stichwörter: *Elternurlaub, Vaterschaftsurlaub, Vaterschaft, Arbeitsrecht, Diskriminierung, diskriminierende Rechtsvorschriften, Gleichstellung.*

Rede auf der Jahresabschlussitzung des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen (8.12.2021)

Kulikov A.S.

Ziel: *die gesammelten Erfahrungen und Kenntnisse zu übertragen, das Publikum mit aktuellen Ereignissen in der Geschichte unseres Landes bekannt zu machen.*

Methodologie: Abschrift der Rede.

Schlussfolgerungen. Der Bericht informiert über die interessantesten Punkte in der Arbeit von A.S. Kulikov als Innenminister der Russischen Föderation über viele bekannte und wenig bekannte Ereignisse der russischen Geschichte in den 90er Jahren. 20. Jahrhundert.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der obige Text kann beim Studium der Politikwissenschaft und der Geschichte Russlands verwendet werden.

Stichwörter: Regierung, Premierminister, Armeegeneral, Militärdienst, russische Geschichte, Politikwissenschaft.

Kapitel aus dem Buch „Schwere Sterne“

Kulikov A.S.

Ziel: Erfahrungen und Wissen weiterzugeben und das Vermächtnis eines bedeutenden Militärs und Staatsmannes der UdSSR und der Russischen Föderation vorzustellen, der einen großen Beitrag zur Entwicklung seines Landes geleistet hat.

Methodologie: Zitierung.

Schlussfolgerungen. Kapitel aus dem Buch „Schwere Sterne“ von A.S. Kulikov, sowjetischer und russischer Militärkommandant, Innenminister und stellvertretender Ministerpräsident der Russischen Föderation, Armeegeneral, Doktor der Wirtschaftswissenschaften, ermöglichten es, interessante biografische Fakten über das Leben des Autors und die Schwierigkeiten zu erfahren, denen er während seiner Arbeit in der Regierung der Russischen Föderation begegnete. In seinen Memoiren über den Militärdienst und die Arbeit in den höheren Rängen der Staatsmacht gibt Kulikow eine Einschätzung vieler bekannter und weniger bekannter Ereignisse der letzten Periode der russischen Geschichte.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Text kann für das Studium der Politikwissenschaft und der Geschichte Russlands in den 1990er Jahren verwendet werden.

Stichwörter: Regierung, Premierminister, Armeegeneral, Militärdienst, russische Geschichte, Politikwissenschaft.

Krisenzentren als Gegenstand häuslicher Gewaltprävention

Makhmutova L. R., Semenova I. V.

Ziel: häusliche Gewalt ist seit dem 20. Jahrhundert ein akutes soziales Problem, und weltweit wurden Versuche unternommen, dieses Problem zu lösen. Allerdings gibt es in unserem Land noch immer kein Gesetz zur Prävention häuslicher Gewalt. Fälle von Schlägen und leichter Gesundheitsschädigung werden weiterhin privat verfolgt und gelten nicht als gemeingefährlich.

Viele Aktivisten, die mit diesem Problem persönlich konfrontiert sind, haben die Sache selbst in die Hand genommen und Zentren zur Unterstützung der Opfer eingerichtet. In diesem Beitrag werden die wichtigsten Arten dieser Unternehmen sowie einige der wichtigsten Projekte und angebotenen Dienstleistungen erörtert. Die Arten von häuslicher Gewalt und ihre Merkmale werden genannt.

Um sich ein vollständigeres Bild von der Arbeit der Krisenzentren während der COVID-19-Pandemie zu machen, haben wir das Material eines Interviews mit dem Leiter des INGO-Krisenzentrums ausgewertet. Die Fragen zielten darauf ab, die Arbeit der Zentren während der Pandemie zu analysieren. Es wurden wichtige Statistiken vorgelegt.

Auch die Aktivitäten der Zentren im Ausland wurden untersucht.

Ziel unserer Arbeit ist es, die Aufmerksamkeit auf die Arbeit dieser Organisationen zu lenken und ihre Bedeutung zu bewerten.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, statistische Beobachtung.

Schlussfolgerungen. Der Staat ergreift verschiedene Maßnahmen, die jedoch nicht ausreichen, um die Opfer umfassend zu schützen. Unserer Ansicht nach muss der Staat zusätzliche Unterstützung, Hilfe bei der Projektentwicklung, zusätzliche Fördermittel und höhere Zuschüsse für gemeinnützige Organisationen bereitstellen, die einen unschätzbaren Beitrag zur Entwicklung der Maßnahmen gegen häusliche Gewalt leisten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Krisenzentren bieten den Opfern häuslicher Gewalt unschätzbare Hilfe und Unterstützung, aber ihre Mittel sind eher begrenzt. Eine Erhöhung der Zahl der staatlich finanzierten Krisenzentren sowie der Zuschüsse könnte diese Institutionen effektiver machen und noch mehr Menschen helfen.

Stichwörter: häusliche Gewalt, Krisenzentren, Frauenhilfe, aktuelle Probleme, epidemiologische Situation, Fördermittel, staatliche Unterstützung.

Kriminologische und strafrechtliche Analyse von Taten, die im Rahmen der Trashstream-Subkultur begangen wurden

Panosyan A. K.

Ziel: die heutige digitale Revolution birgt neben ihren vielen Vorteilen auch die Gefahr der Verbreitung von bösartigen Inhalten. So gewinnt beispielsweise das Bloggen auf großen Hosting-Seiten oder in sozialen Netzwerken zunehmend an Bedeutung, um von erstellten Inhalten zu profitieren, die sich in Form von illegalen Handlungen äußern. Ein markantes Beispiel dafür ist die Verbreitung von Konten auf den beliebten Hosting-Seiten Youtube, die sich mit dem sogenannten Trash-Streaming beschäftigen, d. h. die Durchführung illegaler Handlungen in Live-Übertragungen gegen Geldzahlungen (Spenden) von Abonnenten (Zuschauern). Besonders gefährlich werden die oben genannten Handlungen dadurch, dass sie im Internet verbreitet werden und einen kommerziellen Charakter erhalten. Daraus ergibt sich die Notwendigkeit, die Aufmerksamkeit von Gesetzeshütern und Gesetzgebern auf dieses Problem zu lenken. Vor diesem Hintergrund möchte der Autor das Trash Streaming aus kriminalistischer und kriminologischer Sicht untersuchen.

Methodologie: Analyse, Synthese, Induktion, formal-juristische Methode, Methode der konkreten soziologischen Forschung, statistische Methode.

Schlussfolgerungen. Die Bestimmung der Hauptcharakteristika von Trash-Streams, der Grundscenarien und der Rollenverteilung in Trash-Streams erlaubt uns, über die Entstehung einer bestimmten Streamer-Subkultur zu sprechen, die sich negativ auf die öffentliche Moral auswirkt, was eine genauere Untersuchung der Persönlichkeiten der Teilnehmer und mögliche Präventivmaßnahmen erfordert und die Bedeutung der Einführung eines speziellen Corpus Delicti im Strafgesetzbuch aufzeigt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Zahlreiche Fälle von abweichendem Verhalten im Internet ziehen die Aufmerksamkeit von Gesetzgebern und Strafverfolgungsbehörden auf sich. So wurde in der Staatsduma eine Arbeitsgruppe zur Erstellung des entsprechenden Gesetzentwurfs zur Bestrafung von Trash-Streaming gebildet. Die Untersuchung der Art des potenziellen Schadens, der durch Trash-Streams verursacht wird, und die Analyse soziologischer und psychologischer Daten der Teilnehmer werden mehr Einblick in das Problem der destruktiven Tendenzen in der virtuellen Realität geben und auf der legislativen Ebene den gerechtesten und objektivsten Ansatz konsolidieren.

Stichwörter: Trash-Streaming, Internet, Sendungen, Streamer, Charakter, Zuschauer, Video-Hosting, Spenden, Cyberkriminalität, öffentliche Moral.

Mitschrift der Konferenz „Organisierte Kriminalität als wirksame Bremse der sozioökonomischen Entwicklung“ (2022, MSAL)

Salamova S. Y., Rashitkhanov R. S., Makhmutova L. R., Semenova I. V.

Ziel: geben Sie eine textuelle Zusammenfassung der Reden der Teilnehmer auf der Konferenz und der Diskussion, die stattgefunden hat.

Methodologie: Methoden der offenen Debatte, vergleichende Analyse, Abzug und Induktion verwendet.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Materialien der Konferenz sind für Wissenschaftler in verschiedenen Fachgebieten von Interesse, einschließlich Kriminologen, Forensiker, Soziologen, it-Spezialisten, Wissenschaftler, die sich mit Strafrecht und Strafprozess beschäftigen. Außerdem werden Materialien der Diskussion für Vertreter von Strafverfolgungsagenturen interessant sein.

Stichwörter: Kriminologie, organisiertes Verbrechen, Verbrechen, Lehrbuch.

Interview mit Elena Rafailovna Rossinskaya, Russischer Rechtswissenschaftlerin, Spezialistin für Kriminalistik und forensische Untersuchungen, Direktorin des Instituts für forensische Untersuchungen an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Verdiente Wissenschaftlerin der Russischen Föderation

Salamova S. Y., Rashitkhanov R. S., Gazieva L. R., Chimizgina D. A., Selyankina E. A.

Ziel: ist es, die gesammelten Erfahrungen und Kenntnisse weiterzugeben. Moskauer kriminologische Praxis der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL) organisierte eine Reihe von Treffen zwischen Studenten und berühmten Wissenschaftlern, die einen ernsthaften Beitrag zur Entwicklung der Rechtswissenschaft leisteten. Eines dieser Treffen fand mit der russischen Juristin und Wissenschaftlerin,

Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, verdiente Wissenschaftlerin der Russischen Föderation E.R. Rossinskaya.

Methodologie: Interview.

Schlussfolgerungen. Interview mit E.R. Rossinskaya, durchgeführt unter der Regie der Leiterin der Moskauer Kriminologischen Praxis der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL) S.Ya. Salamova von Studenten MSAL ermöglichte es, interessante biografische Fakten über ihr Leben, die Schwierigkeiten, denen sie sich während ihres Studiums und Arbeit gegenüber sah, ihre Meinung über den aktuellen Zustand der forensischen Untersuchungen zu erfahren. Viele andere wichtige und interessante Themen wurden diskutiert. Die Studenten erhielten professionelle Beratung, die ihnen in ihrem Studium und ihrer zukünftigen Praxis helfen wird.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Ergebnisse des Interviews können im Studium der forensischen Untersuchungen und anderer Rechtswissenschaften an Hochschulen verwendet werden.

Stichwörter: Interview, juristische Ausbildung, forensische Untersuchungen, Moskauer kriminologische Praxis, Wissenschaft, wissenschaftliche Forschung.

Mensch und Verbrechen. Rezension des Buches von Yuri Miranovich Antonyan „Mensch und kriminelle Aggression: Monographie. Moskau, Verlag Prospekt, 2021. 224 S.“

Matskevich I. M.

Ziel: die wissenschaftliche Gemeinschaft mit einem neuen Buch über Kriminologie von Yu. M. Antonyan „Mensch und kriminelle Aggression“ vertraut zu machen. Das Wesen aggressiver menschlicher Verhaltensweisen, die zur Begehung schwerer Gewaltverbrechen führen, wie sie in dem Buch von Yu. M. Antonyan betrachtet werden, zu analysieren und bewerten.

Methodologie: bei der Untersuchung wurde die Methode der dialektischen Analyse, Synthese, Deduktion und Induktion angewandt.

Schlussfolgerungen. 1. Yu. M. Antonyan gelang es nicht nur fast die gesamte Geschichte der menschlichen Aggression und deren Zusammenhang mit der Kriminalität darzustellen, sondern auch die Besonderheiten der Persönlichkeitsbildung von Gewaltverbrechern aufzuzeigen, den Einfluss unbewusster Faktoren auf ihr Verhalten nachzuweisen und die Wechselwirkung und gegenseitige Beeinflussung von Erbanlagen und sozialem Umfeld auf den Verbrecher richtig zu erklären.

2. Moderne Kriege sind oft eine Erweiterung der Faktoren, die die menschliche Aggression bestimmen. So kann die menschliche Aggression, wenn sie nicht richtig gehandhabt wird, zur Zerstörung des Menschen als Tierart führen.

3. Nach Yu. M. Antonyan führt die menschliche Aggression zu totalitären Staatsregimen, die selbst kriminell sind und unweigerlich kriminelles Verhalten der Menschen hervorbringen, für die sogar Morde alltäglich werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Rezension hebt die wichtigsten Ergebnisse des Buches von Yu. M. Antonyan „Mensch und kriminelle Aggression“ hervor.

Der Rezensent ist der Ansicht, dass das Buch von Yu. M. Antonyan eine gute Gelegenheit bietet, die Diskussion über das Wesen und den Zusammenhang von menschlicher Aggression und kriminellem Verhalten, die Notwendigkeit und Unvermeidbarkeit der Begehung eines Verbrechens durch einen Menschen und die Identität eines Kriminellen wieder aufzunehmen.

Der Rezensent ist der Meinung, dass die menschliche Aggression sowohl durch erzieherische als auch durch Zwangsmaßnahmen kontrolliert werden kann und muss.

Der Rezensent stellt fest, dass die Aussage von Yu. M. Antonyan zutreffend ist, dass die Persönlichkeit des Verbrechers ein unabhängiger Faktor und der Grund für die Begehung vieler Verbrechen und vor allem von Gewaltverbrechen ist. Die Person begeht die Straftat unter dem Einfluss vieler Faktoren, unter denen bewusste und unbewusste Handlungen oft von entscheidender Bedeutung sein können.

Stichwörter: Aggression, Verbrechen, Persönlichkeit, Gut, Böse, Moral, Bewusstsein, Unbewusstsein, Kindheit, Totalitarismus, Krieg.

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

The nomenclature of scientific specialties as a legal institution and as an element of the state system of scientific certification. Content and form: what comes first? To the question

Matskevich I. M.

Mission: analyze the current system of development and adoption of the nomenclature of scientific specialties, study foreign experience in working with scientific classifiers, critically reflect on domestic experience, and suggest ways to improve current and future work with the nomenclature.

Methodology: analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, dialectical, system method.

Conclusions. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the domestic nomenclature of scientific specialties as a whole solves the tasks of the development of science, but needs further improvement while removing a number of bureaucratic restrictions in its development and adoption.

Scientific and practical significance. The author examines in detail the disadvantages and advantages of existing scientific classifiers in different countries of the world. The advantages and disadvantages of the Russian nomenclature of scientific specialties are indicated. Possible directions for improving the nomenclature are indicated, while the attention is focused on the secondary significance of the nomenclature for the development of science and the primary determining value of the scientist for science.

Keywords: science, scientist, nomenclature, classifier, Frascati manual, code, cipher, scientific specialty, scientific attestation, higher attestation commission, academic degree, academic title.

Random criminal as a subject of scientific discussion (based on the materials of the congresses of the Russian group international union of criminologists) (Article two)

Chuchayev A. I., Gracheva Y. V., Malikov S. V.

Mission: to present a general description of the problems discussed at the congresses of the Russian Group of the International Union of Criminologists; to give an overview of the main points of view of domestic and foreign scientists on the accidental criminal that developed by the end of the XIX century; to show the degree of development of the doctrine of the criminal “by chance”; to determine the problems associated with the study of the criminal’s identity; to establish which current normative provisions of the criminal law are based on scientific research of the late XIX century.

Methodology: analysis, synthesis, historical, comparative legal methods, content analysis, dialectical, system methods, method of intersectoral legal research.

Conclusions. The legislation of many countries in Europe and North America provided for the possibility of a suspended sentence. Russian law did not know of such an institution, although scientists suggested that it be supplemented with norms on the system of probation, or probation. This institution was directly related primarily to random criminals.

The Wulfert report, however, stated that the concept of “random criminal” is fluid, controversial, complex, and poorly defined. A significant number of authors agreed on some of the main characteristics of a criminal on a random occasion: the absence of moral depravity, the predominance of external factors of crime over internal ones. Along with these views, there were also significant differences. A number of scientists (Tard, Benedikt, Garofalo, Marro) treated the concept of random occasion with skepticism, not allowing the possibility of distinguishing on this basis the most serious criminals from the most serious habitual or chronic criminals (in other words, “from persons of acute crime”). It has been argued that the question of random crimes is extremely confusing in the literature.

The significance of the congress of the Russian Group, which discussed the identity of an accidental criminal, is difficult to overestimate: in science, another step was taken, which was important for criminology, criminal law and prison science, in particular, not only for the individualization of punishment, but also in general for the means of criminal law and correctional labor influence.

Scientific and practical significance. The authors for the first time systematically present materials on the identity of the random criminal, developed and discussed by the Russian Group of the International Union of Criminologists. Prevention of recidivism, reduction of the repressiveness of the law, prevention of crimes – only part of the issues related to the problem of the accidental criminal. The identified shortcomings in the teachings of foreign and domestic

researchers; the arguments on this issue of scientists representing various scientific schools – invaluable scientific material that has not lost its relevance.

Keywords: *International Union of Criminologists; Russian group; random criminal; criminal personality; criminal type; criminal motives; criminal anthropology ;history of criminal law.*

Multisectoral legal nature of the Institute of State Defense Procurement: features of detection and qualification of crimes

Barkov A. V., Kiselev A. S.

Mission: *to analyze the legal nature of the institution of public defense procurement and to explore the specifics of identifying and qualifying crimes committed in this area.*

Methodology: *analysis and synthesis, induction and deduction, comparison, abstraction, formal legal method, and comparative legal methods.*

Conclusions. *The institution of public procurement seems to be a complex and multifaceted legal multisectoral institution, consisting of elements of civil, administrative, criminal, military, and other rules of law. Due to the fact that procurement for defense needs requires detailed planning of expenditures, a special procedure for concluding a state contract and the procedure for setting prices, this institution is of particular importance and specificity. A low level of pre-investigation checks is stated, which is associated with a large number of regulations in the field of public procurement, as well as a low level of training of law enforcement specialists. The existing gaps in the law are used by unscrupulous bidders to commit crimes, which in turn leads to the possibility of developing criminal schemes.*

Scientific and practical significance. *The absence of a unified approach to the investigation of crimes in the field of procurement of goods, works and services for the needs of the state was revealed. Thus, the practical significance is revealed in the fact that the authors propose to unify and generalize the existing methods of investigating economic crimes committed in the field of public defense procurement. It is also proposed to build a procedure for the interaction of various power structures in countering corruption manifestations.*

Keywords: *public procurement, crime, state contract, state defense order, theft of state property.*

The insignificance of an act in criminal law: theoretical modeling of the concept and algorithm of establishment

Komyagin R.A.

Mission: *to formulate, taking into account the ratio of the categories of corpus delicti and public danger, the concept of insignificance of the act, aimed at improving the current criminal legislation and the practice of its application.*

Methodology: *induction, deduction, generalization, comparative analysis, theoretical modeling.*

Conclusions. *In this study, an attempt is made to theoretically substantiate the reduction of the norm on the insignificance of an act provided for in Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation in accordance with the legislative concept of the grounds of criminal liability (Article 8 of the Criminal Code) and the formal and material concept of a crime (Part 1 of Article 14 of the Criminal Code). The construction of these concepts is based on two criminal law categories: the composition of a crime and public danger as a sign of a crime. The modern version of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation cannot be recognized as perfect, since when deciding whether to classify an act as insignificant, it does not give an accurate idea of the need to establish a system of elements and signs of the corpus delicti, the complete or partial discrepancy of such an act of public danger as a sign of a crime, as well as the ratio of these categories within the framework of the phenomenon under study.*

It seems that the essence of the crime, the grounds for criminal responsibility and the insignificance of the act should be built within the framework of a single concept based on a uniform understanding of the ratio of the corpus delicti and public danger.

Insignificant is an act that, due to the absence of the corpus delicti, does not have a public danger as a sign of a crime.

In relation to the corpus delicti, the harm caused by the crime finds expression in the object and objective side of the corpus delicti. In turn, the object of the crime is the basis for the formation of the nature of public danger, and the objective side is its degree. When recognizing an act as insignificant, that is, not corresponding to the sign of public danger, the designated elements of the corpus delicti are subject to analysis. The impossibility of causing

harm by a minor act that reaches the level of a crime indicates the absence of an object and an objective side of the corpus delicti within its structure. As a consequence, such an act does not correspond to the nature and degree of public danger as a sign of a crime.

Scientific and practical significance. *According to the results of the study, based on the study of Russian and foreign criminal legislation, doctrinal sources and judicial practice, the concept of insignificance of the act and the theoretical model of the algorithm for establishing the category under study are formulated.*

Keywords: *the insignificance of the act, the crime, criminal responsibility, the composition of the crime, public danger, indicia of a crime, objective side, subjective side.*

The content of the adversarial principle and the activities of defense lawyer in criminal proceedings

Buyantuev S. O.

Mission: *to compare and analyze the implementation of adversarial as an independent criminal procedure principle and the influence on it of the participation of counsel in pre-trial proceedings. To identify the adequacy (insufficiency) of legal prescriptions to improve the effectiveness of adversarial competition as a means of establishing a criminal procedural balance between prosecution and defence.*

Methodology: *deduction, formal legal method, comparative legal method.*

Conclusions. *The need to improve the status of defence counsel in pre-trial criminal proceedings is justified. The improvement of the mechanism for providing the person conducting the proceedings with the defense counsel collected by him in accordance with Part 3 of Art. 86 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation should be considered as a means of improving the implementation of the principle of adversarial in pre-trial proceedings.*

Scientific and practical significance. *A comparison of certain provisions of Russian criminal procedure legislation governing competition in pre-trial proceedings suggests that the implementation of the legal mechanism is insufficient. Proposals aimed at enhancing the role of defence counsel and its influence on the evidentiary process in pre-trial criminal proceedings have been substantiated.*

Keywords: *lawyer; defender; pre-trial proceedings; adversarial; protection function.*

The moral and ideological aspect of the private-public legal organization of criminal charges in the field of economic activity

Levchenko O. V.

Mission: *To analyze a problem of a lack of conceptual apparatus in criminal procedure science. Filling this shortage is possible through the introduction of concepts related to the claim. In their light, a new understanding of modern criminal procedural phenomena and justification of a new balance of private and public in the criminal procedural mechanism of countering economic crime is possible.*

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, system method, method of intersectoral legal research.*

Conclusions. *It is obvious to us that more significant changes are needed, at the level of the fundamental organization of the criminal procedure system, so that an optimal balance of private and public interests is fully established, corresponding to the new socio-economic reality.*

Scientific and practical significance. *The creation of a new criminal procedure mechanism for countering crimes in the economic sphere required serious adjustments in the classical legal doctrine. This is accompanied by discussions about the ethics of such changes. The dispute is caused by the excess of the measure of the private in the traditionally public criminal procedure mechanism.*

Keywords: *prosecution, criminal action, private, public, economy, criminal proceedings, criminal procedure mechanism, optimal balance, changes, legal doctrine.*

Certain issues of the status of the judge (court) in the criminal procedure of the Kyrgyz republic after the adoption of the Constitution of 2021

Shamurzaev T. T., Kadyrov A. U., Kitaev N. N.,

Mission: *to analyze the changes and additions to the section (chapter) "Judicial power of the Kyrgyz Republic" with the introduction of the new Constitution; to study the status of the judge (court) in criminal proceedings with the introduction of the new Constitution; to study the current criminal, criminal procedural legislation, court practice and*

on their basis to develop scientifically sound proposals aimed at improving the national legislation and administration of justice in criminal cases.

Methodology: analytical, comparative-legal, formal-logical methods, synthesis, etc.

Conclusions. In the course of the study, the authors came to the conclusion that the constitutional reform of 2020–2021 introduced significant changes in the judiciary of the Kyrgyz Republic in terms of ensuring their independence, development of judicial self-government. The entry into force of the new Constitution requires bringing the legislation in line with the norms of the Basic Law and taking into account the analysis of the existing codes and laws excluding legal gaps, internal contradictions and corruption manifestations, observance of the protection of rights and freedoms of participants of criminal proceedings.

Scientific and practical significance. The results of the study may be useful for the development of science, improvement of legislation of the Kyrgyz Republic.

Keywords: constitutional reform, imprisonment, sentencing, accused, convicted, administration of justice victim, judge, court, judicial practice, judicial discretion, electronic document; electronic case, electronic media.

Legal regulation of the conclusion of a transaction with justice in Belgian law

Kolesnik V. V.

Mission: to compare and analyze the experience of legislative regulation of the institution of concluding a transaction with criminal justice in Belgian legislation.

Methodology: deduction, formal legal method, comparative legal method.

Conclusions. The establishment of conciliation procedures between the State and the person who committed the crime and is prosecuted is a necessary means of optimizing criminal procedure. The criminal procedure legislation of the Kingdom of Belgium establishes an agreement between the accused and the prosecutor. Such a transaction with criminal justice is subject to a number of restrictions that are outwardly similar to the grounds for concluding a pre-trial cooperation agreement, which is available in chapter 4.0.12 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Scientific and practical significance. The study of the experience of foreign countries, including the legislative regulation of the institution of concluding a transaction with criminal justice, allows the Russian legislator to solve a number of problems associated with improving the relevant legal norms in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: Russia, Belgium, deal with justice; criminal procedure legislation; agreement; conciliation proceedings.

Legal regulation of the creation and functioning of biobanks as a tool for the development of genetic research: foreign experience

Shinkaretskaya G.G., Rednikova T. V.

Mission: to give a general description of the directions of development of the legal regulation of biobanking and reveal its significance for conducting genomic research.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, formal legal method, comparative legal method, method of interdisciplinary legal research.

Conclusions. Currently, the development of biobanking is becoming increasingly important for the development of genomic research, since it provides access to a large array of data when conducting various kinds of research. The organization and maintenance of the biobank includes a number of stages, namely the collection, processing, storage and distribution of biological samples and related clinical data and information, as well as their systematization. Each of the stages needs detailed legal regulation. An important aspect in the activities of biobanks is to ensure their proper financing from both public funds and voluntary donations, as well as compensation for part of the costs of providing information by users. At the same time, for the unhindered exchange of data, both between scientists from various organizations within the same country and from different states, it is necessary to unify legal approaches in this area, which will serve as the basis for the most effective use of the data accumulated in biobanks, including for their application in the field of genomic research. The article analyzes the legal approaches currently existing abroad to the collection, storage and conditions for the provision of information contained in biobanks.

The scientific and practical significance of the study is in the developing of recommendations for the development of legal regulation of biobanking based on the analysis of foreign experience.

Keywords: *genomic research, biobank, legal regulation, biological sample, information, genome, data storage, access to data.*

The right of fathers to parental leave in the Russian Federation: features of legal regulation

Chapchikova D.S.

Mission: *in the article, the author examines the problematic aspects of the provision and use of parental leave by fathers in the context of social transformations in the family sphere in Russia. The analysis of reasons for such a low percentage of men who used the right to paid parental leave is given. Potential legislative changes aimed at strengthening the institution of the paternal leave are being considered. Changes in the discriminatory norms of the Labor Code of the Russian Federation, the introduction of paid paternity leave in the first days of a child's life, as well as the legal recognition of a part of parental leave for fathers are considered to be necessary.*

Methodology: *formal legal method, comparative legal method, deduction, analysis.*

Conclusions. *The considered legal aspects and social approaches to the use of parental leave by fathers are very diverse, which implies a diversified approach to their potential implementation. positive social development, especially in relation to the institution of the family, is inextricably linked to changes in legislation (and in some cases to the introduction of advanced legislation) to achieve the best results through a well-functioning system.*

Scientific and practical significance. *Taking into account the experience of countries that have achieved significant success in a balanced approach to the social and legal subject in the context of the provision and use of paternity leave, as well as the harmonious localization of such practices in the landscape of modern Russian society, the fundamental legislative changes proposed by us as potentially implemented include themselves: the introduction of paid leave for fathers in the first days after the birth of a child with the preservation of wages; assigning part of the paid parental leave in the Labor Code of the Russian Federation to the father; development of criteria for identifying discriminatory norms and further amending gender-sensitive articles of legislation in order to strengthen the institution of paternity by strengthening the legal protection of fathers on an equal basis with mothers.*

Keywords: *parental leave, paternity leave, paternity, labour legislation, discrimination, discriminatory legislation, gender equality.*

Speech at the Annual meeting of the Union of criminalists and criminologists (08.12.2021)

Kulikov A. S.

Mission: *to transfer the accumulated experience and knowledge, to acquaint the audience with current events in the history of our country.*

Methodology: *transcript of the speech.*

Conclusions. *The report provides information on the most interesting points in the work of A.S. Kulikov as the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation, about many well-known and little-known events of Russian history in the 90s. 20th century.*

Scientific and practical significance. *The above text can be used in the study of political science and the history of Russia.*

Keywords: *government, chairman of the government, general of the army, military service, history of Russia, political science.*

Chapters from the book “Heavy Stars”

Kulikov A. S.

Mission: *to transfer the accumulated experience and knowledge, to acquaint with the legacy left by a prominent military and statesman of the USSR and the Russian Federation, who made a serious contribution to the development of his country.*

Methodology: *citation.*

Conclusions. *Chapters from the book of the Soviet and Russian military leader, Minister of Internal Affairs and Deputy Prime Minister of the Russian Federation, Army General, Doctor of Economics A.S. Kulikov “Heavy Stars” made it possible to learn interesting biographical facts about the author's life, the difficulties he faced while working in the Government of the Russian Federation. Kulikov, in his memoirs about military service and work*

in the highest echelon of state power, gives an assessment of many well-known and little-known events of the last period of Russian history.

Scientific and practical significance. *The text can be used in the study of the political science and history of Russia in the 90s of the 20th century.*

Keywords: *government, chairman of the government, general of the army, military service, history of Russia, political science.*

Crisis centers as a subject of domestic violence prevention

Makhmutova L. R., Semenova I. V.

Mission: *domestic violence has acquired the status of an acute social problem in the 20th century, attempts are being made to solve it around the world. However, in our country there is still no law on the prevention of domestic violence. Cases of battery and minor bodily harm remain a matter of private prosecution and are not considered within the framework of public danger.*

Faced with this problem personally, many activists take matters into their own hands and develop centers to help victims. In this research work, their main types were considered, as well as some of the leading projects, services provided. The types of domestic violence and their characteristics are mentioned.

To form a more complete picture of the work of crisis centers during the Covid-19 pandemic, we studied interview materials with the head of the INGO crisis center. The questions were aimed at analyzing the work of the centers during the pandemic. Important statistics are given.

The activities of the centers of foreign states were also considered.

The purpose of our work is to draw attention to the work of these organizations, to assess their importance.

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, statistical observation.*

Conclusions. *The state takes various measures, but they are not sufficient to fully protect the victims. In our opinion, the state needs to introduce additional support, assistance in the development of projects, additional funding, and an increase in grants for non-profit organizations that make an invaluable contribution to the development of combating domestic violence.*

Scientific and practical significance. *Crisis centers provide invaluable assistance and support to victims of domestic violence, but their resources are quite limited. Increasing the number of publicly funded crisis centers and grants could make these institutions more effective and help even more people.*

Keywords: *domestic violence, crisis centers, assistance to women, contemporary problems, epidemiological situation, grant, state support.*

Criminological and criminal law analysis of acts committed within the subculture of trash stream

Panosyan A. K.

Mission: *today's digital revolution, along with its many benefits, poses the risk of malicious content proliferation. For example, the field of blogging on major hosting sites or social networks is increasingly gaining momentum, aimed at profiting from the content created in the form of illegal actions. A striking example of this is the proliferation of accounts on the popular hosting site Youtube, engaged in so-called trash streaming-performing illegal acts in live broadcasting for monetary payments (donations) from subscribers (viewers). The acts in question are particularly dangerous as they are broadcast on the Internet and are commercial in nature. This dictates the need to attract the attention of law enforcers and lawmakers to this problem. In view of this, the author aims to study trash-streaming from the criminal law and criminological point of view.*

Methodology: *analysis, synthesis, induction, formal-legal method, method of concrete sociological research, statistical method.*

Conclusions. *The identification of key characteristics of streamer movements, basic scenarios and distribution of roles in thrashstreams suggests the emergence of a certain streamer subculture, having a negative impact on the level of public morality, which requires closer investigation of the personalities of the participants, possible preventive measures and demonstrates the importance of introducing a special corpus delicti in the law.*

Scientific and practical significance. *Numerous cases of deviant behavior on the Internet have increasingly attracted the attention of lawmakers and law enforcement agencies. For example, a working group has been established in the State Duma to develop a draft law to sanction trash streams. The study of the nature of the potential harm caused by trash streams and the analysis of sociological and psychological data about the participants will give*

more insight into the problem of destructive tendencies in the virtual reality and establish the most fair and objective approach at the legislative level.

Keywords: trash-stream, Internet, broadcasting, streamer, character, viewer, video hosting, donates, cybercrime, public morality.

Report on the conference “Organized crime as an effective brake on socio-economic development” (2022, MSAL)

Salamova S. Y., Rashitkhanov R. S., Makhmutova L. R., Semenova I. V.

Mission: to give a textual summary of the participants’ speeches at the conference and the discussion that took place.

Methodology: methods of open discussion, comparative analysis, deduction and induction are used.

Scientific and practical significance. The materials of the conference are of interest to scientists in various fields of knowledge, including criminologists, criminologists, sociologists, scientists involved in criminal law and criminal procedure. In addition, the discussion materials will be of interest to representatives of law enforcement agencies.

Keywords: criminology, organized crime, crimes, textbook.

Interview with Elena Rafailovna Rossinskaya, Russian scientist-lawyer, specialist in the field of forensic science and forensics, director of the Institute of Forensic Examinations at the O.E. Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Salamova S. Y., Rashitkhanov R. S., Gazieva L. R., Chimizgina D. A., Selyankina E. A.

Mission: transfer of accumulated experience and knowledge. The Moscow Criminological Practice of O.E. Kutafin University (MSAL) organized a series of meetings between students and prominent academics who have made a major contribution to the development of the legal sciences. One of these meetings took place with a Russian scientist-lawyer, a specialist in forensic science and forensics, director of the Institute of Forensic Examinations of the O.E. Kutafin Moscow State Law Academy, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation E.R. Rossinskaya.

Methodology: Interview.

Conclusions. The interview with E.R. Rossinskaya, conducted by S.Ya. Salamova, Head of Moscow Criminological Practice of O.E. Kutafin University (MSAL), with students at the Institute of Forensic Examinations of MSAL, allowed learning interesting biographical facts of her life, difficulties she faced while learning and working, her opinion on the current status of the forensic examinations. Many other important and interesting issues were discussed. The students received professional advice which will help them in their studies and future practice.

Scientific and practical significance. The results of the interview may be used in the study of forensic examinations, and other legal sciences in higher education institutions.

Keywords: interview, legal education, forensic examinations, criminology practice, science, scientific research.

Man and crime. Review on the book of Yuri Miranovich Antonyan “Man and criminal aggression: monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 224 p.”

Matskevich I. M.

Mission: to familiarize the scientific community with a new book on criminology by Yu.M. Antonyan “Man and criminal aggression”. Analysis and assessment of the essence of a person’s aggressive behavior, which leads to the commission of serious violent crimes, considered in the book by Yu.M. Antonyan.

Methodology: during the research, the method of dialectical analysis, synthesis, deduction and induction was applied.

Conclusions. 1. Yu.M. Antonyan managed not only to show almost the entire history of human aggression and its relationship with crime, but also revealed the features of the formation of the personality of a violent criminal, proved the influence of unconscious factors on his behavior, managed to correctly explain the interaction and mutual influence of his hereditary habits and social environment on the criminal.

2. Modern wars often become a continuation of the factors that determine human aggression. Thus, human aggression, if the necessary measures are not taken, can lead to the destruction of man as a species of the animal world.

3. According to Yu.M. Antonyan, human aggression leads to totalitarian state regimes, which in themselves are criminal and inevitably give rise to the criminal behavior of people for whom even the commission of murders becomes commonplace.

Scientific and practical significance. The review highlights the most important achievements outlined in the book by Yu.M. Antonyan “Man and criminal aggression”.

The reviewer believes that the book by Yu.M. Antonyan gives an excellent opportunity to once again start a discussion about the nature and relationship of human aggression with criminal behavior, the necessity and inevitability of committing a crime by a person, the personality of a criminal.

The reviewer is of the opinion that human aggression can and should be brought under control by both educational and coercive measures.

The reviewer notes the validity of Yu.M. Antonyan that the identity of the offender is an independent factor and the cause of many crimes, and especially violent crimes. A person commits a crime under the influence of many factors, among which the actions of the conscious and unconscious in his behavior can often be decisive.

Keywords: aggression, crime, crime, personality, good, evil, morality, conscious, unconscious, childhood, totalitarianism, war.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

I. Аннотация

Текст аннотации – от 1500 до 3000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания – не более двух слов).

Автор переводит аннотацию на английский и немецкий языки самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Перевод названий разделов аннотации

Английский язык	Немецкий язык
Abstract	Abstrakt
Mission	Ziel
Methodology	Methodologie
Conclusions	Schlussfolgerungen
Scientific and practical significance	Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung
Keywords	Stichwörter

Перевод на дополнительный язык также возможен по желанию автора и его силами и средствами.

II. Статья

Сведения об авторе, которые необходимо указывать:

ФИО автора, должность, место работы, ученую степень и звание, электронную почту (обязательно).

Объем статьи не менее 10 страниц: шрифт – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов; межстрочный интервал – полуторный; абзацный отступ – 1,25 см; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1 см. Объем не менее 27 000 знаков с аннотацией. Максимальный объем статьи – не ограничен. **Важно:** в случае, если статья превышает 20 страниц, она должна быть разбита на разделы (название и количество разделов – на усмотрение автора).

III. Ссылки

Ссылки и список литературы – даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Название раздела: «Ссылки и библиография» (Referencies).

Ссылки и список литературы размещаются в конце в хронологическом порядке. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте. При этом в тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы и страница источника.

Пример: [5, с. 425–426].

В списке литературы указываются только монографии и научные статьи (в том числе и опубликованные в электронных источниках). В списке литературы не указывать учебники и газетные публикации. Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации можно указывать только в постраничных сносках (нумерация сквозная по документу). Оформление ссылок на русском языке осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

При переводе на английский язык указывается как ее перевод, так и транслитерация, проведенная с помощью одной из принятых международных систем транслитерации (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**). В переведенной ссылке лучше указывать английское название журнала (если оно есть) или его транслитерацию. Проверить наличие английского названия у журнала можно на ресурсе www.elibrary.ru

Пример оформления ссылки на русском и английском языках:

Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // *LexRussica*. 2016. № 12. С. 32–38.

Kachalov V.V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv [The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against]. *Lex Russica*, 2016, no. 12, pp. 32–38. (In Russian, abstract in English)